

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. — д-р психол. наук, проф.
Агранат Д.А. — д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.А. — д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. — д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. — д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. — д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. — д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. — д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. — д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. — д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. — д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. — д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. — д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.А. — д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. — д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. — д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. — д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.А. — д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. — д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. — д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. — д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. — д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. — д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. — д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. — д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. — д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.А. — д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. — д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. — д-р экон. наук, канд. юрид. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (K2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 — Финансы (экономические науки), 5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 — Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 — Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 — Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 — Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 — Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 — Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 — Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 — Демография (социологические науки), 5.4.4 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 — Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 — Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 — Социология управления (социологические науки).

Главный редактор

В.В. Строев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редакторы

А.А. Капачук

Выпускающий редактор

и компьютерная верстка

Е.А. Гусева

Технический редактор

А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 05.03.2025 г.

Формат 60×90/8

Объем 31,00 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 26 экз.)

Заказ № 21_T

Издаётся в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи проходят
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ

(Государственный университет управления)

Адрес редакции:

109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Тел.: +7 (495) 377-90-05

E-mail: ic@guu.ru

<http://www.vestnik.guu.ru>

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), Prof.

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Editor-in-chief

V.V. Stroev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editors

A.D. Kaparchuk

Executive editor and desktop publishing

E.A. Guseva

Technical editor

A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

I.R. No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 05.03.2025
Format 60×90/8
Size 31,00 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 26 copies)
Print order No. 21_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a peer review procedure

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Editor's office:

109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
УПРАВЛЕНИЯ

- Закирова М.И.**
Социальная и экономическая составляющие национальной безопасности: мониторинг федеральных округов.....5
- Лебедева Н.Ю., Лобова Е.С.**
Развитие системно-интеграционной теории предприятия...15
- Соколова Е.А., Зозуля П.В., Зозуля А.В.**
Проектная деятельность благотворительных фондов как один из способов реализации общественных инициатив граждан28

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

- Кожевникова А.В., Старовойтова И.Е.**
Феномен культуры соучастия в сетевой коммуникации и его обучающий потенциал.....36
- Кривенко Н.В.**
Инновации в здравоохранении как фактор здоровьесбережения населения регионов.....44
- Ольшанская М.В.**
Преобразование исторических промышленных объектов как инструмент региональной политики стран Евразийского экономического союза53
- Сороко Г.Я., Коготкова И.З.**
Роль научной школы Государственного университета управления в развитии систем автоматизации университетского управления62
- Софьянникова И.Ю.**
Внедрение механизма процессного управления – как один из способов повышения качества государственных таможенных услуг74

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Дерен И.И., Земляникина А.Д.**
Формирование и развитие программно-проектного подхода в рамках управления туристской индустрией на региональном уровне82
- Панков Д.А., Флакман А.С.**
Современные тенденции управления процессами в области добычи и переработки тяжелой нефти94
- Чолахян А.Р., Ануфриева А.П.**
Демографическая безопасность Краснодарского края Российской Федерации как важный фактор обеспечения экономической безопасности 102

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Воюцкая И.В., Косыке М.С., Мишучкова Ю.Г., Снатенков А.А.**
Аутсорсинговые услуги в сфере бухгалтерского учета: риски и компетенции специалистов 114
- Кротов Д.П.**
Перспектива развития data driven подхода в российской экономике 127
- Русанов Д.А.**
Анализ потребительского спроса на электромобили в Российской Федерации и разработка рекомендаций к его повышению..... 135
- Степанов Н.С.**
Адаптация экономики территорий опережающего социально-экономического развития в рамках формирования технологического суверенитета 144

- Фролкин С.А.**
Влияние цифровизации на логистические затраты компаний..... 154

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

- Астафьева О.Е., Васиьев А.А.**
Применение каскадного подхода при управлении инвестиционно-строительными проектами..... 167

ФИНАНСЫ
И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

- Зотиков Н.З.**
Последствия централизации ресурсов в Центральном федеральном округе для других регионов Российской Федерации..... 173

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ПРОЦЕССЫ

- Захаров М.Ю., Шишкова А.В.**
Трансформация научного знания в информационно-когнитивный научный продукт общества цифровой эпохи 188
- Титор С.Е.**
Дополнительная поддержка материнства как залог сохранения семейных ценностей 196

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ПСИХОЛОГИИ

- Дерксен К.С.**
Связь эмоционального интеллекта и склонности к виктимному поведению в подростковом возрасте 203
- Казанбаева В.С.**
Особенности вовлеченности работающих студентов с разным локусом контроля 211
- Малегонова С.А., Ральникова И.А.**
Связь адаптационных возможностей личности с особенностями проживания кризисных ситуаций во взрослом возрасте 222
- Шульга Т.И., Богатеева А.И.**
Представления об экстремальной ситуации у специалистов социальной сферы на основе диспозиционной концепции В.А. Ядова..... 230

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

- Костриков С.П., Чуев С.В., Костриков С.С., Юданов Н.А.**
Государственный университет управления – исторический преемник Александровского коммерческого училища 241

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

- M.I. Zakirova**
Social and economic components of national security: federal districts monitoring.....5
- N.Yu. Lebedeva, E.S. Lobova**
Developing a system integration theory for enterprise 15
- E.A. Sokolova, P.V. Zozulya, A.V. Zozulya**
Project activity of charitable foundations as one of the ways to implement public initiatives of citizens 28

STRATEGIES AND INNOVATIONS

- L.V. Kozhevnikova, I.Ye. Starovoytova**
The phenomenon of participatory culture in network communication and its educational potential 36
- N.V. Krivenko**
Innovation in healthcare as a factor in population's health in regions..... 44
- M.V. Olshanskaya**
Industrial historical objects transformation as a tool of the regional policy of the EAEU countries..... 53
- G.Ya. Soroko, I.Z. Kogotkova**
The role of the State University of Management scientific school in university management automation systems development..... 62
- I.Yu. Sofiyannikova**
Implementing the process management mechanism as one of the ways to increase the state customs services quality..... 74

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

- I.I. Deren, A.D. Zemlyanikina**
Formation and development of a program-project approach within the framework of tourism industry management at the regional level 82
- D.A. Pankov, A.S. Flaksman**
Current trends in process management in heavy oil production and refining..... 94
- A.R. Cholakhyan, A.P. Anufrieva**
Demographic security of the Krasnodar Region of the Russian Federation as an important factor in ensuring economic security..... 102

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

- I.V. Voyutskaya, M.S. Koske, Yu.G. Mishuchkova, A.A. Snatenkov**
Outsourcing services in the field of accounting: risks and competencies of specialists..... 114
- P.D. Krotov**
The prospect of developing a data driven approach in the Russian economy 127
- D.A. Rusanov**
Consumer demand analysis for electric cars in Russia and recommendations development for its increase 135
- N.S. Stepanov**
Adaptation of the economy of territories of advanced socio-economic development within the framework of technological sovereignty formation 144
- S.A. Frolkin**
The impact of digitalization on logistics costs of companies... 154

INVESTMENT VALUATION

- O.Ye. Astafyeva, A.A. Vasiliev**
The cascade approach application in investment and construction projects management 167

FINANCE AND BANKING

- N.Z. Zotikov**
Resource centralization in the Central Federal District and consequences for other Russian regions 174

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

- M.Yu. Zakharov, A.V. Shishkova**
Transformation of scientific knowledge into an information and cognitive scientific product of the digital age society 188
- S.Ye. Titor**
Additional support for motherhood as a guarantee of preserving family values 196

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

- K.S. Derksen**
The relationship between emotional intelligence and propensity to victim behavior in adolescence 203
- V.S. Kazanbaeva**
Peculiarities of involvement of working students with different locus of control 211
- S.A. Malegonova, I.A. Ralnikova**
The interrelation of individual adaptive capabilities and peculiarities of living in crisis situations in adulthood 222
- T.I. Shulga, L.I. Bogateeva**
The disposition concept of V.A. Yadov in the study of the representations of an extreme situation among the social sphere specialists..... 230

HISTORICAL EXCURSUS

- S.P. Kostrikov, S.V. Chuev, S.S. Kostrikov, N.A. Yudanov**
State University of Management is a historical successor of the Alexander Commercial School..... 241

Социальная и экономическая составляющие национальной безопасности: мониторинг федеральных округов

Закирова Мария Ивановна

Канд. экон. наук, доц. каф. финансового права и таможенной деятельности
ORCID: 0000-0002-2630-0867, e-mail: zakirova_maria@mail.ru

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия

Аннотация

Залогом стабильного функционирования и развития современного государства является способность обеспечения и соблюдения национальных интересов с учетом имеющихся приоритетов, которая позволяет стране самостоятельно осуществлять политическую деятельность, эффективно противодействуя попыткам внешнего воздействия, влекущих угрозу национальной безопасности. Актуальность данного вопроса достаточно высока для Российской Федерации на сегодняшний день. Осуществляя свою деятельность в рамках стратегических национальных интересов и приоритетов, страна столкнулась с серьезным сопротивлением со стороны западных держав. В большей степени данное сопротивление проявляется в создании искусственных внешних условий для Российской Федерации, одними из целей которых являются дестабилизация и последующее разрушение экономической системы страны. Зачастую это воздействие проявляется в регулярном появлении пакетов санкций экономической направленности. Однако многие из применяемых мер воздействия, помимо воздействия на экономическую систему, становятся причиной возникновения конфликтов, в том числе военных. Федеративная форма государственно-территориального устройства Российской Федерации подразумевает необходимость обеспечения и поддержания высокого уровня показателей, формирующих национальную безопасность, на территории каждого из субъектов, поскольку лишь данный подход позволит сформировать условия для стабильного функционирования и развития государства с учетом национальных интересов и приоритетов. Проанализированы текущее состояние региональных социально-экономических систем, перечень ключевых показателей, а также степень их дифференциации как угрозы национальной безопасности государства.

Ключевые слова

Национальная безопасность, социально-экономические индикаторы национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, экономическая безопасность, экономическая безопасность региона, региональная социально-экономическая система, дифференциация региональных социально-экономических систем

Для цитирования: Закирова М.И. Социальная и экономическая составляющие национальной безопасности: мониторинг федеральных округов // Вестник университета. 2025. № 2. С. 5–14.

Social and economic components of national security: federal districts monitoring

Maria I. Zakirova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Financial Law and Customs Activities Department
ORCID: 0000-0002-2630-0867, e-mail: zakirova_maria@mail.ru

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

Abstract

The key to stable functioning and development of a modern state is the ability to ensure and observe national interests, considering the available priorities, which allows the country to independently carry out political activity, effectively counteracting the attempts of external influence, entailing a threat to national security. The relevance of this issue is quite high for Russia today. Carrying out its activities within the framework of strategic national interests and priorities, the country has faced serious resistance from the Western countries. To a greater extent, this resistance is manifested in artificial external conditions creation for Russia, one of the goals of which is destabilization and subsequent destruction of the country's economic system. This impact is often manifested in regular implementation of economic sanctions packages. However, many of the implemented measures of influence, in addition to the impact on the economic system, become the cause of conflicts, including military ones. The federal form of the state-territorial structure of Russia implies the need to ensure and maintain a high level of indicators that form national security on the territory of each of the constituent entities, because only this approach will allow to form conditions for stable functioning and development of the state, considering national interests and priorities. The current state of regional social and economic systems, the key indicators list, as well as the degree of their differentiation as a threat to national security of the state have been analyzed.

Keywords

National security, national security components, social and economic indicators of national security, economic security, economic security of region, regional social and economic system, regional social and economic systems differentiation

For citation: Zakirova M.I. (2025) Social and economic components of national security: federal districts monitoring. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 5–14.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется наличием обширного перечня способов государственного взаимодействия и сотрудничества. Так, можно выделить политические, политико-культурные, экономические и валютные, таможенные союзы, а также военно-политические, интеграционные, политико-образовательные объединения и др. При вступлении стран в подобные объединения целью являются сотрудничество и развитие в определенных сферах. Однако при оценке полезного эффекта от создания подобных объединений стоит отметить отрицательную черту, проявляющуюся в возможности оказания совместного давления странами-участницами на государства, ведущие внутреннюю и внешнюю политику, не совпадающую с интересами большинства. Данная кооперация помогает совместно воздействовать на государства, чья внешнеполитическая деятельность влечет опасность для всего мирового сообщества, например, как источник распространения терроризма, но вместе с тем позволяет коллективно оказывать давление на другие страны с целью получения как природных ресурсов и технологий, так и самих территорий.

На сегодняшний день с отрицательной стороны подобных объединений столкнулась Российская Федерация (далее – РФ, Россия). Во многом данная ситуация вызвана действиями западных стран, участниц таких объединений, как Европейский союз, а также Организации Североатлантического договора (далее – НАТО). Совместные действия государств, участвующих в данных кооперациях, приводят к возникновению серьезных рисков и угроз для национальной безопасности РФ. Помимо экономического давления, оказываемого при помощи систематического введения пакетов санкций, ограничивающих деятельность и взаимодействие экономического сектора и экспортно-импортные операции государства в целом, активно предпринимаются попытки расширения сферы влияния военно-политического объединения НАТО в непосредственной близости с границами РФ, что также создает угрозы национальным интересам и приоритетам.

Совокупность данных факторов позволяет сказать о том, что обеспечение национальной безопасности, являясь одним из ключевых направлений в деятельности государства, требует еще более повышенного внимания и оценки текущего уровня для своевременного реагирования на вновь появляющиеся риски и угрозы. Для обеспечения высокого уровня национальной безопасности РФ необходимо оценить текущее состояние региональных социально-экономических систем, а также степень их дифференциации, поскольку совокупное значение данных факторов на региональном уровне формирует общую оценку уровня национальной безопасности страны.

Цель настоящего исследования – оценить социальную и экономическую дифференциацию федеральных округов как элементов обеспечения национальной безопасности на основе расчета интегральных показателей.

Для достижения поставленной цели научного исследования определен ряд задач:

- разработать алгоритм расчета интегрального показателя оценки социально-экономических составляющих национальной безопасности;
- выполнить мониторинг и оценку социальных показателей федеральных округов;
- осуществить дифференциацию федеральных округов по социальной и экономической составляющим национальной безопасности.

Научная новизна исследования заключается в двух интегральных показателях оценки национальной безопасности федеральных округов на базе 18 экономических и 12 социальных индикаторов с использованием экономико-статистических методов.

В ходе выполнения исследования использованы методы анализа, сводки и группировки статистических показателей, графической интерпретации полученных результатов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ

Активное развитие мирового сообщества не позволяет решать все возникающие между странами разногласия исключительно дипломатическим путем, что в свою очередь лишь увеличивает перечень потенциальных внутренних и внешних угроз для государства. Национальная безопасность в сфере экономики качественно характеризует стабильное, устойчивое развитие в экономической и социальной сферах, которое гарантирует защиту национальных интересов, в том числе личности, общества и государства,

и противодействует угрозам, препятствующим повышению благосостояния граждан и экономическому развитию¹. Проблема высокой межрегиональной дифференциации по социально-экономическому положению и уровню жизни как угроза экономической безопасности регионов и национальной безопасности в целом рассматривается в научных работах М.Н. Руденко, М.З. Алиевой, Е.С. Рычковой, Я.А. Долгановой, И.Ю. Благовой, В.И. Авдийского, В.А. Дадалко, Н.Г. Синявского [1–6].

Рассматривая основные факторы, обеспечивающие стабильное функционирование и планомерное развитие современного государства, в первую очередь необходимо выделить такую составляющую, как национальная безопасность. Именно внедрение и реализация мер по улучшению и развитию направлений, обеспечивающих высокий уровень национальной безопасности, позволяют государствам вести внутреннюю и внешнюю политику, основываясь на национальных интересах и приоритетах. Согласно определению, представленному в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», национальная безопасность РФ представляет собой состояние защищенности национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны².

Анализ подходов к оценке уровня национальной безопасности позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время однозначного подхода к расчету не сформировано. В последней редакции Стратегии национальной безопасности от 2021 г. перечень показателей оценки отсутствует в отличие от редакции 2015 г.³ Исследования отечественных ученых предлагают методики оценки по показателям, не входящим в официальные данные, что делает оценку менее универсальной и затруднительной [7]. С другой стороны, ряд исследователей проводят мониторинг на основе опроса экспертов в области национальной безопасности [8]. Такой метод оценивания можно считать достаточно субъективным.

Однако большинство исследований предлагают группировку показателей на более крупные блоки, что делает оценку трудоемкой [9; 10]. Оценка уровня социально-экономической безопасности России целесообразно осуществлять путем анализа факторов, ее составляющих, на региональном уровне, поскольку именно совокупность данных об уровне защищенности ключевых направлений деятельности государства на уровне субъекта позволяет дать общую оценку данной категории на уровне страны, что в свою очередь дает возможность корректировать существующую и формировать будущую стратегию развития государства.

Как уже упоминалось ранее, текущие геополитические события влекут возникновение большого количества реальных и потенциальных рисков и угроз для национальной безопасности РФ. Рассматривая национальную безопасность государства, следует учитывать многосоставную структуру данного фактора, поскольку его обеспечению способствует высокий уровень безопасности во всех ключевых направлениях деятельности государства. Одним из приоритетных направлений следует отметить социально-экономическое развитие. Высокая роль данной составляющей обосновывается тем, что экономика является основополагающим элементом, позволяющим современным государствам функционировать и развиваться.

В рамках настоящего исследования проведена оценка экономической и социальной составляющих национальной безопасности по индикаторам, предлагаемым экспертами [9; 10].

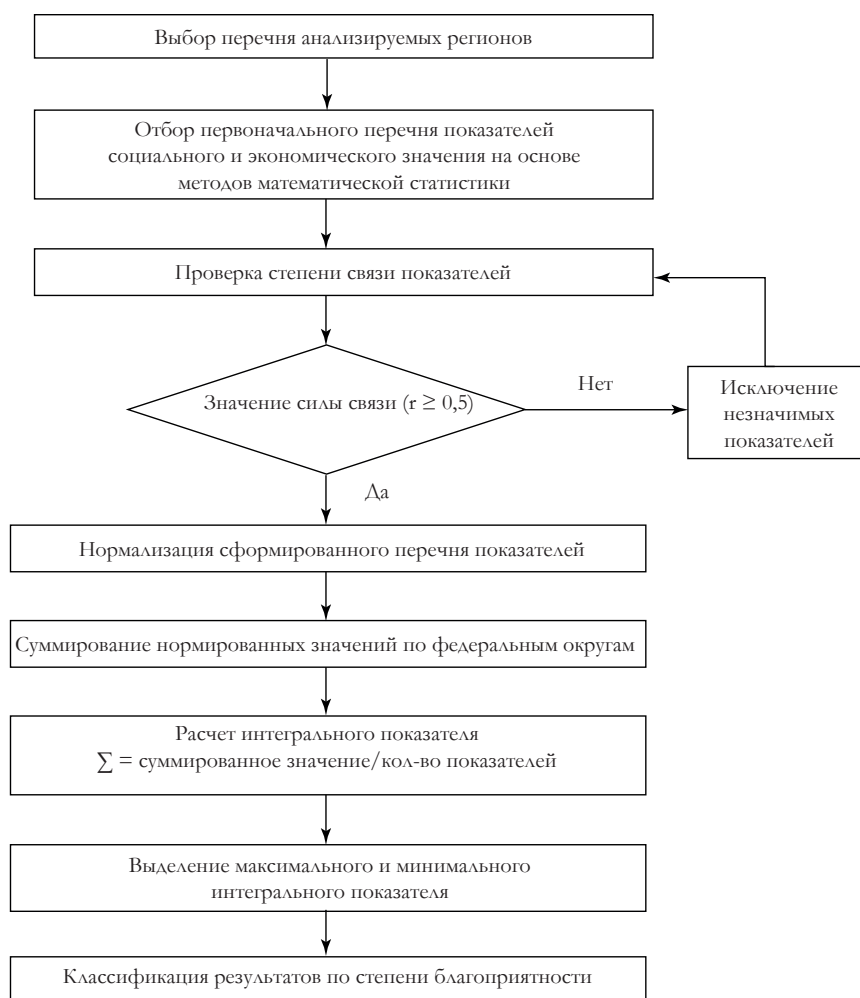
РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА РАСЧЕТА И НАБОРА ИНДИКАТОРОВ МОНИТОРИНГА УРОВНЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РСЭС

Анализ региональных социально-экономических систем (далее – РСЭС) позволит оценить уровень межрегиональной дифференциации по ключевым показателям, определяющим степень защищенности регионов от воздействия внутренних и внешних угроз, который представляется возможным выполнить в несколько этапов (рис. 1).

¹Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/pro-ducts/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 20.08.2024).

² Там же.

³Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71196054/> (дата обращения: 20.08.2024).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Алгоритм оценки уровня национальной безопасности РСЭС

Для проведения исследования нами выбран ряд социальных и экономических показателей, которые на основе корреляционного анализа являются взаимосвязанными на достаточном уровне и могут достоверно и полноценно определить уровень национальной безопасности по социально-экономическим факторам (табл. 1).

Таблица 1

Исходные индикаторы для мониторинга уровня социально-экономической составляющей национальной безопасности РСЭС

Экономические показатели	Социальные показатели
X1_э – среднегодовая численность занятых, тыс. чел.; X2_э – среднегодовая численность занятых (сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство), тыс. чел.; X3_э – среднегодовая численность занятых (добыча полезных ископаемых), тыс. чел.; X4_э – среднегодовая численность занятых (обрабатывающие производства), тыс. чел.; X5_э – среднегодовая численность занятых (производство и распределение электроэнергии, газа и воды), тыс. чел.; X6_э – среднегодовая численность занятых (строительство), тыс. чел.;	X1_с – средний размер назначенных пенсий (в месяц), руб.; X2_с – число больничных коек, тыс. ед.; X3_с – потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.; X4_с – потребление картофеля на душу населения (в год), кг; X5_с – потребление овощей и продовольственных бахчевых культур на душу населения (в год), кг; X6_с – потребление мяса и мясопродуктов (в год), кг; X7_с – потребление молока и молочных продуктов (в год), кг; X8_с – число собственных легковых автомобилей на 1 тыс. чел. населения (на конец года), шт.;

Экономические показатели	Социальные показатели
X7_г – среднегодовая численность занятых (оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования), тыс. чел.; X8_г – среднегодовая численность занятых (гостиницы и рестораны), тыс. чел.; X9_г – среднегодовая численность занятых (транспорт и связь), тыс. чел.; X10_г – среднегодовая численность занятых (операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг), тыс. чел.; X11_г – среднегодовая численность занятых (образование), тыс. чел.; X12_г – среднегодовая численность занятых (здравоохранение и предоставление социальных услуг), тыс. чел.; X13_г – среднегодовая численность занятых (предоставление прочих услуг), тыс. чел.; X14_г – численность безработных, тыс. чел.; X15_г – инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн руб.; X16_г – инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах), руб.; X17_г – стоимость основных фондов, млн руб.; X18_г – степень износа основных фондов, %	X9_с – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), м²; X10_с – библиотечный фонд на 1 тыс. чел. населения (на конец года), ед.; X11_с – выпуск бакалавров, специалистов, магистров, тыс. чел.; X12_с – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.

Составлено автором по материалам исследования

Приведенные в табл. 1 индикаторы в рамках настоящего исследования считаем равнозначными. Проверка значимости связи показателей с результирующими эффективности развития региона (валовой региональный продукт на душу населения для экономических факторов, среднедушевые денежные доходы – для социальных) показала высокую связь с результирующими значениями выше среднего, коэффициент корреляции составил больше 0,5.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В качестве основных данных для проведения исследования рассматриваются показатели федеральных округов РФ по приведенным индикаторам за 2021 г., поскольку в рамках федерального округа осуществляется работа по реализации основных направлений внутренней и внешней политики государства, проводится контроль за исполнением решений федеральных органов государственной власти. Это в свою очередь непосредственно влияет на обеспечение национальной безопасности, улучшение политического, социального и экономического положения в каждом субъекте.

Собраны и обработаны данные 8 федеральных округов: Центрального (далее – ЦФО), Северо-Западного (далее – СЗФО), Южного (далее – ЮФО), Северо-Кавказского (далее – СКФО), Приволжского (далее – ПФО), Уральского (далее – УФО), Сибирского (далее – СФО), Дальневосточного (далее – ДФО). Для определения значений показателей социально-экономического развития, используемых в качестве нормативных для всех федеральных округов, найдены максимальные значения каждого из рассматриваемых показателей.

Следующим шагом исследования является суммирование выявленных ранее нормализованных значений. В табл. 2 приведен пример расчета интегрального показателя по социальным индикаторам СЗФО.

Таблица 2

Расчет интегрального показателя по социальным индикаторам СЗФО

Показатель	Значение по данным официальной статистики	Нормализованное значение
X1 _с	17 485,0	1,000
X2 _с	112,5	0,386
X3 _с	35 517,0	0,842
X4 _с	73,0	0,777
X5 _с	93,0	0,554
X6 _с	80,0	0,930
X7 _с	272,0	0,993
X8 _с	330,9	0,858
X9 _с	29,7	1,000
X10 _с	7 625,0	1,000
X11 _с	84,5	0,314
X12 _с	44 531,0	0,814
Σ	–	9,467

Примечание: Σ – значение интегрального показателя, определяемого как $I_{\text{соц}} = \Sigma X1_{\text{с}} + X2_{\text{с}} + \dots X12_{\text{с}}$

Составлено автором по материалам источника⁴

Результаты расчетов по всем округам представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Суммированные нормализованные значения экономических показателей

Показатель	СЗФО	ДФО	СФО	СКФО	ЦФО	ЮФО	ПФО	УФО
Сумма	7,784	6,356	7,104	3,850	17,152	7,299	11,284	9,299

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 4

Суммированные нормализованные значения социальных показателей

Показатель	СЗФО	ДФО	СФО	СКФО	ЦФО	ЮФО	ПФО	УФО
Сумма	9,467	8,586	8,091	7,664	10,815	8,706	9,539	8,502

Составлено автором по материалам исследования

Все федеральные округа разделены на три категории: зеленый цвет – благоприятная характеристика, желтый – средняя, красный – неудовлетворительная. Среди экономических показателей шаг «деление» составил 0,2217. Данное значение получено путем нахождения отношения разности максимального и минимального значений интегральных показателей к трем (три уровня развития округа). Таким образом, зеленый цвет соответствует данным в диапазоне 0,858–0,636, желтый – 0,635–0,414, красный – 0,413–0,193. Среди социальных показателей шаг деления составил 0,088, то есть зеленый цвет соответствовал данным в диапазоне 0,901–0,814, желтый – 0,813–0,726, красный – 0,725–0,639. Результаты полученных расчетов представлены в табл. 5 и 6.

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 20.08.2024).

Таблица 5

Интегральный показатель по экономическим показателям

Показатель	СЗФО	ДФО	СФО	СКФО	ЦФО	ЮФО	ПФО	УФО
Σ	0,389	0,318	0,355	0,193	0,858	0,365	0,564	0,465

Примечание: Σ – значение интегрального показателя, определяемого как $I = \Sigma X1_{\epsilon} + X2_{\epsilon} + \dots X18_{\epsilon}$

Составлено автором по материалам исследования

Таблица 6

Интегральный показатель по социальным показателям

Показатель	СЗФО	ДФО	СФО	СКФО	ЦФО	ЮФО	ПФО	УФО
Σ	0,789	0,715	0,674	0,639	0,901	0,726	0,795	0,709

Примечание: Σ – значение интегрального показателя, определяемого как $I = \Sigma X1_{\epsilon} + X2_{\epsilon} + \dots X12_{\epsilon}$

Составлено автором по материалам исследования

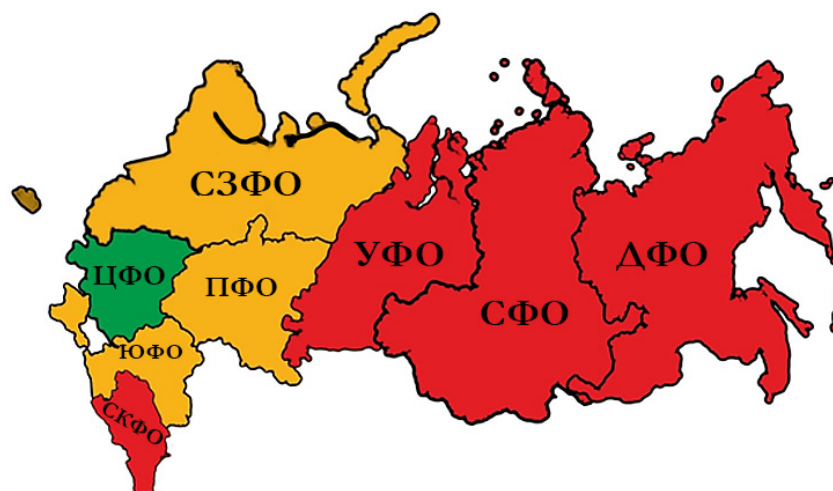
Представим на рис. 2 и 3 визуальные результаты проведенных исследований.

Примечание: красный цвет – низкий уровень экономической безопасности федерального округа, желтый – средний, зеленый – высокий.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Классификация по цветам федеральных округов РФ на основе экономических показателей

Примечание: красный цвет – низкий уровень социальной безопасности федерального округа, желтый – средний, зеленый – высокий.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Классификация по цветам федеральных округов РФ на основе социальных показателей

ВЫВОДЫ

Мониторинг экономической и социальной составляющих национальной безопасности позволяет сделать следующие выводы. В рейтинге по уровню национальной безопасности можно выделить лидера – ЦФО, который обладает высокими результатами как по экономическим, так и по социальным данным. ПФО на основе социальных и экономических показателей показал средние результаты развития. СФО, ДФО, СКФО в свою очередь по обеим группам показателей оказались в неудовлетворительной зоне. СЗФО и ЮФО относятся к средним результатам на основе социальных показателей и к отрицательным – на основе экономических. УФО относится к округам со средними результатами развития на основе экономических показателей и к неблагоприятным – по социальным индикаторам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить высокую степень региональной дифференциации по социально-экономическому положению, которая влечет угрозу экономической безопасности регионов и национальной безопасности страны в целом. Учитывая текущую геополитическую нестабильность, постоянное санкционное воздействие, а также возникающие в результате нее угрозы национальной безопасности РФ, возникает необходимость в разработке стратегии социально-экономического развития регионов, характеризующейся индивидуальным подходом, с учетом ресурсных возможностей и потенциала каждого из субъектов.

Вместе с имеющейся региональной социально-экономической дифференциацией одним из стратегически важных направлений можно выделить проработку способов регионального сотрудничества и взаимодействия в области обеспечения ресурсных запасов, обеспечивающих функционирование и развитие экономической системы субъекта. В связи с действием массивного перечня санкций и иных ограничений экономической направленности со стороны западных стран серьезно сократился перечень импортируемой продукции и оборудования, вызывая тем самым необходимость поиска альтернатив, а также разработки отечественных заменителей. Действующие на сегодняшний день меры по реализации импорта товаров через территории государств-посредников так называемого параллельного импорта помогают снизить риски и угрозы для экономической безопасности как регионов, так и страны в целом. Однако стоит также отметить, что параллельный импорт не является панацеей, поскольку в данном случае увеличивается степень зависимости экономики от иностранной продукции, что в свою очередь ведет к удорожанию изготавливаемой продукции, а также увеличению сроков производства.

Список литературы

1. Руденко М.Н. Теоретические основы понятия «экономическая безопасность региона». Экономика и управление. 2018;2(148):22–28.
2. Алиева М.З. Экономическая безопасность региона: подходы к определению. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020;3-1:11–18. <https://doi.org/10.17513/vaael.1009>
3. Рычкова Е.С. Оценка социально-экономической безопасности региона. Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. 2022;99:118–122. https://doi.org/10.22250/20730268_2022_97_118
4. Долганова Я.А. Социально-экономическая безопасность региона: проблемы оценки, перспективы развития. Вестник Прикамского социального института. 2018;1(79):109–113.
5. Благова И.Ю. Оценка социально-экономических параметров экономической безопасности регионов российской федерации. Петербургский экономический журнал. 2022;1-2:50–60. <https://doi.org/10.24412/2307-5368-2022-1-2-50-60>
6. Авдийский В.И., Дадалко В.А., Синяевский Н.Г. Национальная и региональная экономическая безопасность России. М.: ИНФРА-М; 2022. 363 с.
7. Мудрецов А.Ф., Тулунов А.С. Национальная безопасность (эколого-экономический аспект): понятия, проблемы, решения. М.: ЦЭМИ РАН; 2011. 140 с.
8. Горшков М.К., Задорин И.В., Петухов В.В. Национальная безопасность России в оценках экспертов. М.: Институт социологии РАН; 2011. 56 с.
9. Тулунов А.С. Оценка национальной безопасности Российской Федерации. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024;(4):3–23. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-1>

10. Макаров В.А., Бахтизин А.Р., Ильин Н.И., Сушко Е.Д. Национальная безопасность России. Экономические стратегии. 2020;5(171):6–23. <https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.6-23>

References

1. Rudenko M.N. Regional Economic Security: A Theoretical Framework. Economics and Management. 2018;2(148):22–28. (In Russian).
2. Alieva M.Z. Economic security of the region: approaches to defining. Vestnik of Altai Academy of Economics and Law. 2020;3-1:11–18. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vael.1009>
3. Rychkova E.S. Assessment of socio-economic security of the region. Bulletin of Amur State University. Series: Natural and Economic Sciences. 2022;99:118–122. (In Russian). https://doi.org/10.22250/20730268_2022_97_118
4. Dolganova Ya.A. Social and economic security in the region: problems of evaluation, prospects of development. Bulletin of Prikamsky Social Institute. 2018;1(79):109–113. (In Russian).
5. Blagova I.Yu. Assessment of socio-economic parameters of economic security of the regions of the Russian Federation. Petersburg Economic Journal. 2022;1-2:50–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2307-5368-2022-1-2-50-60>
6. Ardiyevskiy V.I., Dadalko V.A., Sinyavsky N.G. National and regional economic security of Russia. Moscow: INFRA-M; 2022. 363 p. (In Russian).
7. Mudretsov A.F., Tulupov A.S. National security (ecological and economic aspect): concepts, problems, solutions. Moscow: Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences; 2011. 140 p. (In Russian).
8. Gorshkov M.K., Zadorin I.V., Petukhov V.V. National security of Russia in expert assessments. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2011. 56 p. (In Russian).
9. Tulupov A.S. National security assessment for the Russian Federation. Lomonosov Economics Journal. 2024;(4):3–23. (In Russian). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-1>
10. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Ilyin N.I., Sushko E.D. National security of Russia. Economic Strategies. 2020;5(171):6–23. (In Russian). <https://doi.org/10.33917/es-5.171.2020.6-23>

Развитие системно-интеграционной теории предприятия

Лебедева Надежда Юрьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления промышленным производством
ORCID: 0000-0002-3113-3274, e-mail: pgpr@mail.ru

Лобова Елена Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления промышленным производством
ORCID: 0000-0002-7232-8297, e-mail: elena.bykova555@yandex.ru

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация

Проанализированы положения системно-интеграционной теории предприятия Г.Б. Клейнера. Выдвинута гипотеза о непостоянном положении институциональной подсистемы относительно когнитивной подсистемы в сэндвич-пирамиде предприятия и его зависимости от этапа жизненного цикла. Представлены результаты апробации приложения системно-интеграционной теории предприятия Г.Б. Клейнера к исследованию процессов развития инновационно-ориентированных предприятий, а также их интерпретации в терминах сэндвич-пирамиды с позиций ряда современных концепций управления развитием предприятия (И. Адизиса, П. Сенге, Дж. Коллинза). Обоснована отличная от авторской иерархия подсистем предприятия в сэндвич-пирамиде, характерная для развивающихся инновационно-ориентированных предприятий. Доказано, что институциональная подсистема инновационно-ориентированных предприятий обладает большей изменчивостью, чем когнитивная. При этом знания определяют применение институтов, а не наоборот. Отмечено, что подобная иерархия подсистем свойственна для экономических систем, реализующих гибкие подходы к управлению проектами, такие как Agile. Обосновано утверждение о том, что представленная Г.Б. Клейнером иерархия подсистем предприятия характерна прежде всего для бюрократических экономических систем гибридных режимов управления (в терминологии В.Б. Сироткина). Согласно модели жизненного цикла И. Адизиса, обычные предприятия становятся такими только на этапе «старения».

Ключевые слова

Социально-экономический генотип, когнитивная подсистема предприятия, институциональная подсистема предприятия, системно-интеграционная теория, жизненный цикл предприятия, гибридный режим управления

Для цитирования: Лебедева Н.Ю., Лобова Е.С. Развитие системно-интеграционной теории предприятия // Вестник университета. 2025. № 2. С. 15–27.

Developing a system integration theory for enterprise

Nadezhda Yu. Lebedeva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management of Industrial Production
ORCID: 0000-0002-3113-3274, e-mail: pgpr@mail.ru

Elena S. Lobova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management of Industrial Production
ORCID: 0000-0002-7232-8297, e-mail: elena.bykova555@yandex.ru

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract

Provisions of the system integration theory for enterprise by G.B. Kleiner have been analyzed. The hypothesis about the impermanent position of the institutional subsystem relative to the cognitive subsystem in the sandwich pyramid of enterprise and its dependence on the stage of the life cycle has been put forward. The paper presents the results of approbation of application of G.B. Kleiner's system integration theory for enterprise to the study of innovation-oriented enterprises development processes, as well as their interpretation in terms of the sandwich pyramid from the standpoint of a number of modern concepts of enterprise development management (I. Adizes, P. Senge, and J. Collins). The hierarchy of enterprise subsystems in the sandwich pyramid, which is characteristic of developing innovation-oriented enterprises and different from the author's hierarchy, has been substantiated. It has been proved that the institutional subsystem of innovation-oriented enterprises has greater variability than the cognitive one. At the same time, knowledge determines institutions application, and not vice versa. It has been noted that such a hierarchy of subsystems is characteristic of economic systems that implement flexible approaches to project management, such as Agile. The statement that the hierarchy of enterprise subsystems presented by G.B. Kleiner is characteristic primarily for bureaucratic economic systems of hybrid management modes (in V.B. Sirotkin's terminology) has been substantiated. According to I. Adizes' life cycle model, ordinary enterprises become such at the stage of "aging" only.

Keywords

Socio-economic genotype, enterprise cognitive subsystem, enterprise institutional subsystem, system integration theory, enterprise life cycle, hybrid management regime

For citation: Lebedeva N.Yu., Lobova E.S. (2025) Developing a system integration theory for enterprise. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 15–27.

ВВЕДЕНИЕ

Системно-интеграционная теория предприятия выдвинута Г.Б. Клейнером в ответ на вызовы современной экономической науки. Вслед за Д.Дж. Тиссом он отмечает произошедшие в экономиках развитых стран изменения, обусловленные переходом «от экономики, основанной преимущественно на переработке сырья и обрабатывающей промышленности, к экономике, основанной на обработке информации и создании, применении и передаче новых знаний» [1]. Традиционная двухфакторная (труд–капитал) теория фирмы создает трудности при интерпретации современной экономической действительности и демонстрирует несостоятельность в условиях возрастания значимости информационной и знаниевой компонент при организации внутрифирменных процессов и принципов организационного развития, обеспечивающих конкурентные преимущества в новой экономике.

В системно-интеграционной теории предприятия Г.Б. Клейнер представляет предприятие как иерархию 7 подсистем (ментальной, культурной, институциональной, когнитивной, организационно-технической, имитационной, исторической), упорядоченных по признаку их подвижности, в том числе в смысле реакции на стимулы внешней среды.

В нижней, ближайшей к основанию, части пирамиды расположены четыре базисных, относительно медленно и трудно меняющихся составляющих – «фундаментальная группа» – ментальная, культурная, институциональная и когнитивная подсистемы [2]. В верхней части пирамиды находятся составляющие, изменение которых может происходить «рукотворным образом», в результате реализации конкретных решений, – «функциональная группа» – организационно-техническая, имитационная и историческая подсистемы. Предложив теорию предприятия, Г.Б. Клейнер отмечает необходимость ее развития, в том числе с учетом особенностей «создания и распространения знаний как внутри предприятия, так и за его пределами» [2, с. 331].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В ходе прикладного использования авторами настоящего исследования разработок Г.Б. Клейнера для решения задач организационного развития предприятий, в том числе с внедрением элементов системы управления знаниями, возникли вопросы относительно взаимосвязи и взаимовлияния институциональной и когнитивной подсистем предприятия. Практика показала, что руководство ориентированных на инновационное развитие предприятий негативно относится к «номинальному» исполнению правил и процедур (относящихся к институциональной подсистеме) и относительно легко готово их изменить «под задачу». В то же время, согласно системно-интеграционной теории предприятия, институциональная система более инертна, чем когнитивная подсистема. Наблюдаемое противоречие подтолкнуло авторов выдвинуть гипотезу о непостоянном положении в «сэндвич-пирамиде» указанных подсистем относительно друг друга и его зависимости от этапа развития предприятия. Кроме того, выделение в структуре предприятия четырех различных подсистем (ментальной, культурной, институциональной и когнитивной), каждая из которых несет организационное начало, обуславливает необходимость уточнения их взаимосвязей и взаимовлияния (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источника [2]

Рис. 1. Структура основных подсистем предприятия

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Автор системно-интеграционной теории провел тождество между когнитивной подсистемой предприятия и понятием социально-экономического генотипа, введенным в оборот Е.З. Майминасом [3]. Г.Б. Клейнер, уточняя содержание понятия социально-экономического генотипа, определил его как некую совокупность наследуемых и медленно изменяющихся характеристик конкретного предприятия [2]. Согласно Е.З. Майминасу, «социально-экономический генотип (далее – СЭГ) – это информационный механизм, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и передачи позитивного опыта) в данной общественно-экономической системе. Он фиксируется в многообразных информационных формах: от теоретических положений и программных концепций, правовых актов и административных инструкций до программ обучения и учебных пособий, неписаных традиций и правил хозяйствования» [3, с. 187].

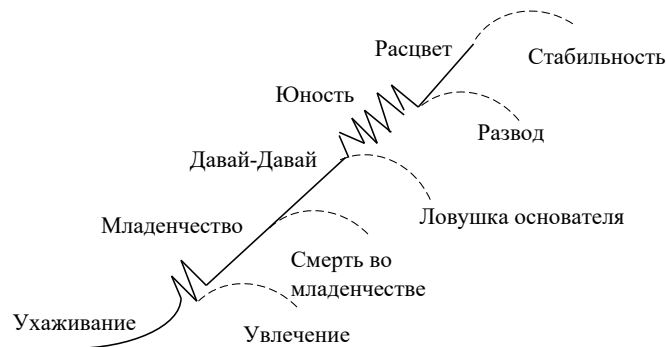
Включение в перечень носителей информации СЭГ правовых актов, неписанных традиций и правил Е.З. Майминасом расширяет содержание понятия СЭГ по сравнению с Г.Б. Клейнером, выводя его за рамки только когнитивной системы и задействуя также культурную и институциональную подсистемы. Подтверждением этого является его описание процесса усвоения СЭГ представителями общества: «Носителем СЭГ является общество, члены которого как представители определенной общественной группы усваивают эту информацию в процессе социализации личности. Импринтинг СЭГ осуществляется путем обучения, воспитания, принуждения и других форм социального воздействия» [3, с. 188]. Его объяснение способов мышления людей присущим им СЭГ ставит вопрос о включении в СЭГ ментальной подсистемы предприятия: «Объективной основой СЭГ служит процесс воспроизводства общественных и прежде всего экономических отношений этой системы... Лишь затем – «фенотипически» – СЭГ проявляется в структуре и элементах соответствующего хозяйственного механизма, в сознании и действиях людей, особенно в тех или иных стереотипах их социально-экономического мышления и поведения» [3, с. 188].

Согласно другим исследованиям СЭГ (осуществляемых в отношении развития регионов), главная цель экономической генетики заключается в выявлении законов, которые «пронизывают этапы и стадии движения объекта; сложились в прошлом; вывели объект из прошлого в настоящее; ведут объект из настоящего в будущее», и «поэтому можно утверждать, что экономическая генетика ориентирована на выявление причин эволюции ...и нахождения решения проблем экономического развития..., имеющих индивидуальный характер, строго соответствующий наследуемым свойствам и особенностям функционирования» [4, с. 490]. Поскольку предложенное Г.Б. Клейнером описание иерархии подсистем предприятия предназначено также и для экономических систем мезо- и макроуровня, представляется логичным утверждать, что СЭГ есть организующий элемент экономического объекта (в нашем случае предприятия), состоящий из его ментальной, культурной, когнитивной и институциональной подсистем.

Необходимость и характер изменения методов управления предприятия в зависимости от стадии его развития описаны в модели жизненного цикла И. Адизиса [5]. Выход предприятия на рынок предполагает изменение экономической ситуации в среде, поэтому в начале своего функционирования предприятие ориентировано на работу в условиях изменений, то есть неопределенности. Внимание сотрудников настроено на низковероятные благоприятные события в попытке их использовать, что, собственно, и означает предпринимательство как рисковую деятельность по Шумпетеру. В условиях неопределенности эффективное функционирование когнитивной подсистемы означает наращивание знаний, предполагающее ее снижение. Предприятия на этапе «Младенчество» фокусируют внимание на продукте, на этапе «Давай-давай» – на сбыте, и только на этапе «Юность» на первый план выходят упорядочение и систематизация деятельности, от успеха которых зависит, перейдет ли предприятие на этап «Расцвета» или нет (рис. 2).

В стадии «Расцвета» ситуационное лидерство принадлежит сотрудникам, обладающим большей компетентностью. При деперсонализации управления институты выступают инструментами формализации знаний руководителей, используемых ими при принятии решений. В дальнейшем происходит консервация знаний в виде рутин, а придание знаниям предшественников большего статуса, чем живому знанию работающих сотрудников, приводит к перераспределению полномочий по принятию решений от исполнителей к администраторам. Согласно И. Адизису, акцентуализация организации на форме влияет на функцию: «Когда форма укрепляется, страдает гибкость, а в изменяющейся внешней среде снижение гибкости означает потерю функциональности» [5, с. 133]. Смещение акцента на сохранение

достигнутого означает завершение стадии «Расцвет» и вхождение в «Стабильность». Сам термин «стабильность» предполагает отсутствие неопределенности, что является иллюзией, порожденной свойствами человеческой психики игнорировать низковероятные риски и оценивать их как несуществующие.

Составлено авторами по материалам источника [5]

Рис. 2. Этапы жизненного цикла развивающегося предприятия

Главным условием продления стадии роста предприятия И. Адизис называет наделение полномочиями руководителей, обладающих компетентностями, необходимыми для осуществления ситуационного лидерства на каждом характерном этапе развития предприятия. Сначала это «производитель», затем «предприниматель», следующий «администратор» и, наконец, «интегратор» [5]. Компетентность интегратора заключается в способности объединять людей не столько посредством формальных структур, сколько на основе разделяемых знаний, ценностей и смыслов. В своей модели организационных изменений «От хорошего к великому» Дж. Коллинз отмечает тот факт, что во всех компаниях из выборки «великих» реализовывался принцип решающей роли подбора сотрудников, названный им «Сначала кто, а затем что» [6]. Согласно этому принципу исходя из способностей и интересов сотрудников осуществлялся выбор направления деятельности компании. Сам выбор представлял собой поиск области деятельности на пересечении трех сфер: того, что наиболее важно и интересно сотрудникам, той области, в которой, как они считали, они могут стать лучшими в мире, и деятельности, приносящей доход.

Положение высокой компетентности в своей сфере деятельности управляющей команды может достигаться не только путем ее смены, но и постоянным повышением квалификации топ-менеджеров. Такой сценарий предложен в концепции «обучающейся организации» П. Сенге [7]. Сам термин «обучающаяся организация» предполагает значительное развитие когнитивной подсистемы предприятия. При этом то, что институциональная подсистема занимает подчиненное положение относительно когнитивной, прослеживается из описания компетенции (компетентности) «системное мышление», когда исследователь доказывает необходимость изучать действующие структуры (определяемых традициями, стереотипами мышления и правилами) и преобразовывать для того, чтобы изменить поведение участников экономической ситуации надлежащим образом.

И. Адизис достаточно категоричен в отношении перспектив предприятия, в котором формальные процедуры и правила начинают господствовать над знаниями и здравым смыслом (рис. 3). Сначала наступает период «Аристократизма», когда он становится неповоротливым и теряет коммерческую адекватность, дальше «Бюрократии» – этапа, при котором существование предприятия возможно только за счет поддержки государства. Характеризуя «Бюрократию», исследователь пишет: «Если вы спросите менеджеров бюрократической организации почему они действуют определенным образом, то, скорее всего, получите следующие ответы: “Я не знаю почему” или “Потому что такова политика нашей компании”» [5, с. 184].

В.Б. Сироткин называет механическую бюрократию признаком гибридного режима управления, когда «реальное поведение людей содержит противоречивые цели и средства», а также убедительно доказывает бессмысленность попыток реанимировать такие предприятия посредством искусственной (государственной) поддержки в них инновационных процессов [8]. В отличие от бюрократических организаций инновационно-ориентированные предприятия, будучи технологическими лидерами, отличаются большей гибкостью и адаптивностью, позволяющей им в том числе лучше вписываться в рамки общедоступных налоговых льгот [9].

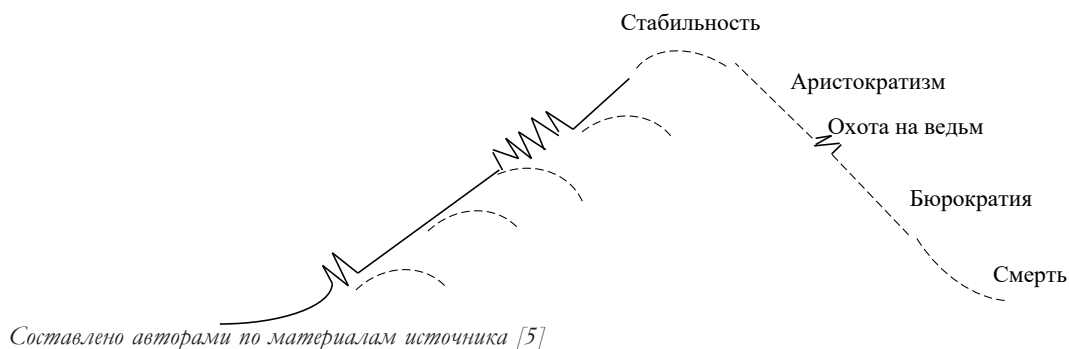

Рис. 3. Этапы жизненного цикла развивающегося предприятия

Помимо институциональной, второй подсистемой, граничащей с когнитивной в сэндвич-пирамиде Г.Б. Клейнера, является организационно-технологическая. Согласно ему, продуктом организационно-технологической подсистемы является товар или услуга (рис. 4) [1]. Жирные стрелки обозначают участие подсистем в процессах репродукции, тонкие – в процессах метаболизма, пунктирные – в гармонизационных процессах других подсистем.

Составлено авторами по материалам источника [1]

Рис. 4. Функционирование предприятия как многопроцессной системы

Функционирование каждой подсистемы описывается в терминах четырех основных процессов [1]:

- метаболизма, то есть обмена с окружающей средой или, в более узком смысле, трансформации входных потоков в выходные;
- репродукции, то есть воспроизводства основных характеристик системы;
- эволюции, то есть изменения этих характеристик системы;
- гармонизации, то есть обеспечения внутреннего единства, согласованного функционирования и развития подсистем.

Эволюция каждой из подсистем происходит как в результате эволюции самого предприятия в целом в виде реакции на изменение внешней среды, так и под влиянием на каждую подсистему соответствующего слоя внешней среды.

Термин «организационно-технологическая подсистема» в отечественной экономической науке применяется широко, однако в свете последних исследований хотелось бы присмотреться к его содержанию

в контексте экономики знаний. К.К. Вальтх в предложенной им информационной теории стоимости описывает процессы материального производства как процессы воплощения информации в материю и выделяет процессы идеального производства: создание новой информации – процесс идеального производства первого рода, тиражирование информации – процесс идеального производства второго рода [10].

Подсистему упорядочения описанных производственных процессов можно назвать технологической. Она включает как технологии материального, так и идеального производства. Вместе с организационно-технологической в модели Г.Б. Клейнера размещена имущественная подсистема. Хотелось бы, однако, отметить различие в функционировании этих подсистем. Оно заключается прежде всего в роли прошлого и настоящего труда. В то время как имущественная подсистема практически полностью представляет собой результат прошлого труда, применяемая технология воспроизводится только благодаря живому труду. Выбор технологии определяет перечень используемой техники. Обратный процесс может иметь место, но уместен он только при освоении предприятий инновационных технологий.

Указанное различие может прояснить взаимосвязь институциональной и когнитивной подсистем. Значение смены роли прошлого и настоящего знания в процессе развития хорошо прослеживается в японской концепции обучения Сю Ха Ри (ShuHaRi), согласно которой при обучении какой-либо дисциплине человек должен последовательно пройти три стадии [11].

1. «Сю» означает строгое следование существующим правилам, когда обучающийся неукоснительно выполняет все инструкции учителя. Главная ошибка этой стадии – «отсебятина».

2. «Ха» означает достижение знания в изучаемой области и возможность отступления от догматов для применения знания в текущих обстоятельствах с учетом особенностей ситуации и обучающегося. Основная ошибка этой стадии – застрять в догмах. На этом этапе импровизация полезна и необходима.

3. «Ри» означает отделение ученика от учителя и создание собственного учения, теории и практики.

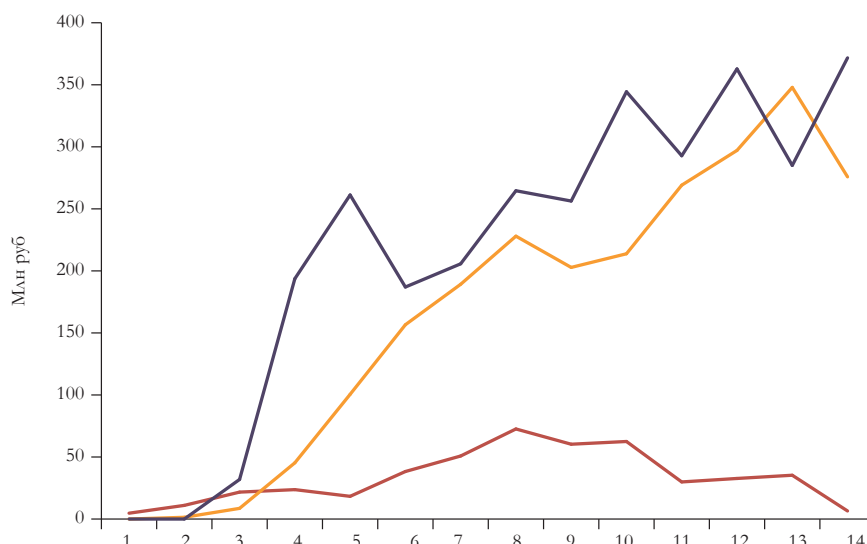
Наилучшей ситуацией для развития предприятия является такая, когда каждое последующее поколение руководства более компетентно, чем предыдущее. В этом случае действующие руководители в состоянии понять суть разработанных предшественниками форм и правил, адаптировать их к современным условиям и отбросить изжившие себя. Примером успешного подхода к обновлению традиционных форм является реформация Конфуцием традиционных форм ритуала. Детально изучив их эволюцию, он наполнил их новым смысловым содержанием, сохранив только те элементы, которые его подкрепляли. В отличие от предшественников Конфуций видел в ритуале не только совокупность «данных от века» неизменных обрядовых форм, но и развивающуюся культурную традицию, связывающую в единое духовное целое многие поколения Поднебесной в прошлом, настоящем и будущем [12]. Можно утверждать о том, что подобный конфуцианскому подход поддержания преемственности идей, смыслов и правил является условием реализации и эволюции СЭГ-предприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для проверки гипотезы о различии положения институциональной подсистемы на предприятиях разной стадии развития дифференциация проводилась с использованием модели И. Адизиса. Несколько из исследуемых предприятий выросли из стартапов в отличие от других – преемников предприятий, созданных директивно в период плановой экономики (рис. 5).

Наблюдения показали, что предприятия, начавшие свой бизнес «с нуля», как правило, характеризуются персонифицированным управлением и неразвитой институциональной подсистемой. Соответствующие характеристики данных компаний, находящихся на стадиях «Младенчество» и «Давай-давай», изложены в работе И. Адизиса [5].

В то же время предприятия-стартапы активно задействуют когнитивную подсистему: сначала при разработке продукции, затем при освоении рынка. Инновационно-ориентированные предприятия при прочих равных условиях интенсивно обучают работников, потому что часто бывает недостаточно имеющихся «стандартных» компетенций даже наиболее квалифицированных сотрудников [9]. Постепенно сложность внешней среды таких предприятий преобразуется в их внутреннюю сложность как системы. В определенный момент предприятие «адаптируется» в экономической среде, то есть становится способным обеспечивать себе необходимый для существования приток ресурсов, поступающих в качестве платы за достигнутый уровень функционирования.

Составлено авторами по материалам источника^{1,2,3}

Рис. 5. Типовые случаи динамики оборота исследуемых инновационно-ориентированных предприятий-стартапов

С этого момента возникает возможность получения рентного дохода от своих вложений сначала в разработку продукта, затем на рынке. Для развития предприятия наступает самое благоприятное время: образуется излишек дохода, который может свободно направляться либо на развитие, либо на заслуженное потребление. Происходит изменение смыслов существования предприятия. Как следует из емкого определения, предложенного И. Адизисом, «исходная и неизменная суть предприятия заключается в неизбежном делегировании собственником полномочий принятия решений и контроля персоналу, осуществляющему деятельность исходя из личных целей, при минимальных возможностях внешнего контроля» [13, с. 26].

Согласно О.Е. Мартишину, трансформация социально-экономического генотипа происходит двумя способами: посредством мутации и модификации. Мутации – это изменения социально-экономического генотипа, приводящие к изменениям его признаков. Мутации могут возникать внезапно в результате случайных событий; они стойки, сохраняются и наследуются в течение всего процесса функционирования объекта. Модификациям свойственны определенные изменения признаков под воздействием факторов природно-общественной среды, влияющих на развитие системы, но не на ее генетическую структуру. Модификации имеют в основном временный характер, то есть постепенно исчезают после прекращения действия фактора среды, вызвавшего изменение, и не наследуются [14]. Например, в современных условиях трансформация социально-экономического генотипа связана с развитием цифровых технологий, что приводит к переносу рабочих процессов в цифровые приложения и технологии, а также к уходу от традиционной занятости в пользу гибких схем организации труда.

Когда стартап заканчивает свое существование, происходит переход на рентный принцип формирования дохода, что означает его превращение в стабильный бизнес со сформированным социально-экономическим генотипом, воспроизводящим определенные экономические отношения. Формирование институциональной подсистемы, закрепляющее знание руководителей-предшественников, создает условия для последующей дифференциации компетенций и компетентностей. Компетентность предполагает способность, знания и умения в определенной области, компетенция – сферу полномочий в соответствии с институциональным порядком. Несоответствие сферы полномочий (компетенции), обозначающими определенный круг полномочий компетентности, как правило, обуславливающей обязанности, согласно И. Адизису, является маркером перехода компании в стадию старения [5]. Деперсонализация управления приводит к передачи власти от ситуационного лидера системе правил.

¹ Сравнительный анализ отчетности ООО «САТЕЛЛИТ-ИННОВАЦИЯ». Режим доступа: https://www.testfirm.ru/result/5902851746_ooo-satellit/ (дата обращения: 01.09.2024).

² Сравнительный анализ отчетности АО «ЭКАТ». Режим доступа: https://www.testfirm.ru/result/5902146720_ao-ekat/ (дата обращения: 01.09.2024).

³ Сравнительный анализ отчетности ООО «Научно-производственное объединение «ГАЛИЛЕОСКАЙ». Режим доступа: https://www.testfirm.ru/result/5904254657_ooo-npo-galileoskay/ (дата обращения: 01.09.2024).

Институциональная подсистема как инструмент реализации системы власти компенсирует слабость организационной системы, когда знаний руководителей и сотрудников недостаточно для плодотворной совместной работы. В отличие от информации знание предполагает ценностное содержание, поскольку «знания – комбинация опыта, ценностей, контекстной информации, экспертных оценок, которая дает возможность оценивать и инкорпорировать новый опыт и информацию» [15, с. 590]. Носителями контекста являются живые люди, поэтому для эволюционного развития подсистем предприятия решающее значение имеет настоящий живой труд (при использовании опыта предшественников). Однако возникает вопрос о роли настоящего и прошлого труда в остальных подсистемах предприятия. При изменении взаимного положения когнитивной и институциональной подсистем на основе предшествующих доводов выстраивается некая закономерность чередования настоящего и прошлого труда в выделяемых подсистемах предприятия (табл. 1).

Таблица 1

Настоящий и прошлый труд в подсистемах предприятия

Подсистема предприятия	Превалирующий аспект труда	Пояснения
Ментальная	Настоящий труд	Осмысление и переосмысление деятельности осуществляется посредством интеллектуального труда сотрудников
Культурная	Прошлый труд	В культурных ценностях и нормах законсервированы результаты осмысления деятельности предшествующими поколениями
Когнитивная	Настоящий труд	Познание и интерпретация фактов действительности осуществляется посредством интеллектуального труда сотрудников
Институциональная	Прошлый труд	В институциональных нормах законсервированы доказавшие свою жизнеспособность правила взаимодействия экономических субъектов
Технологическая	Настоящий труд	Производство осуществляется посредством живого труда
Имущественная	Прошлый труд	В процессе производства задействуются ранее произведенные техника и имущество
Имитационная	Настоящий труд	В каждый момент времени осуществляется выбор – какие образцы поведения будут задействованы
Историческая подсистема	Прошлый труд	Результаты прошлых действий предприятия определяют траекторию его развития

Составлено авторами по материалам исследования

Как было показано выше, бюрократизация предприятия приводит к давлению формы над содержанием, когда институциональная подсистема из средства превращается в цель. В таком случае в иерархии подсистем она может потеснить не только когнитивную подсистему, но и культурную.

Тенденции подчинить институциональной подсистеме культурную прослеживаются в ряде представленных в литературе подходов к управлению организационной культурой, что закономерно приводит к расхождению между формальной и неформальными корпоративными культурами. Главный обман культуры заключается в том, что должное постоянно декларируется, но практически никогда не реализуется теми, кто о нем беспокоится. Превентивные меры, предупреждающие подобное развитие событий, описаны П. Сенге, который утверждает о необходимости наличия у руководителей компетенции «личностное самосовершенствование, включающей следование принципу “быть, а не казаться”» [5]. Реализация принципа предполагает воплощение в повседневной деятельности истинных глубинных мотивов, а не конформистское следование общепринятым стереотипам. Отсюда закономерно вытекает новая расстановка приоритетов в исследовании предприятия. В.А. Тамбовцев отмечает: «В основе предмета теории фирмы должны находиться действующие и взаимодействующие индивиды, реализующие свои интересы... перенос внимания с характеристик фирм как целостных объектов (систем) на характеристики входящих в них индивидов и их взаимодействий» [16, с. 28].

В настоящее время отечественными исследователями активно разрабатываются новые организационные структуры, ориентированные на гуманистическое управление, – это так называемые «бирюзовые»

и «перламутровые» организации. Одной из характеристик последних является достижение «наивысшей формы согласования формальных структур и неформальных институтов» [17, с. 15]. В то же время исследователи отмечают, что «создание бирюзовой компании обусловлено прежде всего “бирюзовым” мировоззрением его владельцев, высшего руководства и наличием значительного числа работников, обладающих необходимыми компетенциями и разделяющих корпоративные “бирюзовые” ценности компании» [18]. Гуманизация общества предполагает, с одной стороны, взаимную адаптацию индивида к требованиям общества, а с другой – локализацию или даже индивидуализацию общественных институтов к требованиям, связанным с условиями жизнедеятельности индивида в разумных пределах с обеих сторон.

Противопоставляемый бюрократическому партнерский тип организации предполагает свои особенные институты, коллегиальное принятие решений, когда руководитель (даже собственник) не имеет права решающего голоса [13]. Частично они нашли отражение в «гибком» подходе к реализации проектов (Agile), на практике применяющем методы «обучения в процессе деятельности».

Авторы Agile особо обращают внимание на необходимость корректной расстановки приоритетов в иерархии подсистем предприятия для успешной реализации его функции и свое видение этих приоритетов («не отрицая важности того, что справа мы все-таки больше ценим то, что слева»), которое представлено в Agile-манифесте разработчиков программного обеспечения:

- люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов;
- работающий продукт важнее исчерпывающей документации;
- сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта;
- готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану [19].

В табл. 2 представлены «перевод» Agile-манифеста на язык сэндвич-пирамиды Г.Б. Клейнера, а также интерпретация в терминах информационной теории стоимости К. Вальтуха.

Таблица 2

**Интерпретация Agile-манифеста в терминах сэндвич-пирамиды Г.Б. Клейнера
и информационной теории стоимости К. Вальтуха**

Принцип манифеста	Интерпретация в терминах сэндвич-пирамиды	Пояснения к интерпретации	Интерпретация в терминах информационной теории стоимости К. Вальтуха
Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов	Когнитивная подсистема в приоритете над организационно-технологической	В контексте разработки программного обеспечения предполагается взаимодействие для обмена знаниями и создания нового знания	Идеальное производство первого рода в приоритете над идеальным производством второго рода
Работающий продукт важнее исчерпывающей документации	Культурная и ментальная подсистемы в соединении с организационно-технической в приоритете над институциональной и когнитивной	Фокусировка на конечном смысле деятельности означает активное функционирование культурной и ментальной подсистем в процессе создания продукта. Документирование сведений по продукту обусловлено принятыми институциональными нормами закрепления результатов функционирования когнитивной подсистемы	Воплощение замысла в продукте предполагает последовательность операций идеального производства первого рода, материального производства, что значительнее документации – продукта идеального производства второго рода

Принцип манифеста	Интерпретация в терминах сэндвич-пирамиды	Пояснения к интерпретации	Интерпретация в терминах информационной теории стоимости К. Вальтуха
Сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта	Когнитивная подсистема в приоритете над институциональной	Сотрудничество как совместный труд предполагает совместное познание в области разработки конкретного продукта, следовательно, речь идет о когнитивной, а не культурной подсистеме (сотрудничество как ценность)	Сотрудничество необходимо для совместного идеального производства первого рода при уточнении замысла продукта и способов его реализации, идеальное производство второго рода, как правило, осуществляется подрядчиком
Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану	Имитационная подсистема в приоритете над исторической	Гибкость как способность реагировать по ситуации важнее последовательности в действиях	Гибкость предполагает задействование творческого мышления, то есть процессов идеального производства первого рода

Составлено авторами по материалам исследования

В связи с тем, что разработка программного обеспечения относится к идеальному производству в терминологии К. Вальтуха, в принципах манифеста практически не затрагивается технологическая подсистема. Расстановка приоритетов при определении роли технологической подсистемы сделана в упомянутой выше модели «От хорошего к великому» Дж. Коллинза, где принцип «технологии как акселераторы» декларирует подчиненное положение технологий относительно смыслов деятельности и знаний компании.

Когнитивная подсистема как система создания, приобретения, хранения, распространения и использования знаний опирается прежде всего на технологии идеального производства первого рода, такие как мозговой штурм, и только во вторую очередь – на технологии идеального производства второго рода, связанные со сбором, хранением и передачей информации. В то же время институциональная подсистема предполагает стандартизацию процедур и деятельности и опирается прежде всего на технологии идеального производства второго рода. Носителями контекста являются живые люди, поэтому когнитивная подсистема – это в первую очередь про обогащение и передачу контекста, а не информации. Таким образом, расположение институциональной системы между культурной и когнитивной характерно для «стареющих» в терминологии И. Адизиса предприятий. Для предприятий на этапе роста, напротив, когнитивная система располагается в сэндвич-пирамиде Г.Б. Клейнера «под» институциональной системой.

Осознание роли ценностно-когнитивных факторов в конструировании и изменении институтов отмечают также теоретики. Макклоски по этому поводу сказала, что, если «институты не обладают человеческим смыслом... они выступают как свалившиеся с неба» [20, с. 512].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерпретация в терминах сэндвич-пирамиды представленных в литературе по организационным изменениям подходов к управлению развитием организации расширяет и совершенствует динамический аспект системно-интеграционной теории. При этом восполняется имеющийся в них недостаток научной обоснованности и системности.

Непрерывность развития предприятия как экономической системы обеспечивается приоритетом подсистем, ориентированных на настоящий труд, над подсистемами, ориентированными на прошлый труд. Данная закономерность подтверждена эмпирическими результатами, в частности она нашла отражение в Agile-манифесте разработчиков программного обеспечения.

Некорректное расположение когнитивной и институциональной подсистем в СЭГ предприятия знаменует его переход к механической бюрократии и становится причиной его деградации как экономической системы. В настоящее время доказана бессмысленность попыток реанимировать такие предприятия

посредством искусственной (государственной) поддержки в них инновационных процессов. Формирующийся гибридный режим управления (в терминологии В.Б. Сироткина) предполагает системное противоречие между целями и средствами их достижения. Следовательно, предприятие нуждается в исправлении его СЭГ посредством соответствующих мутаций, организуемых «правильно мыслящими» сотрудниками.

В дальнейшем «правильная» приоритезация подсистем находит отражение в системах принятия решений этих сотрудников, соответствующих экономическим системам наноуровня, обеспечивается и поддерживается благодаря их волевым усилиям. При этом достигается согласование формальных и неформальных институтов предприятия, отодвигается момент его бюрократизации и «старения» (в терминологии И. Адизиса). Это соответствует тенденции гуманизации управления, выражающейся во взаимной адаптации в разумных пределах индивида к требованиям общества и общественных институтов к запросам, связанным с условиями жизнедеятельности индивида.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Системно-интеграционная теория предприятия. *Montenegrin Journal of Economics*. 2005;2(1):21–40.
2. Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: Дело; 2008. 568 с.
3. Майминас Е.З. Социально-экономический генотип общества. Вестник Московского университета. Экономика. 2016;4:183–204.
4. Мыслякова Ю.Г. Основы экономической генетики в моделях эволюции и ревитализации старопромышленных регионов. *Journal of Applied Economic Research*. 2021;3(20):489–523.
5. Адизес И. Управление жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2014. 512 с.
6. Коллинз Дж. От хорошего к великому. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2011. 320 с.
7. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2018. 496 с.
8. Сироткин В.Б. Гибридное поведение. Поиск третьего пути. Актуальные проблемы экономики и управления. 2022;1:89–100.
9. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Близость к технологической границе как фактор конкурентоспособности российских фирм. *Российский журнал менеджмента*. 2023;2(21):198–227.
10. Вальтух К.К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. М.: Янус-К; 2001. 897 с.
11. Сазерленд Дж. Scrum. Революционный метод управления проектами. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2016. 272 с.
12. Васильев А.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Восточная литература; 2001. 488 с.
13. Жемчугов А.М., Жемчугов М.К. Институты, механизмы и сущность предприятия как детерминанты его эффективности и развития. *Менеджмент сегодня*. 2022;1:24–38.
14. Мартишин О.Е. Эволюционно-генетические механизмы развития мировой экономики. Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14, 08.00.01. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет; 2006. 26 с.
15. Тамбовцев В.А. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие. *Российский журнал менеджмента*. 2010;1(8):5–40.
16. Мильнер Б.З. (ред.) Управление знаниями в инновационной экономике. М.: Экономика; 2009. 599 с.
17. Клейнер Г.Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях. *Управленческие науки*. 2023;1(13):6–19. <https://doi.org/10.26794/2304-022X2023-13-1-6-19>
18. Куропаткина А.В. Новые формы организации производства: перламутровые компании. *Russian Journal of Economics and Law*. 2023;1(17):23–34. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.23-34>
19. Коробейник А. Agile. Основы. М.: Лаборатория знаний; 2022. 60 с.
20. Бирюков В.В. Системная парадигма и разработка альтернативных стратегий построения институциональных экономических теорий. *Alter Economics*. 2023;3(20):505–526.

References

1. Kleiner G.B. The System Integration Theory of the Enterprise. *Montenegrin Journal of Economics*. 2005;2(1):21–40. (In Russian).
2. Kleiner G.B. Enterprise Strategy. Moscow: Delo; 2008. 568 p. (In Russian).
3. Maiminas E.Z. Socio-economic Genotype of Society. *Lomonosov University Journal of Economics*. 2016;4:183–204. (In Russian).
4. Myshyakova Yu.G. Fundamentals of Economic Genetics in Models of Evolution and Revitalization of Old Industrial Regions. *Journal of Applied Economic Research*. 2021;3(20):489–523. (In Russian).

5. *Adizes I.* Managing Corporate Lifecycles. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2014. 512 p. (In Russian).
6. *Collins J.* Good to Great: Why Some Companies Make the Leap... and Others Don't. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2011. 320 p. (In Russian).
7. *Senge P.* Fifth discipline. Art and practice of the learning organization. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2018. 496 p. (In Russian).
8. *Sirotkin V.B.* Hybrid behavior. The Search for a Third Way. Actual Problems of Economics and Management. 2022;1:89–100. (In Russian).
9. *Kuzylev M.G., Simachev Yu.V.* Proximity to the technological border as a factor of competitiveness of Russian firms. Russian Journal of Management. 2023;2(21):198–227. (In Russian).
10. *Valitkh K.K.* Information Theory of Value and Laws of Nonequilibrium Economics. Moscow: Yanus-K; 2001. 897 p. (In Russian).
11. *Sutherland J.* Scrum. The Art of Doing Twice the Work in Half the Time. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2016. 272 p. (In Russian).
12. *Vasiliev L.S.* Cults, religions, traditions in China. Moscow: Vostochnaya Literatura; 2001. 488 p. (In Russian).
13. *Zhemchugov A.M., Zhemchugov M.K.* Institutions, Mechanisms and Essence of an Enterprise as Determinants of its Effectiveness and Development. Management today. 2022;1:24–38. (In Russian).
14. *Martishin O.E.* Evolutionary and genetic mechanisms of the development of the world economy. Abstr. Dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.14, 08.00.01. Rostov-on-Don: Rostov State University; 2006. 26 p. (In Russian).
15. *Tambovtsev V.L.* Strategic Theory of the Firm: State and Possible Development. Russian Journal of Management. 2010;1(8):5–40. (In Russian).
16. *Milner B.Z.* Knowledge Management in Innovative Economy. Moscow: Ekonomika; 2009. 599 p. (In Russian).
17. *Kleiner G.B.* The System Paradigm as a Theoretical Basis for Strategic Economic Management in Modern Conditions. Management sciences. 2023;1(13):6–19. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2304-022X.2023-13-1-6-19>
18. *Kuropatkina L.V.* New forms of production organization: pearl companies. Russian Journal of Economics and Law. 2023;1(17):23–34. (In Russian). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.23-34>
19. *Korobeynik A.* Agile. Basics. Moscow: Laboratoriya znaniy; 2022. 60 p. (In Russian).
20. *Biryukov V.V.* System paradigm and development of alternative strategies for building institutional economic theories. Alter Economics. 2023;3(20):505–526. (In Russian).

Проектная деятельность благотворительных фондов как один из способов реализации общественных инициатив граждан

Соколова Елена Андреевна

Магистрант

ORCID: 0009-0005-6830-9439, e-mail: lenoksokolova16@gmail.com

Зозуля Павел Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом

ORCID: 0000-0002-6804-5681, e-mail: pv_zozulya@guu.ru

Зозуля Антон Валериевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом

ORCID: 0000-0002-5617-4857, e-mail: zozula2004@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью исследования является анализ проектной деятельности благотворительных фондов как одного из способов реализации общественных инициатив граждан. Раскрыто понятие проектной деятельности, рассмотрен ряд ее особенностей. Поскольку в Российской Федерации проектная деятельность широко применяется в различных сферах и отраслях, изучены особенности благотворительности в стране, ее роль в современном обществе и формы проявления. На сегодняшний день благотворительная деятельность в Российской Федерации осуществляется в целях социальной поддержки и защиты граждан, подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев и др. Основная цель благотворительности – сделать мир лучше. Важным моментом в благотворительной деятельности является ее глубокая осознанность. Одним из мощных механизмов поддержки социальной активности общественных формирований граждан является проектная деятельность благотворительных фондов. Она направлена на решение определенных задач в достижении цели, которая способствует ликвидации проблемы. Предложены аспекты, которые необходимо отразить в проекте.

Ключевые слова

Проект, проектная деятельность, благотворительность, благотворительная организация, фонды, продвижение, социальная сфера

Для цитирования: Соколова Е.А., Зозуля П.В., Зозуля А.В. Проектная деятельность благотворительных фондов как один из способов реализации общественных инициатив граждан // Вестник университета. 2025. № 2. С. 28–35

Project activity of charitable foundations as one of the ways to implement public initiatives of citizens

Elena A. Sokolova

Graduate Student

ORCID: 0009-0005-6830-9439, e-mail: lenoksokolova16@gmail.com

Pavel V. Zozulya

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department

ORCID: , e-mail: pv_zozulya@guu.ru

Anton V. Zozulya

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department

ORCID: 0000-0002-5617-4857, e-mail: zozula2004@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The objectives of the research are the analysis of project activities of charitable foundations as one of the ways to implement public initiatives of citizens. The project activity concept has been disclosed, a number of its peculiarities have been considered. Since project activity in Russia is widely used in various spheres and industries, the charity features, its role in modern society, and manifestation forms have been studied. To date, charitable activity in Russia is carried out for the purpose of social support and protection of citizens, preparing the population to overcome the consequences of natural disasters, environmental, industrial or other disasters, to prevent accidents, etc. The main purpose of charity is to make the world a better place. An important aspect of charitable activity is its deep awareness. One of the powerful mechanisms for supporting the social activity of public organizations of citizens is the project activity of charitable foundations. It is aimed at solving certain tasks in achieving the goal, which contributes to the issue elimination. The aspects to be reflected in the project have been proposed.

Keywords

Project, project activity, charity, charitable organization, foundations, promotion, social sphere

For citation: Sokolova E.A., Zozulya P.V., Zozulya A.V. (2025) Project activity of charitable foundations as one of the ways to implement public initiatives of citizens. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 28–35.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день проектная деятельность широко применяется в различных областях, включая бизнес, информационные технологии, строительство, научные исследования и др. Она позволяет эффективно управлять сложными задачами, координировать работу между участниками проекта, оптимизировать использование ресурсов и достигать поставленных целей.

Любой управленец ежедневно использует в своей профессиональной деятельности собственные наработки и опыт, полученный ранее при принятии тех или иных решений. Следовательно, если специалист постоянно занимается разработкой и реализацией проектов (в том числе социальных), проектное мышление в его работе займет вначале главенствующую, а затем и монопольную роль. В этом смысле рассматриваемый нами тип управленческого мышления ничем не отличается от процессного (шаблонного) подхода. Отличием становятся характеристики проекта как способа реализации цели – достижение в ограниченные сроки при ограниченных ресурсах конкретного (часто инновационного) результата. Поскольку речь идет о подготовке будущих специалистов и формировании у них целевой компетенции, необходима параллельная работа по ряду направлений: обучению, развитию критического подхода, разработке идей, реализации (попытке реализации) инициатив [1].

Сегодня социальное проектирование большинством граждан страны освоено на довольно низком уровне, и некоммерческий сектор как сфера возникновения социальных инноваций может стать площадкой формирования таких специфических умений, как адекватное целеполагание, ориентация на реальные потребности целевой группы, умение планировать ресурсное обеспечение для достижения конкретной цели, способность различать тактические и стратегические вопросы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В современном мире уникальный продукт создается в результате проектной деятельности, в которую могут быть вовлечены многие субъекты. По мнению А.Д. Крюковой, проектом является мысленное прогнозирование того, что затем будет воплощено в виде предмета, услуги, творческого действия [2]. С.В. Шайтура под проектной деятельностью понимает совокупность действий субъектов экономики, которые направлены на выполнение конкретной целевой установки и ряда задач в рамках реализуемого проекта. Проектная деятельность может быть познавательной, учебно-исследовательской, социальной и т.д. Исходя из этого объектами проектной деятельности могут выступать создаваемые материальные и нематериальные активы, работы, услуги, организации и их структурные подразделения, нормативные акты и др. [3]. С.С. Великанова считает, что проектная деятельность – это уникальная деятельность, направленная на достижение заранее определенного результата, уникального продукта или услуги [4].

Проектная деятельность обладает рядом особенностей, таких как временность, уникальность, ограниченные ресурсы и множество заинтересованных сторон. Для успешного выполнения проекта необходимо уметь планировать, координировать и контролировать работу, а также принимать управленческие решения и минимизировать риски в процессе его реализации.

Проектную деятельность реализует команда, включающая специалистов с соответствующими профессиональными компетенциями. В связи с этим большое значение отводится подбору сотрудников, которые должны соответствовать требованиям профстандарта, иметь нужный опыт работы и обладать высокими личными качествами. Всех специалистов, вовлекаемых в реализацию проекта, можно разделить на группы: инициатор, разработчик, руководитель проекта и исполнители. Подбор команды должен осуществляться по определенному алгоритму.

Алгоритм действий по формированию проектной команды представляется следующим [5]:

- определение целесообразности и экономической эффективности планируемого к реализации проекта;
- проведение разработчиками предпроектной подготовки;
- планирование и бюджетирование по проекту;
- определение занятости работников в проекте;
- разработка положения по мотивации работников в планируемом проекте;
- подготовка заявки на необходимый для реализации проекта персонал;
- знакомство сотрудников с заданиями, положением о поощрении.

В проектной деятельности выделяют несколько основных этапов – подготовительный, планирование, реализация проекта, этап осмысления и оценки, презентация проекта.

В рамках подготовительного этапа проводятся определение целей, задач и ожидаемых результатов проекта, а также анализ факторов успеха и возможных рисков и оценка необходимых ресурсов.

На следующем этапе – этапе планирования – разрабатываются детальный план действий, включающий распределение ресурсов, определение сроков выполнения работ, описание задач и закрепление ответственности участников проекта, а также система контроля и механизмы управления рисками.

Один из важнейших этапов – это реализация плана, выполнение задач и работ, назначенных участникам проекта. На этом этапе важно поддерживать коммуникацию и сотрудничество между участниками проекта, а также осуществлять контроль над качеством выполняемых работ. На данном этапе производится контроль сроков, затрат, качества работ и достижения поставленных целей, при необходимости принимаются корректирующие меры.

На завершающем этапе проводится презентация проекта, и только потом результаты проекта оцениваются и документируются. Анализируются трудности, с которыми столкнулись сотрудники при реализации проекта, вырабатываются рекомендации для будущих проектов.

Каждый из вышеперечисленных этапов требует определенных навыков и усилий от всех участников проекта. Зачастую данные этапы выполняются последовательно, но в реальной практике могут взаимодействовать друг с другом в течение всего жизненного цикла проекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) проектная деятельность широко применяется в различных сферах и отраслях, например, в разработке и реализации проектов по строительству и модернизации промышленных предприятий, включая проекты в сфере нефтегазовой промышленности, металлургии, энергетики, химической и пищевой промышленности, а также в сфере благотворительной деятельности. Особо стоит остановиться на организации и продвижении проектов, направленных на социальное развитие и поддержку населения, такие как проекты в области благотворительности.

В сознании граждан современной России все прочнее укореняется понимание важности и ценности такого явления, как благотворительность. Благотворительность всегда была одним из ключевых направлений общественной деятельности страны. Она имеет давние традиции, пройдя значительный путь развития. По мнению многих исследователей, отправной точкой в развитии феномена стала христианизация Руси, поскольку христианство призывало к любви и милосердию. Традиция поддерживать нуждающихся, слабых, заниматься благими делами, быть милосердными уходит корнями в древность.

В особенно тяжелые для России годы ее граждане перед лицом бед и несчастий всегда объединялись и жертвовали средства для их преодоления, решения проблем. После перестройки, в 1990-е гг., в столице, а после и в регионах организуются и начинают свою деятельность филиалы иностранных благотворительных фондов, возрождается система отечественных организаций общественной поддержки.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующую благотворительную деятельность, является Федеральный закон № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»¹. Он трактует благотворительную деятельность как добровольную деятельность «граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Добровольческая (или волонтерская) деятельность понимается как «добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и/или оказания услуг» в следующих целях: «социальной поддержки и защиты граждан, ... которые ... не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы; участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий...; содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов; содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе; ...защите материнства, детства и отцовства; содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности; охраны окружающей среды и защиты животных; ...содействия добровольческой (волонтерской)

¹ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482672&dst=100001#KocvURUoq6jErPgD> (дата обращения: 12.07.2024).

деятельности; ...содействия патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи...» и др.

На сегодняшний день в России благотворительная деятельность осуществляется в целях:

- социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;
- подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;
- участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий, профилактике и тушении пожаров, проведении аварийно-спасательных работ, а также оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;
- содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов;
- содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе; содействия защите материнства, детства и отцовства;
- содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности;
- содействия деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан;
- содействия деятельности в области физической культуры и спорта (за исключением профессионального спорта), участия в организации и/или проведении физкультурных и спортивных мероприятий в форме безвозмездного выполнения работ и/или оказания услуг физическими лицами;
- охраны окружающей среды и защиты животных.

Основная цель благотворительности – сделать мир лучше. Важным моментом в благотворительной деятельности является ее глубокая осознанность. Человек, оказывая благотворительную помощь, должен понять для чего, зачем он помогает. Он испытывает искренние чувства и желание помочь нуждающемуся или стремится повысить свой статус в глазах окружающих. Каждый имеет свои представления о благе и добре, о том, в какой форме, для кого и как оно должно быть создано. В связи с этим главными принципами благотворительности должны стать добровольность, бескорыстность, свободный выбор, честность и ответственность [6].

На наш взгляд, благотворительность – это ответственность перед собой, людьми и обществом.

Для России характерны следующие виды благотворительности, сложившиеся исторически [7]:

- частная – самый распространенный тип благотворительности, где мотивом является личное желание;
- филантропия – помощь или покровительство людям или обществу с бескорыстной или конкретной целью, помощь не адресная, поддержка целых отраслей (сферы науки, культуры и искусства), забота о развитии общества, а не конкретных людей;
- корпоративная – деятельность юридического лица (как основная, так и дополнительная), направленная на оказание помощи нуждающимся и положительно влияющая на внутренний климат организации и репутацию компании;
- кобрендинг – создание «значимых» брендов, участие компании в тематических мероприятиях, специальных акциях;
- меценатство – поддержка научной, культурной, образовательной и медицинской сфер жизни, где средства жертвуются из средств компании или из собственных средств мецената;
- религиозная – помощь беженцам, предоставление места проживания, продуктов питания, работы, в том числе инвалидам и пенсионерам, милостыня, помощь, оказываемая религиозными организациями;
- спонсорство – не всегда относится к благотворительности, поскольку спонсоры – юридические лица, поддерживающие материально благотворительные мероприятия, хотя и не имеют финансовой выгоды, но потенциально получают возможность продвинуть на рынок свои услуги или товары).

АНАЛИЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На данный момент в России действуют десятки и сотни разнонаправленных благотворительных организаций, занимающихся поддержкой людей, животных, окружающей среды и пр. С начала XX в. в стране зарегистрировано примерно 140 тыс. некоммерческих организаций. С 2008 г. появилась blago.ru – первая платформа для сбора пожертвований от частных лиц. До этого года сборов в сети «Интернет» практически не производилось.

Сегодня в реестре социально ориентированных некоммерческих организаций зарегистрировано 50,838 тыс. фондов, ассоциаций и объединений, занимающихся благотворительностью. По данным RAEX, сумма пожертвований россиян на благотворительность, оцененная через налоговые вычеты, за два года выросла почти в 2,5 раза – с 3,9 до 9,4 млрд руб.²

Благотворительность является основой многих профессий (медиков, спасателей, социальных работников и др.). Большинство людей делает лишь единоразовые пожертвования, что не есть плохо. Однако системная помощь будет способствовать развитию целых сфер. Так, благотворительность должна стать систематической для организаций и каждого человека.

Одним из мощных механизмов поддержки социальной активности общественных формирований граждан является проектная деятельность благотворительных фондов. Вся деятельность такого фонда должна состоять из череды проектов – понятной и оцениваемой деятельности. Проекты могут формировать программы, определяющие общие направления деятельности фонда. Деятельность по проекту направлена на решение определенных задач в достижении цели, которая способствует ликвидации проблемы.

Соответственно, в проекте должны быть отражены:

- проблема, на решение которой направлен проект;
- цель деятельности по проекту;
- задачи деятельности по проекту;
- план мероприятий;
- ресурсное обеспечение деятельности по проекту (бюджет проекта);
- ожидаемые результаты.

Создавая некоторую идеальную модель решения той или иной социальной проблемы, проект благотворительного фонда материализуется в различных формах социальной жизнедеятельности. Комбинируя мысленно различные факты социальной действительности, которые порождают ключевые противоречия, лежащие в основе возникающих общественных проблем, субъект социального проектирования конструирует механизмы и технологии достижения конкретных целевых результатов. При этом орган управления благотворительного фонда или команда проекта выступают в качестве субъекта социального проектирования, а его объектом являются процессы организации социальных связей, взаимодействий, включенных в них, элементы и подсистемы материального и духовного производства, различные компоненты и подсистемы социальной структуры общества, способы жизнедеятельности, жизненные позиции, ценностные ориентации, социальные установки, гражданское сознание и др. [8].

Задачи проекта всегда ориентированы на достижение цели проекта и показывают какие действия необходимо для этого совершить. Они дробят цель, конкретизируют ее. Важно при определении целей предусмотреть все возникающие пересечения и противоречия, чтобы избежать дублирования между отдельными задачами и механизмами реализации проекта. Кроме того, цель должна предусматривать итоговый результат.

Распространенной ошибкой является слабое раскрытие в проекте количественных и качественных показателей достижения цели. Во многих проектах результаты размыты, не в полной мере ведут к достижению цели или решению обозначенных проблем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Год от года проектная деятельность благотворительного фонда становится все более организованной, целенаправленной, систематизированной, а роль гражданского общества в решении социальных задач возрастает. Проектная деятельность широко применяется в различных сферах и отраслях.

В России благотворительная деятельность осуществляется в целях социальной поддержки и защиты граждан, подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических,

²RAEX. Режим доступа: <https://raex-rr.com/> (дата обращения: 14.07.2024).

промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев и др. При этом основная цель благотворительности – сделать мир лучше. Важным моментом в благотворительной деятельности является ее глубокая осознанность.

Одним из мощных механизмов поддержки социальной активности общественных формирований граждан является проектная деятельность благотворительных фондов. Такая деятельность направлена на решение определенных задач в достижении цели, которая способствует ликвидации проблемы. Ее реализует команда, включающая специалистов с соответствующими профессиональными компетенциями. В связи с этим на сегодняшний день большое значение отводится подбору сотрудников, которые должны соответствовать требованиям профстандарта, иметь нужный опыт работы и обладать высокими личными качествами.

В последние годы для достижения стратегических целей благотворительными фондами используются различные программы и проекты. Для России это относительно новый инструмент проектно ориентированной деятельности, требующий теоретического осмысления и практической проработки.

Список литературы

1. *Патюкова Р.В.* Социальное проектирование в аспекте продвижения благотворительной деятельности. В кн.: Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; 2022. С. 27–34.
2. *Крюкова А.Д.* Подходы к трактовке понятия «проект». Наукосфера. 2022;10-1:239–242.
3. *Шайтура С.В.* Понятие проектной деятельности. В кн.: Шайтура С.В., Шайтура Н.С., Прудкий А.С. Проектный практикум. М.: Бургас; 2023. С. 5–29.
4. *Великанова С.С.* Основы проектной деятельности. М.: Директ-Медиа; 2022. 316 с.
5. *Пилипенко А.В.* Проектная деятельность: понятие и этапы. В кн.: Экономическая безопасность территории: ключевые траектории и тренды в условиях глобальных трансформаций: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Орел, 29 мая 2023 г. Орел: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева; 2023. С. 27–32.
6. *Михайлова О.А., Львова Е.Н.* Феномен благотворительной деятельности в современном обществе. В кн.: Современные тенденции прикладных исследований в психологии, педагогике и социологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2023 г. 2023. С. 162–165.
7. *Пшеничная В.В.* Благотворительность в России. В кн.: Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 10 ноября 2023 г. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет; 2024. С. 143–146.
8. *Главнова Е.И., Максимова М.Н.* Проектная деятельность как технология оказания социальных услуг социально ориентированными некоммерческими организациями. В кн.: Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию социальной работы в России, Улан-Удэ, 23–24 сентября 2021 г. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления; 2021. С. 81–84.

References

1. *Patukova R.V.* Social design in the promoting charitable activities aspect. In: Convergent technologies XXI: Variability, combinatorics, communication: Proceedings of the VII International Interdisciplinary Scientific Conference, Simferopol, November 25–26, 2022. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University; 2022. Pp. 27–34. (In Russian).
2. *Kryukova A.D.* Approaches to the interpretation of the concept of “project”. Naukosfera. 2022;10-1:239–242. (In Russian).
3. *Shaitura S.V.* Project activity concept. In: Shaitura S.V., Shaitura N.S., Prudsky A.S. Project practicum. Moscow: Burgas; 2023. Pp. 5–29. (In Russian).
4. *Velikanova S.S.* Project activity fundamentals. Moscow: Direct Media; 2022. 316 p. (In Russian).
5. *Pilipenko A.V.* Project activity: concept and stages. In: Economic security of the territory: Key trajectories and trends in the context of global transformations: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Orel, May 29, 2023. Orel: Orel State University; 2023. Pp. 27–32. (In Russian).
6. *Mikhailova O.A., Lvova E.N.* The phenomenon of charitable activity in modern society. In: Modern trends in applied research in psychology, pedagogy and sociology: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, 2023. 2023. Pp. 162–165. (In Russian).

7. *Psbenichnaya V.V.* Charity in Russia. In: Patriotic education of youth: Issues of history and modernity: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Rostov-on-Don, November 10, 2023. Rostov-on-Don: Rostov State Medical University; 2024. Pp. 143–146. (In Russian).
8. *Glavnova E.I., Maksimova M.N.* Project activity as a technology of rendering social services by socially oriented non-profit organizations. In: Forms and methods of social work in various spheres of life: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of social work in Russia, Ulan-Ude, September 23–24, 2021. Ulan-Ude: East-Siberian State University of Technology and Management; 2021. Pp. 81–84. (In Russian).

Феномен культуры соучастия в сетевой коммуникации и его обучающий потенциал

Кожевникова Лариса Васильевна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0001-6231-6869, e-mail: lakozhevnikova@yandex.ru

Старовойтова Ирина Евгеньевна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8527-1840, e-mail: iestar1@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Изучен малоисследованный российскими учеными новый культурный феномен – культура соучастия, сущность которой состоит в совместной разработке и создании цифрового контента членами виртуального сообщества, объединенного интересами, стандартами и ценностями. Доказано, что культура соучастия, зародившаяся как форма досуга и развлечения членов фандома, имеет недооцененный обучающий потенциал. Традиционное классическое университетское образование в силу своего консерватизма и инертности продолжает опираться на старые испытанные учебные приемы, тогда как пришедшее на студенческую скамью поколение Z в силу специфики первичной социализации, которую можно назвать «цифровой», и цифрового разрыва обучающихся и обучаемых не в состоянии адекватно реагировать на применяемые образовательные методики. Методику соучастия можно использовать в сфере высшего образования, потому что деятельность виртуального сообщества по коллективному созданию нового виртуального контента дает навыки работы в команде, тренирует креативность, умение анализировать и оценивать свою работу и деятельность коллег по сообществу. Эти навыки и компетенции важны выпускнику вуза и помогут ему адаптироваться и найти свое место в динамично меняющемся социуме. Университету вскоре придется выдерживать конкуренцию с новыми моделями представления образовательного контента (бесплатные лекции, подкасты и др.), поэтому сфера высшего образования нуждается в новых обучающих технологиях, порождаемых киберпространством.

Ключевые слова

Цифровая трансформация, процесс коммуникации, виртуальная коммуникация, виртуальное сообщество, медиатизация, культура соучастия, цифровая педагогика, цифровая социализация, фандом, поколение Z

Для цитирования: Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Феномен культуры соучастия в сетевой коммуникации и его обучающий потенциал // Вестник университета. 2025. № 2. С. 36–43.

The phenomenon of participatory culture in network communication and its educational potential

Larisa V. Kozhevnikova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0001-6231-6869, e-mail: lakozhevnikova@yandex.ru

Irina Ye. Starovoytova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-8527-1840, e-mail: iestar1@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

A new cultural phenomenon that has been little explored by Russian scientists – the culture of complicity, the essence of which consists in joint development and creation of digital content by members of a virtual community united by interests, standards and values, – has been studied. It has been proved that the co-creation culture, which originated as a form of leisure and entertainment of fandom members, has an underestimated learning potential. Traditional classical university education, due to its conservatism and inertia, continues to rely on old proven teaching methods, while the generation Z, which has become students, due to the specifics of primary socialization, which can be called “digital”, and the digital divide among teachers and learners, is not able to adequately respond to the applied educational methods. The co-creation methodology can be used in higher education, because the activity of virtual community on collective creation of new virtual content gives skills of teamwork, trains creativity, the ability to analyze and evaluate their work and the activities of colleagues in the community. These skills and competencies are important for a university graduate and will help them to adapt and find their place in a dynamically changing society. University will soon have to compete with new models of presenting educational content (free lectures, podcasts, etc.), so the sphere of higher education needs new learning technologies generated by cyberspace.

Keywords

Digital transformation, communication process, virtual communication, virtual community, mediatization, participatory culture, digital pedagogy, digital socialization, fandom, generation Z

For citation: Kozhevnikova L.V., Starovoytova I.Ye. (2025) The phenomenon of participatory culture in network communication and its educational potential. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 36–43.

ВВЕДЕНИЕ

Распространение цифровых средств коммуникации практически на все сферы жизни общества породило новые социальные и культурные феномены, а именно виртуальное общение и виртуальные сообщества. Вызывает закономерный исследовательский интерес изучение этих феноменов, их специфических отличий от аналогичных явлений мира реального и перспектив их существования. Изучение социальных взаимодействий, происходящих в виртуальном пространстве, имеет не только познавательное значение, но и практическое, так как могло бы помочь вырабатывать правильные стратегические и тактические решения управленцам во всех сферах, в которых действуют механизмы виртуальных коммуникаций.

Новые медиа (Интернет-медиа) создают контекстную среду, трансформирующую все стороны процесса коммуникации, изменяют баланс отношений и идентичностей всех участников [1]. Сказываются эти трансформации и на образовательных коммуникациях.

Цель настоящего исследования – проанализировать новый феномен, возникший в сетевых коммуникациях, – феномен культуры соучастия – и показать его потенциал для системы образования.

Авторы предполагают, что возможно использовать обучающие достоинства культуры соучастия в высших учебных заведениях на этапе модернизации образования в условиях новых социокультурных реалий, к числу которых относятся цифровизация и медиатизация образовательной среды, распространение практики индивидуальных образовательных траекторий и тьюторинга. Задачи, стоящие перед выпускниками современных российских вузов, – приобрести навыки командной работы, опыт сотворчества, способность решать несколько задач одновременно, быстро и верно оценивать и анализировать информацию, научиться трансформировать свои умения в соответствии с запросами стейкхолдеров и вызовами общества – помогут решить использование культуры соучастия в классическом университете.

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Виртуальная коммуникация – «процесс передачи информации, при котором искусственный канал связи создается неким сознанием, не являющимся статусным контрагентом данного информационного взаимодействия» [2, с. 106].

К особенностям виртуальной коммуникации следует отнести следующие.

1. Мозаичный характер и креативный дух. Мозаичность заключается в отсутствии единой нормативности, обязательной логики расположения контента, единого стиля общения. Участники виртуальной коммуникации свободны в выборе канала связи (мессенджера, соцсети, чата и др.). Таким образом, социокультурное пространство коммуникации имеет лоскутную конфигурацию. Креативность виртуальной коммуникации обусловлена возможностями современных цифровых технологий. Цифровые ресурсы позволяют пользователям практически не ограничивать свою фантазию в создании и распространении контента, делать его эффектным и оттого запоминающимся, привлекательным, что способствует его быстрому и активному распространению.

2. Многоконтатность коммуникации. Это означает «размытость» аудитории. Коммуникатор становится перцепиентом, перцепиент – коммуникатором. Ориентироваться на конкретную аудиторию практически невозможно, поэтому ориентация на другого заменяется ориентацией на самого себя, презентация контента – самопрезентацией, конструированием собственной личности в киберпространстве.

3. Интерактивность и влияние модели новых медиа на коммуникации. Если традиционные медиа обращались от одного компетентного специалиста ко всем пассивным пользователям (так называемая модель «воронка»), то современная модель коммуникации носит название «труба». В этой модели каждый участник общения выступает соавтором, может создавать свой контент, даже будучи совершенным дилетантом в данной области, реплицировать и распространять чужой материал. Виртуальные коммуникации медиатизированы, то есть существуют по модели современных медиа. Можно отметить их горизонтальный, равный характер; отсутствует единое русло распространения информации и иного виртуального продукта.

4. Изменение формата коммуникации. Коммуникация становится квазисинхронной континуальной: мы пишем реплики и ставим эмодзи в синхронном режиме общения [1]. Происходит «орализация языка», появляется специфическая речь сети «Интернет» (далее – Интернет) – «устно-письменная», то есть текст все ближе к разговорному [3].

5. Долгое время существовала гипотеза, что виртуальная коммуникация – это поле свободы, анархии и анонимности, что она носит вненормативный характер, неинституциональна, внестатусна [3]. Это все утопия. Современное виртуальное пространство уже не является анонимным полем свободы. Личная информация легко утекает в Сеть, о чем свидетельствует активизация Интернет- и телефонного мошенничества. Члены сетевого сообщества имеют разные статусы: модератор, новичок, ветеран, VIP и др.; можно легко избавиться от девианта или просто инакомыслящего, отправив его в черный список, или «в бан».

Кроме того, виртуальный мир направленно самоорганизуется и изменяется – каждый пользователь самостоятельно находит место в виртуальной группе, активно конструирует социальные связи с другими участниками сообщества, с нуля создает новое сообщество. Возник социальный феномен – виртуальные сообщества, специфические группы коммуникации. Американский исследователь медиасферы Г. Рейнгольд определяет их как «социальные объединения, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве» [4, с. 5].

Долгосрочное, опосредованное цифровыми технологиями взаимодействие людей со схожими интересами порождает виртуальное сообщество, а уже потом создается система ценностей и норм, на основе которых функционирует сообщество. В нем устанавливаются межличностные отношения доверия, начинается совместное творческое создание контента [5]. Потенциально важными эффектами сообщества являются ощущение участниками взаимной поддержки, социальная идентификация, чувство принадлежности группе.

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ СОУЧАСТИЯ И ЕЕ ОБУЧАЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Понятие культуры соучастия (англ. *participatory culture*) введено известным американским культурологом Г. Дженкинсом в 1990-е гг., когда происходило бурное развитие виртуальных форм коммуникации. Под культурой соучастия понимается «культура, в рамках которой фанаты и другие пользователи приглашаются к активному соучастию в создании и распространении нового контента» [6, с. 29].

Вначале новое понятие применялось по отношению к сообществам «фанатов» (фэндом, от англ. *fandom*) того или другого произведения массовой культуры (например, сериала «Игра престолов»), которые не просто пересматривают или перечитывают полюбившееся произведение, но и творчески его трансформируют (досочиняют сюжетные линии, например, придумывают подробности биографии персонажей, рисуют картины на соответствующие темы, снимают ролики), устраивают косплей-мероприятия (переодевшись в костюмы персонажей, проводят костюмированный спектакль по мотивам объекта фанатического преклонения или просто имитируют мимику, пластику и характеры героев без привязки к драматургии) и т.п.

Нам представляется, что возникшее как развлечение социальное явление можно экстраполировать на сферу вузовского образования. Причинами этого авторы статьи видят следующие.

1. Главным в культуре соучастия является не пассивное потребление (чтение или просмотр), но творчество на основе трансформации исходного произведения. Креативного компонента недостаточно в сегодняшнем образовании – в нем и заинтересовано студенчество поколения Z.

2. Участники создают не только новый контент, но и друг друга, при этом активно оценивают и поддерживают друг друга. Культура соучастия предполагает позитивную творческую работу в команде, формируя и развивая навыки качественной командной работы, выдвигая новых лидеров, столь необходимых в современном динамичном мире.

3. Появляются и развиваются новые формы образовательных услуг (обучающие видео, статьи и подкасты), тогда как в рамках классического университета с его консервативной академической политикой медиадискурс демонизируется – преобладают традиционные, проверенные годами формы учебной коммуникации [7]. Множество бесплатных лекций и научного контента оказывается в свободном доступе, традиционные университеты начинают конкурировать за потребителя с Интернет-пространством.

КУЛЬТУРА СОУЧАСТИЯ И ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Во всем цивилизованном мире велик интерес к персонализации образования. Она помогает учащемуся развивать свои уникальные способности. В информационном обществе некорректно использовать одинаковые образовательные методики и идентичные учебные планы, как это было принято в образовании в индустриальный период развития общества. Подобно тому, как в постиндустриальном обществе

промышленное производство во многом благодаря совершенству технологий становится диверсифицированным и малосерийным, так и образование становится гибким и персонализированным.

Существует как минимум два метода, способствующие персонализации. Первый из них – тьюторинг. Тьютор – специально обученный специалист, который помогает разработать индивидуальную образовательную траекторию для конкретного обучающегося, педагог-наставник, преподаватель-консультант, индивидуальный научный руководитель обучающихся, воспитатель в учебном заведении [8]. Тьюторская деятельность преследует цель – поддержать учащегося, помочь профессионально самоопределиться, создать благоприятные условия для оптимальной самореализации, помочь в планировании учебной деятельности и организации самостоятельной работы, пояснить, как эффективнее осваивать и использовать знания для решения нынешних и будущих образовательных, профессиональных и жизненных проблем. Основной функцией тьютора является создание и проектирование информационно-образовательной среды. Для каждого обучающегося следует разрабатывать индивидуальный образовательный план, создавать контент.

Нетрудно предположить, что данное направление модернизации образования является затратным, требующим бюджетных вливаний или частного финансирования. Тьюторское сопровождение известно еще с глубокой древности – оно развивается в русле традиционной педагогики. Оно обладает как достоинствами (высокий уровень промежуточного контроля, серьезная психологическая поддержка со стороны старшего и более опытного товарища и др.), так и недостатками традиционной педагогики, главными из которых являются значительная роль командно-административных механизмов в деятельности тьютора, восприятие учащегося как объекта педагогического воздействия (учитель указывает ученику что и когда делать), вертикальный характер коммуникации, значительная психологическая и интеллектуальная дистанция между обучающимися и тьюторами в силу разницы культурного опыта и поведенческих паттернов.

В противоположность тьюторингу культуру соучастия в качестве основы новых образовательных методик отличают подлинный демократизм, равенство участников в создании контента, горизонтальные и оттого комфортные связи, взаимное уважение, сильный игровой творческий компонент, косвенный эффект командообразования и выделения лидеров. Коммуникативная среда позволяет учесть индивидуальные потребности, сформировать мотивацию, предложить соответствующие интересам, психологическим особенностям и уровню подготовленности учеников игровые формы учебной деятельности, результатом чего станет созданный в процессе сотворчества цифровой контент.

Самой важной позитивной чертой культуры соучастия авторам настоящего исследования видится высокий уровень вовлеченности, следствием которой неизбежно является улучшение качества создаваемого продукта и высокий уровень усвоения информации участниками процесса.

КУЛЬТУРА СОУЧАСТИЯ И СТУДЕНТЫ ПОКОЛЕНИЯ Z

Культура соучастия, на взгляд авторов, имеет значительный образовательный потенциал применительно к новому поколению студентов, так называемому поколению Z.

Поколение вообще понимается как социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени. Поколение Z (зумеры) – это молодые люди, рожденные в период с 2000 г. по 2010 г. Они по возрасту являются как бы младшими братьями и сестрами миллениалов, или представителей поколения Y, которые родились 10–15 годами ранее (с 1984 г. по 2000 г.), но серьезно не похожи на них. Поколение зумеров – а это именно то поколение, которое достигло сегодня возраста студенчества и наполняет аудитории различных вузов, – отличается не только специфической первичной социализацией (они с детства погружены в цифровые технологии, не мыслят жизни без электронных гаджетов, по-новому ищут и обрабатывают информацию), но и иным отношением к реальному и виртуальному мирам. Реальное и виртуальное не ограничены в восприятии зумеров – эти миры растворены друг в друге. Специфическое мировоззрение поколения Z не может не сказываться и на их отношении к процессу и целям образования, оно должно учитываться педагогами и методистами вузов при планировании организации учебного процесса.

С одной стороны, зумеры лучше, чем предшествующие поколения, справляются с параллельным выполнением сразу нескольких задач, быстрее и смелее ориентируются в потоке новой информации, более

мобильны в выборе оптимальных ее источников и каналов. С другой стороны, избыточное количество информации, которую в процессе учебы необходимо проанализировать, и мультитаскинг (многозадачность) затрудняют концентрацию внимания, препятствуют системному и последовательному усвоению знаний. Быстро и правильно подобранная в Интернете информация соответствует учебной задаче, однако она не всегда глубоко осознается и адекватно усваивается. У этого поколения формируется клиповое (фрагментарное) мышление – учащийся не способен к долгому произвольному вниманию, ему привычна постоянная смена идей, картинок и образов, мало связанных между собой.

В структуре мировоззрения поколения Z специфическая иерархия ценностей. Эти люди далеки от романтических представлений о мире и собственном предназначении. Они реалисты, скептики, сложнее поддаются манипуляции. Высоко значимы для них здоровье и способствующий ему образ жизни, телесное совершенство, индивидуальная свобода и индивидуальный гуманизм, а также мультикультурность. Высший приоритет для них – семья и друзья. Труд, карьера, высокий доход не играют определяющей роли, а воспринимаются только как средство обретения личной свободы и получения удовольствий от жизни.

Поскольку в XXI в. информация циркулирует на цифровых носителях, трансформировались способы доступа к информации. Для поколения Z основными источниками информации стали YouTube, «ВКонтакте» и подкасты (Software), а основными рабочими инструментами вместо учебника и персонального компьютера – смартфон и планшет. Неизбежно, хотя и недостаточно динамично, модернизируется и сама организация образовательного процесса. Лежащий в основе традиционной педагогики субъектно-объектный подход (субъект образовательного процесса – преподаватель, студент воспринимается как объект обучающего воздействия) уже не соответствует нынешним реалиям. Современные студенты становятся активными субъектами учебного процесса и ожидают сотрудничества с преподавателями. Однако любой преподаватель является представителем другого поколения. Имеющее место в современном российском образовании старение профессорско-преподавательского состава – большинство преподавателей относятся сегодня к поколению так называемых беби-бумеров (людей, рожденных с 1946 г. по 1964 г.) или поколению X (1965–1983 г.р.) – актуализирует не только проблему цифрового разрыва, заключающуюся в отставании цифровой грамотности обучающихся от цифровой компетентности обучаемых, но и проблему пересмотра способов обучения. Для эффективного взаимодействия с цифровым поколением необходимо вывести учебное общение на иной уровень.

Перед современным вузом стоит сложная задача – удовлетворить запросы молодого поколения, обеспечить им современный трансфер накопленных знаний при помощи желаемых и привычных для них инструментов, используя потенциал преподавателей, опираясь на профессиональный опыт последних, поощряя ответственное отношение к работе и сохранив мотивацию к преподавательскому труду.

Обучение выступает одним из предметов конфликта отцов и детей. Западный исследователь М. Пренски противопоставил «сетевых иммигрантов» старшего поколения, слабо владеющих цифровыми технологиями, и «цифровых аборигенов» нового сетевого поколения, которое уже родилось и социализировалось в эпоху цифровых технологий. «Цифровые аборигены» – носители цифрового языка и цифровых технологий – это все те, кто родился в XXI в. М. Пренски утверждает, что новое поколение легко ощущает себя в цифровом мире, для них он – повседневная реальность, они многозадачны, приспособляемы к резким изменениям, интерактивности гаджетов, собственной активности в социальных сетях, скорости в мире видеонир [9]. «Цифровые аборигены» иначе учатся, ищут информацию, коммуницируют. Цифровой разрыв (компьютерная грамотность преподавателей, поскольку они относятся к поколению, выросшему до эпохи Интернета, несравнима с уровнем владения цифровыми технологиями их учеников, студентов) порождает следующие педагогические коллизии.

Во-первых, вуз как авторитарный социальный институт в основу образовательной парадигмы, как и в прошлые десятилетия, закладывает традиционные инструменты, материалы и методы. Поколение Z (люди, рожденные после 2000 г.) с трудом адаптируется к традиционным образовательным практикам. Лекция, учебник и методическое пособие нередко не востребованы вообще. Лоскутный, мозаичный научный и учебный материал отыскивается обучающимися самостоятельно в Интернете, студент наполняет его собственными смыслами. От преподавателя требуется лишь проанализировать и оценить студенческую интерпретацию. Результатом такого обучения не может стать стройная система знаний. Современные технологии (в виде онлайн-курсов) применяются в университете ограниченно и не вызывают учебного энтузиазма, поскольку поколение Z ориентировано на высокий темп, интерактивность, творчество, а онлайн-курсы монологичны, скучны, требуют значительного времени для просмотра.

Во-вторых, некоторые непривычные старшему поколению обучающие практики (например, итеративное тестирование (drill-and-practice) программного обеспечения, изучение иностранного языка в процессе сочинения субтитров к фильмам и др.) взрослые оценивают как девиацию, поскольку они не соответствуют устоявшимся традиционным представлениям об обучении, хотя подобные способы часто действеннее классических педагогических приемов хотя бы потому, что участники такого обучения испытывают к процессу искренний интерес, включается непроизвольное внимание, что позволяет усвоить информацию намного лучше [10]. С точки зрения на такие техники как девиантные нельзя согласиться.

Как было отмечено выше, зумеры высоко ценят свободу в мыслях и действиях. Однако на современном этапе трансформации системы высшего образования при всех имеющихся возможностях это не означает в силу разных причин, что в университете они могут сами выбирать образовательный контент и самостоятельно строить индивидуальную траекторию образования. На взгляд авторов настоящего исследования, высшей школе следует учитывать данное стремление к свободе и самостоятельности и конструктивно его использовать. Например, в дополнение к учебникам, которые представители поколения Z считают скучными и утомительными, можно предложить современные интернет-ролики. Также учащимся нравится создавать свой собственный оригинальный контент, используя для этого различные инструменты. Новые идеи вместо шаблонных методов могут использоваться преподавателем не только при предоставлении информации, но и при контроле усвоения знаний. Так, зачет можно провести в виде веб-квеста или с помощью подкаста. Проблема концентрации внимания может быть решена с использованием нестандартных форм передачи знаний: деловые игры, викторины, кейсы.

В процессе общения зумеры используют смайлы, мемы, GIF или видеосообщения. Подобное общение требует обратной связи. В связи с этим преподаватель должен непременно давать обратную связь (фидбэк, англ. feedback) в том числе при помощи комментариев в мессенджерах, по тем же каналам можно было бы давать советы или рекомендовать дополнительный материал. Для зумеров важны «лайки», они нуждаются в похвале и наградах. Если необходима критика, то только конструктивная, иначе ее эффект будет обратным. Таким образом, образовательные методики будут гармонизированы, что должно сказаться на качестве нынешнего высшего образования. Кроме того, отечественное высшее образование вступает в этап реформирования. Выход из Болонской системы и переход к трехуровневому высшему образованию (базовое высшее, специализированное высшее и профессиональное высшее) неизбежно повлечет переработку учебных планов и рабочих программ. Следовало бы включить в эти планы и программы инновационные формы обучения, адекватные современным реалиям, изменить академические нормы, учитывая особенности представителей поколения Z.

Следует также отметить, что классические методы преподавания не позволяют в полной мере развиться востребованным в современном мире свойствам личности (креативность, командный дух и проч.), поскольку они ограничивают свободу выбора и свободу мысли. Мы не говорим уже о том, что синхронное образование недостаточно инклюзивно, но эта проблема уже решается распространением MOOC-обучения, научных блогов и подкастов.

Попыткой решить проблему устаревания педагогического подхода и контента могло бы стать использование обучающего потенциала культуры соучастия. Латентное научение – это побочный эффект совместной творческой деятельности членов сетевого сообщества. Обучение в культуре соучастия (англ. participatory learning) продуктивно тем, что вклад каждого представителя виртуального сообщества уважается и ценится. Кроме того, каждый член виртуального сообщества неявно контролирует свой процесс обучения, получает радость творчества и опыт креативного сотрудничества в команде.

В эпоху цифрового одиночества, когда налицо деструкция аутентичного общения, когда сложность межличностного общения редуцирована до квазиблизости френдинга, троллинга и виртуального флирта, совместная творческая деятельность по созданию цифровых и медиапродуктов может стать теми «скрепами», которые способствуют минимизации негативных эффектов сетевого общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важной тенденцией развития высшего профессионального образования является усиление внимания к проблеме повышения качества подготовки специалистов. В связи с этим актуализируется деятельность, направленная на разработку и внедрение новых форм и средств обучения, педагогических технологий, соотносимых с процессами цифровой трансформации образовательной среды. Результаты исследований

авторами специфики виртуальной коммуникации, возможностей использования преимуществ культуры соучастия в учебной работе студентов могут быть использованы в цифровой педагогике университета.

Авторами сделан вывод о том, что неограниченный доступ к информационным ресурсам автоматически не приводит к повышению качества образовательного процесса. Студенты поколения Z еще до поступления в высшее учебное заведение имеют богатый опыт применения информационных технологий, которые в основном связаны с навыками поиска необходимой информации и создания электронных презентаций. Однако умение разбираться в технологии поиска не всегда означает понимание студентом закономерностей ее использования в учебном контексте. Нахождение в избыточной информационной среде может приводить к игнорированию полезной информации, потому что требуются усилия и время, чтобы разобраться в ней. Это приводит к тому, что студент, несмотря на информационную грамотность, не может отобрать необходимое количество качественных источников информации. Авторы полагают, что использование таких особенностей культуры соучастия, как постоянный активный обмен созданными на основе учебного контента медиапродуктами, оценка, коммуникация и поддержка друг друга, будет способствовать повышению эффективности виртуальной коммуникации и образовательного процесса в целом.

Список литературы

1. Глухов А.П. Особенности культуры виртуальных коммуникаций поколения Z: менеджмент режимов коммуникации. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018;4(30):157–166.
2. Батов В.И., Мурамуцев В.В., Мурамуцева А.В. Виртуальная коммуникация как феномен культуры. Философские науки. 2008;7:98–107.
3. Авдеева И.А. Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети. Философия и общество. 2016;4:20–33.
4. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial; 1994. 335 p.
5. Невесенко Е.Д. Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальный аспект. Молодой ученый. 2011;5(2):88–92.
6. Дженикин Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик; 2019. 384 с.
7. Клущина Н.И. Медиазация современной культуры и русский национальный стиль. Русская речь. 2014;1:66–73.
8. Челнокова Е.А., Набиев Р.Д. Внедрение тьюторской деятельности в образовательное пространство высшего учебного заведения. Вестник Мининского университета. 2014;4.
9. Prensky M. Digital Natives Digital Immigrants. On the Horizon. 2001;5(9).
10. Jenkins H., Ito M., Boyd D. Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics. Cambridge & Malden, MA: Polity-Press; 2016. 220 p.

References

1. Glukhov A.P. Features of the culture of virtual communications of generation Z: management of communication modes. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2018;4(30):157–166. (In Russian).
2. Batov V.I., Muromtsev V.V., Muromtseva A.B. Virtual communication as a cultural phenomenon. Filosofskie nauki. 2008;7:98–107. (In Russian).
3. Avdeeva I.A. Features of virtual communication and organization of virtual communities in the space of the global network. Philosophy and society. 2016;4:20–33. (In Russian).
4. Rheingold H. The Virtual Community. New York: Perennial; 1994. 335 p.
5. Nevesenko E.D. Specifics of the formation and functioning of Internet communities: social aspect. Molodoi uchenyi. 2011;5(2):88–92. (In Russian).
6. Jenkins H. Convergent Culture. The Clash of Old and New Media. Moscow: RIPOL classic; 2019. 384 p. (In Russian).
7. Klushina N.I. Mediatization of Contemporary Culture and Russian National Style. Russkaya rech. 2014;1:66–73. (In Russian).
8. Chelnokova E.A., Nabiev R.D. Implementing of activities tutoring in the educational space of higher educational institutions. Vestnik of Minin University. 2014;4. (In Russian).
9. Prensky M. Digital Natives Digital Immigrants. On the Horizon. 2001;5(9).
10. Jenkins H., Ito M., Boyd D. Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics. Cambridge & Malden, MA: Polity-Press; 2016. 220 p.

Инновации в здравоохранении как фактор здоровьесбережения населения регионов

Кривенко Наталья Васильевна

Д-р экон. наук, вед. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-3292-6460, e-mail: nvkrivenko@yandex.ru

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Актуальность темы настоящего исследования заключается в целесообразности изучения значимости инноваций в здравоохранении для здоровьесбережения населения регионов Российской Федерации в условиях демографических вызовов для страны. Цель исследования – определение влияния инноваций в здравоохранении на здоровьесбережение населения, оценка их эффективности на примере субъектов Российской Федерации. Применялись системный, интегративный, многоуровневый подходы, методы статистического, сравнительного анализа. Выявлены наиболее приоритетные тренды в сфере здравоохранения на мировом уровне: акцент на развитие персонализированной и пациентоориентированной медицины, биоинженерных технологий, телемедицины, цифровизации, внедрение медицинских, информационных инноваций с использованием искусственного интеллекта, картирование генов. Отмечены адаптация отечественной медицины к новым геополитическим условиям, активное внедрение импортозамещения и инноваций. На примере региональных систем здравоохранения Тюменской, Тульской, Свердловской областей доказана высокая эффективность от внедрения инноваций. Улучшение в динамике медико-демографических показателей, достижение экономических эффектов в результате снижения потерь по заболеваемости, инвалидности, смертности по ряду профилей заболеваний способствуют здоровьесбережению населения регионов. Предложен авторский подход к применению инноваций в региональном здравоохранении, рассматривающий комплексное внедрение различных видов инноваций.

Ключевые слова

Регион, система здравоохранения, здоровье, население, здоровьесбережение, тренды, цифровизация, инновации, эффективность

Благодарности. Статья выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Для цитирования: Кривенко Н.В. Инновации в здравоохранении как фактор здоровьесбережения населения регионов // Вестник университета. 2025. № 2. С. 44–52.

Innovation in healthcare as a factor in population's health in regions

Natalya V. Krivenko

Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher

ORCID: 0000-0002-3292-6460, e-mail: nvkrivenko@yandex.ru

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The relevance of the study lies in the expediency of studying the significance of innovations in health care for health saving of population in the Russian regions in the conditions of demographic challenges for the country. The purpose of the study is to determine the impact of innovations in health care on the population's health and to assess their effectiveness on the example of the Russian regions. Systemic, integrative, and multilevel approaches and statistical and comparative analysis methods were used. The most priority trends in health care at the global level have been identified: emphasis on developing personalized and patient-centered medicine, bioengineering technologies, telemedicine, and digitalization and implementing medical and information innovations using artificial intelligence and gene mapping. The domestic medicine adaptation to new geopolitical conditions and active implementation of import substitution and innovations have been noted. On the example of regional health care systems of Tyumen, Tula, and Sverdlovsk Regions, high efficiency of innovation implementation has been proved. Improvement in the dynamics of medical and demographic indicators and economic effects achievement as a result of reducing losses in morbidity, disability, and mortality in a number of disease profiles contribute to health saving of the population of the regions. The author's approach to innovations application in regional health care, which considers the integrated implementation of various types of innovations, has been proposed.

Keywords

Region, healthcare system, health, population, health preservation, trends, digitalization, innovation, efficiency

Acknowledgments. The research paper was prepared in accordance with the plan of scientific research works of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Krivenko N.V. (2025) Innovation in healthcare as a factor in population's health in regions. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 44–52.

ВВЕДЕНИЕ

По данным Глобального инновационного индекса 2023 г., Российская Федерация (далее – РФ, Россия) заняла 51-е место среди 132 экономик, по результатам инновационной деятельности – 53 место, что ниже, чем в прошлом году¹. В условиях сложной геополитической обстановки требуется достижение технологического суверенитета, повсеместное распространение инноваций в экономике страны. Данные утверждения в полной мере относятся и к социальной сфере, в том числе к здравоохранению.

На пленарном заседании Второго форума будущих технологий «Современные медицинские технологии. Вызовы завтрашнего дня – опережая время» Президент РФ В.В. Путин заявил: «Новые открытия в области медицины должны быть доступны в первую очередь людям и широко использоваться в первичном звене здравоохранения. Нам нужно настроить всю систему – от первичного звена до ведущих клиник и институтов – на сбережение здоровья граждан. В рамках такой работы предстоит задействовать весь потенциал передовых цифровых и медицинских технологий»².

В условиях демографических вызовов для страны представляет научный интерес и практическую значимость исследование влияния инноваций в здравоохранении на здоровьесбережение населения регионов.

Проблемы внедрения инноваций, их влияния на достижение эффективности в организациях широко представлены в трудах зарубежных и отечественных ученых [1–15]. Так, К. Кристенсен исследует возможности для прорывных инноваций и создания новых рынков [1]. Ким В. Чан, Р. Моборн в рамках «стратегии голубого океана» акцентируют внимание организаций не на конкуренции, а на инновации [2]. М.Ю. Афанасьев, М.А. Лысенкова исследуют влияние науки и бизнеса на инновационную активность региона, на основе межстрановых сопоставлений отмечают наиболее высокий уровень инновационных систем Японии, Китая и Швейцарии [3].

Е.Б. Ленчук делает акцент на целесообразности нового качества управления инновационными процессами, базирующимися на развитии гибких систем управления, адекватных решению задач инновационного обновления российской экономики, преодоления технологических отставаний [4].

С.Ю. Глазьев отмечает, что в период пандемии COVID-19 был осуществлен рост структурных изменений: мощное развитие биоинженерных технологий, в том числе производство вакцин и антивирусных препаратов, информационно-коммуникационных технологий, создание систем искусственного интеллекта [5]. Академик предлагает план опережающего развития России на основе активизации имеющегося научно-производственного и интеллектуального потенциала [6].

В представленной зарубежной и отечественной литературе по данной проблематике отмечается также роль инноваций в здравоохранении [12–15]. Ф.Н. Кадыров обосновывает целесообразность применения инноваций в условиях недостаточности финансовых средств в отечественном здравоохранении и необходимости достижения максимальных эффектов в лечении пациентов [13].

Актуальность данной тематики требует дальнейшего развития с точки зрения выявления влияния инноваций в здравоохранении на здоровьесбережение населения на региональном уровне.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

С помощью системного, интегративного, многоуровневого подходов, методов статистического, сравнительного анализа исследованы основные направления развития инноваций в здравоохранении.

Анализ развития инноваций в зарубежном здравоохранении показывает их разнообразие: новые лечебные технологии, картирование генов, современные информационные технологии, включающие виртуальную опеку, «беспроводную» поставку медицинских услуг путем оцифровки основной медицинской документации, построение оптимальной инфраструктуры медицинской организации для нахождения пациентов и др. [14]. В рамках персонализированной медицины прорывным решением стало использование 3D печати [15].

Среди мировых трендов рынка медицинских технологий выделяются несколько основных: развитие возможностей для создания искусственного интеллекта (далее – ИИ), расширение использования телемедицины, цифровизация³.

¹ Всемирная организация интеллектуальной собственности. Глобальный инновационный индекс 2023 года: Инновации в условиях неопределенности. Режим доступа: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (дата обращения: 17.08.2024).

² Пленарное заседание Форума будущих технологий. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73454> (дата обращения: 17.08.2024).

³ Мировые тренды MedTech. Режим доступа: <https://delovoyimir.biz/trendy-edtech.html?ysclid=lp9c3zwbz598351218> (дата обращения: 17.08.2024).

В последние годы, несмотря на функционирование системы отечественного здравоохранения в сложной геополитической обстановке, необходимо отметить адаптацию отечественной медицины к новым реалиям, активное импортозамещение и внедрение инноваций⁴.

Наиболее приоритетные тренды в отечественной системе здравоохранения в 2024 г.⁵:

- пациентоориентированность – в рамках персонализированной медицины растет число клиник, где проводят анализ ДНК, что позволяет узнать о рисках для здоровья и составить индивидуальный план профилактических мер;
- cito-медицина – преимущества для пациентов экспресс-диагностики заключаются в одновременной обработке анализов, результатов УЗИ, рентгена, КТ, МРТ, ранней диагностике заболеваний;
- телемедицина – кроме различных приложений, онлайн-консультаций, появились устройства, собирающие весь анамнез пациента, что экономит время, а главное – облегчает процесс и ускоряет лечение;
- суверенитет, цифровая безопасность – в 2023 г. вышло Постановление Правительства РФ, включающее 13 важных проектов для обеспечения суверенитета страны в медицине, создан Центр информационной безопасности на базе Министерства здравоохранения РФ;
- искусственный интеллект, роботизация – сегодня в медицине активно применяются цифровые помощники, к 2025 г. планируется запуск проекта «Цифровые сервисы системы здравоохранения», чтобы более активно развивать и применять в медицине ИИ, использовать роботизированных помощников.

Уровень развития технологий в медицине требует от современной российской клиники использование инноваций, цифровизации, ИИ.

Важнейшие направления в современной медицине:

- биомедицинская информатика;
- робототехника;
- телемедицина;
- чат-боты в медицине.

Профессии «будущего» в медицине:

- медик в сфере информационных технологий (далее – ИТ);
- ИТ-генетик;
- сетевой врач;
- генетический консультант;
- клинический биоинформатик;
- оператор медицинских роботов.

На современном этапе развития области ИТ позволяют осуществлять диагностику и принимать решения на основе ИИ, использовать телемедицинские технологии при лечении целого спектра заболеваний, реализовывать дистанционный биомониторинг, который востребован для оказания помощи по сопровождению пациентов с хроническими заболеваниями.

Целесообразно изучить отечественный опыт внедрения инноваций на региональном уровне.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ ПО ВНЕДРЕНИЮ ИННОВАЦИЙ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Опыт Тюменской области по внедрению инноваций в медицине представляет научный интерес и практическую значимость. Например, Федеральный центр нейрохирургии в Тюмени специализируется на таких направлениях, как малотравматичная нейрохирургия и сохранение высокого качества жизни и здоровья пациента, проведение высокотехнологичных операций мирового уровня отечественным и зарубежным пациентам. Осуществляется эффективное лечение гидроцефалии, эпилепсии, болезни Паркинсона, опухолей спинного мозга и позвоночника, инсульта, аневризмы и других заболеваний.

Динамика за 2017–2023 гг. показывает снижение заболеваемости населения Тюменской области по профилю «Болезни нервной системы» на 20,6 % (табл. 1).

⁴ Тренды в здравоохранении в 2024 году: новые стратегии, современные технологии, ориентирование на пациентов. Режим доступа: <https://www.medznat.ru/practice/medical-billing/trendy-v-zdravooxranenii-v-2024-godu> (дата обращения: 17.08.2024).

⁵ Там же.

Таблица 1

**Показатели заболеваемости населения по профилю
«Болезни нервной системы» в Тюменской области**

Показатели	2017 г., тыс. шт.	2018 г., тыс. шт.	2019 г., тыс. шт.	2020 г., тыс. шт.	2021 г., тыс. шт.	2022 г., тыс. шт.	2023 г., тыс. шт.	Динамика 2023/2017 гг., %
Зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни	56,0	56,2	58,1	44,1	43,1	44,9	44,5	79,4

Составлено автором по материалам источника⁶

Внедрение инноваций в онкологической службе Тюменской области – организационные и высокотехнологичные проекты (ПЭТ/КТ, ОФЭКТ/КТ, радионуклидная терапия) – за десятилетний период 2007–2016 гг. способствовало росту выявляемости (заболеваемости) злокачественных новообразований и снижению смертности по сравнению со среднероссийскими показателями в 2017 г. [16]:

- показатель заболеваемости на 100 тыс. чел. по злокачественным новообразованиям: по РФ – 242,61, по Тюменской области – 267,95;
- показатель смертности на 100 тыс. чел. по злокачественным новообразованиям: по РФ – 112,78, по Тюменской области – 90,04.

Данные примеры свидетельствуют о достижении медицинских и социальных эффектов в здравоохранении Тюменской области в результате внедрения инноваций.

Анализ показывает дальнейшую положительную динамику. Так, в 2019 г. показатель смертности от злокачественных новообразований в Тюменской области снизился на 11,3 % по сравнению с 2011 г. В 2022 г. процент выявленных активно от числа больных с впервые установленным диагнозом по профилю «Онкология» составил в Тюменской области 32,7 (по РФ – 24,5) [17]. В 2023 г. регион вошел в число субъектов РФ, лидирующих по средней продолжительности жизни по одному из ключевых показателей национального проекта «Здравоохранение» – 75 лет (по РФ – 73,44 года).

В Тульской области создана Единая система мониторинга кардиологической помощи, включающая ИТ-службу, информационно-аналитический отдел, телемедицинский центр, пресс-службу для информированности населения. В 2023 г. в регионе стартовал пилотный проект по дистанционному мониторингу артериального давления, организованный при поддержке Национального медицинского исследовательского центра кардиологии имени академика Е.И. Чазова с использованием искусственного интеллекта⁷. В результате достигнуты повышение качества медицинской помощи, улучшение медико-демографических показателей. Благодаря организационным и информационным инновациям в кардиологической службе Тульской области заболеваемость по классу болезней систем кровообращения только за период 2019–2022 гг. снизилась на 31,8 % (табл. 2).

Таблица 2

**Показатели заболеваемости населения по профилю
«болезни системы кровообращения» в Тульской области**

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Динамика 2022/2019 гг., %
Число зарегистрированных заболеваний у больных с диагнозом, установленном впервые в жизни, кол-во заболевших на 100 тыс. чел.	3 459,79	3 325,22	3 385,58	2 359,95	68,20

Составлено автором по материалам источника⁸

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Заболеваемость населения по основным классам болезней в Тюменской области. Режим доступа: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_zdrav_obl (дата обращения: 17.08.2024).

⁷ Конгресс Оргздрав. Всероссийская премия «Оргздрав: лидеры отрасли». Конференция Оргздрав-2024. Режим доступа: <https://congress.orgzdrav.com/orgzdrav> (дата обращения: 17.08.2024).

⁸ Заболеваемость населения по регионам РФ. Режим доступа: <https://statprivat.ru/zdo?r=5> (дата обращения: 17.08.2024).

Сокращение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний на большем временном лаге за 2000–2021 гг. в Тульской области составило 40 % (число умерших на 100 тыс. чел. в 2000 г. – 1 168,0, в 2021 г. – 706,5), что свидетельствует об эффективности нововведений в региональном здравоохранении⁹.

Комплексное внедрение различных видов инноваций в онкологической службе Свердловской области за 2013–2017 гг. [18]:

- внедрение системы мониторинга онкологических пациентов «ОНКОР», нейронной сети, Центра ядерной медицины;

- развитие новых технологий – иммунотерапия, клеточные биотехнологии, таргетная терапия и др.

В результате за 2013–2017 гг. достигнуты медицинские и социальные эффекты, а также экономический эффект от снижения потерь по заболеваемости и смертности трудоспособного населения по профилю «Онкология» в размере 116,6 млн руб. [18].

В последующие годы отмечается дальнейшее сокращение смертности от злокачественных новообразований в Свердловской области, в том числе благодаря внедрению инноваций в онкологической службе (табл. 3).

Таблица 3

**Показатели смертности от злокачественных новообразований
на 100 тыс. чел. и одногодичной летальности в Свердловской области**

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Динамика 2023/2020 гг., %
Смертность от злокачественных новообразований на 100 тыс. чел.	226,9	210,5	215,9	219,0	96,5
Летальность на первом году с момента установления диагноза, %	23,4	24,2	22,3	20,9	89,3

Составлено автором по материалам источника¹⁰

В 2024 г. первое место в номинации «Системные решения в здравоохранении» конференции «Оргздрав 2024» присвоено проекту «Внедрение модели оплаты молекулярно-генетических исследований в системе ОМС Свердловской области»¹¹. Начиная с 2019 г. в регионе реализована и развивается уникальная для страны система тарификации молекулярно-генетических исследований для диагностики онкологических и онкогематологических заболеваний и выбора оптимальной тактики их лечения; обеспеченность населения региона данными исследованиямикратно выше среднероссийских показателей. Несмотря на более высокий по сравнению со среднероссийским уровень заболеваемости, показатель пятилетней выживаемости у состоящих на учете пациентов со злокачественными новообразованиями в Свердловской области в 2022 г. составил 62,4 % (по РФ – 58,2 %) [17].

Внедрение инноваций в противотуберкулезной службе Свердловской области с 2013 г. – система индикативного управления организациями службы с использованием многофакторного анализа, информационно-аналитической системы, телекоммуникационных технологий, применение медицинских инноваций – способствовало в динамике за 2012–2017 гг. снижению заболеваемости на 27,4 %, распространенности туберкулеза – на 22 %, инвалидности – на 26,7 %, смертности – на 42 %, а экономический эффект от снижения за этот период потерь по заболеваемости, инвалидности, смертности в связи с туберкулезом составил 905,6 млн руб. [19]. В последующие годы отмечается дальнейшее снижение заболеваемости на 12,4 %, распространенности туберкулеза – на 28,5 %, смертности в связи с туберкулезом – на 26,7 %, что подтверждает эффективность внедрения инноваций в противотуберкулезной службе Свердловской области (табл. 4).

⁹ Федеральная служба государственной статистики. Тульская область в цифрах 2022. Режим доступа: <https://71.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Основные показатели здоровья населения и деятельности медицинских организаций Свердловской области. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 17.08.2024).

¹¹ Конгресс Оргздрав. Внедрение модели оплаты молекулярно-генетических исследований в системе ОМС Свердловской области. Режим доступа: <https://congress.orgzdrav.com/cases/208> (дата обращения: 17.08.2024).

**Показатели заболеваемости, распространенности и смертности
от туберкулеза в Свердловской области на 100 тыс. чел.**

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Динамика 2023/2020 гг., %
Распространенность	143,0	125,6	117,1	102,3	71,5
Заболеваемость	51,7	49,3	52,0	45,3	87,6
Смертность	7,5	7,3	5,6	5,5	73,3

Составлено автором по материалам источника¹²

На примере систем здравоохранения различных регионов выявлено непосредственное влияние инноваций на здоровьесбережение населения – улучшение медико-демографических показателей, в том числе превышение среднероссийских показателей по ряду профилей заболеваний, достижение экономических эффектов, что доказывает эффективность внедрения инноваций в отрасли.

АВТОРСКИЙ ПОДХОД К ПРИМЕНЕНИЮ ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Внедрение инноваций в отечественном здравоохранении должно осуществляться с использованием системного, интегративного, многоуровневого подходов для распространения нововведений комплексно, на всех уровнях управления, что позволит ускорить процесс внедрения научных разработок, новых методик лечения, систем поддержки принятия врачебных решений, организационных моделей, чат-ботов и др.

Целесообразно комплексное внедрение на всех уровнях управления в отрасли различного вида инноваций:

- организационные нововведения позволяют алгоритмизировать лечебно-профилактическую деятельность, оптимизировать ограниченные ресурсы на уровне медицинских организаций, а также осуществлять программы, направленные на здоровьесбережение населения регионов на уровне системы здравоохранения;
- информационные инновации (информационно-аналитические системы, телекоммуникационные технологии и др.) позволяют оперативно управлять лечебными учреждениями, проводить телемедицинские консультации пациентам отдаленных территорий на уровне медицинских организаций, а также оценивать эффективность управляющих воздействий на уровне системы здравоохранения;
- медицинские инновации способствуют более раннему выявлению заболеваний в результате повышения уровня диагностики, улучшению качества медицинской помощи, сокращению затрат на лечение пациентов, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности населения на всех уровнях управления в отрасли;
- немедицинские новации способствуют созданию комфортной среды для нахождения пациентов, что способствует улучшению результатов лечения на уровне медицинских организаций;
- экономические инновации (оптимизационные модели, комплексные системы оценки медицинской деятельности и др.) позволяют определить эффективность проводимых преобразований на всех уровнях управления в отрасли.

Интегративное применение инноваций в региональном здравоохранении будет способствовать как повышению медицинской и социальной эффективности, так и достижению экономических эффектов на уровне общества в результате снижения заболеваемости, инвалидности, сокращения смертности, в том числе трудоспособного населения, увеличения продолжительности жизни населения регионов.

Внедрение авторского подхода в условиях недостаточности финансовых средств в отечественном здравоохранении возможно осуществить с помощью:

- медицинских новаций – в рамках национальных проектов, за счет региональных бюджетов и привлечения государственно-частного партнерства;
- немедицинских инноваций – с использованием механизма государственно-частного партнерства;
- организационных, информационных, экономических нововведений, которые в большинстве случаев являются интеллектуальными продуктами и не требуют дополнительных финансовых вложений.

¹² Федеральная служба государственной статистики. Основные показатели здоровья населения и деятельности медицинских организаций Свердловской области. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 17.08.2024).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важным направлением мировой и отечественной медицины стало развитие персонализированной и пациентоориентированной медицинской помощи, что требует комплексного применения ИИ, ИТ, медицинских новаций, новых организационных моделей по диагностике и лечению пациентов. Оценка экономических эффектов от данных преобразований в отрасли позволяет выявить влияние инноваций на здоровьесбережение населения регионов и страны. Как показывает зарубежный опыт (например, высокоэффективное функционирование американской клиники Мэйо на протяжении уже 100 лет), необходимы обеспечение интегративного взаимодействия научного и практического секторов, постоянное внедрение инноваций.

Анализ применения инноваций в отечественном здравоохранении доказывает их высокую эффективность на региональном уровне. Интегративное внедрение различного вида инноваций, в том числе программ по профилактике заболеваний, новых систем управления, мониторинга диагностических и лечебных процессов, прорывных методов лечения, информационно-аналитических систем способствуют улучшению медико-демографических показателей, достижению экономических эффектов в результате снижения заболеваемости, инвалидности, смертности по ряду профилей заболеваний. Выявлена тенденция пролонгированных эффектов в системах регионального здравоохранения благодаря внедрению инноваций в отрасли.

Предложенный авторский подход к комплексному применению различных видов инноваций в региональном здравоохранении целесообразно использовать на страновом и региональном уровнях (на уровне органов управления системой здравоохранения, медицинских организаций), что будет способствовать повышению уровня здоровья и сохранению населения регионов.

Список литературы

1. Кристенсен К. Дилемма инноватора: как из-за новых технологий погибают сильные компании. 4е изд. М.: Альпина Паблишер; 2015. 239 с.
2. Ким В. Чан, Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. 5е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2015. 304 с.
3. Афанасьев М.Ю., Алысенова М.А. Подход к анализу и сопоставлению национальных инновационных систем на примере России и других стран. Вестник ВГУИТ. 2019;1(81):434–442. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2019-1-434-442>
4. Ленчук Е.Б. Формирование инновационной модели развития в России: работа над ошибками. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018;1:27–39.
5. Глазьев С.Ю. Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. Экономическое возрождение России. 2022;2:24–27. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>
6. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир; 2016. 640 с.
7. Названова К.В. Сущность инновационной экономики и особенности формирования национальной инновационной системы в российской федерации. Экономика и предпринимательство. 2021;1(126):91–96. <https://doi.org/10.34925/еір.2021.126.01.012>
8. Попов Е.В., Симонова В.А., Тихонова А.А. Методология оценки параметров инновационной деятельности на базе цифровых платформ. Инновации. 2023;3(293):9–17. <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2023.293.3.002>
9. Попов Е.В., Симонова В.А., Челак П.П. Методика управления развитием инновационной экосистемы. Проблемы теории и практики управления. 2022;1:81–95. <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2022-01-81-96>
10. Голова П.М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах. Экономика региона. 2021;4:1346–1360. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21>
11. Голова П.М. Теоретические основы инновационного развития территориальных сообществ: современное состояние и направления формирования. Журнал экономической теории. 2021;2(18):161–184. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.1>
12. Берри А., Селтман К. Легендарная клиника Мэйо. Уроки лучшей в мире сервисной организации. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2013. 384 с.
13. Кадыров Ф.Н. Экономические методы оценки эффективности деятельности медицинских учреждений. М.: Менеджер здравоохранения; 2007. 458 с.
14. Singh V.K., Lillrank P. Innovations in Healthcare Management: Cost-Effective and Sustainable Solutions. Productivity Press; 2015. 456 p. <https://doi.org/10.1201/b18113>

15. Schubert C., van Langeveld M.C., Donoso L.A. Innovations in 3D printing: a 3D overview from optics to organs. *British Journal of Ophthalmology*. 2014;98:159–161. <https://doi.org/10.1136/bjophthalmol-2013-304446>
16. Ощепков В.Н. Место ядерной медицины в лечении онкологического больного. В кн.: *Инновации в медицине: образование, наука, практика: материалы II Евразийского конгресса с международным участием*, г. Екатеринбург, 21–22 ноября 2018 г. 2018.
17. Каприн А.Д., Старинский В.В., Шахзадова А.О. (ред.) Состояние онкологической помощи населению России в 2022 году. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России; 2022. 239 с.
18. Кривенко Н.В., Елишев В.Г., Кривенцова Л.А. Влияние инноваций на результативность здравоохранения в системе экономической безопасности региона. *Экономика региона*. 2019;1(15):164–177. <https://doi.org/10.17059/2019-1-13>
19. Кривенко Н.В., Цветков А.И. Эффективность финансирования здравоохранения для обеспечения экономической безопасности региона. *Экономика региона*. 2018;3(14):970–986. <https://doi.org/10.17059/2018-3-20>

References

1. Christensen K. *The Innovator's Dilemma: How New Technologies Are Killing Strong Companies*. 4th ed. Moscow: Alpina Publisher; 2015. 239 p. (In Russian).
2. Kim W. Chan, Mauborgne R. *Blue Ocean Strategy. How to Find or Create a Market Free of Other Players*. 5th ed. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2015. 304 p. (In Russian).
3. Afanasiev M.Yu., Lysenkova M.A. Approach to the analysis and comparison of national innovation systems on the example of Russia and other countries. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2019;1(81):434–442. (In Russian). <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2019-1-434-442>
4. Lenchuk E.B. Formation of an innovative development model in Russia: work on mistakes. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;1:27–39. (In Russian).
5. Glazyev S.Yu. Regulation of innovation processes in the new technological and world economic structures. *Economic revival of Russia*. 2022;2:24–27. (In Russian). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2022-2-72-24-27>
6. Glazyev S.Yu. *Economy of the Future. Does Russia Have a Chance?* Moscow: Knizhnyi mir; 2016. 640 p. (In Russian).
7. Nazyanova K.V. The essence of the innovative economy and the features of the formation of the national innovation system in the Russian Federation. *Economy and entrepreneurship*. 2021;1(126):91–96. (In Russian). <https://doi.org/10.34925/eip.2021.126.01.012>
8. Popov E.V., Simonova V.L., Tikhonova A.D. Methodology for assessing the parameters of innovation activities based on digital platforms. *Innovations*. 2023;3(293):9–17. (In Russian). <https://doi.org/10.26310/2071-3010.2023.293.3.002>
9. Popov E.V., Simonova V.L., Chelak I.P. Methodology for managing the development of an innovative ecosystem. *Problems of Management Theory and Practice*. 2022;1:81–95. (In Russian). <https://doi.org/10.46486/0234-4505-2022-01-81-96>
10. Golova I.M. Ecosystem approach to managing innovation processes in Russian regions. *Regional Economy*. 2021;4:1346–1360. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-21>
11. Golova I.M. Theoretical foundations of innovative development of territorial communities: current state and directions of formation. *Journal of Economic Theory*. 2021;2(18):161–184. (In Russian). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.1>
12. Berry L., Seltman K. *The Legendary Mayo Clinic. Lessons from the World's Best Service Organization*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2013. 384 p. (In Russian).
13. Kadyrov F.N. *Economic methods for assessing the effectiveness of medical institutions*. Moscow: Menedzher zdoravookhraneniya; 2007. 458 p. (In Russian).
14. Singh V.K., Lillrank P. *Innovations in Healthcare Management: Cost-Effective and Sustainable Solutions*. Productivity Press; 2015. 456 p. <https://doi.org/10.1201/b18113>
15. Schubert C., van Langeveld M.C., Donoso L.A. Innovations in 3D printing: a 3D overview from optics to organs. *British Journal of Ophthalmology*. 2014;98:159–161. <https://doi.org/10.1136/bjophthalmol-2013-304446>
16. Oschepkov V.N. The place of nuclear medicine in the treatment of cancer patients. In: *Innovations in medicine: Education, science, practice: Proceedings of the II Eurasian Congress with international participation*, Yekaterinburg, November 21–22, 2018. 2018. (In Russian).
17. Kaprin A.D., Starinsky V.V., Shakhzadova A.O. The state of oncological care for the population of Russia in 2022. Moscow: Herzen Moscow Oncology Research Institute – branch of the National Medical Research Center of Radiology of the Ministry of Health of the Russian Federation; 2022. 239 p. (In Russian).
18. Krivenko N.V., Elishev V.G., Kriventsova L.A. The Impact of Innovations on Healthcare Performance in the Regional Economic Security System. *Regional Economy*. 2019;1(15):164–177. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2019-1-13>
19. Krivenko N.V., Tsvetkov A.I. Efficiency of healthcare financing to ensure economic security of the region. *Regional Economy*. 2018;3(14):970–986. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-3-20>

Преобразование исторических промышленных объектов как инструмент региональной политики стран Евразийского экономического союза

Ольшанская Мария Вадимовна

Канд. экон. наук, зам. директора по развитию Высшей школы промышленной политики и предпринимательства
ORCID: 0000-0002-7728-3593, e-mail: m.olshanskaya@mail.ru

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Аннотация

Проведен оригинальный анализ имеющихся вариантов стратегий осуществления преобразований промышленных объектов, имеющих историческую ценность. Представлены удачные примеры реализации проектов. Предложены рекомендации по организации работы в области систематизации проектов преобразования исторических промышленных объектов. Целью настоящего исследования является изучение деятельности по преобразованию промышленных объектов в качестве инструмента осуществления региональной политики стран Евразийского экономического союза. Проведена типология используемых стратегий преобразования исторических объектов. Определены специфика каждой стратегии на примере осуществленных проектов и перспективные возможности использования исторических промышленных объектов в контексте осуществления региональной политики странами союза. Произведена обработка массива публикаций по теме преобразования промышленных объектов, изучены результаты уже реализованных проектов. Применялись сравнительный метод, системный анализ, стратегический подход и типологизация феноменов при выявлении наиболее часто используемых стратегий преобразования объектов. Повторное использование промышленных зданий позволяет получить несколько эффектов: увеличение жизненного цикла промышленных построек, повышение аттрактивности территории, рост инвестиционной привлекательности региона, новые рабочие места, улучшение экологии. Предложена новая институциональная структура для систематизации работы в области преобразования исторических объектов и интеграции усилий всех заинтересованных лиц. Рекомендовано создать новую базу данных, в которую войдут перспективные для преобразования объекты, что позволит привлечь участников для осуществления проектов.

Ключевые слова

ЕАЭС, интеграция, исторические промышленные объекты, ревитализация, региональная политика, реновация, реконструкция, реставрация

Для цитирования: Ольшанская М.В. Преобразование исторических промышленных объектов как инструмент региональной политики стран Евразийского экономического союза // Вестник университета. 2025. № 2. С. 53–61.

Industrial historical objects transformation as a tool of the regional policy of the EAEU countries

Maria V. Olshanskaya

Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director for Development of the Higher School of Industrial Policy and Entrepreneurship
ORCID: 0000-0002-7728-3593, e-mail: m.olshanskaya@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Abstract

An original analysis of the available options of strategies for implementing historical industrial objects transformations has been carried out. Successful examples of project implementation have been presented. Recommendations for organizing work in the field of systematizing transformation projects of historical industrial objects have been offered. The purpose of the study is to examine historical industrial objects transformation as a tool for implementing the regional policy of the EAEU countries. The typology of strategies used for the objects transformation has been carried out. The specifics of each strategy on the example of the implemented projects and promising opportunities for the use of historical industrial objects in the context of regional policy implementation by the EAEU countries have been determined. The array of publications on the subject has been processed, the results of already realized projects have been studied. The comparative method, system analysis, strategic approach, and phenomena typologization were used to identify the most frequently used strategies of objects transformation. The reuse of industrial buildings allows obtaining several effects: increasing the life cycle of industrial buildings, the territory attractiveness, the regional investment attractiveness, new jobs, and improving the environment. A new institutional structure has been proposed to systematize the work in the field of historical industrial objects transformation and to integrate the efforts of all stakeholders. It has been recommended to create a new database that will include promising sites for transformation, which will allow to attract participants for projects implementation.

Keywords

EAEU, integration, historical industrial facilities, revitalization, regional policy, renovation, reconstruction, restoration

For citation: Olshanskaya M.V. (2025) Industrial historical objects transformation as a tool of the regional policy of the EAEU countries. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 53–61.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время страны Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в своей региональной политике ориентируются на межрегиональное сотрудничество и построение общего конкурентного экономического пространства, как отмечают белорусские исследователи [1]. Проблемными рациональной организации территории городских агломераций занимаются исследователи Казахстана, акцентируя внимание на необходимости совершенствования методологической базы и нормативного регулирования данной сферы [2]. Вопросы стилистики архитектуры при осуществлении новой застройки рассматриваются авторами из Кыргызстана, которые обращают внимание на необходимость усиления государственного контроля при осуществлении городской застройки [3].

Одним из способов осуществления региональной экономической политики является пространственное планирование развития территории. Исторические промышленные объекты (далее – ИПО) являются объектом современной регионалистики и частью современных городских территорий. В настоящее время происходят процессы, связанные с приданием таким объектам новой жизни, переосмыслением их значения (в первую очередь исторического), а также культурным, социальным и экономическим аспектами. Использование ИПО в качестве мест притяжения современных городов – задача ученых и практиков урбанистики, решение которой позволит найти новые пути повышения привлекательности и конкурентоспособности территорий, что и является целью региональной политики [4].

Большинство ИПО связаны с советским наследием, когда промышленные здания строились на окраинах городов, а затем «обрастали» современной застройкой и оказывались уже в центре агломераций. Возникла проблема гармоничного «встраивания» таких объектов в архитектурное пространство города, поддержания единого архитектурного единства и планировочных решений. Не всеми специалистами и простыми жителями понимается важность и значимость ИПО. Существует мнение о том, что подобные объекты налагают лишние затраты для местных бюджетов и искажают стилистику городского пространства, ухудшая в том числе туристскую привлекательность территорий [5]. На наш взгляд, такое мнение не совсем корректно. Любые ИПО – это символ прошедшей эпохи, они отражают часть культуры и исторического прошлого народа, которое невозможно вычеркнуть или отменить. Наиболее грамотный подход к решению их дальнейшей судьбы – это поиск возможностей их дальнейшего эффективного использования.

Важная задача современной регионалистики – повышение конкурентоспособности городских пространств. Любые архитектурно-планировочные мероприятия должны учитывать стратегические направления развития территорий, в том числе при решении вопросов, связанных с будущим использованием ИПО [6]. Считаем важным замечание А.В. Ефимова и Н.Г. Пановой о том, что задачей современного обустройства пространства является поиск удачного сочетания исторических и текущих тенденций [7].

Страны ЕАЭС в настоящее время испытывают негативное воздействие внешней среды, связанное с политическими, экономическими, демографическими и культурными факторами. Важно использовать эффективные пути ускорения экономического роста, в том числе путем увеличения притока туристов и иностранных инвестиций. Исторические промышленные объекты при грамотном использовании могут стать «точками роста» для многих территорий стран ЕАЭС.

Цель настоящего исследования – проанализировать пути эффективного использования ИПО в рамках региональной политики стран ЕАЭС.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

ИПО в большинстве случаев представляют собой отчуждаемые объекты недвижимости, однако они могут быть использованы с учетом других функций. Следует согласиться с мнением О. Цепиловой о том, что в процессе структурной перестройки промышленности ряд объектов потерял свою значимость, промышленные комплексы оказались заброшенными, что негативным образом влияет на социально-культурную среду региона [4]. В то же время данные объекты могут являться отправной точкой генерации общественной жизни, ресурсом для развития культурного пространства.

Процесс придания существующим архитектурным объектам новых функций используется человечеством на протяжении нескольких столетий. Еще во времена эпохи Возрождения и Великой Французской революции исторические памятники стали использоваться не по своему назначению для получения экономической эффекта.

А.А. Чадович предлагает рассматривать три подхода к преобразованию ИПО¹:

- типологический, который предусматривает выделение типов объектов исходя из выполняемых ими функций (заводы, музеи, библиотеки и др.);
- технический подход, подразумевающий дифференциацию зданий исходя из конструктивных и пространственных особенностей;
- стратегический подход, направленный на раскрытие различных направлений будущего развития территорий.

Преобразование ИПО подразумевает «адаптивное повторное использование», то есть процедуру преобразований, затрагивающую в большей мере внутреннее обустройство объекта и позволяющую изменить функции ИПО. Преобразование происходит на основе существующих запросов жителей территории, которым будут соответствовать эти функции. В таком процессе необходимо обеспечить выполнение двух задач:

- обеспечение выполнения новых функций ИПО, которые будут содействовать целям региональной политики;
- сохранение исторической и культурной ценности объектов.

Отечественный специалист И.Н. Булгакова отмечает возможность использования функционального подхода для исследования функций, которые могут выполнять ИПО в рамках стратегического планирования регионального развития [8]. Стратегические задачи преобразования ИПО в данном случае направлены на решение экономических, социальных, культурных запросов населения региона. В связи с этим происходит взаимодействие типологического и стратегического подходов А.А. Чадовича.

Можно выделить следующие стратегии преобразований ИПО.

1. Интеграционная стратегия, «реновация». Е.А. Максименко полагает, что стратегия максимальных изменений лидирует при решении задач преобразования ИПО и достаточно активно используется в настоящее время [9]. Это наиболее прогрессивный подход, который предусматривает придание ИПО новых функций. Такая стратегия достаточно затратна, поскольку необходимы перепланировка и перепрофилирование здания. Происходит полноценное встраивание объекта в современную среду. В таком случае, например, здание завода перепрофилируется в жилое помещение или предприятие общественного питания, деловой центр и др. [10].

Примером подобного преобразования ИПО является ресторан «Чырвоная вежа» в Бобруйске, Белоруссия, который организован в помещении бывшей водонапорной башни (рис. 1).

Удачным примером можно назвать модернизацию старых зданий в Казахстане. На рис. 2 показан пример использования здания бывшего аптечного склада для работы коворкинг-центра в Алматы.

2. Стратегия мемориализации, предусматривающая встраивание ИПО в архитектурные решения города в первоначальном виде [5]. Она включает воссоздание исторического вида здания, проведение детальных реставрационных работ. Основное внимание уделяется внешнему виду ИПО и стилистике территории; подразумевается гармоничное композиционное решение всего прилегающего пространства [5].

Примером такой стратегии является реставрация комплекса Бань Рукавишников в Нижнем Новгороде. Комплекс возведен в 1913 г. по проекту известного архитектора Шехтеля, с 1915 г. в здании функционировало швейное производство, позднее названное «Маяк». С 2020 г. проводилась реставрация, в ходе которой зданию был возвращен первоначальный облик (рис. 3). В настоящее время оно используется как Академия «Маяк» им. А.Д. Сахарова. При реставрации использованы технологии ручного изготовления плитки, также восстановлены штукатурка, лепнина, металлические архитектурные элементы.

3. Стратегия музеефикации ИПО. Музеефикация, как и предыдущая стратегия, предусматривает использование исторического вида промышленного здания, однако в данном случае не производится серьезных реставрационных работ, но используется консервация объектов. Подобную стратегию можно использовать в тех случаях, когда промышленное здание имеет историческую и культурную ценность [5].

¹ Чадович А.А. Сохранение или снос? Компромисс! Режим доступа: <https://marhi.ru/AMGT/2013/1kvart13/chadovich/chadovich.pdf> (дата обращения: 23.07.2024).

Источник²

Рис. 1. Фото ресторана «Чырвоная вежа», Бобруйск, Белоруссия

Источник³

Рис. 2. Фото коворкинг-центра в Алматы, Казахстан

Источник⁴

Рис. 3. Фото здания комплекса Бань Рукавишникова после реставрации

² Ресторан «Чырвоная вежа», Бобруйск – фото ресторана. Режим доступа: https://www.tripadvisor.ru/Restaurant_Review-g1757442-d5039415-Reviews-Chirvonaya_Vezha-Bobrujsk_Mogilev_Region.html (дата обращения: 23.07.2024).

³ Качалова К. Какие здания попадают под редувеопмент в Казахстане. Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2023-05-18/print986-kchl-redevelopment> (дата обращения: 23.07.2024).

⁴ Бывшая фабрика «Маяк». Режим доступа: <https://nizhny800.ru/city/symbols/former-factory-mayak> (дата обращения: 23.07.2024).

Пример данной стратегии – старая каменноугольная шахта Цольферайн в Германии (рис. 4). Здание шахты включено в фонд наследия Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. При осуществлении проекта внесены небольшие изменения в первоначальный вид, нетронутой оставлена даже угольная пыль шахты. В 1981 г. на территории шахты создан индустриальный музей Вестфалии.

Источник⁵

Рис. 4. Фото каменноугольной шахты Цольферайн в Германии

4. Стратегия ревитализации. Она отличается от всех перечисленных упором на экологическую составляющую новых объектов. Предусматривается переустройство промышленных зон, ранее наносивших серьезный ущерб экологии. На месте бывших «грязных» производств создаются экологически чистые зоны, часто обустраиваются парки, зеленые зоны, что облагораживает внешний вид территории и создает условия для отдыха горожан и туристов в зонах, ранее используемых под химические, металлургические заводы и др.

Пример проекта ревитализации ИПО – парк «Тюфелева роща», который открыт в Москве на территории промзоны завода «ЗИЛ» с 2018 г. (рис. 5).

Источник⁶

Рис. 5. Фото парка Тюфелева Роща в Москве

5. Демонтаж ИПО. Такая стратегия предусматривает снос объекта, использование территории в новых целях. Эта мера вынужденная, осуществляется после комплексного исследования в том случае, если нет возможностей использовать объект для нужд региона, то есть если он не обладает культурной, исторической, экономической ценностью. Стратегия, по сути, подразумевающая снос, используется исключительно для тех объектов, которые не имеют или утратили историко-культурную ценность, не являются выявленными объектами культурного наследия, поскольку снос объектов культурного наследия запрещен.

⁵ Туризм в Германии. Всемирное наследие ЮНЕСКО. Шахта Цольферайн. Режим доступа: https://www.lgroutes.com/Unesco/Zeche_Zollverein.html (дата обращения: 23.07.2024).

⁶ «Тюфелева роща» в промзоне «ЗИЛ» вошла в шорт-лист премии WAF. Режим доступа: <https://stroimsk.ru/news/tyufelieva-roshcha-v-promzoni-zil-voshla-v-short-list-priemii-waf> (дата обращения: 23.07.2024).

Например, в Калининграде осуществлен снос Дома советов, строительство которого было начато в 1970 г., но затем остановилось уже во второй половине 1980-х гг. (рис. 6).

а) до демонтажа

б) после демонтажа

Источник^{7,8}

Рис. 6. Фото до и после демонтажа здания Дома советов в Калининграде

МЕСТО ИПО В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СТРАН ЕАЭС

Региональная политика стран ЕАЭС в настоящее время предусматривает противостояние внешним вызовам, стимулирование экономического роста, поиск триггеров экономического развития. В интересах политики развития формировать новые, привлекательные места для жителей и гостей региона. Для реализации данной стратегии необходимы ресурсы, одним из которых могут стать ИПО, которые уже имеются на территории [11]. В данном случае сокращаются на затраты на возведение новых объектов, поскольку они уже есть. Необходимо продумать их новые пути использования и возможности для привлечения туристских и/или инвестиционных потоков.

В странах ЕАЭС, не считая Российскую Федерацию, преобразование ИПО только начинает влияться в градостроительную политику, поэтому важно изучать имеющийся положительный опыт, накопленный в мире. Реновационная стратегия использования ИПО имеет большой потенциал по нескольким причинам. Советское наследие достаточно велико во всех странах бывшего союзного государства, имеется большое число заброшенных строений, которые при должном использовании могут принести дополнительные экономические, социальные, культурные и экологические эффекты. Преобразование объектов позволит обеспечить более рациональное использование ресурсов территории, обеспечить проведение ресурсосберегательных программ [12].

Реконструированные промышленные объекты зачастую приводят к переориентации туристских потоков, и умелая организация инфраструктуры и наделение объектов содержательным смыслом позволяют создать «точки роста» в регионе, куда притягиваются другие предприятия и транспортные потоки. Такое использование позволяет получать мультипликативные экономические эффекты.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ИПО

Для успешной реализации выбранной стратегии преобразования ИПО будет эффективно задействование всех заинтересованных субъектов территории:

- инвесторов, которые заинтересованы в прибыльных вложениях в перспективные объекты, поскольку для них преобразование уже имеющихся зданий с прошлым будет более эффективной стратегией с точки зрения экономии на затратах при строительстве, а также продвижении объектов;
- население, которое будет пользоваться в будущем новыми объектами в рекреационных и хозяйственных целях;

⁷ Символ снесут за 127 ман. Назван победитель торгов по Дому Советов. Режим доступа: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/02/04/2023/6422fcfe9a7947768b8221e7> (дата обращения: 23.07.2024).

⁸ На месте Дома Советов в Калининграде показали страшное. Режим доступа: <https://ruwest.ru/news/142523/> (дата обращения: 23.07.2024).

– государственные органы, которые нацелены на будущие вливания в бюджет от использования воссозданных ИПО.

Специалисты предлагают использовать совместные структуры для реализации деятельности по преобразованию ИПО, например, в форме экспертных советов. Состав таких советов может включать предпринимателей, специалистов в области архитектуры и градостроителей, представителей гражданского общества, властных структур. В функции совета будет разумным включить разработку параметров оценки объектов с точки зрения необходимости использования той или иной стратегии преобразования ИПО, а также осуществления инвентаризации таких объектов и формирование соответствующей базы данных [13].

На наш взгляд, план преобразования ИПО можно включить в Генеральный план развития города, что повысит значимость будущих преобразований и привлечет внимание со стороны заинтересованных лиц, включая потенциальных инвесторов [14]. Кроме того, встраивание планов преобразования отдельных ИПО в планы развития города позволит обеспечить единство принимаемых архитектурно-планировочных решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Преобразование исторических промышленных объектов – это один из современных инструментов региональной политики, который может с успехом быть принят странами ЕАЭС, чему есть удачные примеры. Повторное использование промышленных зданий, уже оставивших место в истории города, является современным инновационным подходом к региональной политике. Для того чтобы деятельность по преобразованию объектов была эффективной, можно использовать партнерства, привлекать всех заинтересованных участников для реализации проектов.

Для осуществления деятельности по преобразованию ИПО на системной основе автором предложены использование экспертных советов и формирование базы данных объектов для реализации проектов преобразования.

Список литературы

1. Луцевич А.Д. Структурные факторы регионального развития Республики Беларусь в условиях ЕАЭС. Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Экономика. Социология. Биология. 2021;2(11):19–24.
2. Абилов А.Ж., Маметов А.А. Проблемы территориального планирования в современном Казахстане. В кн.: Многообразие городских миров: история, теория, практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора Е.Н. Перцика, Москва, 23–24 марта 2021 г. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 2021. С. 183–191.
3. Муксинова Р.М., Филипенко Е.Ф. Некоторые аспекты влияния социально-экономических преобразований на архитектуру города Бишкека. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021;8(21):97–101. <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2021-21-8-97-101>
4. Цепилова О.П. Анализ опыта повторной адаптации промышленной архитектуры. Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2020;12:74–90. <https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-12-74-90>
5. Снитко А.В. Особенности и противоречия охраны промышленных зданий как объектов культурного наследия. Внешний облик. Приволжский научный журнал. 2023;2:153–159.
6. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Волков Ю.Г., Гвинтовкин А.Н., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. Ростов-на-Дону: Антей; 2012. 172 с.
7. Ефимов А.В., Панова Н.Г. Колористическая культура архитектора. Эволюция цветовых предпочтений в архитектуре. Архитектура и строительство России. 2011;1(205):30–39.
8. Булгакова И.Н. Функциональный подход к развитию механизмов экономики и управления предприятиями. Современные проблемы науки и образования. 2013;3:34–38.
9. Максименко Е.А., Обласов Ю.А., Полевая А.С. Анализ методов сохранения исторических объектов промышленной архитектуры. Перспективы науки. 2023;4(163):128–131.
10. Гайдук А.Р. Реновация промышленных объектов и адаптация индустриальных зон городов к современным условиям (на примере г. Казань). Известия КГАСУ. 2016;4(38):83–88.
11. Суханова И.А. Конкурентоспособность региона: основные пути повышения. Мировая наука. 2017;5(5):42–51.
12. Чайко Д.С. Включение памятников промышленной архитектуры в современную городскую среду. Аспирант и соискатель. 2021;1:53–59.

13. *Боровикова Н.В.* Критерии сохранения индустриального наследия. Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019;2:52–62. <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2019-21-2-52-62>
14. *Ахмедова Е.А.* Современный генеральный план города и возможности его реализации в условиях рынка. Промышленное и гражданское строительство. 2010;8:6–10.

References

1. *Lutsevich A.D.* Structural factors of regional development of the Republic of Belarus in the context of the EAEU. Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Economics. Sociology. Biology. 2021;2(11):19–24. (In Russian).
2. *Abilov A.Zb., Mametov A.A.* Urban planning issues in modern Kazakhstan. In: Diversity of urban worlds: history, theory, practice: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor E.N. Pertsik, Moscow, March 23–24, 2021. Moscow: Faculty of Geography of the Lomonosov Moscow State University; 2021. Pp. 183–191. (In Russian).
3. *Muksinova R.M., Filipenko E.F.* Some aspects of the impact of socio-economic transformations on the architecture of Bishkek city. Herald of KRSU. 2021;8(21):97–101. (In Russian). <https://doi.org/10.36979/1694-500X-2021-21-8-97-101>
4. *Tsepilova O.P.* Analysis of the experience of re-adaptation of industrial architecture. Bulletin of Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 2020;12:74–90. (In Russian). <https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-12-74-90>
5. *Snitko A.V.* Features and contradictions of the protection of industrial buildings as objects of cultural heritage. Appearance. Volga Scientific Journal. 2023;2:153–159. (In Russian).
6. *Barbashin M.Yu., Barkov F.A., Volkov Yu.G., Gvintovkin A.N., Sadko D.O., Serikov A.V., Chernous V.V.* Twenty years of reforms in Russia through the eyes of residents of the Rostov region. Rostov-on-Don: Antei; 2012. 172 p. (In Russian).
7. *Efimov A.V., Panova N.G.* The coloristic culture of the architect. The evolution of color preferences in architecture. Architecture and Construction of Russia. 2015;1(205):30–39. (In Russian).
8. *Bulgakova I.N.* A functional approach to the development of economic mechanisms and enterprise management. Modern problems of science and education. 2013;3:34–38. (In Russian).
9. *Maksimenco E.A., Oblasov Yu.A., Polevaia A.S.* The analysis of the study of the structure of industrial architecture objects. Science Prospects. 2023;4(163):128–131. (In Russian).
10. *Gaiduk A.R.* Renovation of industrial facilities and adaptation of the industrial zones of the cities to modern conditions (on the example of Kazan). News of KSUAE. 2016;4(38):83–88. (In Russian).
11. *Sukhanova I.A.* Competitiveness of the region: main ways of improvement. World Science. 2017;5(5):42–51. (In Russian).
12. *Chaiko D.S.* The inclusion of monuments of industrial architecture in the modern urban environment. Aspirant i soiskatel. 2021;1:53–59. (In Russian).
13. *Borovikova N.V.* Criteria for conservation of industrial heritage. Journal of Construction and Architecture. 2019;2:52–62. (In Russian). <https://doi.org/10.31675/1607-1859-2019-21-2-52-62>
14. *Akhmedova E.A.* City masterplan and possibilities of its realization in the modern economic conditions. Industrial and civil engineering. 2010;8:6–10. (In Russian).

Роль научной школы Государственного университета управления в развитии систем автоматизации университетского управления

Сороко Григорий Янович

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0003-2405-2377, e-mail: gs150355@mail.ru

Коготкова Ирина Захаровна

Канд. экон. наук, проф. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0003-1928-0076, e-mail: izk2005@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва

Аннотация

Цель настоящего исследования – дополнить и уточнить сложившуюся к настоящему времени систему знаний о процессах формирования и развития отечественного опыта автоматизации управления вузами. Представлены результаты исследования генезиса и эволюции информационных технологий управления образовательной деятельностью в Государственном университете управления, являющегося одним из вузов-первопроходцев в области автоматизации процессов организационного управления, в том числе в высших учебных заведениях. Обозначены основные этапы развития процессов цифровизации управления образовательной деятельностью, сопутствующие события, обстоятельства и персоны, оказавшие значительное влияние на ход этого развития. В качестве критериев выделения этапов рассмотрены базовые возможности цифровых информационных технологий, обусловленные технологическим уровнем их развития. К первому этапу отнесены разработки, базирующиеся на использовании пакетного режима обработки информации, ко второму – разработки, использующие интерактивные технологии взаимодействия систем автоматизации с конечными пользователями. К третьему этапу отнесены системы, построенные на принципах Web-технологий. Проанализированы возможные направления и подходы дальнейшего развития систем цифровизации управления университетом. Термины «автоматизация» и «цифровизация» рассмотрены как синонимичные, поскольку с самых первых шагов для автоматизации процессов организационного управления использовались цифровые вычислительные машины.

Ключевые слова

Организационное управление, управление университетом, автоматизация управления вузом, цифровые технологии образовательной деятельности, Web-технологии, средства разработки Web-приложений, Государственный университет управления

Благодарности. Статья подготовлена к 105-летию Государственного университета управления.

Для цитирования: Сороко Г.Я., Коготкова И.З. Роль научной школы Государственного университета управления в развитии систем автоматизации университетского управления // Вестник университета. 2025. № 2. С. 62–73.

The role of the State University of Management scientific school in university management automation systems development

Grigory Ya. Soroko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0003-2405-2377, e-mail: gs150355@mail.ru

Irina Z. Kogotkova

Cand. Sci. (Econ.), Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0003-1928-0076, e-mail: izk2005@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to supplement and clarify the current system of knowledge about the processes of forming and developing the domestic experience of university management automation. The results of the study of genesis and evolution of information technologies of educational management at the State University of Management, which is one of the pioneer universities in the sphere of organizational management processes automation, including in higher education institutions, have been presented. The main stages of developing the processes of educational activity management digitalization, accompanying events, circumstances, and persons who had a significant impact on the course of it have been outlined. The basic capabilities of digital information technologies, conditioned by the technological level of their development, have been considered as criteria for identifying the stages. The first stage includes developments based on the use of batch mode of information processing, and the second stage includes developments using interactive technologies of interaction between automation systems and end users. The third stage includes systems built on the principles of Web technologies. Possible directions and approaches of further development of university management digitalization systems have been analyzed. The “automation” and “digitalization” terms have been considered as synonymous since from the very first steps digital computers have been used to automate organizational management processes.

Keywords

Organizational management, university management, university management automation, digital technologies of educational activities, Web technologies, Web application development tools, State University of Management

Acknowledgements. The article was prepared for the 105th anniversary of the State University of Management.

For citation: Soroko G.Ya., Kogotkova I.Z. (2025) The role of the State University of Management scientific school in university management automation systems development. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 62–73.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время начинается новый этап развития цифровизации информационных процессов, одной из главных особенностей которого считается использование искусственного интеллекта. На эту тему существует достаточно много научных публикаций, а в октябре 2024 г. в Московском государственном техническом университете (далее – МГТУ) им. Н.Э. Баумана состоялась третья Всероссийская научная конференция «Искусственный интеллект в автоматизированных системах управления и обработки данных». Тем не менее в сфере цифровизации организационного управления существует еще много реальных проблем, в решении которых искусственный интеллект пока вряд ли может помочь.

Это в полной мере относится и к цифровизации процессов управления организациями высшего образования. Здесь имеется значительный пласт задач, требующих от разработчиков большого практического опыта и знаний, то есть «естественного» интеллекта.

У ряда представителей научного сообщества, публикующих статьи на эту тему, имеются поверхностные знания в области генезиса и развития систем цифровизации управления вузом. В одном исследовании отмечено: «Начало использования автоматизированных информационных систем управления в административной работе вузов относится к первой половине 1990-х гг. Тенденция общего информационно-технологического бума в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) была подхвачена имеющимися в вузах ИТ-специалистами, и в 1993–1994 гг. в вузах были разработаны первые информационные системы, автоматизировавшие, как правило, процессы расчета зарплаты и стипендии посредством персональных рабочих станций (компьютеров) конечных пользователей – бухгалтеров. До этого момента в некоторых отделах и подразделениях использовались только текстовые редакторы, позднее – текстовые процессоры. Круг вопросов, решаемых ими с помощью компьютера, ограничивался только набором и редактированием документов» [1, с. 101].

Приведенная точка зрения говорит о том, что многие аспекты развития цифровизации управления вузом в России освещены в научной литературе скупо, отрывочно и часто очень далеки от реальности. На наличие таких представлений в определенной мере могла повлиять практически полная монополизация данного направления разработок известной отечественной компанией из сферы информационных технологий (далее – ИТ), которая много лет ежегодно организует посвященные данной тематике конференции. На них обсуждаются исключительно вопросы применения ее продуктов [2; 3].

Однако ситуация постепенно начинает меняться. Появляются новые площадки для обсуждения опыта и проблем цифровизации управления вузами во всей их полноте, сложности и многообразии^{1,2}. В программе прошедшего в ноябре 2024 г. ежегодного Всероссийского круглого стола «Цифровизация современного учебного заведения» преобладала более общая тематика докладов³.

В год 105-летия Государственного университета управления (далее – ГУУ) авторы посчитали важным рассказать о некоторых неизвестных или малоизвестных фактах, связанных с процессами автоматизации управления в вузе, его значительном вкладе в отечественный опыт автоматизации управления, о том, как цифровые технологии далекого прошлого успешно используются в настоящее время. Данная статья отражает субъективный взгляд авторов, сформированный в ходе исследований и разработок в области.

Одним из главных направлений деятельности вуза, начиная с конца 1950-х гг., были исследования и разработки в области автоматизации процессов управления производством в различных отраслях народного хозяйства и в дальнейшем в сфере управления любыми организационными системами. Учитывая первые серьезные достижения ГУУ в этой области, Министерство высшего образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) поручило ему создание типовой системы автоматизации управления вузом. Такая система эксплуатировалась долгие годы, постоянно развиваясь и адаптируясь к текущим возможностям компьютерной техники и программного обеспечения.

Опыт и знания, полученные специалистами на этом этапе, стали важным фактором сохранения лидирующих позиций вуза в области автоматизации управления учебным процессом и других направлений его деятельности при переходе на новые интерактивные компьютерные технологии, базирующиеся

¹ Рахматуллина Е.Р. Цифровизация современного учебного заведения. Режим доступа: <https://goo.su/SGAFr> (дата обращения: 17.11.2024).

² Цифровизация образовательных организаций. Режим доступа: <https://sibstutis.ru/news/4733342/?ysclid=lrirw29lzg10478337> (дата обращения: 17.11.2024).

³ Цифровизация современного учебного заведения. Режим доступа: <https://sibstutis.ru/news/4733342/?ysclid=lrirw29lzg10478337> (дата обращения: 17.11.2024).

на использовании диалоговых систем обработки информации. Однако в дальнейшем, в ходе многочисленных реформ, происходивших в сфере высшего образования, многое из этого опыта было утрачено.

В настоящее время происходит осознание необходимости восстановления многих утерянных за последние годы компетенций отечественной высшей школы. Это относится и к организации управления в российских университетах на базе его эффективной цифровизации, которая освободит преподавателей кафедр и управленческий персонал от множества трудоемких рутинных задач.

НАУЧНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВУЗА

Первые работы по автоматизации процессов организационного управления во всех сферах народного хозяйства начались уже в конце 1950-х гг. Нарастал выпуск отечественной вычислительной техники.

В числе передовых участников автоматизации управления производственных и организационно-экономических процессов был и Московский инженерно-экономический институт им. С. Орджоникидзе (далее – МИЭИ). В 1958 г. в вузе начала работу кафедра электронно-вычислительных машин, и по инициативе его ректора О.В. Козловой при вузе была создана хозрасчетная (финансируемая не из бюджетных средств) научно-исследовательская лаборатория экономики и организации производства, позднее переименованная в лабораторию управления народным хозяйством [4; 5]. Эта лаборатория стала первой в стране вузовской научно-исследовательской организацией нового типа, ведущей исследования по заказам промышленности на основе хозяйственных договоров.

В начале 1960-х гг. началось строительство собственного научного вычислительного центра (далее – НВЦ) и формирование его коллектива. К работе привлекались выпускники МИЭИ, а также ведущих технических вузов СССР. Одной из основных задач НВЦ была разработка программного обеспечения для автоматизированных систем управления предприятиями базовых отраслей экономики. В 1960-е гг. в МИЭИ открыли кафедру экономической кибернетики и кафедры автоматизированных систем управления на всех отраслевых факультетах [4].

Достижения МИЭИ в области теории и практики автоматизации управления предприятиями послужили основанием для получения важного государственного задания. Министерство образования СССР поручило вузу совместно с Научно-исследовательским институтом высшей школы разработку типовой автоматизированной системы управления вузом (далее – АСУ-ВУЗ). Для ее разработки и поддержки в НВЦ было создано специализированное подразделение. Апробация АСУ-ВУЗ проходила на базе МИЭИ.

Создание и эксплуатация подобных систем, характерной особенностью которых была централизованная обработка информации, требовали больших финансовых и временных затрат, привлечения значительного штата квалифицированных специалистов. Такие разработки были ориентированы на использование типовых решений, но быстро становилось очевидным, что любой вуз обладает своими особенностями, которые делают использование типовых решений малоэффективным, вследствие чего приходится отказываться от них или дорабатывать их.

Уже на самых ранних этапах цифровизации возникли – и до настоящего времени конкурируют – две методологии создания корпоративных систем управления. Одна ориентирована на использование типовых решений с последующей их индивидуальной доработкой, другая – на создание изначально уникальной корпоративной системы управления, учитывающей все особенности конкретной организации.

Стоит отметить, что уже к 1975 г., еще на электронной вычислительной машине (далее – ЭВМ) второго поколения, АСУ-ВУЗ МИЭИ включала в свой состав подсистемы «Управление учебной работой», «Управление учебой на подготовительном отделении», «Управление работой приемной комиссии», «Управление подготовкой научных кадров», «Управление научной работой» и «Управление общественной работой». Например, подсистема «Управления учебной работой» позволяла формировать, помимо проведения контрольных опросов студентов и расчета заработной платы преподавателей [4–7]:

- отчеты о текущей и семестровой успеваемости;
- отчеты по контингенту студентов и преподавателей;
- отчеты по выполнению плана нагрузки;
- массовые приказы по контингенту студентов;
- стипендиальные ведомости;
- расписание занятий и пр.

Техническое оснащение НВЦ и разработка АСУ-ВУЗ осуществлялись на отечественной вычислительной технике. Техническая база НВЦ постоянно обновлялась. В середине 1975 г. МИЭИ был преобразован в Московский институт управления им. С. Оржоникидзе (далее – МИУ). После переезда части факультетов института в новый кампус на Рязанском проспекте в административном корпусе был развернут учебный вычислительный центр, обеспечивающий студентов машинным временем.

В начале 1980-х гг. благодаря реализации нескольких успешных проектов в сфере автоматизации управления НВЦ получил ряд заказов на цифровизацию управления работой внешнеэкономических объединений Министерства внешней торговли СССР (далее – МВТ) и Государственного комитета по внешнеэкономическим связям СССР (далее – ГКЭС), осуществлявшим сооружение строительных объектов за рубежом. Эти организации имели возможность приобретения самой передовой вычислительной техники и программного обеспечения того времени.

Специалисты НВЦ МИУ получили возможность работы с программным комплексом PICK Systems, предназначенным для создания и поддержки эффективных систем автоматизации в сфере организационного управления на мини-ЭВМ. Данный комплекс уже в те годы обеспечивал диалоговое, многопользовательское и удаленное взаимодействие с системой автоматизации конечных пользователей – руководителей и специалистов организаций. Заложенные в основу данного программного комплекса идеи, принципы и механизмы разработки и развития систем автоматизации организационного управления эффективно используются и сегодня. Система PICK включала операционную систему, систему управления базой данных (далее – СУБД), обеспечивающую работу с данными иерархической структуры, а также все необходимые средства разработки программного обеспечения (редакторы, язык программирования высокого уровня, его компилятор и др.) [8].

В целях обеспечения эффективной разработки систем автоматизации управления для внешнеэкономических объединений МВТ и ГКЭС в НВЦ МИУ разместили мини-ЭВМ REALITE-2000, на которой работала система PICK. Таким образом, уже в начале 1980-х гг. в распоряжении специалистов НВЦ МИУ оказались самые передовые информационные технологии того времени. Следует отметить, что ведущие научные организации СССР, такие как Институт проблем управления и Отделение информатики Академии наук СССР, получили доступ к этим технологиям на десятилетие позже [8].

Самое главное заключалось в том, что, помимо специалистов НВЦ, благодаря выстроенной в МИУ системе организации управления учебной и научной деятельностью доступ к самым передовым технологиям получили преподаватели и студенты. Так, уже к маю 1982 г. в качестве дипломного проекта студентами строительного факультета была разработана интерактивная деловая игра «Строй-5», имитирующая процессы календарного планирования и управления строительством [8]. Для демонстрации своей разработки студенты переместили один из терминалов из вычислительного центра (станция метро «Таганская» в центре Москвы) в учебный корпус МИУ на Рязанском проспекте и подключили его по телефонному модему к ЭВМ.

В процессе подготовки материалов к столетнему юбилею ГУУ проведены интервью с сотрудниками, многие годы участвовавшими в эксплуатации системы АСУ-ВУЗ. Оказалось, что их подразделение и ЭВМ REALITE-2000 несколько лет размещались в соседних помещениях НВЦ. Возможности использования самой передовой информационной технологии того времени для решения задач АСУ-ВУЗ не было. Машина была только одна, а заказов на разработку и развитие систем автоматизации для МВТ и ГКЭС – много.

В СССР продолжал наращиваться выпуск и обновлялась линейка больших машин серии ЕС ЭВМ. Вузы оснащались техникой этого класса. Развивалась и совершенствовалась система АСУ-ВУЗ, перенесенная на новые технические средства и программное обеспечение. Долгое время системы, базирующиеся на использовании больших машин, обеспечивали только пакетный режим обработки информации, вводимой с перфокарт. Однако к 1983 г. инженерами учебного вычислительного центра МИУ был разработан программный комплекс DISPL2, который обеспечивал возможность диалогового взаимодействия с ЕС ЭВМ. Он стал активно использоваться при эксплуатации системы АСУ-ВУЗ МИУ, обеспечивая интерактивное взаимодействие операторов с системой. Создание данного диалогового программного комплекса значительно активизировало работы по автоматизации учебного процесса на всех факультетах МИУ.

Если обратиться к программе Всесоюзного научно-практического семинара «Теоретические и практические основы применения деловых игр в вузе», состоявшегося в ноябре 1984 г., можно увидеть, что на нем был представлен целый спектр разработок компьютерных интерактивных деловых игр, включая

разработки на REALITE. Их авторами были студенты и преподаватели энергетического, химического и строительного факультетов, факультета экономической кибернетики (рис. 1, рис. 2).

Программа научно-практического семинара "Теоретические и практические основы разработки и применения деловых игр в вузе" (МИУ 1984 г.)			
№ п/п	Время	Докладчик	Тема выступления
1	2	3	4
<u>21 ноября (ауд. ПА-21)</u>			
1.	10.00	Разу М.Л. (научный руководитель Центра деловых игр МИУ)	Вступительное слово
2.		Петров А.С., Молостнов А.Г. (МИУ, каф-ра Народнохозяйственного планирования)	Опыт применения диалоговой имитационно-игровой системы ДМИСО в учебном процессе
3.		Капитоненко В.В. (МИУ, каф-ра Экономической кибернетики)	Деловая игра "Распределение БФРНТ (Единого Фонда Развития Науки и Техники)"
4.		Тихонов В.Е. (МИУ, каф-ра Экономической кибернетики)	Использование машинных деловых игр на кафедре экономической кибернетики
5.		Ефремов В.С. (МИУ, каф-ра Организации управления в химической промышленности)	Машинные деловые игры в курсе "Организация управления в химической промышленности"
6.		Глотов В.И., Сергеев В.Ф. (МИУ, каф-ра Организации управления в энергетике)	Методические основы формирования машинных деловых игр на кафедре "Организация управления в энергетике"
7.		Разу М.Л., Чередин В.Б., Сороко Г.Я., Китаин М.М. (МИУ, каф-ра Организации управления в строительстве)	Методика проведения деловой игры "АЛИСА-1" (Анализ Логико-Информационных Схем Автоматизированный)
13.00		П Е Р Е Р Ы В	

Примечание: фотографии из личного архива авторов.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Доклады на пленарном заседании научно-практического семинара

- 3 - ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ				
№ п/п	Тема	Ответственные	Тип ЭВМ	Время
<u>22 ноября (ауд. ЛК-227)</u>				
1.	Диалоговая имитационно-игровая система ДМИСО	Молостнов А.Г.	ЕС-1033	10.00-11.00
2.	Диалоговая система редактирования текстов JESSY	Ефиму В.А. Болотов А.	- " -	11.00-12.00
3.	Деловая игра "Выбор"	Сергеев В.Ф. Глотов В.И.	- " -	12.30-13.30
4.	Деловая игра "Диагностический анализ организационных отношений в системе управления"	Ефремов В.С.	- " -	13.30-14.30
5.	Деловая игра "АЛИСА-1"	Чередин В.Б. Сороко Г.Я.	- " -	14.30-15.30
6.	Деловая игра "Исследование влияния методов принятия решений и обработки информации на качественные характеристики АСУ"	Тихонов В.Е.	REALITE	-
Ректор МИУ им.С.Орджоникидзе д.э.н., профессор		/О.В.Козлова/		

Примечание: фотографии из личного архива авторов.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Программа практических занятий научно-практического семинара

Стремительное развитие новых информационных технологий на базе персональной компьютеризации сделало эти разработки достоянием истории. Научный и практический опыт, полученный в ходе этих разработок, стал залогом успешного освоения и развития в МИУ новых информационных технологий.

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ

В 1960-е гг. и до первой половины 1980-х гг. в активной эксплуатации находились ЭВМ первых поколений, обработка данных в которых выполнялась пакетном режиме. Ввод информации в ЭВМ как программ, так и обрабатываемых данных выполнялся с помощью перфокарт, скомпонованных в пакеты.

К середине 1980-х гг. получила значительное распространение вычислительная техника следующего поколения, которая имела значительно меньшие габариты и стоимость. Техника нового поколения предоставляла возможность работы с ней в диалоговом режиме конечных пользователей (сотрудников деканатов, специалистов учебных отделов и т.д.), а не только программистов. Массовый выпуск персональных компьютеров, сделавший машинную обработку как деловой, так и личной информации общедоступной, коренным образом изменил производительность и качество интеллектуального труда. Именно в тот период возникло и получило распространение понятие новой информационной технологии. Появление возможности работы с компьютерами в диалоговом режиме специалистов, занятых в интеллектуальных сферах деятельности, считали Четвертой информационной революцией и ставили в один ряд с рождением языка, появлением письменности и книгопечатания.

Кардинальным образом изменились стоимость и время разработки систем автоматизации организационного управления. Стало возможным быстро и сравнительно недорого автоматизировать функциональность большинства рабочих мест специалистов организаций. Начал преобладать распределенный режим обработки информации на автономных рабочих местах. На первый план вышла разработка систем цифровизации, максимально ориентированных на конечных пользователей и учитывающих мельчайшие особенности функциональности их рабочих мест.

МИУ им. С. Орджоникидзе стал одним из лидеров разработки и внедрения новых информационных технологий в сфере организационного управления, том числе в области перевода на новые информационные технологии процессов управления вузом. Массовый выпуск диалоговых мини-ЭВМ «Искра-226» и оснащение ими отечественных вычислительных центров обусловили развертывание широкого фронта работ по переносу на них АСУ организациями, в том числе систем управления вузами.

Однако развитие компьютерной техники и технологий того периода было столь стремительно, что многие только начинавшие свое распространение информационные технологии быстро устаревали и на смену им приходили новые более совершенные. Стали выпускаться микро-ЭВМ, которые обладали гораздо большими функциональными возможностями. Такие ЭВМ начали массово использоваться в промышленности. Благодаря устойчивым связям кафедр МИУ с производством в ноябре 1985 г. Институту удалось получить в свое распоряжение первую микро-ЭВМ «ДВК-2» (диалоговый вычислительный комплекс).

Здесь необходимо сказать несколько слов об А.А. Венгерове – профессоре кафедры организации управления в строительстве, пришедшем в МИУ в 1983 г., и его вкладе в развитие компьютерных информационных технологий ГУУ. Он был человеком широчайшей эрудиции. Длительное время работал руководителем вычислительного центра крупного предприятия аэрокосмического комплекса. На кафедру организации управления в строительстве ученый перешел из проектного института «Оргэнергострой», в котором руководил одним из первых стране проектов по применению видеосистем для эффективного управления строительством энергетических объектов. Перу А.А. Венгерова также принадлежат работы по литературоведению, книговедению и истории России.

После прихода на кафедру он активно включился в работы по автоматизации процессов организационного управления. Именно благодаря его усилиям и связям с производством студенты, аспиранты, преподаватели и специалисты МИУ получили в свое полное распоряжение «ДВК-2», что по тем временам было роскошью. Практически сразу определились с тематикой первой разработки. Мы уже упоминали выше о том, что НВЦ МИУ вел разработки для ГКЭС. Одним из заказчиков было объединение «Атомэнергоэкспорт», обеспечивающее строительство за рубежом атомных электростанций. В небывалые до этого для подобных разработок сроки (с ноября 1985 г. по февраль 1986 г.) на основе образцов документов, формируемых автоматизированной системой иностранных партнеров, под руководством

профессора А.А. Венгерова была создана оригинальная отечественная система управления строительным проектом, прошедшая промышленную эксплуатацию при создании атомной станции «Ловиса-2» в Финляндии. Следствием этой разработки стало приобретение ГКЭС нескольких десятков персональных компьютеров IBM PC европейского производства. Несколько из них были переданы в НВЦ МИУ для продолжения разработок автоматизированных рабочих мест для объединения «Атомэнергоекспорт».

В свою очередь МИУ после успешного внедрения системы управления строительными проектами ГКЭС также приобрел несколько комплексов «ДВК-2» для продолжения разработок и их использования в учебном процессе. Руководством Института было принято решение об обязательном включении раздела по использованию новых информационных технологий в дипломы выпускников всех факультетов.

Необходимо также упомянуть о том, что А.А. Венгеров был одним из инициаторов и организаторов создания в МИУ кафедры информатики. По его рекомендации и при его содействии первым заведующим кафедрой стал Ю.М. Черкасов – руководитель АСУ-Москва (Научно-производственное объединение по автоматизации управления городским хозяйством и вычислительным работам). Ю.М. Черкасов и его кафедра внесли значительный вклад в подготовку высоко квалифицированных ИТ-специалистов для страны. Они достойно продолжили традиции, заложенные первопроходцами МИЭИ по автоматизации процессов организационного управления.

Новые информационные технологии стремительно развивались, и конкурентную борьбу на рынке персональных компьютеров выиграла компания IBM. Во второй половине 1980-х гг. началось оснащение высших учебных заведений такой техникой. Стало очевидно, что будущее за использованием средств персональной компьютеризации. Это потребовало создания новых организационных форм разработки и эксплуатации автоматизации информационных процессов в вузе.

В этот период произошло территориальное и организационное объединение учебного и научного вычислительно центров. Специалисты НВЦ, обеспечивающие разработку и поддержку АСУ-ВУЗ, переместились в учебные корпуса на Рязанском проспекте. Началась большая и системная работа по переводу АСУ-ВУЗ на технику и программное обеспечение нового поколения. Стоит вспомнить имена ректора МИУ А.Г. Поршнева, проректора по учебной работе Ю.А. Старостина, руководителей объединенного вычислительного центра (далее – ВЦ) М.З Гуревича и Т.А. Осико, В.А. Вишнякова, А.А. Михайлова.

Объединенный ВЦ обеспечивал организацию всех направлений автоматизации, реализуемых вузом: проведение учебных занятий по дисциплинам, связанным с автоматизацией управления, научных разработок в этой области и автоматизации управления учебным процессом. Ведущие специалисты центра активно включились в преподавательскую работу кафедры информатики, которая в дальнейшем стала базовой кафедрой Института информационных систем управления ГУУ.

Уже к концу 1980-х гг. специалисты МИУ осуществили перенос базовой функциональности системы АСУ-МИУ на персональную технику. Эта система успешно эксплуатировалась вплоть до начала 2010-х гг.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ АВТОМАТИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВУЗА

В 1990-е гг. стремительные изменения в области развития компьютерных технологий продолжались. В начале 2000-х гг. стало очевидно, что действовавшая тогда в университете система АСУ-ВУЗ морально устаревает. Появление графических интерфейсов, сетевых операционных систем, технологий глобальных сетей предоставляло новые возможности совершенствования системы управления вузом и организации учебного процесса на гораздо более высоком, качественном уровне.

При этом масштабы и сложность задач управления вузом непрерывно увеличивались, обновлялись и ужесточались требования государственных стандартов. Функциональность действующей в ГУУ системы автоматизации более не соответствовала возрастающим потребностям подразделений, связанных с организацией управления учебным процессом. К началу 2000-х гг. оснащение компьютерами всех структурных подразделений и факультетов было уже практически завершено, быстрыми темпами осуществлялось подключение рабочих мест к глобальной сети. У всех институтов ГУУ появились свои компьютерные классы.

Параллельно с работающей АСУ-ГУУ стали создаваться дополнительные программные комплексы. Например, запущено в эксплуатацию виртуальное учебное пространство ГУУ, позволявшее размещать в открытом доступе лекции преподавателей университета [10]. В то же время для решения большинства

трудоемких информационных задач, таких как работа с учебными планами, основным средством автоматизации оставались электронные таблицы. Все более остро ощущалась потребность создания в вузе современной системы автоматизации.

Использование сетевых и интернет-технологий вновь изменило основной тренд развития корпоративных информационных систем. Функциональные возможности таких системкратно возросли, но также увеличились их стоимость и сроки разработки. В результате вновь наметилась устойчивая тенденция на создание и эксплуатацию типовых систем.

Начиная с 2010-х гг. развитие систем цифровизации управления в большинстве вузов, в том числе в ГУУ, связано с переходом на использование массово тиражируемых программных продуктов. Одной из причин такого перехода в ГУУ стала произошедшая в результате непродуманных образовательных реформ утрата необходимых компетенций для создания и поддержания собственной корпоративной системы управления университетом.

Необходимо сделать еще одно важное историческое отступление, подчеркивающее достоинства существовавшей в ГУУ системы подготовки специалистов, обладающих высочайшей квалификацией в области автоматизации процессов организационного управления. Как уже отмечалось выше, начиная с 1970-х гг. на всех отраслевых факультетах МИУ выпускались специалисты по автоматизации управления. Позднее, в 1990-е гг., на большинстве специальностей одним из вступительных экзаменов была информатика. На протяжении всего процесса обучения студенты изучали дисциплины, связанные с вопросами автоматизации процессов управления. Со второй половины 1980-х гг. ИТ-раздел диплома стал обязательным для всех выпускников. В вузе были созданы условия для отбора лучших выпускников в научно-исследовательские подразделения МИУ, значительная часть тематики которых была связана с вопросами автоматизации.

Благодаря такой целенаправленной работе в научно-исследовательских подразделениях МИУ к началу 1990-х гг. сформировался коллектив, обладавший высочайшими компетенциями области применения РІСК-систем. Сотрудник НВЦ МИУ А.В. Попов по праву стал одним из ведущих в мире специалистов по системе РІСК [8].

Система РІСК представляла собой симбиоз операционной системы и СУБД, которая обеспечивала возможность работы как с табличными, так и с иерархическими структурами данных, когда в одном поле записи файла СУБД можно разместить не одно значение, но иерархически организованный набор данных, включающий неограниченное число значений, подзначений и т.д. В 1980-е гг. система РІСК была установлена примерно в десятках тысяч организаций и насчитывала более 3 млн пользователей. Заложенные в ее основу принципы и механизмы эффективно используются в настоящее время. В дальнейшем такие РІСК-подобные СУБД стали называть постреляционными, или мультизначными (Multy-Value).

В 1990-е гг. МИУ им. С. Орджоникидзе, как и большинство отечественных вузов, переживал непростой период реорганизаций и преобразований. В начале десятилетия многие научно-исследовательские подразделения были упразднены. Их сотрудники перешли на кафедры, во вновь созданное подразделение «Научная часть», а многие поменяли место работы.

А.В. Попов и его ученик И.Г. Шабеев перешли на работу в развернутую в Москве лабораторию РІСК Systems. Вскоре после этого, в 1994 г., ими была создана одна из первых отечественных ИТ-компаний «АРК Системс» (далее – Компания), которая стала представлять интересы зарубежных фирм, поставляющих отечественный рынок Multy-Value СУБД.

К тому времени на рынке ИТ-продуктов появилось несколько систем-клонов РІСК. Эти системы заимствовали и развивали функциональность СУБД РІСК, но устанавливались на распространенные в тот период серверные операционные системы. Такие РІСК-подобные СУБД стали именовать Multy-Value СУБД. В середине 1990-х гг. уже возникла острая потребность в смене информационных систем, работающих на РІСК, на более современные.

Группа разработчиков автоматизированных систем управления для строительной отрасли перешла из НВЦ в Институт бизнеса в строительстве и управления проектом (далее – ИБСУП). Они продолжали сотрудничество с Компанией, активно участвовали в ее проектах и могли на практике оценить возможности применения Multy-Value СУБД в сочетании с современными Web-технологиями.

Сотрудникам деканата и кафедр ИБСУП были хорошо знакомы проблемы и ограничения действующей АСУ ГУУ. В связи с этим возникла идея реализации проекта автоматизации информационных

процессов институтского уровня, не охваченных системой автоматизации университета. Руководство института обратилось к Компании с предложением о сотрудничестве. Для организации таких разработок с учетом положительного опыта прошлых лет была создана институтская студенческая научно-исследовательская лаборатория.

Одним из первых проектов лаборатории стала разработка современной многопользовательской Web-системы для работы с учебными планами. По ряду причин этот проект не был доведен до практической реализации в ГУУ, но полученные в ходе этой разработки опыт и знания оказались востребованы при создании одной из подсистем автоматизации управления в МГТУ им. Баумана. В результате была создана система управления деятельностью иностранного деканата «ТОРОС» (свидетельство о государственной регистрации № 2011617616), обеспечившая все информационные потребности деканата и его гибкое взаимодействие с «Электронным университетом» МГТУ [11; 12]. Опыт эксплуатации системы иностранного деканата показал, что возможности используемых средств разработки позволяют осуществить ее быстрое масштабирование до уровня вуза.

В начале 2010-х гг. система «ТОРОС» демонстрировалась руководству ГУУ, но по ряду причин ее внедрение и развитие в университете не состоялись. После того как ресурсы действующей на тот момент системы были окончательно исчерпаны, было принято решение об использовании в ГУУ типовых систем автоматизации.

В то же время система «ТОРОС» заинтересовала руководство Московского архитектурного института (далее – МАРХИ). В 2025 г. исполнилось 15 лет успешной эксплуатации системы комплексной автоматизации учебной деятельности вуза (далее – СКАУД) МАРХИ, которая в значительной мере создана на базе сформированной в МИУ–ГУУ методологии разработки и эксплуатации систем автоматизации управления вузом. При создании СКАУД изначально использовался принцип ориентации на конечных пользователей, позволивший учесть все особенности архитектурного образования в МАРХИ и сохранить всю необходимую функциональность успешно действующих до этого систем цифровизации управления вузом.

В 2011 г. система СКАУД была зарегистрирована в Федеральном институте промышленной собственности (свидетельство о государственной регистрации № 2011614194) и в 2023 г. включена в Реестр российского программного обеспечения, формируемый Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (реестровая запись № 19476). В настоящее время система включает около 40 подсистем, поддерживающих в едином информационном пространстве работу учебных, административных и хозяйственных подразделений. Обеспечивается ее взаимодействие с другими системами автоматизации вуза и передачи данных в государственные и региональные информационные системы. Разработка и развитие системы осуществляется на базе отечественного программного обеспечения, созданного компанией «АРК Системс» – платформы разработки Web-приложений «АРК Web» [13].

Как показывает практика, внедрение типовых систем без их постоянной адаптации к условиям конкретного вуза в большинстве случаев в итоге обречено на неудачу. В случае эксплуатации сложных типовых полнофункциональных систем внесение изменений требует обращения к разработчикам. При этом небольшая начальная стоимость приобретения системы и реальные практические затраты на ее поддержку кратно отличаются. В большинстве случаев общие эксплуатационные затраты оказываются эквивалентными или даже большими по сравнению с затратами на системы, изначально ориентированные на конкретного заказчика.

Одной из главных особенностей систем цифровизации организационного управления является необходимость их постоянной адаптации под влиянием внешних и внутренних изменений. В связи с этим типовые решения на начальном этапе внедрения через короткое время приобретают индивидуальные особенности и теряют преимущества типовых стандартных решений. Для эффективной реализации индивидуального подхода разработкам такого класса требуются профессиональные средства разработки и высококвалифицированные специалисты, владеющие этими средствами.

Одной из важнейших стратегических задач настоящего времени является задача формирования и реализации образовательных программ, обеспечивающих подготовку специалистов, обладающих профессиональными знаниями и навыками в области автоматизации процессов организационного управления, в том числе в вузах, на базе самых передовых информационных технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кратко обозначены основные этапы и характерные особенности развития процессов цифровизации управления вузами. ГУУ стоял у самых истоков этого направления деятельности и длительное время был в числе лидеров, причем, как было показано, вопросам цифровизации управления уделялось первостепенное значение в образовательных программах и научной работе всех без исключения факультетов.

В статье в основном отражен опыт и достижения в этой области строительного факультета (в дальнейшем Института). Было бы интересно познакомиться с историческим видением процессов цифровизации управления в ГУУ преподавателей других кафедр и институтов, так как созданные там в свое время системы автоматизации управления в течение длительного времени эксплуатировались в МИУ–ГУУ.

При оценке текущего состояния и перспектив развития систем цифровизации университетского управления хотелось бы обозначить некоторые важные направления их развития.

1. При внедрении большинства современных систем цифровизации управления вузом состав задач, как правило, ограничивается контуром управления университетского и факультетского уровней. При этом значительная часть достаточно трудоемких информационных задач кафедрального уровня решаются вручную, или для их решения используются стандартные офисные средства автоматизации, не обеспечивающие требуемой на сегодня эффективности их решения. В связи с этим одним из важнейших направлений совершенствования университетского управления должна стать цифровизация задач кафедрального уровня. Кафедры университета являются основным «производственным» звеном образовательного процесса, определяющим качество подготовки выпускников.

2. В настоящее время серьезно обсуждается вопрос о возрождении полноценного инженерно-экономического образования в России, одним из лидеров которого был ГУУ. Подготовка специалистов такого профиля в настоящее время невозможна без включения в образовательные программы мощной ИТ-составляющей. Представляется целесообразным при переходе к традиционной отечественной системе высшего образования, который сейчас намечается, возродить утраченные за время реформ компетенции по подготовке достаточного количества специалистов, обладающих необходимыми навыками, умениями и знаниями для того, чтобы активно и эффективно включиться в процессы цифровизации управления экономикой.

3. ГУУ долгое время был одним из лидеров в освоении самых передовых технологий, к числу которых следует отнести Multy-Value СУБД, поскольку эти системы изначально создавались для максимально эффективной разработки и поддержки систем цифровизации организационного управления за счет обеспечения возможности работы с иерархическими структурами данных. Именно поэтому Multy-Value СУБД эффективно интегрируются с самыми современными информационными технологиями.

Многие отечественные специалисты по Multy-Value СУБД являются выпускниками и сотрудниками МИУ–ГУУ. В последние годы ими успешно реализован ряд проектов цифровизации университетского управления, создана мощная отечественная среда разработки современных Web-приложений, изучение которой в настоящее время встраивается в образовательные программы некоторых технических вузов. Хотелось бы, чтобы ГУУ также включился в эту работу, а со временем возродил и преумножил свои компетенции в области цифровизации процессов университетского управления.

Список литературы

1. Беляев Д.А. Службы управления экономическими процессами в вузе и применение информационных систем, автоматизирующих их деятельность. Университетское управление: практика и анализ. 2006;1:99–105.
2. Чистов Д.В. (ред.) Новые информационные технологии в образовании. Сборник научных трудов 20-й Международной научно-практической конференции «Технологии 1С: перспективные решения для построения карьеры, цифровизации организаций и непрерывного обучения», Москва, 4–5 февраля 2020 г. Часть 1. М.: 1С-Паблишинг; 2020. 658 с.
3. Чистов Д.В. (ред.) Новые информационные технологии в образовании. Сборник научных трудов 20-й Международной научно-практической конференции «Технологии 1С: перспективные решения для построения карьеры, цифровизации организаций и непрерывного обучения», Москва, 4–5 февраля 2020 г. Часть 1. М.: 1С-Паблишинг; 2020. 364 с.
4. Козлова Г.Л. Олимпиада Васильевна Козлова. М.: Государственный университет управления; 2006. 139 с.
5. Колесник П.А., Федоров А.И., Гуревич М.З. АСУ-МИУ (первая очередь). В кн.: Модели и методы решения задач АСУ. М.: МИУ; 1975. С. 203–210.

6. Федоров Л.И., Гуревич М.З., Ласкин Н.Л. Подсистема управления учебной работой АСУ-МИУ. В кн.: Модели и методы решения задач АСУ. М.: МИУ; 1975.
7. Кузовкина Н.М. Типовая процедура издания массовых приказов в АСУ-ВУЗ. В кн.: Модели и методы решения задач АСУ. М.: МИУ; 1975. С. 221–233.
8. Сороко Г.Я., Коготкова И.З. Развитие теории и практики проектного управления: роль научной школы Государственного Университета Управления (часть 1). Вестник университета. 2019;8:111–117. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-8-111-117>
9. Разу М.Л., Беляев И.В. Деловые управленческие игры по курсу «Организация управления в строительстве». М.: МИУ; 1983. 62 с.
10. Ефремов В.С. Виртуальное учебное пространство: Краткое руководство пользователя. М.: ГУУ; 2004. 43 с.
11. Сороко Г.Я. Автоматизация учебной деятельности образовательного учреждения с использованием современных web-технологий. Вестник университета. 2010;17:78–89.
12. Балдин А.В. Информационные технологии управления университетом. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана; 2007. 48 с.
13. Сороко Г.Я., Коршаков Ф.Н., Коготкова И.З. Развитие цифровых технологий управления вузом: опыт и перспективы. Университетское управление: практика и анализ. 2024;3(28):45–55. <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.024>

References

1. Belyaev D.A. Management services of economic processes in university and the use of information systems that automate their activities. University management: practice and analysis. 2006;1:99–105. (In Russian).
2. Chistov D.V. (ed.) New information technologies in education. Collection of scientific papers of the 20th International Scientific and Practical Conference “1C Technologies: promising solutions for career building, organizations digitalization, and continuous learning”, Moscow, February 4–5, 2020. Part 1. Moscow: 1C-Publishing; 2020. 658 p. (In Russian).
3. Chistov D.V. (ed.) New information technologies in education. Collection of scientific papers of the 20th International Scientific and Practical Conference “1C Technologies: promising solutions for career building, organizations digitalization, and continuous learning”, Moscow, February 4–5, 2020. Part 2. Moscow: 1C-Publishing; 2020. 364 p. (In Russian).
4. Kozlova G.L. Olimpiada Vasilievna Kozlova. Moscow: State University of Management; 2006. 139 p.
5. Kolesnik P.A., Fedorov L.I., Gurevich M.Z. ASU-MIU (first turn). In: Models and methods for solving ASU issues. Moscow: MIU; 1975. Pp. 203–210. (In Russian).
6. Fedorov L.I., Gurevich M.Z., Laskin N.L. Subsystem of ASU-MIU educational work management. In: Models and methods of solving ASU issues. Moscow: MIU; 1975. (In Russian).
7. Kuzovkina N.M. Typical procedure for issuing mass orders in ASU-VUZ. In: Models and methods of solving ASU issues. Moscow: MIU; 1975. Pp. 221–233. (In Russian).
8. Soroko G.Ya., Kogotkova I.Z. The development of the theory and practice of project management: the role of the scientific school of the State University of Management. Vestnik universiteta. 2019;8:111–117. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-8-111-117>
9. Razu M.L., Belyaev I.V. Business management games on the “Organization of management in construction” course. Moscow: MIU; 1983. 62 p. (In Russian).
10. Efremov V.S. Virtual Learning Space: A Brief User’s Guide. Moscow: State University of Management; 2004. 43 p. (In Russian).
11. Soroko G.Ya. Automatization of educational activity of educational institution with the use of modern web-technologies. Vestnik universiteta. 2010;17:78–89. (In Russian).
12. Baldin A.V. Information technologies of university management. Moscow: Bauman Moscow State Technical University; 2007. 48 p. (In Russian).
13. Soroko G.Ya., Korshakov F.N., Kogotkova I.Z. Development of Digital Technologies for University Management: Experience and Perspectives. University Management: Practice and Analysis. 2024;3(28):45–55. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2024.03.024>

Внедрение механизма процессного управления — как один из способов повышения качества государственных таможенных услуг

Софьянникова Ирина Юрьевна

Ст. преп. каф. таможенных операций и таможенного контроля
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofyannikova@customs-academy.ru

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Россия

Аннотация

Изучены существующие проблемные аспекты системы управления в государственных таможенных органах Российской Федерации. Целью настоящего исследования является анализ проблемных аспектов действующей функциональной (иерархической) модели управления, а также преимуществ предлагаемой модели процессного управления качеством государственных таможенных услуг. Актуальность темы обусловлена необходимостью модернизации действующего механизма функционального управления в системе таможенных органов с целью повышения уровня сервисной деятельности в государственной сфере. Основными задачами исследования являются выявление проблемных аспектов оказания качественных государственных таможенных услуг в результате применения модели функционального управления, предложение вариантов по их минимизации и устранению. Применялись теоретические (анализ действующих нормативных правовых актов, а также научных трудов исследователей) и эмпирические (практическое обоснование необходимости модернизации действующей модели управления в таможенной системе) методы исследования. На основе анализа моделей функционального и процессного управления выявлены преимущества и недостатки их применения. Результатами исследования являются определение проблематики, имеющей негативное влияние на качество оказываемых государственных таможенных услуг, предложение возможных вариантов их решения.

Ключевые слова

Государственные таможенные услуги, процессное управление, бизнес-процесс, функциональное управление, сервисная деятельность, центр электронного декларирования, оценка качества

Для цитирования: Софьянникова И.Ю. Внедрение механизма процессного управления — как один из способов повышения качества государственных таможенных услуг // Вестник университета. 2025. № 2. С. 74–81.

Implementing the process management mechanism as one of the ways to increase the state customs services quality

Irina Yu. Sofiyannikova

Senior Lecturer at the Customs Operations and Customs Control Department
ORCID: 0000-0001-7066-0854, e-mail: i.sofiyannikova@customs-academy.ru

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract

The existing problematic aspects of the state customs authorities management system in Russia have been studied. The purpose of the study is to analyze the problematic aspects of the current functional (hierarchical) management model, as well as the advantages of the proposed model of the quality of state customs services quality process management. The relevance of the study is due to the need to modernize the current mechanism of the customs authorities system functional management in order to increase the service activities level in the public sphere. The main objectives of the research are to identify problematic aspects of rendering quality state customs services as a result of the functional management model implementation and to propose options for their minimization and elimination. Theoretical (analysis of current normative legal acts, as well as scientific works) and empirical (practical justification of the need to modernize the current model of the customs system management) methods of research were used. Based on the functional and process management models analysis, the advantages and disadvantages of their implementation have been revealed. The study results are identification of the issues that have a negative impact on the rendered state customs services quality and the proposal of possible options for their solution.

Keywords

State customs services, process management, business process, functional management, service activities, electronic declaration center, quality assessment

For citation: Sofiyannikova I.Yu. (2025) Implementing the process management mechanism as one of the ways to increase the state customs services quality. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 74–81.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время одними из основополагающих векторов развития экономики являются полномасштабная цифровизация ее отраслей, а также расширение сервисной деятельности отдельных государственных структур и предприятий. Процессы цифровизации формируют один из наиболее значимых императивов современного развития. В частности, они связаны с глубокими трансформациями в экономических системах разного уровня [1]. Осуществляется переход к преобладанию сферой услуг над сферой производства с одновременной переориентацией на интересы клиентов.

В связи с развитием цифровых технологий появляются новые участники финансового рынка, расширяется спектр оказываемых услуг, повышается качество оказываемых результатов [2]. Все государственные структуры претерпевают значительные изменения в осуществляемых рабочих процессах, в нормативно-правовую базу вносятся корректировки в целях формирования клиентоцентричного государства.

В этих условиях модернизация и совершенствование таможенной деятельности происходят в основном за счет развития и внедрения перспективных информационно-коммуникационных технологий, которые используются в аналитической работе таможенных органов, организации совершения таможенных операций и таможенного контроля, обобщении статистической информации и других направлениях деятельности [3]. Современное таможенное администрирование в свою очередь должно быть адаптировано к новым реалиям развивающейся экономики, опираться на соответствующие организационные и информационные технологии, а также инструментальные средства таможенного регулирования и контроля товаров, производимых и перемещаемых в среде цифровой экономики, в том числе технологии электронного (цифрового) таможенного контроля, администрирования и регулирования [4]. Итоговым результатом полного перехода на цифровую основу в системе таможенного администрирования должно стать достижение определенных целей, среди которых снижение государственных издержек на предоставление государственных услуг и реализацию функций, издержек участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) при осуществлении внешней торговли [5].

В настоящее время в системе государственных таможенных органов существует ряд проблемных аспектов, к которым можно отнести неэффективную функциональную модель управления. Разногласия возникают в отношении того, как лучше всего управлять изменениями, связанными с внедрением процессной модели управления и как справиться с культурными препятствиями, которые могут возникнуть в ходе этого процесса [6]. Некоторые ученые делают акцент на важности топ-менеджмента и лидерства в управлении изменениями [7].

Настоящее исследование нацелено на обоснование необходимости модернизации модели управления в таможенной системе и разработку механизма процессного управления, который приведет к положительным результатам деятельности таможенных органов в сфере оказания государственных услуг.

КОНЦЕПЦИЯ МЕХАНИЗМА ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Для возможности разработки механизма процессного управления (англ. Business Process Management, BPM) качества государственных таможенных услуг важно понимать концепцию такого механизма, а также возможные пути адаптации для рабочих процессов таможенных органов.

Само понятие процессного управления как подхода к менеджменту организации предполагает такое управление, где все иерархические ступени (руководители отделов, непосредственно сотрудники) рассматриваются в контексте взаимосвязанных и неразрывных бизнес-процессов. При этом важно учитывать, что по итогам любого начатого процесса всегда существует определенный ожидаемый результат. Основное отличие такого стиля управления от функционального заключается в том, что при функциональном управлении работа получается достаточно «разрозненной», каждый сотрудник, отдел работает индивидуально и настроен получить только положительный личный результат.

К основным целям процессного управления можно отнести:

- приоритетное развитие горизонтальных отношений и минимизация вертикальных связей;
- разграничение компетенций и зоны ответственности среди исполнителей бизнес-процесса;
- сведение к минимуму конфликтных ситуаций между структурными подразделениями.

Исходя из данных целей можно выделить основные отличительные особенности модели процессного управления от функционального (наиболее распространенного в настоящее время в структуре государственных органов) (таблица).

Отличительные особенности моделей процессного и функционального управления

Процессное управление	Функциональное управление
Направление необходимых к исполнению распоряжений и задач	
Исполнители задач (сотрудники) взаимодействуют друг с другом напрямую, не теряя времени на распоряжения от руководства	Происходит вертикально по иерархическим ступеням от руководителя к подчиненным
Разграничение зон ответственности	
Исполнителей бизнес-процесса может быть много, при этом за итоговый результат отвечает один руководитель (владелец процесса)	Из-за отсутствия четкого разграничения полномочий сотрудников зачастую возникают нарушения регламентированных сроков, а также качества итогового результата
Конкуренция и конфликты между структурными подразделениями	
Структурные подразделения и отделы не имеют цели конкурировать между собой, их основной вектор – исполнить бизнес-процесс максимально наилучшим образом и достигнуть ожидаемых результатов	Структурные подразделения стремятся «выделиться» и сделать распределенные задачи лучше других отделов, при этом отсутствует нацеленность на итоговый результат

Составлено автором по материалам исследования

Говоря про структуру таможенных органов, а также про оказание ими государственных таможенных услуг, нельзя не отметить, что в настоящее время достаточно большое количество исследователей посвятили свои научные труды обоснованию целесообразности использования процессного управления в работе государственных организаций в целом, а также в деятельности таможенных органов. Например, А.С. Абрамов приводит понятие процесса сквозного таможенного контроля: «...способ организации таможенного контроля, характеризующийся интеграцией таможенных операций нескольких функциональных подразделений таможенных органов, позволяющий обеспечить высокий уровень информатизации реализуемых процессов таможенного контроля» [8, с. 40].

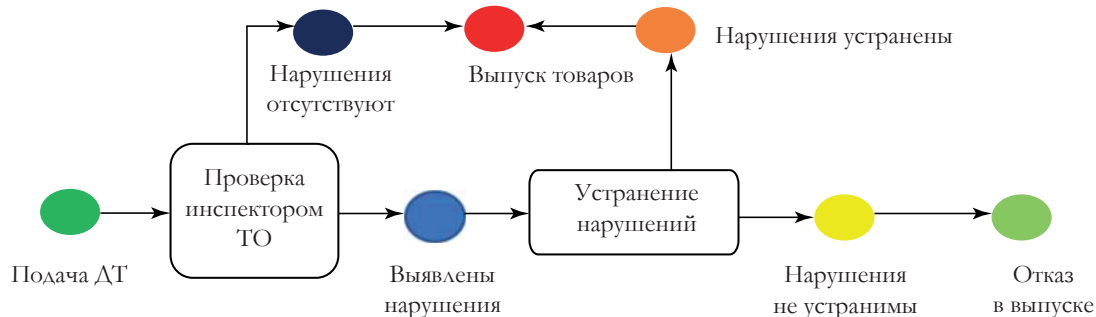
Для более детального изучения исследуемой темы разберем само понятие бизнес-процесса в системе таможенных органов. Бизнес-процесс таможенных органов (далее – БП ТО) представляет собой регламентированную четкую последовательность совершаемых действий, направленных на получение конкретного результата (в разрезе рассматриваемой темы – разработка способов максимального повышения качества государственных таможенных услуг, а также удовлетворенности конечного потребителя услугами – участников ВЭД, представителей бизнеса и др.). Сотрудники таможенных органов проверяют декларацию на товары (далее – ДТ) с целью ее дальнейшего выпуска в соответствии с заявленной таможенной процедурой. В данном случае предполагаются следующие ожидаемые результаты (рис. 1):

- исполнение таможенными органами своих непосредственных полномочий и функций (протекционистская, фискальная и др.);
- оказание заинтересованному лицу (участнику ВЭД) государственной таможенной услуги – «Выпуск товаров» (существует вероятность принятия решения об отказе в выпуске товаров, по объективным и обоснованным причинам).

Для полноценного функционирования процессного управления в системе таможенных органов необходимо наличие соответствующих элементов, к которым можно отнести:

- начало (вход) – строго регламентированные законодательством требования и установки;
- итог (выход) – конечный (ожидаемый) результат (для приведенного выше бизнес-процесса «Выпуск товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой» выход – это выпуск/отказ в выпуске товаров, допустимы также случаи, когда выход одного процесса является входом для последующего);
- обеспечение – сюда относится все, что необходимо для функционирования и выполнения таможенными органами своих непосредственных полномочий, а именно материально-техническая база, кадровый потенциал, программные софты и др.;
- установленные критерии результативности – регламентированные показатели, которые будут отражать (посредством регулярно проводимых мониторингов) эффективность выполненных бизнес-процессов и к которым можно отнести временные издержки, количество допустимых ошибок, в том числе технического характера, удовлетворенность конечного потребителя полученным результатом;

- система – для успешного исполнения бизнес-процесса важно регламентировать и установить четкий порядок действий (шагов), а также определить зону ответственности каждого из участников процесса (должностного лица таможенного органа);
- руководитель – важно определить ответственное лицо (группу лиц), в зону ответственности которых будет входить итоговый результат и эффективность от выполненного бизнес-процесса;
- ответственные должностные лица – непосредственно сотрудники (кадровый потенциал), которые будут участвовать в бизнес-процессе на одном из его этапов.

Примечание: ТО – таможенное оформление

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Бизнес-процесс «Выпуск товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой»

Нельзя не отметить, что одной из отличительных особенностей процессного управления является то, что высший руководитель не контролирует выполнение каждой отдельной задачи. Данный стиль управления предполагает разделение ответственности между руководителями отдельных бизнес-процессов, которые находятся в его подчинении (высшего руководителя). Основной задачей ВРМ является построение работы организации таким образом, что все поставленные руководителями планы и задачи должны исполняться в минимальные сроки с максимальной эффективностью.

ПРОБЛЕМАТИКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕНТРОВ ЭЛЕКТРОННОГО ДЕКЛАРИРОВАНИЯ

В настоящее время в системе таможенных органов существует проблема функционирования организационных структур, и это в большей степени связано с количеством иерархических ступеней. Такая проблематика четко прослеживается и в системе электронной таможни и в центрах электронного декларирования (далее – ЦЭД), соответственно, целесообразно применение механизма процессного управления, которое можно рассмотреть на нижеприведенном примере.

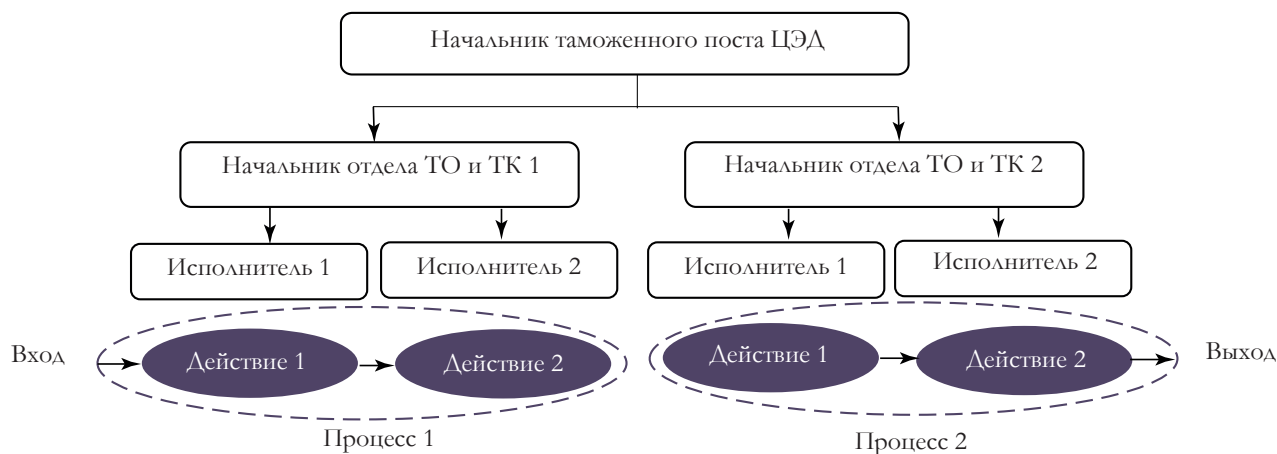
Одним из бизнес-процессов, осуществляемых ЦЭД, является выпуск ДТ, а именно принятие решения о возможности выпуска/отказа в выпуске товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой. Таким образом, конечный/итоговый результат (выход) в данном случае будет выпуск/отказ в выпуске.

Исполнители данного процесса – должностные лица таможенных органов, уполномоченные на принятие соответствующих решений, – действуют по строго регламентированному и нормативно закреплённому регламенту. Их работу в процессе исполнения бизнес-процесса контролируют их непосредственные руководители – начальник и заместитель начальника отдела таможенного оформления и таможенного контроля (далее – ТО и ТК). Контроль может осуществляться такими должностными лицами таможенных органов, как старший смены и старший по залу. При этом итоговые результаты (количество выпущенных ДТ, количество принятых решений об отказе в выпуске ДТ, результативность принятых решений и др.) будут находиться в зоне ответственности начальника таможенного поста ЦЭД.

Схематично пример механизма процессного управления в ЦЭД представлен на рис. 2.

Говоря более масштабно о процессном управлении в системе таможенных органов, нельзя не отметить взаимовлияние взаимодействия таможенных органов между собой на итоговые ожидаемые результаты (получение качественных государственных таможенных услуг). Например, при оказании нерегламентированной государственной услуги, оказываемой таможенными органами, – «Выпуск товаров», – в бизнес-процессе задействованы такие структурные подразделения, как ЦЭД, таможенные посты фактического контроля (далее – ТПФК), специализированные отделы таможни (в настоящем исследовании во внимание будут

приняты отделы экономического блока). Соответственно, данные подразделения в широком смысле являются исполнителями бизнес-процесса, в узком исполнителями процесса «Выпуск товаров» являются непосредственно сами должностные лица, обладающие соответствующими полномочиями и компетенциями.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Механизм процессного управления в ЦЭД

Как было уже сказано ранее, к критериям результативности процессного управления относятся время, затраченное на исполнение бизнес-процесса, количество допустимых нарушений и др. На итоговый ожидаемый результат бизнес-процесса в данном случае будут влиять и компетенция каждого исполнителя, и грамотное выстроенное взаимодействие исполнителей между собой (ЦЭД/ТПФК + ЦЭД/отделы таможни + ТПФК/отделы таможни).

Говоря про взаимодействия в разрезе ЦЭД/ТПФК, важно обратить внимание на тот факт, что в настоящее время внедрена и широко используется технология «удаленного выпуска товаров», сущность которой заключается в разделении таможенного контроля и определение компетенций и полномочий должностных лиц ЦЭД и ТПФК. При этом, если говорить про процессное управление в таможенных органах, важно отметить, что регламентация определенных бизнес-процессов утверждена и закреплена на законодательном уровне:

- при оказании нерегламентированной в настоящее время таможенной услуги «Выпуск товаров» для должностных лиц ЦЭД, уполномоченных на принятие решения о возможности выпуска товара/отказа, в выпуске строго определен срок принятия такого решения (четыре часа с момента регистрации ДТ; не позднее одного дня, следующим за днем регистраций ДТ; не позднее 10 дней, следующих за днем регистрации ДТ)¹;
- четко определен перечень документов, предоставляемых участником ВЭД, в целях подтверждения сведений относительно страны происхождения товаров, таможенной стоимости и др.;
- для должностных лиц ТПФК определены сроки совершения операций, направленных на осуществление фактического контроля, а также установлены формы документов и порядок их заполнения по результатам завершения такого контроля;
- для сотрудников отделов таможни регламентированы сроки принятия решения по мерам по минимизации рисков, порядок принятия таких решений (о необходимости резервирования денежных средств в целях использования их в качестве обеспечения уплаты таможенных пошлин и налогов и др.);
- утверждены показатели эффективности и результативности деятельности таможенных органов (в рамках настоящего исследования акцентируем внимание на одном из основных показателей – времени совершения таможенными постами таможенных операций при выпуске товаров, по которым не выявлены риски, при этом важно отметить, что в условиях стратегических изменений по тем направлениям, в которых риски не выявлены, решение о выпуске товаров должно приниматься автоматически)² [9].

¹Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/74a9a8272b01d8d6c1a1f20d5f1df62ddd08d8fc/ (дата обращения: 25.10.2024).

²Приказ Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 15 февраля 2022 г. № 99 «Об утверждении показателей результативности деятельности и показателей эффективности деятельности региональных таможенных управлений и таможен». Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/22pr0029/> (дата обращения: 25.10.2024).

При реализации бизнес-процесса «Выпуск товаров» на каждом из уровней ЦЭД/ТПФК/отделы таможенные исполнители процесса имеют регламентированные инструкции и понимают порядок действий. Итоговый результат бизнес-процесса «Выпуск товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой» будет зависеть не только от выполненных задач каждым из структурных подразделений таможни, но и от их взаимодействий между собой.

ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ МОДЕЛИ ПРОЦЕССНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Для возможности разработки механизма процессного управления качеством государственных таможенных услуг на основе взаимодействия таможенных органов важно учитывать и стадии жизненного цикла BPM (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Жизненный цикл BPM

На первой стадии необходимо провести анализ существующих в структурном подразделении таможенного органа бизнес-процессов, порядка их совершения, конечных результатов, а также временных издержек на исполнение таких процессов. На данном этапе определяются руководители (владельцы) отдельных бизнес-процессов, устанавливаются их компетенции и полномочия. Итогом будет являться разработка нового проекта процессного управления.

На второй стадии прорабатываются варианты работы новой модели BPM-управления. Этот процесс осуществляется с целью визуализации возможностей достижения всех поставленных целей и задач. Итоговым результатом будет являться разработка практического руководства к действию для исполнителей бизнес-процессов.

На третьем этапе происходит обучение сотрудников для возможности их работы в новых условиях, а также начинаются первоначальные работы (начальное исполнение) бизнес-процессов.

На четвертом этапе важно отследить корректность работы новой модели BPM-управления, осуществляется мониторинг исполнения бизнес-процессов, выявляются ошибки и недостатки с целью их дальнейшего устранения.

На последнем, пятом, этапе улучшается интеграция, происходит устранение выявленных недостатков и ошибок работы модели BPM-управления, при необходимости меняются исполнители бизнес-процессов и их руководители.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внедрение и применение механизма процессного управления качеством государственных таможенных услуг на основе взаимодействия таможенных органов будут иметь положительные аспекты, к которым можно отнести:

- экономии трудовых и временных ресурсов как со стороны внешнего клиента (заинтересованного конечного потребителя услуг – участника ВЭД, представителя бизнес-сообщества и др.), так и в интересах внутреннего клиента, уполномоченного на принятие соответствующих решений должностного лица таможенного органа;
- более детальное понимание исполнителями поставленных перед ними задач;
- упрощение самого процесса постановки целей и задач, в том числе при выполнении установленных контрольных показателей (руководитель отдельного бизнес-процесса ставит задачи непосредственным исполнителям без обязательных указаний вышестоящего руководства, так как сам бизнес-процесс уже содержит руководство к действию в виде следующих ключевых вопросов: что сделать; каким образом прийти к максимально ожидаемому результату; кто из должностных лиц будет исполнителем; сколько исполнителей необходимо назначить для исполнения бизнес-процесса);
- распределение обязанностей между сотрудниками (при использовании механизма процессного управления в одном бизнес-процессе принимает участие большое количество исполнителей, однако за результат отвечает именно руководитель (владелец) конкретного бизнес-процесса);

– минимизацию конфликтных ситуаций между исполнителями.

В ВРМ все задействованные отделы работают вместе и заинтересованы получении результата.

Список литературы

1. Рубан Д.А. Управленческие вызовы в условиях цифровизации. Рецензия на книгу «Management for digital transformation» (Springer, 2024). E-Management. 2024;1(7):70–74. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-70-74>
2. Косов М.Е. Организационно-институциональные основы цифровизации международного финансового рынка. E-Management. 2024;2(7):4–15. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
3. Липатова Н.Г. Комплексная модель использования механизмов автоматизации таможенных операций. Вестник Российской таможенной академии. 2021;3:104–115. https://doi.org/10.54048/20727240_2021_03_104
4. Макрусев В.В., Александров Д.А. Управление деятельностью таможенных органов. СПб: Питер; 2019. 448 с.
5. Муратов Р.А. Оперативный контроль процесса декларирования товаров в центрах электронного декларирования как инструмент таможенного администрирования. Вестник Российской таможенной академии. 2021;1:146–153.
6. Наугольнова И.А. Процессный подход к управлению: эволюция, современные вызовы, инновации. Креативная экономика. 2023;6:2143–2164.
7. Вилистер Е.Д., Никитченко Н.А., Соколянский В.В. Процессный капитал: путь от оценки до модели на платформе производственной функции. Экономика высокотехнологичных производств. 2022;2(3):129–142.
8. Абрамов А.С. Механизм повышения эффективности и качества таможенных услуг в сквозном процессе таможенного контроля. Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Люберцы: Российская таможенная академия; 2019. 191 с.
9. Бондаренко А.О. Развитие сервисно-ориентированной модели организационной структуры электронной таможни в условиях процессного подхода. В кн.: Гамидуллаев С.Н. (ред.) Таможенные чтения – 2021: Наука, технологии, цифровая экономика: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–26 ноября 2021 г. СПб: РИО Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии; 2021. С. 31–38.

References

1. Ruban D.A. Managerial challenges in the conditions of digitalization. A review of the book “Management for digital transformation” (Springer, 2024). E-Management. 2024;1(7):70–74. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-1-70-74>
2. Kosov M.E. Organizational and institutional foundations of international financial market digitalization. E-Management. 2024;2(7):4–15. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-2-4-15>
3. Lipatova N.G. A comprehensive model for the use of mechanisms for automating customs operations. Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021;3:104–115. (In Russian). https://doi.org/10.54048/20727240_2021_03_104
4. Makrusev V.V., Alexandrov D.L. Customs authorities management. St. Petersburg: Piter; 2019. 448 p. (In Russian).
5. Murator R.A. Operational control of the process of declaring goods in electronic declaration centers as a tool of customs administration. Bulletin of the Russian Customs Academy. 2021;1:146–153. (In Russian).
6. Nagunova I.A. Process approach to management: evolution, modern challenges and innovation. Creative Economy. 2023;6:2143–2164. (In Russian).
7. Vilister E.D., Nikitchenko N.A., Sokolyansky V.V. Process capital: the path from evaluation to model on the production function platform. High-tech Enterprises Economy. 2022;2(3):129–142. (In Russian).
8. Abramov A.S. Mechanism for improving the efficiency and quality of customs services in the end-to-end process of customs control. Abstr. dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 08.00.05. Lyubertsy: Russian Customs Academy; 2019. 191 p. (In Russian).
9. Bondarenko A.O. Development of a service-oriented model of the e-customs organizational structure in the context of a process approach. In: Gamidullaev S.N. (ed.) Customs readings – 2021: Science, technology, digital economy: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 22–26, 2021. St. Petersburg: St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy; 2021. Pp. 31–38. (In Russian).

Формирование и развитие программно-проектного подхода в рамках управления туристской индустрией на региональном уровне

Дерен Иванна Ивановна^{1,2}

Д-р экон. наук, проф. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин¹,
проф. каф. финансов²

ORCID: 0000-0001-9652-4092, e-mail: deren-ivanna@yandex.ru

Земляникина Анастасия Дмитриевна²

Соискатель

ORCID: 0009-0007-5494-3329, e-mail: n.zemlanikina@mail.ru

¹Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Владимир, Россия

Аннотация

Рассмотрен процесс становления программно-проектного подхода в рамках управления туристской индустрией не только на национальном уровне, но и на уровне региона, которым выбрана Владимирская область. Выявлено, что, несмотря на выстроенную архитектуру управления государственными программами и проектами, процесс актуализации и доработки данной системы продолжается, в том числе на основании реагирования на внешние вызовы. Еще предстоит работа по устранению временной несогласованности целевых параметров проектов и программ, следствием чего являются размывание ответственности управленческих команд и неэффективное расходование бюджетных ассигнований на всех уровнях управления. В настоящее время с учетом анонсированных Президентом Российской Федерации в апреле 2024 г. планов воплощения новой модели экономического роста, расширения горизонтов бюджетного планирования, создания условий для прорывного раскрытия потенциала всех субъектов экономической политики в отрасли туризма программно-проектный метод выступает эффективным инструментом реализации государственной политики. По результатам оценки текущего состояния методологической базы реализации государственных программ и проектов в сфере туризма на федеральном и региональном уровнях разработаны рекомендации для более ускоренного и качественного достижения поставленных Президентом Российской Федерации задач по развитию индустрии туризма.

Ключевые слова

Экономика туризма, национальный проект, государственная программа, социально-экономическое развитие региона, региональный туризм, туристская индустрия, туристский код

Для цитирования: Дерен И.И., Земляникина А.Д. Формирование и развитие программно-проектного подхода в рамках управления туристской индустрией на региональном уровне // Вестник университета. 2025. № 2. С. 82–93.

Formation and development of a program-project approach within the framework of tourism industry management at the regional level

Ivanna I. Deren^{1,2}

Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Humanities and Social and Economic Disciplines¹, Prof. at the Finance Department²
ORCID: 0000-0001-9652-4092, e-mail: deren-ivanna@yandex.ru

Anastasia D. Zemlyanikina²

Applicant
ORCID: 0009-0007-5494-3329, e-mail: n.zemlanikina@mail.ru

¹Vladimir Law Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments, Vladimir, Russia

²Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia

Abstract

The process of the program-project approach formation within the framework of tourism industry management both at the national and regional levels has been studied. The Vladimir Region has been chosen as the subject of the study. It has been revealed that, despite the built architecture of state programs and projects management, the process of updating and fine-tuning of this system continues, including on the basis of response to external challenges. There is still work to be done to eliminate the temporary inconsistency of target parameters of projects and programs, which results in the blurring of responsibility of management teams and inefficient spending of budget allocations at all levels of management. At present, considering the plans announced by the President of the Russian Federation in April 2024 to implement a new model of economic growth, expand the horizons of budget planning, create conditions for breakthrough disclosure of the potential of all subjects of economic policy in the tourism industry, the program-project method is an effective tool for public policy implementation. Based on the results of the assessment of the current state of the methodological basis for implementing state programs and projects in the field of tourism at the federal and regional levels, recommendations have been developed for a more accelerated and qualitative achievement of the tasks set by the President of the Russian Federation for developing the tourism industry.

Keywords

Economics of tourism, national project, state program, social and economic development of region, regional tourism, tourism industry, tourist code

For citation: Deren I.I., Zemlyanikina A.D. (2025) Formation and development of a program-project approach within the framework of tourism industry management at the regional level. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 82–93.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня туристская политика Российской Федерации (далее – РФ, Россия) является неотъемлемой частью общей политики государства, имеющая тесную связь с экономикой, социальной сферой, культурой, экологией и другими общественно значимыми системами [1]. Механизм ее реализации составляют следующие инструменты: стратегия развития туризма, государственные программы по развитию туризма как на уровне всей страны, так и на уровне каждого отдельного субъекта РФ, включая Владимирскую область, конкретные мероприятия для достижения поставленной цели (планы мероприятий, «дорожные карты»).

Перспективным инструментом являются государственные программы (разрабатываемые и реализуемые как на федеральном, так и на региональном уровнях) как ключевое звено системы государственного управления (в том числе с учетом их значимости как инструмента финансирования реализации государственной политики), что во многом обуславливает пристальное научное внимание к данной проблематике и объясняет текущие процессы совершенствования подходов по вопросам стратегического планирования в разрезе государственных программ.

В современных условиях необходимо гармоничное развитие с учетом реализации инновационного потенциала России и обеспечение динамичного роста туристкой индустрии каждого региона посредством поиска новых инструментов развития [2]. В связи с этим программно-проектный подход становится одним из основных инструментов реализации государственной политики, посредством которого обеспечивается достижение заданных целевых показателей развития индустрии туризма. Следовательно, рассмотрение становления и развития программно-проектного подхода в управлении туристской индустрией на региональном уровне является приоритетным в настоящее время.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Становление программно-проектного подхода в реализации государственной политики, в том числе в управлении развитием туристкой индустрии, связано с основными трендами развития экономики, которые сложились вопреки рекордному числу санкций, макроэкономической турбулентности и изменению архитектуры международной кооперации. В частности, следует выделить тренд на рост качества технологий управления ресурсами в целях наиболее эффективного использования их потенциала [3].

За десятилетия государственного управления с использованием механизма государственных программ накопились их системные недостатки, решением которых стала трансформация всей системы управления государственными программами в 2022 г. Дополнительно учитывался и опыт реализации национальных проектов, посредством чего проектный механизм составил основу новой системы управления государственными программами.

В целях обеспечения социально-экономической сбалансированности и экономической эффективности проводимой государством туристской политики необходимо рассмотреть применение программно-проектного подхода в практической плоскости на примере соответствующей отраслевой государственной программы и проектов, реализующихся на территории Владимирской области.

Анализ и осмысление опыта применения программно-проектного подхода позволит сформировать новые подходы к оптимизации существующих управленческих технологий к планированию и оценке реализации государственной политики по управлению туристской индустрией, по результатам чего будут определены предложения, наиболее эффективно решающие стратегические задачи, поставленные Президентом РФ в туристской сфере (в том числе декомпозированные на региональный уровень управления), а также приоритетные направления деятельности профильных органов управления туристской индустрией в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Рассматривая особенности государственного управления в туристской сфере, можно отметить, что сложившиеся управленческие структуры и принятые в них процессы созданы ранее под решение такого спектра задач, которые на сегодняшний день утратили свою актуальность под влиянием новых, экстремальных условий. Анализ библиографических источников показал, что внимание научного сообщества к поиску наиболее эффективного инструмента оптимизации процессов, а также к разработке и апробации инновационных управленческих решений возрастает с каждым годом. Благодаря

внедрению указанных апробированных решений будут обеспечены оперативность, простота и эффективность осуществления каждой функции профильного органа власти в сфере туристской политики.

В научных публикациях рассматривается управление оптимизацией с позиции программно-проектного подхода в контексте его встраивания в специфику деятельности органов государственной власти. Определены ключевые этапы развития программного и проектного подхода в отдельности. Обозначены ключевые элементы данного подхода, требующие доработки и улучшения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ввиду того, что большая часть федерального бюджета аккумулируется в государственных программах РФ и распределяется между субъектами страны по определенным принципам согласно бюджетному законодательству, влияние федерального центра на развитие регионов огромно. В связи с этим рассмотрение организации процесса управления социально-экономическим развитием туристской индустрии во Владимирской области посредством программно-проектного подхода невозможно без обозначения вектора развития на федеральном уровне.

Рассматривая развитие программного планирования применительно к государственному управлению в России, можно выделить, по мнению авторов, три основных этапа:

- 1) 1990–2014 гг. – внедрение принципов программного управления в деятельность органов государственной власти каждого уровня управления, оформление программного управления как самостоятельного инструмента, формирование нормативной базы управления государственными программами;
- 2) 2014–2024 гг. – вступление в период глобальной неопределенности, что требует перехода на скользящее планирование, основу которого составит сочетание документов различного уровня управления с возможностью их динамичной корректировки под меняющиеся экономические реалии; переход на новую систему управления государственными программами, основанную на принципах проектного управления (основу реформы составил опыт проектного управления по национальным проектам); синхронизация параметров государственных программ и национальных целей развития страны (вместе с тем 2024 г. является годом завершения реализации национальных проектов в действующем формате: результаты реализации и конечные показатели станут отправной точкой для планирования в рамках следующего этапа);
- 3) 2025–2030 (2036) гг. – разработка новых инструментов для реализации государственных программ с учетом уточненных национальных целей развития России, расширение горизонта планирования до 2036 г.; проактивность и оптимизация регламентированных процессов, внедрение системы инцидент-менеджмента и системы сквозного мониторинга параметров государственных программ от федерального до муниципального уровней.

Фундаментом третьего этапа развития программного планирования является новое положение о системе управления государственными программами, содержание которого радикально меняет структуру и механизмы подготовки и реализации государственных программ, что позволяет исключить лишние объемы информации, обеспечить их структурированность в целях достижения понятного социально-экономического эффекта от реализации государственных программ для конкретного представителя целевой группы (в частности, экспертов, представителей общественных объединений и др.).

Трансформация включала изменения всей системы управления государственными программами (табл. 1).

Таблица 1

Описание принципов управления новыми национальными проектами

Изменение	Характеристика
Фокус на целеполагании	– нормативная часть государственных программ содержит блок информации со стратегическими целями в сфере ее реализации; – основаниями для определения целевых ориентиров государственных программ являются национальные цели развития РФ, а также иные приоритеты социально-экономического развития и национальной безопасности, установленные документами стратегического планирования (отраслевыми стратегиями и иными); – каждая цель формулируется с использованием SMART-подхода

Изменение	Характеристика
Структура наследования и декомпозиции атрибутов параметров государственных программ	– каждая цель государственной программы декомпозирована на перечень показателей, через мониторинг которых осуществляется оценка ее достижения; – синхронизация с Единым планом по достижению национальных целей развития (в состав показателей государственной программы включаются показатели указанного Единого плана)
Проектная и процессная части содержания государственных программ	Структура программ трансформировалась от набора множества различных мероприятий к четкому разграничению на проекты (получение конкретного, измеримого результата в определенный срок) и процессы (обеспечение деятельности органов управления на постоянной основе)
Функциональная структура управления государственными программами	Основными органами управления являются: – куратор (отвечает за достижение ключевых показателей, управляет реализацией программы, одобряет и/или утверждает документы программы (показатели, мероприятия, финансирование); – управляющий совет (управление разработкой и реализацией программы)

Составлено авторами по материалам источника [4]

С учетом большой значимости проектной части, направленной на развитие и создание нового результата рассмотрим становление и развитие проектного управления в исполнительных органах Владимирской области в контексте аналогичных изменений на федеральном уровне.

Внедрение проектного управления в деятельность органов исполнительной власти РФ масштабировано на все субъекты страны, вместе с тем является одним из нововведений последних лет (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источника [4]

Рис. 1. Ключевые этапы развития проектного управления в государственном секторе России

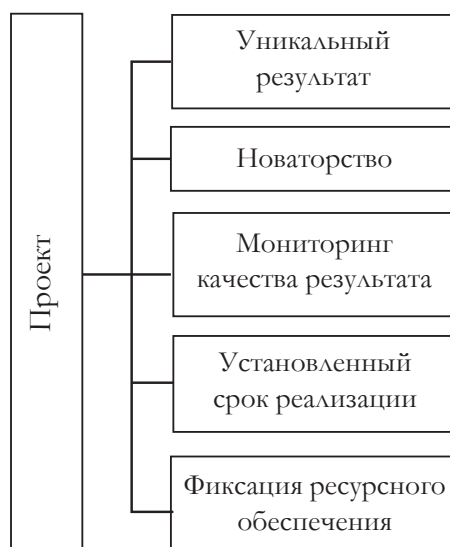
Основополагающей целью внедрения проектного управления в деятельность органов государственной власти является повышение результативности и эффективности реализации целей и задач Стратегии социально-экономического развития территорий, содержание которой отражается в конкретных проектных мероприятиях.

Вместе с тем, учитывая встраивание проектных технологий в систему государственного управления, необходимо отметить важную особенность – сущность предмета проектирования тоже изменяется. В настоящее время категория «проект» не определяется сугубо техническим содержанием, но включает и социальную ориентированность на различные целевые группы – благополучателей результатов проекта. Данная особенность является одним факторов изменения отношений в системе «государство–гражданское общество», нормативного оформления в риторике государственного управления терминов «проект» и «проектная деятельность» [5].

Согласно авторской позиции Н.С. Гегедюш, можно выделить признаки проекта как способа организации деятельности (рис. 2).

Необходимо отметить, что этап определения проблемного поля (и выбора одной первостепенной проблемы) является основополагающим на первом этапе – при разработке проекта. В случае некорректного определения проблемного поля все запланированные финансовые, временные, управленческие

ресурсы будут задействованы с итоговой эффективностью равной 0. Важность данного этапа также заключается в прямой зависимости выбора уровня проекта (рис. 3).

Составлено авторами по материалам источника [6]

Рис. 2. Признаки проекта в методологии Н.С. Гегедюш

Примечание: Типизация представлена обобщенно.

Составлено авторами по материалам исследования

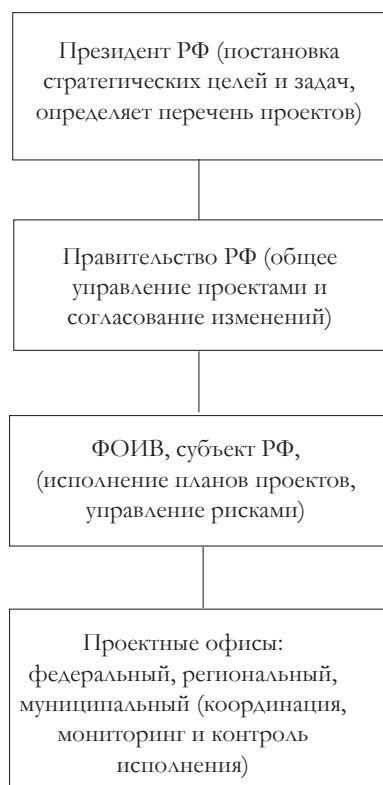
Рис. 3. Типизация уровней проектов

За последние несколько лет на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления система проектного управления выстроена и постоянно актуализируется и дорабатывается.

При рассмотрении развития проектного управления в органах власти применительно к регионам РФ можно выделить четыре основных этапа [6]:

- 1) 2014–2015 гг. – организация проектного управления в регионах-пилотах;
- 2) 2016–2017 гг. – массовые мероприятия по организации работы в части нормативного закрепления проектного управления в конкретном регионе;
- 3) с начала 2018 г. по 2024 г. – присутствие регионов, имеющих сформированную систему управления проектами, которая позволяет оценить уровень зрелости организации проектного управления в региональных органах власти;
- 4) 2025–2030 (2036) гг. – инициирование новых национальных проектов на основе одноименного стандарта, который стал результатом глубокого анализа и осмысления опыта реализации действующих национальных проектов с целью определения основных принципов и унификации подходов к планированию и оценке хода реализации национальных проектов.

Функциональную структуру проектного управления в государственном секторе, по мнению авторов, обобщенно можно представить следующим образом (рис. 4).

Примечание: ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Верхнеуровневая схема проектного управления в государственном секторе: функциональная структура

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В течение рассмотренных периодов развития программного планирования применительно к государственному управлению в России реализация государственной политики в сфере туризма оформлялась и как самостоятельная программа («Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)»), и как подпрограмма «Туризм» государственной программы «Развитие культуры и туризма». Только с 1 января 2022 г. она запущена как самостоятельная единица – государственная программа РФ «Развитие туризма». Ее основной целью стало развитие внутреннего туризма с горизонтом планирования до 2030 г. [7].

Обращаясь к региональному опыту, Владимирская область одним из первых субъектов РФ перешла в 2022 г. на новую систему управления государственными программами, утвердив новое положение о системе управления государственными программами Владимирской области, соответствующее федеральному¹. Весь механизм программ был перезапущен: процессы разработки и реализации стали основываться на принципах проектного и процессного управления [8]. На основе его положений утверждена отраслевая государственная программа Владимирской области «Развитие туризма во Владимирской области» со сроком реализации до 2030 г. Следует отметить, что отраслевая государственная программа в сфере туризма существует в регионе с 2016 г.

Результаты реализации государственной программы оказывают влияние на достижение национальной цели РФ «Возможности для самореализации и развития талантов/Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности».

Паспортом государственной программы установлены следующие цели:

– создание условий для увеличения числа туристических поездок по территории Владимирской области – данная цель достигается посредством следующих показателей: «Число туристских поездок», «Туристский поток (по числу туристских поездок)»;

¹ Информация об эффективности реализации государственных программ Владимирской области в 2022 году. Режим доступа: https://economy.avо.ru/documents/33326/0/2022_Сводный+годовой+доклад.pdf/f65b57e1-9fb9-3аса-4ff6-df01d28840c6?t=1690186911146 (дата обращения: 15.10.2024).

– создание и внедрение системы поддержки общественных инициатив, направленных на развитие внутреннего туризма – индикаторами достижения цели являются такие показатели, как «Количество общественных инициатив, направленных на развитие туризма, обеспеченных грантовой поддержкой», «Количество проведенных исследований, разработка Стратегии развития туризма Владимирской области».

Структура программы «Развитие туризма во Владимирской области» в равном соотношении включает проектную и процессную части. Из них проектная часть представлена региональным проектом, входящим в состав федерального проекта «Развитие туристической инфраструктуры (Владимирская область)», и региональным проектом, не входящим в состав федерального проекта («Определение и поддержка приоритетных направлений туристической деятельности»). Процессная часть включает два комплекса процессных мероприятий: «Определение и поддержка приоритетных направлений туристической деятельности», «Организационная, информационная и кадровая поддержка туристского комплекса Владимирской области».

Особенности проектного управления в органах государственной власти всех уровней являются схожими с особенностями новой системы управления государственными программами, так как последняя выстраивалась непосредственно под принципы проектного управления. Рассмотрим отличительные черты проекта на примере регионального проекта, входящего в состав федерального проекта «Развитие туристической инфраструктуры (Владимирская область)».

1. Основным документом проекта является его паспорт, фиксирующий главные параметры проекта: цели, показатели, результаты, финансовое обеспечение, план мероприятий. В паспорте зафиксированы две цели и по одному показателю (к каждой цели), характеризующему их достижение. На достижение первой цели «Граждане обеспечены современной туристической инфраструктурой» направлен показатель «Количество общественных инициатив, направленных на развитие туризма», на достижение второй цели «Создана и внедрена система поддержки, направленная на развитие внутреннего туризма, обеспечивающая прирост количества туристических поездок, в том числе для детей» – показатель «Количество предпринимательских инициатив, направленных на развитие туризма, обеспеченных грантовой поддержкой». Достижение первой цели и ее показателя обеспечивается посредством выполнения двух результатов, на достижение второй цели и ее показателя – трех. Всего предусмотрено 42 контрольные точки (реперные точки) – конкретных проверяемых промежуточных результатов проекта, которые должны появиться в установленный срок.

Паспортом закреплены исполнители, ответственные за достижение результатов, исполнение выделенного на данные результаты финансового обеспечения – «прослеживается» нацеленность на результат, понятны все действия ответственного исполнителя по его достижению.

Руководителем рассматриваемого проекта, обладающим персональной ответственностью за достижение общественно значимых результатов, выполнение задач, показателей и результатов, указанных в паспорте проекта, является Министр предпринимательства и туризма Владимирской области, а Администратором, выполняющим функции обеспечения коммуникации в проекте, документооборот, разработку плана реализации проекта и его мониторинга, – его заместитель.

2. Планирование – ключевая составляющая проектного управления. Посредством составления плана мероприятий по реализации проекта легко выстроить подробную траекторию достижения поставленных целей: регламентированы все действия участников проекта (что, когда, как необходимо выполнить). Имеются ясность, предсказуемость, понимание цели.

3. Гибкость проектного управления. Предусмотрена возможность внесения изменений в планы мероприятий, проектная команда (участники проекта) могут управлять приоритетностью выполнения мероприятий и задач, исходя из уровня потребности в них в определенный промежуток времени.

4. Упрощенное межведомственное взаимодействие. Руководитель проекта наделен полномочиями по принятию решений в рамках своих компетенций и действий, направленных на достижение целевых параметров в рамках реализации проекта.

5. Управление рисками проекта. Успешная реализация проекта предполагает контроль реализации утвержденных планов и достижение целевых параметров проектов. Инструментом идентификации риска является отчет о ходе реализации проекта. Результатом анализа отчетной информации выступает перечень наступивших и прогнозируемых рисков сценариев, которые градируются по уровням и требуют формирования мер реагирования с указанием ответственных лиц за их реализацию. Дополнительно

инструмент управления рисками предполагает алгоритм эскалирования, который даст участникам проектной деятельности понимание в каких случаях и по каким вопросам, а также как необходимо эскалировать риски и проблемы, доносить свои потребности.

6. Система мотивации. В паспорте проекта закреплены цели, показатели, результаты, финансовое обеспечение, план мероприятий, по достижении которых проектная команда может получить «проектные бонусы».

Учитывая вышеизложенное, для решения в рамках временных и ресурсных ограничений задач, поставленных высшим руководством страны перед органами исполнительной власти, целесообразно развитие туристской отрасли РФ с учетом формирования перспективного финансового плана сразу на 6 лет осуществлять, основываясь на принципах проектного управления. Проектное управление как новация в составе инструментов государственного управления получило высокую оценку Президентом РФ в рамках Послания Федеральному Собранию РФ².

Вместе с тем дискуссии в части особенностей реализации туристской политики занимают ведущее место в рамках проведения конференций различного уровня. Актуальным является рассмотрение мероприятий по проведению самих конференций как инструмента по стимулированию роста туристического потока на площадки их проведения [9].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе результатов теоретического и эмпирического анализа авторами предлагается дополнение перечня вышеуказанных признаков проекта таким признаком, как «получение обратной связи от гражданского общества». Данный признак можно рассматривать применительно к совокупности проектов, например, к национальному проекту «Туризм и индустрия гостеприимства», состоящему из трех федеральных проектов, и к отдельному проекту, например, федеральному проекту «Развитие туристской инфраструктуры». Данное дополнение полностью соотносится с рассмотренными результатами и особенностями проектного управления в государственном управлении.

Отдельной проблемой выступает определение места национальных проектов в системе документов стратегического планирования социально-экономического развития России. В настоящее время невозможно однозначно обеспечить выстраивание взаимосвязанной структуры целевых параметров всех документов стратегического планирования – стратегий, прогнозов, программ. Изначально встраивание национальных проектов в структуру государственных программ осуществлялось исходя из фактора осуществления финансирования всех мероприятий через государственные программы. Соответственно, финансовое обеспечение проектов было встроено, но целевые параметры остались вне внимания методологов. Последствием этого является несогласованность, а в некоторых случаях и прямое дублирование целевых параметров проектов и государственных программ, в состав которых данные проекты были включены (данную коллизию иллюстрирует название цели и обеспечивающих ее достижение показателей, представленных в табл. 2).

Таблица 2

Целевые показатели государственной программы и регионального проекта, входящего в состав федерального проекта, реализующиеся на территории Владимирской области

Государственная программа Владимирской области «Развитие туризма»/Tourism Development state program (the Vladimir Region)	Региональный проект «Развитие туристической инфраструктуры (Владимирская область)»/Tourist Infrastructure Development regional project (the Vladimir Region)
Цель – создание и внедрение системы поддержки общественных инициатив, направленных на развитие внутреннего туризма	
– количество общественных инициатив, направленных на развитие туризма, обеспеченных грантовой поддержкой; – количество проведенных исследований, разработка Стратегии развития туризма Владимирской области (нарастающим итогом)	– количество общественных инициатив, направленных на развитие туризма

Составлено авторами по материалам исследования

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 15.10.2024).

Следствием дублирования усилий имеют место неэффективная трата ресурсов (финансовых, кадровых и др.) и падение эффективности реализации государственной программы (дублирующиеся недостигнутые показатели в двойне понижают государственную программу в рейтинге таких программ за отчетный период, что не позволяет объективно оценить эффективность реализации программы). В такой ситуации, а также с учетом перехода России к новой модели социально-экономического развития – модели «больших вызовов» – посредством постановки национальных целей, обеспеченных соответствующими национальными проектами (декомпозирующиеся на федеральные и региональные), требуется определение позиции национальных проектов в сфере стратегического планирования.

В настоящее время законодательство о стратегическом планировании в РФ не содержит указаний на национальные проекты (и иные проекты) в качестве документов стратегического планирования, что приводит к неоднозначности в понимании данного инструмента государственного управления: либо это альтернатива существующим документам стратегического планирования, либо «каркас» целеуказания, планируемый далее к расширению и детализации. В связи с этим предлагается встраивание и введение в правовые рамки таких документов стратегического планирования, как «национальный проект», «федеральный проект», «региональный проект», «муниципальный проект» (включая и их содержание). В рамках определения места национальных проектов, входящих в их состав федеральных, региональных, а также муниципальных проектов предполагается их отнесение к документам планирования и программирования (документы стратегического планирования «третьего уровня»). Обоснование указанной позиции основывается на учете особенностей финансирования реализации национальных проектов, федеральных проектов, региональных проектов, а также муниципальных проектов посредством включения расходов на них в программы соответствующего уровня (государственные и муниципальные), как уже ранее было отмечено, которые относятся к документам программирования.

В контексте обеспечения согласованности параметров проектов и государственных программ, а также достижения установленных целевых параметров (целей, общественно значимых результатов, показателей, результатов, кассового исполнения, сроков реализации работ и др.) требуется выстроить четкую иерархию данных инструментов управления, не допустив размывания ответственности.

Следует акцентировать внимание на отражении в содержании категории «Персональная ответственность» только сущностной характеристики – уровня достижения национального проекта на территории соответствующего субъекта РФ, а также уровня достижения его параметров, определения конкретных мер ответственности данная категория не предполагает. Это обстоятельство не позволяет провести учет характера и степени общественной опасности действий должностного лица в целях последующего определения соответствующей меры пресечения.

В настоящее время уже отмечаются отклонения по созданию проектов туристского центра Муром и Суздаля: мероприятия не реализованы в полной мере по причине позднего срока заключения контрактов. Их завершение будет осуществлено только в следующем финансовом году. В рамках ввода в эксплуатацию 129 ед. номеров в модульных некапитальных средствах размещения на территории Владимирской области средства до индивидуальных предпринимателей, участвующих в реализации мероприятий, доведены только в IV квартале 2023 г., что не позволило осуществить работы в рамках 2023 г. и повлекло перенос реализации мероприятий на 2024 г.

В связи с этим является очевидной необходимость совершенствования мер ответственности в отношении должностных лиц на рассматриваемом стратегическом направлении. По мнению авторов, в первую очередь необходимо внести соответствующие изменения в части высшего исполнительного органа субъекта РФ (в статью 29 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»), а также дополнить Положение об организации проектной деятельности (на федеральном уровне) пунктом о наложении дисциплинарного взыскания на руководителей проектов в связи с недостижением целевых параметров проектов³.

Данное предложение обосновывается объективной потребностью в нормативно определенной приоритизации национальных проектов по отношению к другим документам стратегического планирования субъектов РФ, их ранжированию и согласованию между собой в целях исключения дублирования

³ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=9AjLRQ&base=LAW&n=471106&dst=100953&fld=134#vei0yUUU5Dv4kKcc> (дата обращения: 15.10.2024).

идентичных и аналогичных мероприятий для достижения сходных задач в стратегических документах региона, минимизации риска неэффективного расходования предусмотренного финансового обеспечения, нарушения сроков реализации.

Имеет место и взаимосвязанная с аспектом ответственности проблема обеспечения эффективного исполнения бюджетных ассигнований, предусмотренных на реализацию проектов и государственных программ. В 2019 г. увеличен объем межбюджетных трансфертов субъектам РФ из федерального бюджета (примерный уровень – на 60 %), обусловленный наращиванием объема софинансирования мероприятий в рамках реализации национальных проектов⁴. Расширение спектра обязательств региональных органов власти позволяет констатировать усложнение механизмов последующего сопровождения и администрирования расходования средств федеральной финансовой поддержки главными распорядителями бюджетных средств субъектов РФ. Иллюстрирует данное утверждение уже упомянутое доведение средств до исполнителей мероприятий по вводу в эксплуатацию 129 ед. номеров в модульных некапитальных средствах размещения.

Одним из механизмов обеспечения более детального планирования и мониторинга расходования бюджетных средств является совершенствование правового обеспечения в части детализации на обозначенную проблему. Следует рассмотреть вопрос о внесении изменений в части усиления санкций за нарушение порядка и/или условий предоставления межбюджетных трансфертов посредством введения ответственности должностных лиц за невыполнение условий предоставления межбюджетного трансферта по кодам направлений расходов по целевым статьям расходов на реализацию национальных проектов, в целях финансового обеспечения (софинансирования) которых предоставляются межбюджетные трансферты. Данные изменения предусматриваются в рамках ст. 15.15.3, Кодекса РФ об административных правонарушениях⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам рассмотрения особенностей организации процесса управления развитием туристской индустрии во Владимирской области следует отметить интенсивное развитие проектного управления. В настоящее время проектные принципы охватили и реализацию государственных программ, которые включают проектную и процессные части.

Проектный подход позволяет выстроить эффективную стратегию достижения социально-экономических целей с учетом постоянно изменяющихся условий в пределах муниципального образования, региона, страны в целом. Особое значение проектный подход приобретает в период нестабильных и кризисных ситуаций, которые требуют адаптации и приоритизации целей и результатов национального развития страны. На основании рассмотренных особенностей важен выбор методологии, максимально отвечающей заявленным требованиям всех заинтересованных сторон и условиям макроэкономической ситуации в отношении экономики России (что подтверждается введением особых условий реализации государственных программ и проектов в 2022 г.)⁶.

Программно-проектный подход позволяет определить единые правила наследования и декомпозиции целевых параметров, что впоследствии обеспечивает возможность мониторинга достижения приоритетов Президента РФ в туристической сфере. Важность данного подхода заключается также в формировании особой административной культуры, благоприятствующей инновациям, что является одним из элементов государственной политики по управлению туристской индустрией. Системность применения программно-проектного подхода, совместное взаимодействие всех экономических субъектов в этой части позволят трансформировать текущую модель государственного управления туристической отраслью в ответ на новые вызовы.

⁴ О проекте федерального бюджета на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/Mx8Gu56tjeWG4ASfKY9ySRLHs1uCCP8z.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=490133&dst=100001#5qIj3VUmwfYmZEw> (дата обращения: 15.10.2024).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2022 г. № 628 «Об особенностях реализации национальных проектов (программ), федеральных проектов, ведомственных проектов и региональных проектов в условиях геополитического и санкционного давления на развитие российской экономики». Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=414294&dst=100001#Gkz3VUWgGSA0zRo> (дата обращения: 15.10.2024).

Список литературы

1. Черкасова И.И. Регулирование регионального туристского рынка на основе совершенствования организационно-качественных параметров. Дис. ... д-р экон. наук: 08.00.05. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет; 2007. 392 с.
2. Афонин С.Е., Осипов В.С. Основные результаты 20-летнего инновационного развития российских регионов. E-Management. 2023;4(6):41–52. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>
3. Аврамчикова Н.Т., Иванов А.С. Ресурсный потенциал региона: структура и эффективность использования. E-Management. 2022;4(5):54–63. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-54-63>
4. Бушенева Ю.И. Проблемы декомпозиции показателей Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации в региональной экономической политике. Общество: политика, экономика, право. 2023;6(119):118–124. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.6.16>
5. Афанасьев К.С., Степанова Е.С. Проектный менеджмент в государственном управлении: между стандартами и административными регламентами. В кн.: Актуальные проблемы менеджмента: повышение стратегической устойчивости регионов и предприятий: материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 ноября 2020 г. СПб: Скифия-принт; 2021. С. 182–187.
6. Гегедюш Н.С., Мамлина Е.А. Правовые и организационные аспекты повышения уровня проектной компетентности муниципальных служащих. Вестник Поволжского института управления. 2022;3(22):4–13.
7. Дерен И.И., Земляникина А.Д. Факторы формирования туристских потоков в условиях современного развития туризма в Российской Федерации. Вестник университета. 2024;3:40–53. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-3-40-53>
8. Родичева В.С. Организация проектной деятельности в органах государственной власти. Общество, экономика, управление. 2024;2(9):12–17.
9. Кузнецов Ю.В., Дерен И.И. Экономическая роль международных конференций в обмене научно-практическим опытом. Вестник Национальной академии туризма. 2018;2(46):83–85.

References

1. Cherkasova I.I. Regulating regional tourist market on the basis of improving organizational and qualitative parameters. Dis. ... Dr. Sci. (Econ.): 08.00.05. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2007. 392 p. (In Russian).
2. Afonin S.E., Osipov V.S. Main results of the 20-year innovative development of the Russian regions. E-Management. 2023;4(6):41–52. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-41-52>
3. Avramchikova N.T., Ivanov D.S. Resource potential of the region: structure and efficiency of use. E-Management. 2022;4(5):54–63. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-54-63>
4. Bushenova Yu.I. The problems of decomposition of indicators in the Unified Plan for Achieving National Development Goals of the Russian Federation in regional economic policy. Society: Politics, Economics, Law. 2023;6(119):118–124. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2023.6.16>
5. Afanasiev K.S., Stepanova E.S. Project management in public administration: between standards and administrative regulations. In: Current management issues: Improving the strategic sustainability of regions and enterprises: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 20, 2020. St. Petersburg: Skifiya-print; 2021. Pp. 182–187. (In Russian).
6. Gegedyush N.S., Mamlina E.A. Legal and organizational aspects of increasing the level of project competence of municipal employees. Bulletin of the Volga Institute of Management. 2022;3(22):4–13. (In Russian).
7. Deren I.I., Zemlyanikina A.D. Factors of forming tourist flows in modern development of tourism in the Russian Federation. Vestnik universiteta. 2024;3:40–53. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-3-40-53>
8. Rodicheva V.S. Organization of project activities in public authorities. Society, economy, management. 2024;2(9):12–17. (In Russian).
9. Kuznetsov Yu.V., Deren I.I. Economic role of international conferences in the exchange of scientific and practical experience. Bulletin of the National Academy of Tourism. 2018;2(46):83–85. (In Russian).

Современные тенденции управления процессами в области добычи и переработки тяжелой нефти

Панков Дмитрий Анатольевич

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0009-0005-4237-0514, e-mail: da_pankov@guu.ru

Флакسمан Алина Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: as_flaksmman@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящее время как в мире, так и в Российской Федерации происходит освоение новых нефтяных месторождений с трудноизвлекаемыми запасами. Ежегодно количество традиционных запасов нефти уменьшается, а их качество ухудшается. Их альтернативой выступают трудноизвлекаемые запасы тяжелой нефти. Целью настоящего исследования являются определение и анализ новых перспективных способов управления процессами в области добычи и переработки нефти, которые человечество вынуждено осваивать в текущей ситуации. Рассмотрена проблематика необходимости перехода к добыче и переработке запасов тяжелой и битуминозной нефти. Проанализированы основные известные на сегодняшний день способы добычи тяжелой нефти, выявлены достоинства и недостатки каждого из них. Раскрыты характеристики различных способов переработки тяжелой нефти, использующихся в настоящее время, а также проблемы и перспективы их применения. Проведен анализ рынка технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов, приведена динамика его объема. Отдельно рассмотрен сегмент управления плановыми ремонтами на нефтеперерабатывающих заводах. Изучены объемы рынка технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов в Российской Федерации. На основе исследования мирового опыта выявлена необходимость перестройки системы управления добычи и переработки нефти в стране. В результате сравнительного анализа сделаны выводы о необходимости применения не только традиционно используемых способов добычи, но и перспективного шахтно-скважинного способа добычи. Определены перспектива сочетания технологий переработки тяжелых нефтей, а также возможность переработки нефти с помощью электрических разрядов.

Ключевые слова

Тяжелая нефть, трудноизвлекаемые запасы, битуминозная нефть, Баженовская свита, нефтепереработка, крекинг, плазменный реактор, техническое обслуживание НПЗ, шахтно-скважинная добыча

Для цитирования: Панков Д.А., Флакسمан А.С. Современные тенденции управления процессами в области добычи и переработки тяжелой нефти // Вестник университета. 2025. № 2. С. 94–101.

Current trends in process management in heavy oil production and refining

Dmitry A. Pankov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex
ORCID: 0009-0005-4237-0514, e-mail: da_pankov@guu.ru

Alina S. Flaksman

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Management in the Fuel and Energy Complex
ORCID: 0000-0001-8122-0862, e-mail: as_flaksmman@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Currently, both in the world and in Russia, new oil fields with hard-to-recover reserves are being developed. Every year the quantity of conventional oil reserves is decreasing, and their quality is deteriorating. Hard-to-recover heavy oil reserves are their alternative. The purpose of the study is to identify and analyze new promising ways of process management in oil production and refining, which mankind is forced to master in the current situation. The problematics of necessity of transition to heavy and bituminous oil reserves production and refining has been considered. The main known to date methods of heavy oil extraction have been analyzed, and advantages and disadvantages of each of them have been revealed. The characteristics of various methods of heavy oil refining, currently used, as well as the issues and prospects of their implementation have been disclosed. The refinery maintenance market has been analyzed, and the dynamics of the refinery maintenance market volume has been given. The scheduled maintenance management segment at oil refineries has been considered separately. The volumes of Russian oil refineries maintenance market have been studied. On the basis of the study of world experience the necessity of restructuring the oil production and refining management system in Russia has been revealed. As a result of the comparative analysis the conclusions have been made about the necessity to apply not only traditionally used extraction methods, but also a promising shaft-well extraction method. The prospect of combining technologies of heavy oil refining, as well as the possibility of oil refining with the help of electric discharges has been determined.

Keywords

Heavy oil, hard-to-recover reserves, bituminous oil, Bazhenov formation, oil refining, cracking, plasma reactor, refinery maintenance, mining and borehole production

For citation: Pankov D.A., Flaksman A.S. (2025) Current trends in process management in heavy oil production and refining. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 94–101.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время мировые запасы тяжелой и битуминозной нефти составляют около 750 млрд т, что в значительной мере превышает запасы легких видов нефти. По многочисленным оценкам, запасы тяжелой нефти составляют около 70 % от мировых [1].

Тяжелая нефть – это высоковязкая нефть, обладающая высокой плотностью (0,92–1 г/см³). По причине плотного состава и пониженной текучести ее транспортировка непростая. Повышенная вязкость и высокая плотность увеличивают массу тяжелой нефти по сравнению с обычной, и этот факт также осложняет ее добычу. В тяжелой нефти присутствует множество различных примесей – соединений азота и кислорода, серы, тяжелых металлов, смол, асфальтенов. Они затрудняют переработку тяжелой нефти по сравнению с обычной.

Как правило, месторождения тяжелой нефти отличаются высокими емкостными свойствами. Показатели пористости находятся в пределах от 19 до 46 %. При этом такие месторождения отличаются разрозненностью и высокой неоднородностью фильтрационных характеристик. Залежи тяжелой нефти присутствуют на различных глубинах под землей – от 300 м до глубин свыше 1,5 тыс. м. Однако стоит учитывать, что процент балансовых запасов тяжелой нефти, размещенных на глубине более 1,5 тыс. м, составляет около 5 % всех запасов. Наибольшие ресурсы тяжелой нефти расположены на глубинах от 1 до 1,5 тыс. м [2; 3]. Наиболее распространены месторождения высоковязкой нефти, которые отличаются сложной многопластовой системой. В данной системе различные уровни нефтеносности обладают разными фильтрационными свойствами.

Наибольшие запасы тяжелой и битуминозной нефти сосредоточены в Канаде и Венесуэле. Российская Федерация (далее – РФ, Россия) занимает важное место в мировых запасах тяжелой нефти и природных битумов, которые в основном сконцентрированы в таких регионах, как Волго-Уральская, Тимано-Печорская и Западно-Сибирская нефтегазоносные провинции. Оценочные запасы тяжелой нефти в России варьируются от 30 до 75 млрд т, что значительно превышает объемы запасов легкой нефти. В условиях сокращения ресурсов легкой нефти переход к разработке нефти тяжелой становится очевидной стратегической перспективой [4].

ДОБЫЧА ТЯЖЕЛОЙ НЕФТИ

Существуют три основных способа добычи тяжелой нефти.

1. Добыча совместно с породой и последующее отделение нефти. Это подразумевает осуществление двух первостепенных этапов: добычу нефтеносной породы и ее транспорт на обогатительную фабрику с целью сепарации нефти. В рамках применения этого способа разработки капитальные и эксплуатационные затраты промысла являются незначительными по сравнению с другими способами. После завершения выполнения работ по выделению из породы углеводородов характерен высокий уровень показателя нефтеотдачи – от 64 до 86 %. В целях добычи нефтеносной породы применяется специализированное оборудование для добычи полезных ископаемых: машины-экскаваторы, бульдозеры и т.д. Одним из крупнейших месторождений в мире, где используется данный метод добычи, является месторождение Атабаска, расположенное в канадской провинции Альберта. Оно представляет собой кварцевые пески с битумонасыщенностью в среднем около 8 %. В песках Атабаски содержатся нефть, смолы, асфальтены, сера и кокс. Запасы битума на этом месторождении оцениваются в 129 млрд т.

Выемка нефтеносной породы выполняется машинами-экскаваторами. На втором этапе процесса нефтеносная порода доставляется транспортером на пункт по измельчению породы и завод по экстракции, находящиеся рядом с карьером. Дальнейшая переработка нефтеносных песков, такая как отделение нефти от частиц песков, выполняется рядом методов: холодной и горячей водой, с помощью пара, специальными реагентами химической промышленности. По завершении выделения битума, отстаивания и применения центрифуги битум направляется на нефтеперерабатывающий завод¹. Таким способом можно добывать нефть на глубине не более 90 м, поэтому он является ограниченным.

2. Воздействие на нефть внутри пласта достаточно широко применяется в настоящее время. В его рамках иногда используют газовые методы, например, закачку воздуха в пласт. Данный метод базируется на закачивании воздуха в нефтеносный пласт и его трансформировании в вытесняющие агенты с помощью окислительных процессов, происходящих внутри пласта при низкой температуре.

¹ Характеристика пластов. Режим доступа: <https://studfile.net/preview/8836213/page:43/> (дата обращения: 10.12.2024).

Кроме того, на практике применяются различные методы химии, в том числе обработка кислотами, поверхностно-активными веществами, химическими реагентами и растворителями органики. Кислотные растворы, находящиеся под давлением, попадают в мелкие поры и трещины, присутствующие в нефтеносном пласте, и после этого приводят к их расширению. Параллельно с данным процессом появляются новые каналы, по которым нефть направляется к забою скважины.

В мировой практике используется также микробиологическое воздействие, базирующееся на применении микробиологических явлений, в которых основные функции выполняют микроорганизмы. Такие организмы, проникающие в нефтеносный пласт искусственным способом, выделяют различные продукты своей жизнедеятельности: газы, биополимеры, спирты, растворители и т.д.

В настоящее время чаще всего в рамках метода воздействия на нефть внутри пласта используется технология теплового воздействия, которая снижает вязкость нефти, что позволяет ее выкачать. Однако при циклической закачке пара в пласт необходимо соблюдать достаточно большие периоды времени между закачкой пара и добычей, поэтому добыча длительна, а коэффициент извлечения нефти низок и составляет не более 25 %. При одновременной закачке пара в пласт и добыче ограничением является тот факт, что пласт должен быть мощным и однородным [5].

3. Шахтный способ добычи тяжелой нефти применялся ранее при освоении первых нефтяных месторождений, но в настоящее время практически не используется. Сегодня разработана более совершенная технология добычи в рамках данного способа – шахтно-скважинная. Она интегрирует в себе весь мировой опыт освоенных и веками отработанных технологий добычи полезных ископаемых, включая традиционные скважинные способы освоения месторождений углеводородного сырья и шахтные способы.

Шахтно-скважинная технология предназначена для разработки трудноизвлекаемых углеводородных запасов, таких как отложения Баженовской свиты, месторождения высоковязкой, битумной и «недозревшей» нефти. Этот способ включает вскрытие продуктивных слоев с помощью шахтных стволов и подземных горных выработок, после чего добыча нефти осуществляется с применением различных современных методов, направленных на повышение нефтеотдачи. Для этого используют скважины, которые бурятся с целью стимуляции и добычи.

Процесс шахтно-скважинной разработки включает комплекс капитальных горных работ, таких как вскрытие нефтегазоносных пластов с помощью шахтных стволов и подземных выработок, подготовка выемочно-добычных скважинных блоков с использованием горно-подготовительных выработок, а также бурение нагнетательных и стимулирующих скважин для повышения нефтеотдачи. Добычные скважины обычно бурят с поверхности земли или непосредственно из подземных выработок.

В рамках этой технологии применяются методы воздействия на продуктивные пласты, такие как гидро-разрыв, безводные тепловые воздействия и физико-химическое вытеснение нефти. Шахтно-скважинный способ отличается тем, что скважины для стимуляции нефтеотдачи бурятся из подземных выработок, а добычные – с поверхности или из подземных блоков, обеспечивая более эффективное использование месторождений и извлечение трудноизвлекаемой нефти.

Конкурентные преимущества шахтно-скважинной технологии [6; 7]:

- сокращение объемов бурения добывающих скважин до экономически оправданного уровня;
- значительное увеличение коэффициента извлечения нефти;
- минимизация экологического воздействия на поверхность земли;
- обеспечение экологической безопасности технологий стимулирования и повышения нефтегазоотдачи залежей битумной нефти с высокой вязкостью;
- эффективное использование низкокалорийного попутного газа для генерации электро- и теплоэнергии;
- продление жизненного цикла месторождений, что увеличивает их срок эффективной эксплуатации.

ПЕРЕРАБОТКА ТЯЖЕЛОЙ НЕФТИ

В настоящее время технологии переработки тяжелой нефти в основном используют комбинацию традиционных методов обработки, таких как коксование, каталитический и гидрокрекинг, гидроочистка и другие подобные процессы [8]. Некоторые зарубежные компании применяют замедленное коксование для переработки. Этот метод, хотя и является высокоэнергоемким, имеет недостаток – получаемый кокс с высоким содержанием серы не находит широкого применения. Замедленное, или

полунепрерывное, коксование представляет собой процесс переработки тяжелых нефтяных остатков без доступа воздуха при высоких температурах².

Процесс переработки начинается с предварительного нагрева нефти в печах до температуры 351–381°C. Затем нагретая нефть поступает на каскадные тарелки ректификационной колонны, функционирующей при атмосферном давлении. Здесь происходят теплопередача и массоперенос, в результате чего часть паров конденсируется, смешивается с исходным сырьем и образует вторичное сырье. Это сырье нагревается до 491–511°C в специальных печах и направляется в коксонакопительные камеры – вертикальные цилиндрические аппараты диаметром от 3,1 до 7,1 м и высотой от 21 до 31 м.

В камерах сырье подвергается воздействию высокой температуры в течение 24–36 ч, что приводит к процессу коксования. Когда камера заполняется коксом на 69–91 %, его извлекают с помощью водяной струи под давлением до 15 МПа. Извлеченный кокс отправляется на дробильную установку, где его измельчают на фракции размером до 150 мм. Затем он сортируется по размерам: 0,5–6 мм, 6–25 мм и 25–150 мм. После выгрузки кокса камеры прогреваются паром, подготавливая их к следующей загрузке сырьем³.

Замедленное коксование имеет ряд преимуществ, включая высокий выход малозольного кокса, что делает его экономически выгодным. Увеличенный выход кокса объясняется длительным воздействием высокой температуры на сырье, что позволяет более эффективно извлекать углерод и минимизировать потери. Этот процесс также способствует улучшению качества кокса за счет его более однородной структуры и меньшего содержания примесей. Кроме того, технологию можно адаптировать для получения кокса с нужными характеристиками, что открывает возможности для его использования в различных отраслях, таких как металлургия.

Современной альтернативой переработки тяжелой нефти является гидрокрекинг – усовершенствованный процесс по сравнению с традиционным каталитическим крекингом и каталитическим риформингом. Этот метод более эффективен и показывает лучшие результаты. Гидрокрекинг представляет собой передовую технологию переработки углеводородов, в ходе которой используется водород в каталитическом крекинге. Он позволяет значительно повысить качество конечных продуктов и улучшить общую эффективность переработки сырья.

К основным преимуществам гидрокрекинга относятся:

- высокий выход легких фракций – этот процесс позволяет перерабатывать тяжелый газойль в высококачественные легкие дистилляты, такие как бензин и дизельное топливо, с минимальным образованием тяжелых остатков;
- отсутствие тяжелых остатков – в отличие от других методов при гидрокрекинге не образуются такие тяжелые отходы, как кокс или пек, что облегчает дальнейшую переработку и снижает затраты на утилизацию;
- гибкость в производственном процессе – установки для гидрокрекинга могут быть настроены таким образом, чтобы увеличивать производство либо бензина, либо дизельного топлива в зависимости от изменений рыночного спроса, что дает возможность нефтеперерабатывающим заводам быстро адаптироваться к изменяющимся потребительским предпочтениям;
- повышение качества продукции – гидрокрекинг способствует улучшению свойств бензина, делая его более соответствующим современным экологическим стандартам, что особенно важно с учетом усиления экологических норм;
- образование изобутана – в ходе гидрокрекинга образуется значительное количество изобутана, который можно использовать для алкилирования и производства более высококачественного бензина.

Существует множество типов установок для гидрокрекинга, которые можно настроить для оптимальной переработки в зависимости от качества исходного сырья и требуемых конечных продуктов. Это делает гидрокрекинг универсальным и эффективным инструментом в нефтедобывающей и нефтехимической промышленности. Еще одним важным преимуществом современных процессов гидрокрекинга являются использование относительно недорогих катализаторов и значительная экономия за счет отсутствия необходимости в дорогостоящей гидроочистке [9].

² Каталог инновационных разработок участников Технологической платформы «Технологии добычи и использования углеводородов». Режим доступа: <https://tp-ning.ru/catalog> (дата обращения: 10.12.2024).

³ Технология производства нефтяного кокса. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/science/petrochemistry/332059-tehnologiya-proizvodstva-nefyanogo-koksa-i-ispolzuemoe-v-promyshlennosti-syre/> (дата обращения: 10.12.2024).

Стоит выделить инновационную технологию переработки тяжелой нефти, разработанную специалистами Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. В университете была создана крупнейшая в мире установка, использующая электрические разряды для эффективной переработки тяжелой нефти, обеспечивающая производство ценных продуктов для химической промышленности. Эта передовая технология имеет несколько значительных преимуществ по сравнению с традиционными методами переработки тяжелой нефти, которые обычно требуют высоких температур и давления, использования большого количества водорода, сжигания углеводородного топлива и сопровождаются существенными выбросами углекислого газа. Плазменные реакторы, предлагаемые в рамках новой технологии, устраняют эти недостатки, поскольку работают на электроэнергии, получаемой от атомных или гидроэлектростанций, и не производят углекислый газ. В процессе разложения крупных молекул на более мелкие компоненты с помощью электрических разрядов выделяются водород, ацетилен, этилен, метан и другие химические вещества, которые активно используются в различных отраслях химической промышленности. Однако внедрение этой технологии в промышленность ограничено размером установок, что делает особенно важным достижение увеличения их мощности [10].

РЫНОК ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ЗАВОДОВ

Важной составляющей в области переработки тяжелой нефти являются услуги по техническому обслуживанию нефтеперерабатывающих заводов. Это отдельный рынок со своими особенностями и тенденциями.

В связи с увеличением необходимости переработки тяжелой нефти мировой рынок технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов в последние годы растет и будет увеличиваться (табл. 1).

Таблица 1

Динамика объема мирового рынка технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов

Годы	2022	2023	2024	2025	2026
Объем рынка, млрд долл. США	3,6	3,8	3,9	4,1	4,3

Составлено авторами по материалам источника⁴

Наибольшую долю рынка (более 83 %) занимает плановый ремонт. Под плановым ремонтом в данном случае имеется в виду техническое обслуживание нефтеперерабатывающих заводов, которое проводится каждые три–пять лет [11]. Типичными мероприятиями в ходе данного процесса являются:

- проверка электрических систем и трубопроводов на коррозию, целостность, износ и образование отложений;
- специальная проверка вращающегося оборудования, емкостей и насосов для выявления нештатных ситуаций;
- замена изношенных деталей и систем;
- замена отработавших катализаторов.

Продолжительность планового ремонта варьируется от нескольких недель до нескольких месяцев в зависимости от типа технического обслуживания и проблем, возникающих во время ремонта. Длительные сроки и финансовые затраты вынуждают руководство нефтеперерабатывающих заводов планировать ремонтные работы в непииковый период года.

Второй сегмент – это рынок технического обслуживания и ремонта во время незапланированных остановок на нефтеперерабатывающих заводах. Перебои в подаче электроэнергии являются одной из основных причин незапланированных остановок. На отказ электрооборудования приходится около одной седьмой от общего числа отключений электроэнергии на нефтеперерабатывающих заводах. Другая одна седьмая часть связана с погодными условиями, такими как сильный ветер, проливные дожди, удары молний и наводнения. Неисправность оборудования является еще одной причиной незапланированной остановки нефтеперерабатывающего завода.

⁴ US Energy Information Administration. Режим доступа: <https://www.eia.gov/> (дата обращения: 10.12.2024).

В настоящее время по объему рынка технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов Россия занимает третье место среди стран мира после Соединенных Штатов и Китая. Рассмотрим динамику объема отечественного рынка (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика объема рынка технического обслуживания
нефтеперерабатывающих заводов в России**

Годы	2022	2023	2024	2025	2026
Объем рынка, млн долл. США	198	205	212	220	230

Составлено авторами по материалам источника⁵

В России прогнозируется рост рынка, темпы которого составят от 3 до 4 % в год, поэтому услуги по техническому обслуживанию нефтеперерабатывающих заводов являются важными элементами экономики и управления процессами в области переработки как всей нефти, так и тяжелой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный глобальный переход к извлечению трудноизвлекаемых запасов требует разработки новых методов управления процессами добычи и переработки тяжелой нефти. Эти изменения являются объективной необходимостью и напрямую касаются необходимости адаптации системы управления добычей и переработкой нефти в России. В нынешних условиях для эффективной разработки месторождений тяжелой нефти следует учитывать не только традиционные методы, такие как добыча нефти с породой и воздействие на пласт, но и перспективные подходы, например, шахтно-скважинный способ.

В отношении переработки тяжелой нефти необходимо расширить подходы, выходящие за рамки традиционных технологий, таких как коксование, каталитический крекинг и гидрокрекинг. Важно исследовать возможности их комбинации, а также внедрять новые методы, например, переработку с использованием электрических разрядов.

В связи с увеличением необходимости переработки тяжелой нефти в последние годы как в мире, так и в России наблюдается тенденция увеличения затрат на техническое обслуживание нефтеперерабатывающих заводов, что необходимо учитывать в ходе управления процессами нефтепереработки. Наибольшую долю рынка занимает плановый ремонт, то есть техническое обслуживание нефтеперерабатывающих заводов, которое проводится каждые три–пять лет. В России до 2026 г. прогнозируется рост рынка технического обслуживания нефтеперерабатывающих заводов, темпы которого составят от 3 до 4 % в год.

Список литературы

1. Хайн Н. Дж. Геология, разведка, бурение и добыча нефти. М.: Олимп-Бизнес; 2022. 752 с.
2. Щепалов А.А. Тяжелые нефти, газовые гидраты и другие перспективные источники углеводородного сырья. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет; 2012. 93 с.
3. Тарелко Н.Ф. Изучение тепловых свойств коллекторов тяжелых нефтей и вмещающих пород применительно к тепловым методам добычи. Дис. ... канд. техн. наук: 25.00.10. М.: Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе; 2011. 134 с.
4. Дейк А.П. Основы разработки нефтяных и газовых месторождений. М.: Премимум Инжиниринг; 2022. 848 с.
5. Лобов А.Г. Нефть и газ. Мировая история. М.: Элима; 2021. 896 с.
6. Ильюша А.В., Панков Д.А. Инновационные технологии освоения запасов высоковязкой нефти. Деловой журнал Neftegaz.ru. 2017;6(66):26–32.
7. Афанасьев В.Я., Ильюша А.В., Линник Ю.Н. Инновационные шахтно-скважинные технологии освоения и эксплуатации запасов нефти и газа – основа для повышения энергоэффективности в ТЭК России. В кн.: Актуальные проблемы управления – 2015: материалы XX Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 ноября 2015 г. М.: Государственный университет управления; 2015. С. 3–4.

⁵ BP Statistical Review of World Energy 2024. Режим доступа: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html> (дата обращения: 10.12.2024).

8. Леффлер У.Л. Переработка нефти. М.: Олимп-Бизнес; 2023. 224 с.
9. Румянцев Т.А., Галанин Н.Е. Химия и технология процессов вторичной переработки нефти. М.: Инфра-Инженерия; 2024. 96 с.
10. Рогожин Д.В. Замедленное коксование как метод получения электродного кокса. Молодой ученый. 2023;28(475):14–17.
11. Петров Ю.А. Экономическая история. Ежегодник. 2022. М.: Институт российской истории РАН; 2022. 476 с.

References

1. Hune N.J. Geology, Exploration, Drilling and Petroleum Production. Moscow: Olymp-Business; 2022. 752 p. (In Russian).
2. Shepalov A.A. Heavy oils, gas hydrates, and other promising sources of hydrocarbon raw materials. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University; 2012. 93 p. (In Russian).
3. Tarelko N.F. Study of thermal properties of heavy oil reservoirs and host rocks in relation to thermal methods of extraction. Dis. ... Cand. Sci. (Engr.): 25.00.10. Moscow: Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting; 2011. 134 p. (In Russian).
4. Dake L.P. Fundamentals of oil and gas fields development. Moscow: Premium Engineering; 2022. 848 p. (In Russian).
5. Lobov A.G. Oil and Gas. World History. Moscow: Elima; 2021. 896 p. (In Russian).
6. Ilyusha A.V., Pankov D.A. Innovative technologies of high-viscosity oil reserves development. Neftegaz.ru. 2017;6(66):26–32. (In Russian).
7. Afanasiev V.Ya., Ilyusha A.V., Linnik Yu.N. Innovative mine-well technologies of oil and gas reserves development and exploitation is the basis for energy efficiency in the fuel and energy complex of Russia. In: Current issues of management – 2015: Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 25–26, 2015. Moscow: State University of Management; 2015. Pp. 3–4. (In Russian).
8. Leffler W.L. Oil processing. Moscow: Olymp-Business; 2023. 224 p. (In Russian).
9. Rumyantseva T.A., Galanin N.E. Chemistry and technology of secondary oil refining processes. Moscow: Infra-Engineering; 2024. 96 p. (In Russian).
10. Rogozhin D.V. Slow coking as a method of obtaining electrode coke. Molodoi uchenyi. 2023;28(475):14–17. (In Russian).
11. Petrov Yu.A. Economic history. Yearbook. 2022. Moscow: Institute of History of Russia of the Russian Academy of Sciences; 2022. 476 p. (In Russian).

Демографическая безопасность Краснодарского края Российской Федерации как важный фактор обеспечения экономической безопасности

Чолахян Ангелина Рубеновна

Студент

ORCID: 0009-0003-7710-1328, e-mail: angelina1125@yandex.ru

Ануфриева Анна Петровна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономической безопасности

ORCID: 0000-0001-8032-7078, e-mail: gubskaya-a@mail.ru

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Демографическая безопасность – важный элемент безопасности региона и страны, который включает комплекс мер, направленных на поддержание стабильного роста населения, а также сохранение культурного и этнического разнообразия. В контексте экономической безопасности демографическая составляющая играет ключевую роль, поскольку она напрямую влияет на трудовой потенциал региона и его инвестиционную привлекательность. В условиях демографического кризиса Краснодарский край сталкивается с серьезными экономическими проблемами – нехваткой рабочей силы, снижением производительности труда и увеличением затрат на социальные услуги. Это может привести к снижению его конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, а также к ухудшению общего уровня жизни населения. Изучена актуальная проблема демографической безопасности, которая становится все более значимой. Рассмотрены понятие демографической безопасности и ее основные угрозы. Проанализирована численность естественного и миграционного прироста населения, которая влияет на демографическую ситуацию в Краснодарском крае, что создает определенные угрозы в экономической безопасности страны. Обозначены основные вопросы, которые требуют контроля и внимания со стороны органов власти.

Ключевые слова

Население, экономическая безопасность, демографическая безопасность, рождаемость, смертность, миграция, демографический кризис, социальная угроза, естественная убыль, старение населения

Для цитирования: Чолахян А.Р., Ануфриева А.П. Демографическая безопасность Краснодарского края Российской Федерации как важный фактор обеспечения экономической безопасности // Вестник университета. 2025. № 2. С. 102–113.

Demographic security of the Krasnodar Region of the Russian Federation as an important factor in ensuring economic security

Angelina R. Cholakhyan

Student

ORCID: 0009-0003-7710-1328, e-mail: angelina1125@yandex.ru

Anna P. Anufrieva

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economic Security Department

ORCID: 0000-0001-8032-7078, e-mail: gubskaya-a@mail.ru

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Abstract

Demographic security is an important element of regional and national security, which includes a set of measures aimed at maintaining stable population growth and preserving cultural and ethnic diversity. In the context of economic security, the demographic component plays a key role, as it directly affects region's labor potential and its investment attractiveness. In the conditions of the demographic crisis, the Krasnodar Region is facing serious economic issues such as labor shortages, declining labor productivity, and rising costs for social services. It may lead to a decrease in its competitiveness in the domestic and foreign markets, as well as to a deterioration in the general standard of living of the population. The issue of demographic security, which is becoming increasingly important, has been studied. The demographic security concept and its main threats have been considered. The number of natural and migratory population growth, affecting the demographic situation in the Krasnodar Region, which creates certain threats to the economic security of the country, has been analyzed. The main issues that require control and attention from the authorities have been outlined.

Keywords

Population, economic security, demographic security, birth rate, mortality, migration, demographic crisis, social threat, natural decline, population aging

For citation: Cholakhyan A.R., Anufrieva A.P. (2025) Demographic security of the Krasnodar Region of the Russian Federation as an important factor in ensuring economic security. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 102–113.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире демографическая ситуация становится одним из ключевых факторов, влияющих на экономическую безопасность государств и регионов. Население является основным ресурсом любой страны, определяющим ее потенциал для развития и процветания. В связи с этим изучение демографических процессов и их влияния на экономику выступает важной задачей для понимания перспектив развития общества.

В настоящем исследовании мы рассмотрим демографическую ситуацию как угрозу экономической безопасности, проанализируем изменения в численности населения и его распределении по территории, а также обсудим меры, которые могут быть предприняты для минимизации негативных последствий демографических изменений.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими факторами:

- старение населения – в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в последние годы наблюдается старение населения, что может привести к увеличению расходов на пенсии и медицинское обслуживание пожилых людей и, следовательно, негативно сказаться на экономике, особенно в условиях дефицита ресурсов;
- миграция населения – миграция населения может привести к увеличению нагрузки на инфраструктуру и рынок труда и изменению этнического состава населения, что в свою очередь может повлиять на социальную и экономическую стабильность;
- неравномерное распределение населения – неравномерное распределение населения по территории может привести к дисбалансу в развитии регионов, что также может негативно сказаться на экономике.

Все эти факторы делают демографическую ситуацию важнейшим фактором для развития любой страны и приобретают первостепенное значение.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время демографическая ситуация становится острой проблемой. Она оказывает прямое влияние на экономическую безопасность государства, определяя его потенциал и перспективы развития.

Экономическая безопасность – это совокупность факторов, обеспечивающих стабильность и устойчивость экономики, способность развиваться и достигать высоких финансовых результатов, а также состояние, при котором государство способно эффективно удовлетворять материальные потребности своего населения, обеспечивая устойчивое развитие и благосостояние. Данное определение, предложенное А.А. Саякбаевой и С.К. Омровой, подчеркивает роль населения в обеспечении экономической безопасности [1].

В области демографии на сегодняшний день имеется множество интерпретаций понятия демографической безопасности. Основные подходы к исследованию этой темы можно разделить на два типа – инструментальный и ценностный.

Инструментальный подход расценивает процессы воспроизводства населения как важный фактор, влияющий на социально-экономическое развитие, и рассматривает их как средство достижения конкретных экономических целей для государства или региона. Например, в России уменьшение постоянного населения представляется угрозой для геополитического статуса страны.

В противопоставление инструментальному подходу формируется ценностный подход. Он подчеркивает, что демографические изменения не просто являются инструментом для достижения экономического роста или военной мощи, но и обладают собственной ценностью. Ключевым элементом такого подхода является признание независимых демографических целей. В отличие от инструментального подхода, который рассматривает демографию как средство достижения других целей, ценностный подход акцентирует внимание на собственных целях демографического развития.

Понятие демографической безопасности многозначно, о чем свидетельствуют различные определения в научных источниках. Необходимо подчеркнуть, что они отличаются размытостью содержания, применяются с различным смысловым наполнением и каждый исследователь акцентирует внимание на одной из сторон этого понятия.

Е.Ю. Шабалина считает, что демографическая безопасность предполагает репродуктивное здоровье нации, то есть состояние и способность населения к самовоспроизводству¹.

¹ Шабалина Е.Ю. Демографическая безопасность как важнейшая составная часть национальной безопасности России. Режим доступа: <https://покров72.рф/novosti/nashi-publikatsii/demograficheskaya-bezopasnost-kak-naivazhneyshaya-sostavnaya-chast-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii/> (дата обращения: 12.09.2024).

А.А. Рыбаковский говорит о том, что демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса [7].

С.В. Соболева определяет демографическую безопасность как состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды [2].

В.Г. Глушкова и О.Б. Хорева считают, что демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства [3].

Р.И. Акьюлов говорит о том, что демографическая безопасность является одним из видов безопасности страны и ее регионов наряду с экономической, военной, социальной безопасностью и не может рассматриваться как сфера вспомогательных интересов государства для обеспечения решения его геополитических задач [7].

Демографическая безопасность – это состояние защищенности государства и общества от реальных и потенциальных демографических угроз, способных негативно повлиять на социально-экономическую и политическую стабильность страны. Ее суть заключается в поддержании оптимального соотношения между численностью населения, его структурой и ресурсами страны, а также в обеспечении устойчивого развития общества [4].

Задачи демографической безопасности:

- поддержание стабильного уровня рождаемости и смертности;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни;
- регулирование миграционных процессов;
- создание условий для повышения рождаемости;
- улучшение качества жизни населения.

Решение этих задач требует комплексного подхода, включающего меры в области здравоохранения, образования, социальной политики, экономики и других сфер.

Демография изучает численность и состав населения, а также его пространственное распределение и изменения, происходящие в популяции с течением времени. Население подвержено влиянию таких факторов, как рождаемость, смертность и миграция, и его состав постоянно меняется. Понимание и прогнозирование демографических тенденций позволяют принимать обоснованные решения в области управления социально-экономическим развитием региона [5].

Демографические процессы представляют собой сложное явление, включающее экономические потрясения, политические события, такие как начало и завершение военных конфликтов, кризисы управления, а также изменения в общественном сознании. Одним из примеров таких изменений является отказ от рождения детей в пользу профессионального роста и материального благополучия, что приводит к снижению рождаемости².

При рассмотрении демографических вызовов и угроз можно выделить следующие блоки показателей, требующих особого внимания и анализа:

- естественное движение населения, включающее показатели рождаемости и смертности;
- состояние здоровья населения, характеризующееся качественными характеристиками воспроизводства;
- демографические особенности семьи, включая ее структуру;
- миграция и расселение населения, включающие внутренние и внешние миграционные потоки;
- этнодемографическая структура населения, характеризующаяся распределением по этническому составу и языковым группам.

В настоящее время в России наблюдается демографический кризис, вызванный естественной убылью населения, которую невозможно компенсировать миграционным приростом.

АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Краснодарский край – субъект РФ, расположенный на юго-западе страны, самый южный регион. Он имеет выгодное стратегическое и географическое положение и благоприятные природно-климатические

² Mester L.J. Demographics and Their Implications for the Economy and Policy. Режим доступа: <https://www.clevelandfed.org> (дата обращения: 12.09.2024).

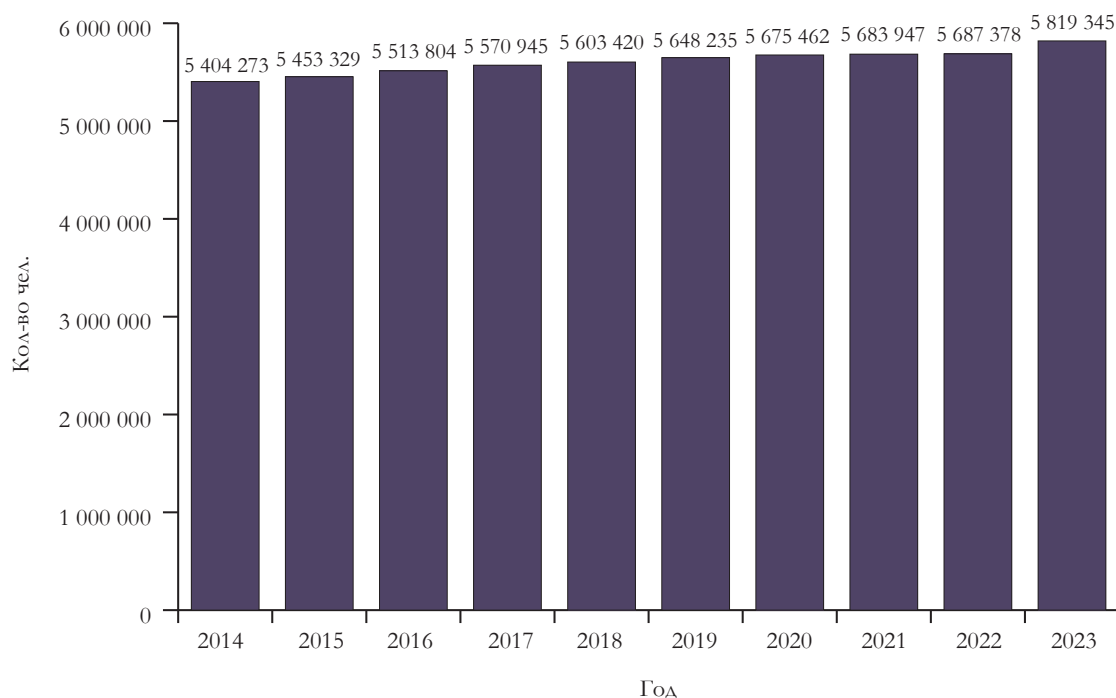
условия. Территория края омывается водами Азовского (на северо-западе) и Черного (на юго-западе) морей. Его площадь составляет 76 тыс. км², или 0,4 % от общей территории России. На северо-востоке край граничит с Ростовской областью, на востоке – со Ставропольским краем, на юго-востоке – с Карачаево-Черкесской Республикой, на западе – с Крымским полуостровом через Керченский пролив, на юге – с Абхазией. Внутри региона находится Республика Адыгея.

В состав Краснодарского края входят 38 районов, 15 городов краевого значения, 11 городов районного значения, 24 поселка городского типа и 386 сельских административных округов. Они объединяют 1,75 тыс. сельских населенных пунктов. Главным административным центром субъекта РФ является Краснодар.

В регионе основными компонентами производительных сил являются различные отрасли, включая промышленное производство и строительство. Важную роль играют топливно-энергетический сектор и информационно-коммуникационные технологии. Кроме того, агропромышленный комплекс, транспортная система, а также рекреационная сфера и туризм способствуют развитию края и укреплению его экономического потенциала³.

В начале 2023 г. Федеральная служба государственной статистики обнародовала статистические данные, свидетельствующие о демографическом кризисе в Краснодарском крае. Количество умерших в регионе превысило количество родившихся более чем в два раза. За отчетный период в крае умерло 17 тыс. чел., в то время как родилось лишь 4,4 тыс. чел.

Рассмотрим динамику численности населения Краснодарского края за 2014–2023 гг. (рис. 1).

Составлено авторами по материалам источника⁴

Рис. 1. Динамика численности населения Краснодарского края за 2014–2023 гг.

Динамика численности населения Краснодарского края за указанный период демонстрирует устойчивый рост, что свидетельствует о привлекательности региона для новых жителей. В 2014 г. население составляло 5 404 273 чел., и, несмотря на глобальные вызовы и внутренние изменения, к 2023 г. этот показатель увеличился до 5 819 345 чел. Такой рост можно объяснить рядом факторов. Краснодарский край становится центром экономической активности, привлекая людей за счет развития сельского хозяйства, туризма и промышленности. Кроме того, культурное разнообразие и высокое качество жизни способствуют миграции из других регионов России.

³ Численность населения Краснодарского края. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Демография_1-2023.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

⁴ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 12.09.2024).

Однако следует отметить, что прирост становится менее интенсивным в последние годы. Важно обратить внимание на вопросы устойчивого развития и инфраструктуры, чтобы обеспечить комфортные условия для жизни растущего населения. В целом динамика численности населения подтверждает, что Краснодарский край остается стратегически важным и динамично развивающимся регионом России.

Если обратиться к статистическим данным о численности населения в крупных населенных пунктах региона, то безусловным лидером является Краснодар, где, согласно информации на 2023 г., проживает 1 226,2 тыс. чел. На втором месте расположился Сочи с населением 561,8 тыс. чел. Замыкает тройку лидеров Новороссийск, где проживает 342 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения крупных городов Краснодарского края за 2019–2023 гг.

Показатель	Город	2019 г., тыс. чел.	2020 г., тыс. чел.	2021 г., тыс. чел.	2022 г., тыс. чел.	2023 г., тыс. чел.	Абсолют- ное откло- нение, +/-	Темп роста, %
Города с численно- стью населения свы- ше 50 тыс. чел.	Кропоткин	78,1	77,7	77,1	74,9	74,9	– 3,2	95,90
	Крымск	57,8	57,9	58,1	58,3	54,4	– 3,4	94,12
	Ейск	83,1	83,1	83,1	82,5	82,5	– 0,6	99,28
	Геленджик	77,2	76,8	75,5	80,3	82,5	5,3	106,87
	Белореченск	51,9	51,6	51,4	51,1	55,0	3,1	105,97
	Туапсе	61,9	61,2	61,0	60,7	60,7	– 1,2	98,06
Города с численно- стью населения свы- ше 500 тыс. чел.	Тихорецк	57,8	57,1	56,3	55,2	54,6	– 3,2	94,46
	Тимашевск	51,4	50,8	50,6	50,1	51,4	0,0	100,00
	Славянск-на- Кубани	66,8	67,9	67,8	61,5	61,5	– 5,3	92,07
	Лабинск	59,8	59,3	58,5	57,3	56,1	– 3,7	93,81
	Краснодар	918,1	932,6	948,8	1121,2	1226,2	308,1	133,56
Города с численно- стью населения свы- ше 100 тыс. чел.	Армавир	190,2	189,0	187,2	184,2	184,2	– 6	96,85
	Новороссийск	275,2	275,0	275,8	343,2	342,0	66,8	124,27
	Сочи	438,7	443,6	432,3	446,6	561,8	123,1	128,06

Составлено авторами по материалам источника⁵

Анализ численности населения крупных городов Краснодарского края за период с 2019 г. по 2023 г. демонстрирует неравномерные тенденции роста. В первую очередь выделяется впечатляющий прирост населения в Краснодаре, где численность увеличилась с 918,1 тыс. чел. в 2019 г. до 1 226,2 тыс. чел. в 2023 г. Это свидетельствует о развитии городской инфраструктуры и привлечении новых жителей благодаря созидательным проектам.

В то же время Сочи и Новороссийск демонстрируют различные динамики. Сочи, традиционно популярный курорт, также показывает увеличение итоговой численности населения. Новороссийск, напротив, утратил некоторые позиции, зафиксировав лишь незначительное снижение населения в 2023 г.

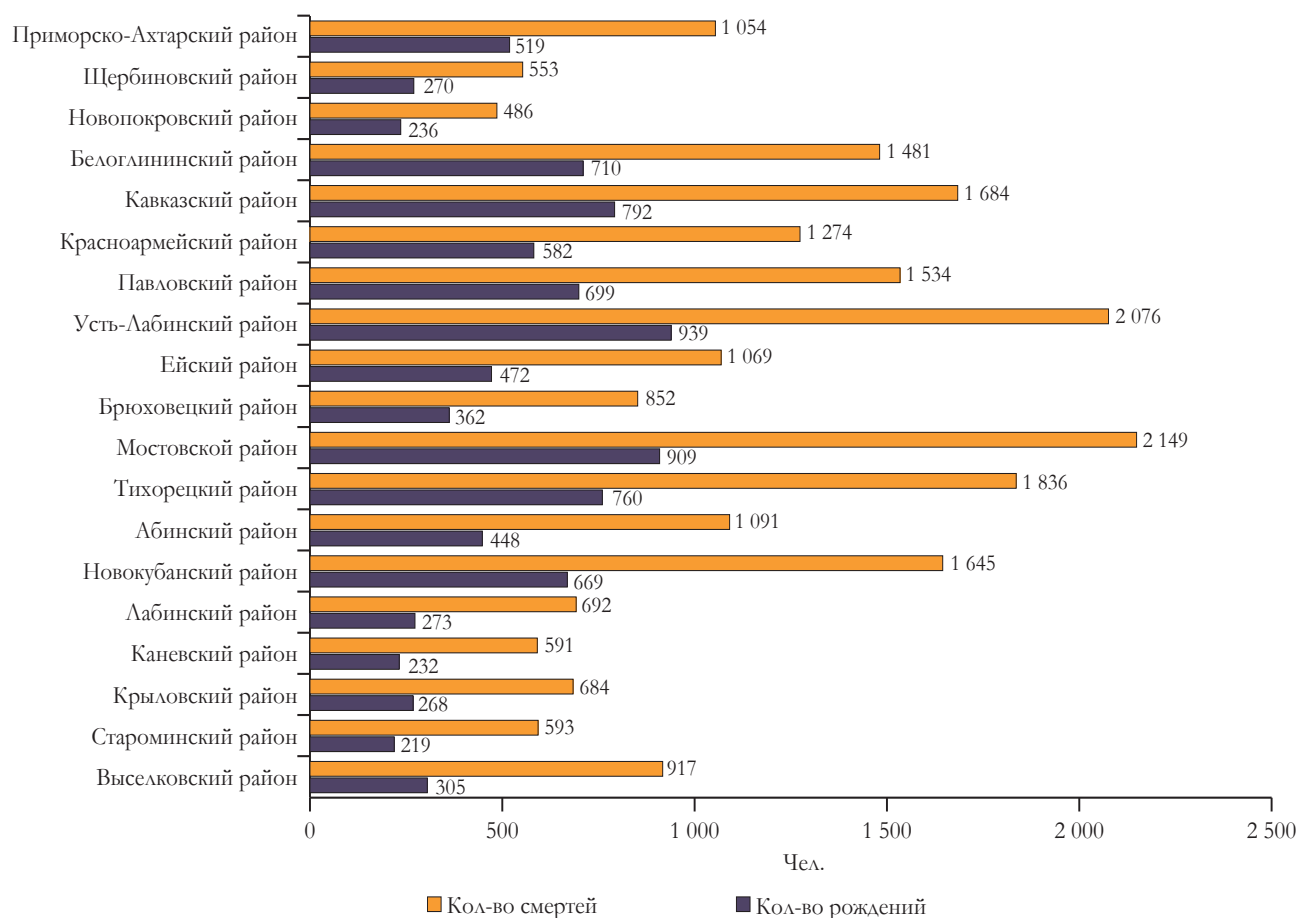
Лабинск и Тихорецк продолжают оставаться в пределах своей численности, в то время как Геленджик освещает свою динамику значительным падением в 2023 г. Важно отметить, что данные показатели имеют множество социальных и экономических последствий, необходимых для разработки стратегий муниципального управления и обеспечения устойчивого развития региона.

По официальным статистическим данным переписи, численность населения Краснодарского края на 2021 г. составила 7,13 млн чел. В ходе заседания Городской Думы глава краевого центра А. Алексеенко сделал следующее заявление: «Наш город на сегодняшний день стал домом для 1,7 млн чел. Это действительно рекордный рост. За последние 10 лет Краснодар вырос в два раза, что является беспрецедентным показателем для Российской Федерации, так как ни один город в России не рос такими темпами».

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности населения на 1 января 2023 года по муниципальным образованиям Краснодарского края. Режим доступа: <https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/01.01.2023.htm> (дата обращения: 12.09.2024).

АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Несмотря на увеличение численности населения в Краснодарском крае, в 2021 г. в 20 муниципальных образованиях смертность превысила рождаемость более чем в два раза (рис. 2).

Составлено авторами по материалам источника⁶

Рис. 2. Количество рождение и смертей в муниципальных образованиях Краснодарского края в 2021 г.

Анализ данных о рождениях и смертях по районам подтверждает важные демографические и социальные аспекты, о которых следует задуматься. Районы с высокими показателями смертности, такие как Усть-Лабинский и Тихорецкий, могут столкнуться с острыми проблемами в области здравоохранения и качества жизни своих жителей. Это подчеркивает необходимость усиления медицинских услуг и программ поддержки населения. Уровень социально-экономического благополучия в указанных регионах также вызывает вопросы. Из результатов анализа соотношения между количеством рождений и смертей следует, что устойчивое развитие возможно только при совместных усилиях государства и местных сообществ, направленных на повышение качества жизни и поддержку семей.

С 2018 г. в крае наблюдается естественная убыль населения (рис. 3).

Данные, представленные на рис. 3, вносят ясность в сложную динамику рождаемости и смертности на анализируемого периода. Количество родившихся на протяжении этих лет неизменно сокращается, в то время как число умерших продолжает расти. Это создает тревожный тренд, который указывает на потенциальный демографический кризис.

Снижение рождаемости каждый год становится все более ощутимым. Если в 2018 г. разница между количеством рожденных и умерших составила 2,755 тыс. чел., то к 2021 г. эта цифра увеличилась до 37,969 тыс. чел. Это серьезный сигнал для властей и общества, так как его последствия могут затронуть

⁶ Жениться и родить в Краснодарском крае стали меньше, умирать – больше. Режим доступа: <https://zttm.ru/news/zhenitsya-i-rozhat-v-krasnodarskom-krae-stali-menshe-umirat-bolshe/> (дата обращения: 12.09.2024).

экономику, социальные структуры и даже культуру. Важно отметить, что такие демографические изменения требуют комплексного подхода. Нужно искать пути не только для повышения рождаемости, но и для улучшения условий жизни, что в свою очередь может стать стимулом для изменения текущей статистики.

Составлено авторами по материалам источника⁷

Рис. 3. Естественный прирост (убыль) населения Краснодарского края за 2018–2022 гг.

Из графика, представленного на рис. 3, можно сделать вывод о том, что с 2018 г. на Кубани наблюдается тенденция к увеличению естественной убыли населения. Так, в 2022 г. этот показатель достиг отметки 24,589 тыс. чел.

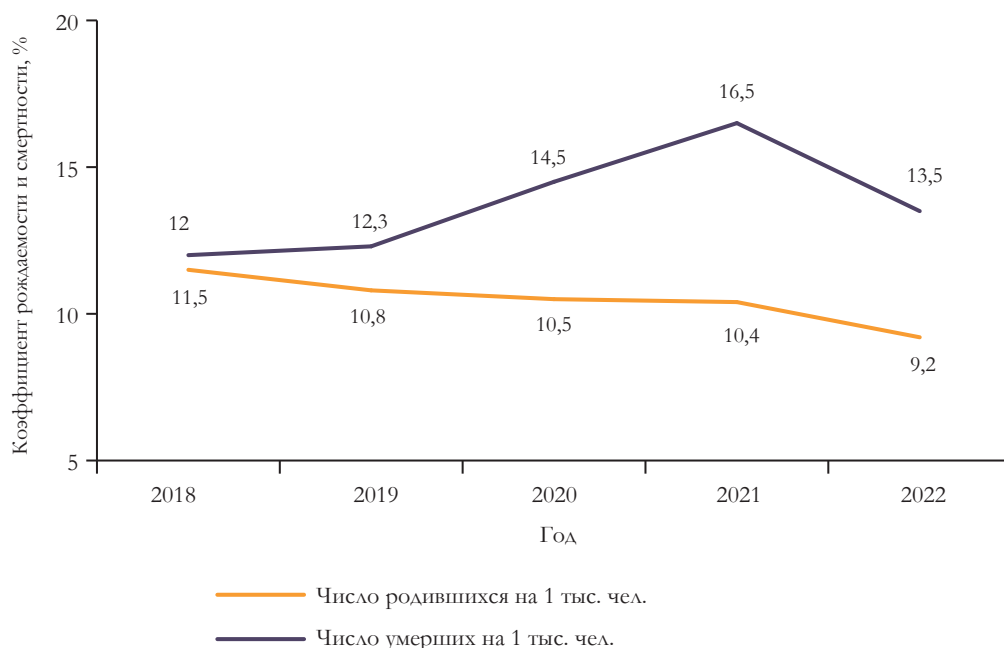
Рассмотрим динамику коэффициентов рождаемости и смертности в Краснодарском крае за 2018–2022 гг. (рис. 4).

Проведенный анализ статистических данных позволяет выявить тенденции, свидетельствующие о сложных демографических процессах. Снижение числа родившихся на 1 тыс. чел. населения с 11,5 % в 2018 г. до 9,2 % в 2022 г. говорит об ухудшении репродуктивной динамики. Это может быть связано с различными факторами, такими как экономическая нестабильность, изменение ценностей в обществе. В то же время рост уровня смертности, который за рассматриваемый период увеличился с 12 до 13,5 на 1 тыс. чел., вызывает серьезные опасения. В частности, резкий скачок в 2020 г. и 2021 г. может быть частично обусловлен последствиями пандемии COVID-19, что подчеркивает уязвимость систем здравоохранения.

Сочетание этих факторов создает риск для будущего населения, приводя к более стареющему обществу и потенциальному дефициту рабочей силы. Наблюдаемая демографическая ситуация требует внимания со стороны властей и общества – необходимо выработать эффективные стратегии для решения насущных проблем.

Браки и разводы оказывают значительное влияние на демографическую ситуацию, поскольку они напрямую связаны с уровнем рождаемости и стабильностью населения. Высокий уровень разводов может привести к нарушению демографического баланса, увеличивая количество одиноких людей и оказывая воздействие на общую численность населения. Таким образом, поддержание стабильности в семейных отношениях является необходимым условием для обеспечения демографической безопасности и устойчивого развития общества (табл. 2).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Краснодарский край в цифрах – 2023. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kk_23.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

Составлено авторами по материалам источника⁸

Рис. 4. Динамика коэффициентов рождаемости и смертности в Краснодарском крае за 2018–2022 гг.

Таблица 2

Количество браков и разводов в Краснодарском крае за 2015–2022 гг.

Год	Кол-во, шт.		На 1 тыс. чел., шт.		Кол-во разводов на 1 тыс. браков, шт.
	Браков	Разводов	Браков	Разводов	
2015	46 232	25 427	8,4	4,6	550
2016	39 932	25 321	7,2	4,6	634
2017	44 490	25 404	8,0	4,5	571
2018	38 674	21 367	6,9	3,8	552
2019	42 300	27 258	7,5	4,8	664
2020	33 808	25 688	6,0	4,5	760
2021	42 670	27 657	7,5	4,9	648
2022	47 359	29 592	8,3	5,2	625

Составлено авторами по материалам источника⁹

Анализ данных о количестве браков и разводов в Краснодарском крае за период с 2015 г. по 2022 г. выявляет интересные тенденции. С одной стороны, наблюдается явный спад в числе заключаемых браков в 2016 г. и 2020 г., что может быть связано с экономическими условиями и социальными изменениями. Наиболее значительное снижение произошло в 2020 г., что может быть обусловлено пандемией COVID-19 и ограничениями, связанными с ней. С другой стороны, количество разводов остается стабильным, что указывает на высокую степень завершенности браков, несмотря на изменения в общественном укладе. Высокий показатель разводов на 1 тыс. браков также подтверждает необходимость глубже исследовать причины распада семейных союзов. Стоит отметить, что в последние годы наблюдается возвращение к росту числа заключаемых браков, особенно в 2022 г.

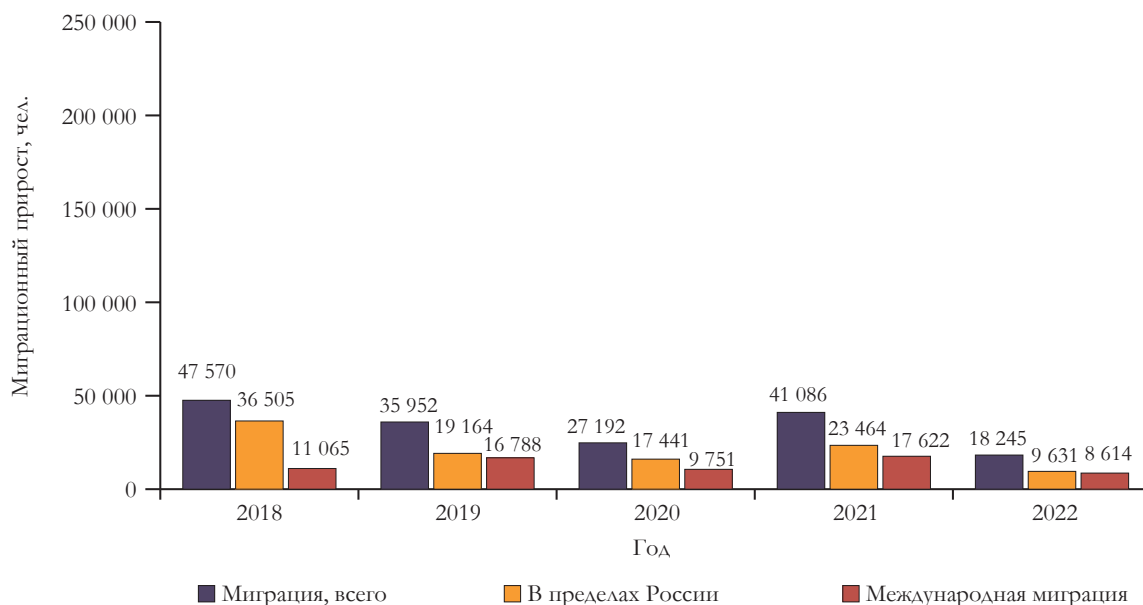
АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Для более глубокого понимания ситуации необходимо проанализировать миграционные процессы в регионе. В условиях естественного сокращения численности населения в крае наблюдается рост населения Кубани. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2021 г.

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Краснодарский край в цифрах – 2023. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kk_23.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

⁹ Там же.

Краснодарский край занял второе место в России по темпам прироста населения, уступив Московской области (рис. 5).

Составлено авторами по материалам источника¹⁰

Рис. 5. Динамика миграционного прироста в Краснодарском крае за 2018–2022 гг.

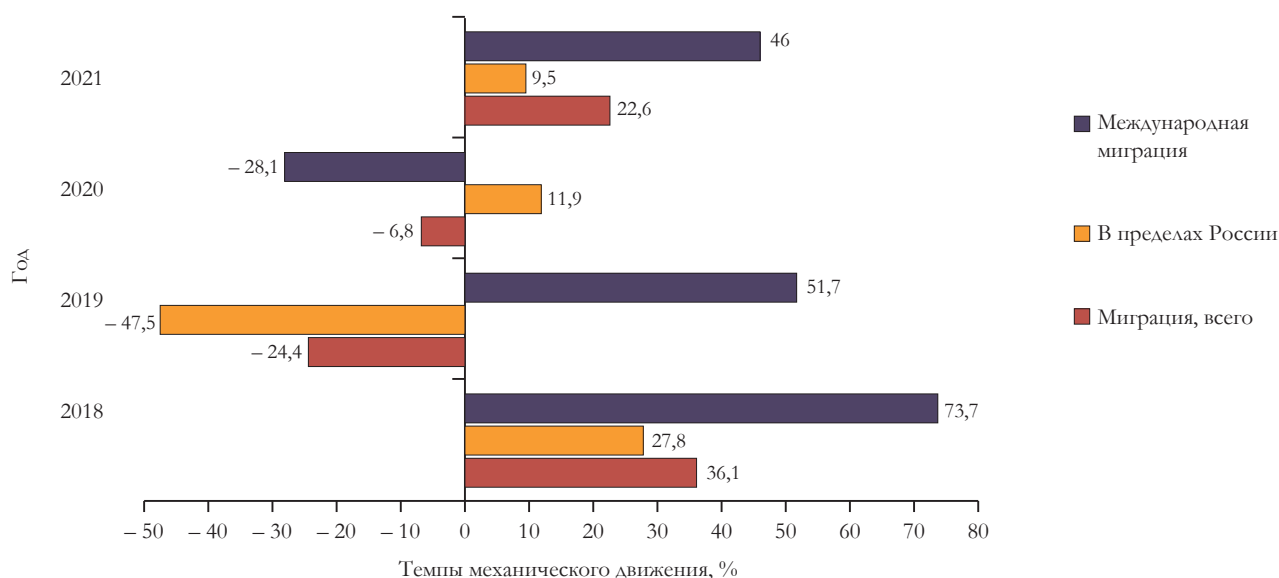
Тенденции миграции в России за анализируемый период демонстрируют значительные изменения, которые обусловлены как внутренними факторами, так и глобальными событиями. В 2018 г. наблюдался пик международной миграции, однако в последующие годы цифры существенно снизились. Стоит отметить, что внутренние миграционные потоки оказались более устойчивыми. Несмотря на колебания, Россия продолжает оставаться местом притяжения для людей из разных регионов. Так, в 2021 г. восстановление миграционной активности стало заметным, хотя общий уровень все еще не достиг показателей 2018 г.

В 2022 г. ситуация осложнилась, что повлияло на уменьшение как внутренней, так и международной миграции. Это может свидетельствовать о том, что изменения в политике и экономике России непосредственно влияют на жизнь граждан, побуждая их пересматривать свои планы на будущее.

На рис. 6 представлены данные о миграционном приросте в виде цепных показателей.

По данным графика, представленном на рис. 6, можно выделить несколько ключевых тенденций. В 2018 г. наблюдается положительный рост как внутренней, так и международной миграции, где общий показатель составил 73,7 %. Это свидетельствует о высоком интересе граждан к перемещению внутри страны и за ее пределами. Тем не менее 2019 г. стал поворотным моментом, когда внутренние показатели миграции начали резко снижаться. Выезд людей из России за границу оказался значительным, что указывает на возможные экономические и социальные факторы, толкающие граждан на поиски лучших возможностей. Пандемия 2020 г. еще больше усугубила эту картину, проявив негативное воздействие на международную миграцию, что привело к сокращению миграционных потоков как внутри страны, так и за ее пределы. Однако 2021 г. принес небольшой оптимизм – вновь обозначилась тенденция к положительному росту международной миграции. Это может указывать на восстановление и адаптацию общества к новым условиям, а также на возможность возвращения мигрантов и привлечения новых талантов.

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. Краснодарский край в цифрах – 2023. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kk_23.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

Составлено авторами по материалам источника¹¹

Рис. 6. Динамика темпов механического движения Краснодарского края за 2018–2021 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что в Краснодарском крае наблюдается рост населения за счет положительного миграционного прироста, однако это увеличение происходит на фоне естественного сокращения численности населения, что создает потенциальную угрозу экономической стабильности и безопасности Краснодарского края. В частности, существует проблема перенаселения, которая особенно актуальна для столицы Кубани:

- дефицит рабочих мест – рост населения приводит к дефициту высокооплачиваемых рабочих мест, что ведет к увеличению уровня безработицы в крае;
- увеличение нагрузки на систему здравоохранения – в Краснодарском крае в настоящее время существует высокая потребность в медицинских специалистах (в 2023 г. опубликовано более 30,5 тыс. вакансий в области медицины и фармацевтики, что на 24 % больше, чем в 2022 г.);
- нехватка объектов социальной инфраструктуры – сейчас в Краснодаре одновременно строят 41 социальный объект (12 школ, 26 детсадов, два учреждения здравоохранения, физкультурно-оздоровительный комплекс), параллельно идет проектирование 41 детского сада на 10,625 тыс. мест и 26 школ на 29,525 тыс. мест, еще 8 проектов уже прошли государственную экспертизу – идет процедура по выбору подрядчика для их реализации (речь идет о четырех школах на 5,575 тыс. мест и четырех дошкольных учреждениях на 970 мест)¹²;
- вследствие отсутствия очистных сооружений система инженерной инфраструктуры пришла в негодность, что привело к загрязнению реки Кубань и других водоемов региона;
- экологические проблемы – увеличение населения приводит к повышению уровня загрязнения окружающей среды, что негативно сказывается на здоровье горожан, а из-за быстрых темпов жилищного строительства, которое опережает озеленение, возникает проблема с очисткой воздуха;
- жилищная проблема – вследствие быстрых темпов роста населения приводит к нехватке жилья, что приводит к росту цен на недвижимость и увеличению спроса на аренду;
- проблема пробок – в 2022 г. Краснодар занял второе место в стране по продолжительности дорожных заторов, уступив Москве, которая заняла первое место¹³.

Необходимо выделить ряд проблем, требующих пристального внимания и контроля со стороны региональных органов власти [6]:

- риск возникновения техногенных и экологических проблем, усугубляемых природными факторами;

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. Краснодарский край в цифрах – 2023. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kk_23.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

¹² Как власти Краснодара решают проблему нехватки школ и детских садов. Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su/news/1316767/> (дата обращения: 12.09.2024).

¹³ Столица юга России или город мечты: почему Краснодар становится «резиновым». Режим доступа: <https://bloknot-krasnodar.ru/news/stolitsa-yuga-rossii-ili-gorod-mechty-pochemu-kras-1436273> (дата обращения: 12.09.2024).

- недостаточный контроль и нерациональное распределение миграционных потоков, несовершенство действующего миграционного законодательства;
- высокий уровень смертности;
- сокращение трудоспособной части населения;
- отсутствие стабильных рынков труда и жилья.

Для решения демографических проблем могут применяться следующие меры:

- социальная поддержка семей (субсидии на жилье, налоговые льготы для семей с детьми);
- развитие системы здравоохранения (повышение качества и доступности медицинских услуг);
- поддержка молодых специалистов (программы стажировок);
- создание привлекательных условий для жизни и работы (развитие инфраструктуры, создание и развитие новых рабочих мест, улучшение условий труда, снижение цен на жилье);
- регулирование миграционных потоков (контроль за распределением иммигрантов);
- поддержка трудоспособного населения (поддержка самозанятости, совершенствование программ переквалификации, поддержка сектора среднего и малого бизнеса),
- оптимизация расходов (повышение эффективности использования ресурсов);
- развитие инфраструктуры (строительство новых очистных сооружений, переход на экологически чистые технологии);
- повышение прозрачности деятельности органов власти;
- ужесточение наказания за коррупционные преступления.

Эти меры могут помочь снизить нагрузку на региональный бюджет края, создать привлекательные условия для жизни и работы, сохранить и привлечь трудоспособное население, а также повысить качество жизни населения.

Список литературы

1. Саякбаева А.А., Омурова С.К. Некоторые теоретические аспекты экономической безопасности страны. Актуальные вопросы современной экономики. 2021;2:217–225. <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.36.91.028>
2. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов. Мир новой экономики. 2021;4:142–153.
3. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект. Региональные исследования. 2013;1(39):68–73.
4. Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л. (ред.) Стратегия демографического развития России. М.: ЦСП; 2021. 208 с.
5. Кучумов А.В., Печерица Е.В. Угрозы и риски демографической безопасности Российской Федерации. Технико-технологические проблемы сервиса. 2022;4:116–122.
6. Полуянова Н.В., Молчан А.С., Ануфриева А.П., Долгирев А.Ш. Оценка влияния региональной социально-экономической политики на устойчивость и экономическую безопасность государства. Экономика устойчивого развития. 2022;1(49):64–69. https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_64
7. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. Народонаселение. 2004;1(23):22–34.

References

1. Sayakbaeva A.A., Omurova S.K. Some theoretical aspects of the country's economic security. Topical issues of the modern economy. 2021;2:217–225. (In Russian). <https://doi.org/10.34755/IROK.2021.36.91.028>
2. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Demographic security of Russia: regional measures, results estimation. The world of new economy. 2021;4:142–153. (In Russian).
3. Glushkova V.G., Khoreva O.B. Management of demographic development of Russia: regional aspect. Regional studies. 2013;1(39):68–73. (In Russian).
4. Kuznetsov V.N., Rybakovsky L.L. (eds.) Demographic development strategy of Russia. Moscow: TsSP; 2021. 208 p. (In Russian).
5. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Threats and risks to the demographic security of the Russian Federation. Technical and technological service issues. 2022;4:116–122. (In Russian).
6. Poluyanov N.V., Molchan A.S., Anufrieva A.P., Dolgirev A.Sh. Assessment of the impact of regional socio-economic policy on stability and economic security of the state. Economics of Sustainable Development. 2022;1(49):64–69. (In Russian). https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_64
7. Rybakovsky L.L. Demographic security: geopolitical aspects. Population. 2004;1(23):22–34. (In Russian).

Аутсорсинговые услуги в сфере бухгалтерского учета: риски и компетенции специалистов

Воюцкая Инна Витальевна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и социально-гуманитарных дисциплин
ORCID: 0000-0003-2047-8338, e-mail: voyutckayaiv@mail.ru

Коське Маргарита Семеновна¹

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и социально-гуманитарных дисциплин
ORCID: 0000-0002-3166-0007, e-mail: koske@mail.ru

Мишучкова Юлия Геннадьевна²

Канд. экон. наук, доц. каф. бухгалтерского учета, анализа и аудита
ORCID: 0000-0001-5929-6238, e-mail: mishuchkova@mail.ru

Снатенков Артем Александрович¹

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов и менеджмента
ORCID: 0000-0003-4587-1902, e-mail: snatenkov-03@rambler.ru

¹Оренбургский филиал Российского университета экономики им. Г.В. Плеханова, г. Оренбург, Россия

²Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия

Аннотация

Объемы аутсорсинговых услуг в сфере бухгалтерского учета ежегодно увеличиваются, что подтверждают отечественные статистические данные и их анализ. Параллельно с ростом объема этих услуг актуализируется проблема обеспечения конфиденциальности информации и достоверности данных, отражаемых в бухгалтерской (финансовой) отчетности, формируемой компаниями-аутсорсерами для своих клиентов, поскольку существуют риски не только для заказчиков этих услуг, но и для тех компаний, которые их оказывают. Однако эти риски могут быть существенно уменьшены, если персонал аутсорсинговых компаний будет иметь соответствующие компетенции в деле внутреннего контроля как непосредственного инструмента, позволяющего нейтрализовать финансовые риски. Информация о компетенциях необходимых специалистам аутсорсинговых компаний представлена в описании вакансий, которые размещают работодатели на различных рекрутинговых платформах. Контент-анализ этих запросов позволил выяснить потребность наличия у соискателей профессиональных компетенций уровня не только «жестких», но и «мягких» навыков, а также сделать вывод о том, что традиционных знаний и компетенции, формируемых вузами недостаточно. Этот запрос работодателей должен найти отражение в учебных программах вузовской подготовки специалистов экономического профиля, что особенно важно в условиях количественного снижения их выпуска в последние годы.

Ключевые слова

Рынок аутсорсинговых услуг, аутсорсинг бухгалтерского учета, компоненты риска, достоверность бухгалтерской (финансовой) отчетности, внутренний контроль, hard skills, soft skills, специалисты экономического профиля

Для цитирования: Воюцкая И.В., Коське М.С., Мишучкова Ю.Г., Снатенков А.А. Аутсорсинговые услуги в сфере бухгалтерского учета: риски и компетенции специалистов // Вестник университета. 2025. № 2. С. 114–126.

Outsourcing services in the field of accounting: risks and competencies of specialists

Inna V. Voyutskaya¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Social and Humanitarian Disciplines
ORCID: 0000-0003-2047-8338, e-mail: voyutckayaiv@mail.ru

Margarita S. Koske¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economics and Social and Humanitarian Disciplines
ORCID: 0000-0002-3166-0007, e-mail: koske@mail.ru

Yulia G. Mishuchkova²

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Accounting, Analysis and Audit Department
ORCID: 0000-0001-5929-6238, e-mail: mishuchkova@mail.ru

Artem A. Snatenkov¹

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance and Management Department
ORCID: 0000-0003-4587-1902, e-mail: snatenkov-03@rambler.ru

¹Orenburg branch of the Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg, Russia

²Orenburg State University, Orenburg, Russia

Abstract

The volumes of outsourcing services in the field of accounting are increasing annually, which is confirmed by domestic statistical data and their analysis. In parallel with the growth in the volume of these services, the issue of ensuring information confidentiality and reliability of data reflected in the accounting (financial) statements generated by outsourcing companies for their clients becomes more relevant, since there are risks not only for the customers of these services, but also for those companies that provide them. However, these risks can be significantly reduced if the personnel of outsourcing companies will have appropriate competencies in internal control as a direct tool to neutralize financial risks. Information about the competencies required by outsourcing companies' specialists is presented in the description of vacancies posted by employers on various recruiting platforms. Content analysis of these requests allowed us to find out the need for applicants to have professional competencies of not only hard but also soft skills level, and to conclude that traditional knowledge and competencies formed by universities are not enough. This demand of employers should be reflected in the curricula of university training of economic specialists, which is especially important in the conditions of quantitative decrease in their output in recent years.

Keywords

Outsourcing services market, accounting outsourcing, risk components, accounting (financial) statements reliability, internal control, hard skills, soft skills, economic specialists

For citation: Voyutskaya I.V., Koske M.S., Mishuchkova Yu.G., Snatenkov A.A. (2025) Outsourcing services in the field of accounting: risks and competencies of specialists. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 114–126.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительно меняющиеся условия бизнес-среды и увеличение информационной нагрузки требуют от менеджмента компаний сосредоточения внимания и ресурсов на решении ключевых задач. Это определяет ситуацию, в которой собственники задумываются о передаче некоторых бизнес-процессов специализированным компаниям – аутсорсерам. Современные аутсорсинговые компании оказывают широкий спектр услуг. В последние годы они отмечают рост спроса на услуги для ИТ-инфраструктуры компании, аутсорсинг логистических услуг, непрофильных административных функций, бизнес-процессов компаний, расположенных на территории зарубежных стран.

Самыми востребованными являются услуги по ведению бухгалтерского, налогового и кадрового учета, расчетам заработной платы, формированию отчетности по российским и международным стандартам. Аутсорсинг, как отмечают S. Auzair и соавторы, стал современным методом управления, позволяющим организациям получить доступ к специализированным профессиональным навыкам, таким как бухгалтерский учет, и уделять больше внимания своей основной деятельности. Аутсорсинг непрофильных видов деятельности считается целесообразным и потенциально экономичным, поскольку позволяет компаниям лучше обслуживать своих клиентов, сосредоточившись на тех видах деятельности, ради которых они и были созданы. Другие стратегические соображения, связанные с передачей на аутсорсинг, могут включать необходимость привлечения внешних экспертных услуг, что может являться основанием для привлечения специалистов в области бухгалтерского учета [1].

Бухгалтерская деятельность на аутсорсинге связана с высокими рисками, так как основана на работе с большим потоком финансово-хозяйственных данных и созданием информационных продуктов в виде различных форм внутренней и внешней отчетности. Следует подчеркнуть, что выбор аутсорсинга в качестве стратегии означает не только делегирование учетных функций внешним организациям, но и сохранение тех качественных характеристик информации, формируемой в бухгалтерском учете и отражаемой в бухгалтерской отчетности, которые обеспечиваются профессиональными компетенциями персонала аутсорсера.

Аутсорсинг в сфере бухгалтерских услуг, связанный с формированием бухгалтерской (финансовой) отчетности, потенциально содержит в себе риски, которые могут снижать достоверность предоставляемой отчетной информации.

Общая исследовательская проблема, рассматриваемая в данной статье, касается влияния увеличения востребованности аутсорсинговых услуг на компетенции персонала и на их вузовскую подготовку. Первая гипотеза исследования заключается в том, что уровень профессиональных компетенций специалистов-аутсорсеров является одним из основных факторов, снижающих риски недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности. Вторая гипотеза состоит в том, что расширение рынка аутсорсинговых услуг должно влиять на учебные программы вузов, осуществляющих подготовку специалистов экономического профиля.

Целью настоящего исследования являются изучение состояния рынка аутсорсинговых услуг в сфере бухгалтерского учета, оценка влияния изменений в востребованности этих услуг на риски достоверности бухгалтерской отчетности и компетенции персонала, а также выявление факторов, способствующих улучшению подготовленности персонала к решению этих задач путем совершенствования вузовской подготовки специалистов экономического профиля.

АУТСОРСИНГ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Аутсорсинг не является новационной моделью организации бизнес-процессов ни в отечественной, ни в международной практике. Так, Р.И. Зименков, обобщая опыт аутсорсинга в Соединенных Штатах Америки, где эти услуги имеют наибольшее распространение в качестве эффективной стратегии управления корпорациями, выделяет в качестве приоритетных аутсорсинг высокоуровневых процессов: управление финансами, персоналом, маркетингом, рекламой, правовым сопровождением и бухгалтерским учетом [2].

Анализируя динамику аутсорсинговых услуг в Западной Европе, С.Г. Михнева и Г.А. Маркеева также обращают внимание на то, что компании активно передают на аутсорсинг управление взаимоотношениями с клиентами, подготовку финансовых отчетов и управления персоналом [3].

Исследуя тренды российского рынка аутсорсинга по данным компаний BDO и «РБК», С.С. Голубева и М.В. Голубниченко отмечают интерес к передаче на аутсорсинг функций обеспечения безопас-

ности, логистики, ведения бухгалтерского учета, клининга, подбора персонала, информационно-компьютерной поддержки и др. [4].

Данг Туи Ань с соавторами изучили особенности аутсорсинга бухгалтерского учета транспортных предприятий Вьетнама и выявили, что высокая степень аутсорсинга положительно и значимо связана с частотой и взаимным доверием [5]. Малазийские ученые G. Zandi, T.K. Chuan, S. Mansori проводили исследование факторов, влияющих на принятие решения о переводе учетной работы на аутсорсинг. В своем исследовании они обосновывают, что аутсорсинг для малых и средних предприятий является менее затратным, чем содержание в структуре предприятия финансового отдела [6].

Я.В. Макаренко и И.А. Соловьева выделяют ключевые драйверы развития рынка аутсорсинговых услуг в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) – трансформацию нормативного регулирования бухгалтерского учета и переход на новые учетные стандарты, а также внедрение современных цифровых технологий и цифровизацию бизнес-процессов [7].

А.Е. Иванов и Е.В. Лушпина среди перспектив развития рынка аутсорсинговых услуг видят необходимость укрупнения компаний, оказывающих такие услуги в области бухгалтерского и налогового учета, и расширения спектра услуг, в том числе аутсорсинга «узких» сложных участков [8].

И.В. Андросова и соавторы выявили ряд проблем, с которыми сталкиваются компании-аутсорсеры, среди которых ключевой является отсутствие нормативно-правовой базы, регулирующей все организационные аспекты передачи и контроля использования коммерческой информации [9].

М.А. Кубарь, Д.А. Кириченко, А.В. Дубовик в своем исследовании обосновывают, что аутсорсинг учетных функций выступает одним из ключевых факторов повышения эффективности и результативности деятельности коммерческого предприятия [10].

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЫНКА АУТСОРСИНГОВЫХ УСЛУГ РФ

Проведение исследования сферы аутсорсинговых услуг в России осуществляется RAEX («РАЭК-Аналитика»), рэнкинговым агентством, начиная с 2014 г.¹. Уточним, что к аутсорсингу функций учета относится деятельность, связанная с аутсорсингом бухгалтерского, налогового и кадрового учета независимо от объема услуг (полное или частичное ведение, включая постановку и/или восстановление), а также деятельность по составлению бухгалтерской и налоговой отчетности по российским стандартам и по Международным стандартам финансовой отчетности, другие направления аутсорсинга функций, связанных с финансовым и кадровым учетом.

В. Ханферян, аналитик агентства RAEX, отмечает, что аутсорсинговые услуги пользуются популярностью и объем этих услуг растет из года в год². Это подтверждают и расчеты, произведенные нами также на основе данных RAEX.

На рис. 1 представлена динамика цепных темпов роста количественных показателей деятельности крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций за период с 2014 г. по 2023 г.

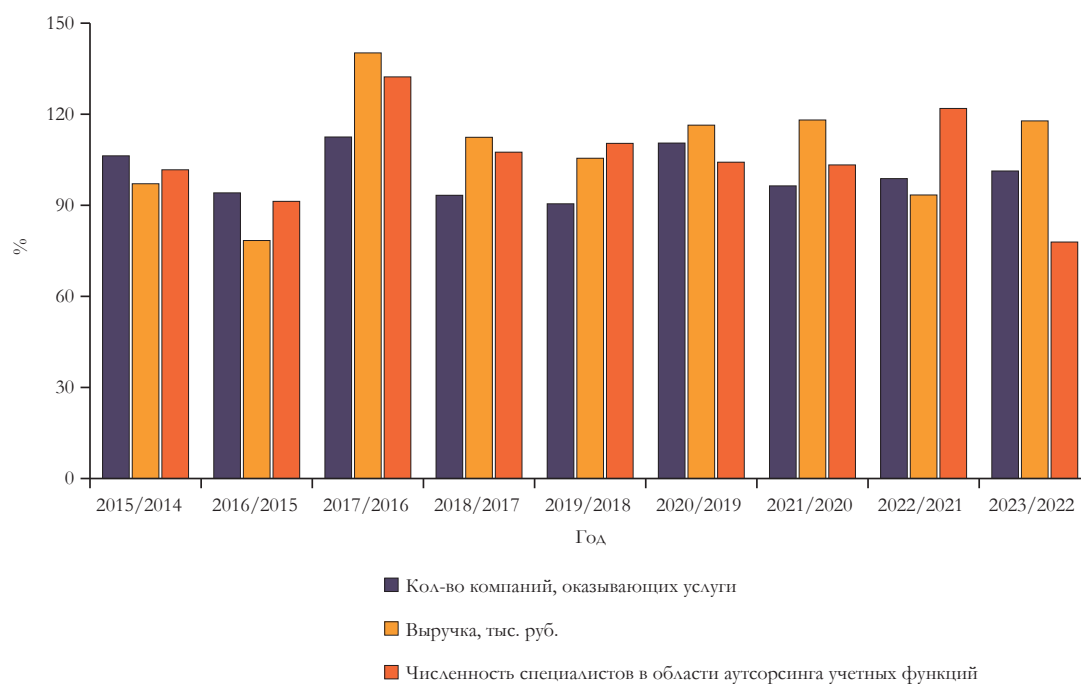
В 2017 г. наблюдался значительный рост показателей в аутсорсинговых компаниях как по количеству самих компаний и их выручке, так и по числу специалистов, реализующих в них учетные функции. В целом начиная с 2021 г. наблюдается стабильный рост выручки аутсорсинговых компаний и рост числа компаний в области аутсорсинга учетных функций. Все это говорит о том, что спрос на аутсорсинговые услуги имеет тенденцию к увеличению.

Измерять рынок аутсорсинговых услуг, как нам представляется, следует не только количественными показателями. Наибольший интерес представляют качественные показатели деятельности, например, размер выручки и численность специалистов в области аутсорсинга в расчете на одну компанию (рис. 2).

Анализ темпов роста качественных показателей также подтверждает вывод о росте востребованности аутсорсинговых услуг за анализируемый период. Снижение показателя выручки на одну компанию в 2022 г. связано с уходом с российского рынка крупных зарубежных компаний, а приобретение их бизнесов отечественными инвесторами может вызвать определенные трудности и дополнительные временные затраты.

¹ RAEX. Рэнкинг крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций (2024 год). Режим доступа https://raex-rr.com/b2b/outsourcing/outsourcing_of_accounting_functions_rating/2024/methods/ (дата обращения: 17.08.2024).

² RAEX. Рэнкинг крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций (2023 год). Режим доступа https://raex-rr.com/b2b/outsourcing/outsourcing_of_accounting_functions_rating/2023/analytics/ (дата обращения: 17.08.2024).

Составлено авторами по материалам источника³

Рис. 1. Динамика цепных темпов роста количественных показателей деятельности крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций за период с 2014 г. по 2023 г., осуществляющих свою деятельность в РФ

Составлено авторами по материалам источника⁴

Рис. 2. Динамика цепных темпов роста качественных показателей деятельности крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций за период с 2014 г. по 2022 г., осуществляющих свою деятельность в РФ

³ Рэнкинг крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций (2024 год). Режим доступа https://raex-rr.com/b2b/outsourcing/outsourcing_of_accounting_functions_rating/2024/methods/ (дата обращения: 17.08.2024).

⁴ Там же.

Изучая территориальную расположенность головных офисов компаний в сфере аутсорсинга, можно отметить четыре города-лидера – Москва (ежегодно в районе 60 компаний), Санкт-Петербург (от 10 до 13), Челябинск (одна–две компании), Екатеринбург (начиная с 2015 г.) (табл. 1). С 2018 г. в Ярославле появилась компания, осуществляющая свою деятельность в области аутсорсинга, и последние два года она входит в тройку самых крупных организаций страны.

Таблица 1

Города-лидеры по количеству компаний в области аутсорсинга

Местоположение центрального офиса	Год	Количество компаний в области аутсорсинга, ед.	Выручка, тыс. руб.	Местоположение центрального офиса	Год	Количество компаний в области аутсорсинга, ед.	Выручка, тыс. руб.
Москва	2014	61	8 246 971	Санкт-Петербург	2014	13	289 615
	2015	65	8 032 996		2015	10	369 744
	2016	58	5 822 711		2016	10	634 041
	2017	66	8 379 265		2017	12	735 779
	2018	67	9 318 964		2018	9	803 943
	2019	56	9 573 999		2019	10	995 481
	2020	60	11 147 164		2020	14	1 055 890
	2021	61	12 544 908		2021	13	1 014 617
	2022	60	18 804 123		2022	10	666 800
	2023	54	13 933 189		2023	12	724 852
Челябинск	2014	1	40 093	Екатеринбург	2014	–	–
	2015	2	46 783		2015	1	37 403
	2016	2	54 134		2016	1	45 059
	2017	2	90 786		2017	1	46 559
	2018	2	106 099		2018	1	57 732
	2019	2	116 054		2019	1	62 415
	2020	2	134 361		2020	2	120 820
	2021	1	154 260		2021	1	78 254
	2022	2	269 062		2022	1	115 775
	2023	2	206 960		2023	1	14 577

Составлено авторами по материалам источника⁵

Однако отметим, что география рынка аутсорсинговых услуг учетных функций не ограничивается названными городами. В выборку попали города, в которых количество компаний велико и деятельность их стабильна. Это может являться основой для вывода об очевидной надежности работы аутсорсинговых компаний, их высоком имидже и востребованности в названных регионах.

Представляет интерес динамика рэнкингов компаний, которые по величине выручки входят в десятку лидеров российского рынка аутсорсинга бухгалтерских услуг (табл. 2). Так, в 2022 г. на первом месте оказался «Центр Корпоративных Решений», который опередил традиционного лидера прошлых лет – «СберРешения».

Таблица 2

Динамика рэнкингов компаний-лидеров в РФ

Группа компаний/организация	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.
«СберРешения»	1	2	1	1	1	2	2	–	–

⁵ Рэнкинг крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций (2024 год). Режим доступа https://raex-rr.com/b2b/outsourcing/outsourcing_of_accounting_functions_rating/2024/methods/ (дата обращения: 17.08.2024).

Группа компаний/ организация	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.
«Мое дело»	2	4	4	—	—	—	—	—	—
UniconOutsourcing	3	5	3	2	2	1	1	—	—
1C-WiseAdvice	4	6	5	3	3	4	8	7	11
«ПИКТА»	5	—	—	—	—	—	—	—	—
«ИАС Аутсорсинг»	6	7	16	8	5	7	7	6	5
UCMS Group	7	8	7	6	7	8	4	5	14
Bellerage	8	9	10	9	10	12	18	16	20
SCHNEIDER GROUP	9	10	6	4	6	3	6	4	4
«Юнистафф Пейрол Компани»	10	11	9	—	—	—	—	—	—

Составлено авторами по материалам источника⁶

В России аутсорсинг учетных функций является востребованной услугой, однако на рынке таких услуг компаний, специализирующихся только лишь на оказании аутсорсинговых услуг, достаточно мало. Обычно аутсорсинг выступает дополнительным видом деятельности в аудиторских компаниях. Этот вывод также подтверждают данные рэнкинга RAEX. С ростом объемов аутсорсинговых услуг в сфере учетных функций актуализируются проблемы обеспечения компаниями-аутсорсерами достоверности данных в бухгалтерской (финансовой) отчетности их клиентов.

КОМПОНЕНТЫ РИСКА НЕДОСТОВЕРНОСТИ БУХГАЛТЕРСКОЙ (ФИНАНСОВОЙ) ОТЧЕТНОСТИ ПРИ АУТСОРСИНГЕ УЧЕТНЫХ ФУНКЦИЙ

Аутсорсинг учетных функций – достаточно нормативно урегулированная деятельность. Во-первых, взаимоотношения между клиентом и аутсорсером регулируются нормами гражданского законодательства при заключении и исполнении сторонами договора оказания услуг. Во-вторых, все операции, осуществляемые аутсорсером в области учетных функций в отношении учетной информации заказчика, нормализованы в законодательстве РФ о бухгалтерском учете.

Отметим и тот факт, что в системе нормативного регулирования бухгалтерского учета в России нет специализированного бухгалтерского стандарта, который регламентировал бы особенности процесса оказания бухгалтерских услуг компанией-аутсорсером. Только лишь профессиональный стандарт «Бухгалтер», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 21 февраля 2019 г. № 103н определяет требования к образованию и необходимым умениям и навыкам для специалистов, оказывающих услуги по ведению учета и составлению бухгалтерской (финансовой) отчетности⁷. Однако его применение обязательно лишь в случаях, определенных в ст. 195.1 Трудового кодекса РФ и в Постановлении Правительства РФ от 27 июня 2016 г. № 584 «Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности»⁸. В иных случаях компании могут учитывать требования профессионального стандарта как рекомендательного документа при определении должностных обязанностей и требований к своим сотрудникам.

⁶ Рэнкинг крупнейших групп и компаний в области аутсорсинга учетных функций (2024 год). Режим доступа https://raex-rr.com/b2b/outsourcing/outsourcing_of_accounting_functions_rating/2024/methods/ (дата обращения: 17.08.2024).

⁷ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21 февраля 2019 г. № 103н «Об утверждении профессионального стандарта «Бухгалтер». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321130/7d1326a7e513091019ca24034e684f25b45e7844/ (дата обращения: 17.08.2024).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2016 г. № 584 «Об особенностях применения профессиональных стандартов в части требований, обязательных для применения государственными внебюджетными фондами Российской Федерации, государственными или муниципальными учреждениями, государственными или муниципальными унитарными предприятиями, а также государственными корпорациями, государственными компаниями и хозяйственными обществами, более пятидесяти процентов акций (долей) в уставном капитале которых находится в государственной собственности или муниципальной собственности». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71431038/> (дата обращения: 17.08.2024).

Аутсорсинговая деятельность сопряжена с рисками как для заказчика, так и для аутсорсера. Данные риски обусловлены необходимостью обеспечения достоверной информации, отражаемой в бухгалтерской отчетности в том случае, если она выступает в виде продукта бизнес-процесса «Бухгалтерский учет и отчетность» [11]. Обязанность по формированию бухгалтерской (финансовой) отчетности при заключении договора аутсорсинга бухгалтерского учета переходит к компании-аутсорсеру, и в этом случае риски достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности значительно возрастают. Это определено тем, что в бизнес-процессе «Бухгалтерский учет и отчетность» происходит выделение двух держателей процесса – это компании-заказчики, которые осуществляют регистрацию фактов хозяйственной жизни и формируют бухгалтерские первичные документы, и компании-аутсорсеры, в функционал которых переходит ведение бухгалтерского учета, формирование бухгалтерских регистров и составление на их основе бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Информация Министерства финансов РФ ПЗ-11/2013 «Об организации и осуществлении экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности» указывает на то, что внутренний контроль должен обеспечивать предотвращение или выявление, в том числе искажение данных бухгалтерского учета, бухгалтерской (финансовой) отчетности, то есть внутренний контроль является фактором, снижающим риски компании. Передача на аутсорсинг бизнес-процесса «Бухгалтерский учет и отчетность» не освобождает организацию-заказчика от обязанности организовывать и осуществлять внутренний контроль, при этом система внутреннего контроля разделяется на две подсистемы – подконтрольные разным субъектам. Это разграничение обусловлено объектами контроля. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» определяет три вида объектов внутреннего контроля – факты хозяйственной жизни, процесс ведения бухгалтерского учета и составление бухгалтерской (финансовой) отчетности⁹. Таким образом, организация-заказчик обязана организовать внутренний контроль фактов хозяйственной жизни, а компания-аутсорсер осуществляет контроль процесса ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Степень риска недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности находится в прямой зависимости с эффективностью внутреннего контроля, а сам риск недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности является производной рисков, внутреннего контроля фактов хозяйственной жизни компании-заказчика и рисков, внутреннего контроля процесса ведения бухгалтерского учета и составления отчетности компании-аутсорсера. При этом процесс передачи первичной учетной информации компанией-заказчиком порождает риск непредоставления (недостоверного представления) первичной учетной информации, который также является компонентом риска недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности (рис. 3).

Специалисты компаний-аутсорсеров не несут ответственности за совершение фактов хозяйственной жизни и осуществление контроля, однако в поле их контроля в обязательном порядке попадает проверка факта хозяйственной жизни на соответствие требованиям законодательства. Ярким примером является обязанность аутсорсеров предотвращать риски в антиотмывочной системе. Так, Департамент регулирования бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства финансов РФ в 2022 г. подготовил рекомендации, определяющие обязанности осуществления внутреннего контроля операций с денежными средствами и имуществом, которые аутсорсер осуществляет от имени или по поручению заказчика¹⁰. Такой контроль охватывает весь спектр услуг: восстановление учета, ведение бухгалтерского учета, составление отчетности, обучение персонала, а также бухгалтерское, налоговое и управленческое консультирование. Несмотря на то что данные рекомендации нельзя рассматривать в качестве официального нормативного акта, обязанность осуществлять внутренний контроль и сообщать информацию в Росфинмониторинг о любой сомнительной информации возложена на аутсорсера Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹¹.

⁹Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=15014-federalnyi_zakon_ot_06.12.2011__402-fz_o_bukhgalterskom_uchete (дата обращения: 17.08.2024).

¹⁰ Рекомендации Департамента регулирования Бухгалтерского учета, финансовой отчетности и аудиторской деятельности Министерства финансов Российской Федерации «Обязанности лиц, оказывающих бухгалтерские услуги в антиотмывочной деятельности». Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/07/main/Obyazannosti.pdf> (дата обращения: 17.08.2024).

¹¹ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 17.08.2024).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Компоненты риска недостоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности при аутсорсинге учетных функций

Проблемы организации внутреннего контроля при аутсорсинге учетных функций активно обсуждаются в научных и деловых кругах. Так, например К. Langfield-Smith, D. Smith рассматривают отношения между заказчиком и аутсорсером как стратегический альянс, внутренний контроль в котором играет ключевую роль и должен быть основан на доверии и деловой репутации [12]. Т.А. Терентьева, Л.А. Свиридова определяют, что внутренний контроль является обязательным и необходимым условием создания качественной управленческой отчетности, подготовленной компанией-аутсорсером, а также может выступать неким гарантом снижения рисков принятия неэффективных решений в отношении такой отчетности [13]. Е.А. Шевелева, исследуя проблемы организации бухгалтерского учета малых инновационных предприятий при передаче на аутсорсинг учетных функций, акцентирует внимание на контрольных компетенциях учетных работников и требованиях к их профессионализму [14].

КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ АУТСОРСИНГОВЫХ КОМПАНИЙ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РИСКОВ НЕДОСТОВЕРНОСТИ БУХГАЛТЕРСКОЙ (ФИНАНСОВОЙ) ОТЧЕТНОСТИ

Увеличение спроса на аутсорсинговые услуги определяет актуальность вопроса подготовки и компетенции кадров таких компаний, особенно специалистов в области экономики, в частности бухгалтеров. Именно учетные специалисты наделены компетенциями, позволяющими им решать профессиональные задачи, которые заказчики ставят перед компаниями-аутсорсерами. Такая высокая ставка на специалистов в области бухгалтерского учета предопределена тем фактом, что именно бухгалтер в своей деятельности формирует и обобщает информацию обо всех фактах хозяйственной жизни хозяйствующего субъекта. Кроме того, сфера задач, стоящих перед бухгалтером, давно вышла за рамки чисто учетных функций, поскольку, обладая расширенным доступом к данным о работе компании, специалисты могут проводить аналитические расчеты, разрабатывать плановые показатели, осуществлять контрольные мероприятия, формировать информационные базы, вырабатывать обоснования для принятия управленческих решений и др.

Чтобы определить ключевые компетенции, которыми должен обладать аутсорсер, оказывающий услуги в сфере учетных функций, мы изучили разнообразие видов услуг в области аутсорсинга учетных функций и профессиональные требования, предъявляемые к своим сотрудникам компаниями-аутсорсерами. Первоначально мы провели анализ предложений услуг различных видов, представленных на сайтах

10 компаний-лидеров рынка аутсорсинга. Следующим этапом стало изучение запросов работодателей к претендентам на вакансии в аутсорсинговых компаниях, которые размещены в федеральной государственной информационной системе на портале «Работа России» Федеральной службы по труду и занятости¹². Полученные результаты позволили нам выявить запросы к необходимым компетенциям специалистов в сфере аутсорсинга учетных функций с подразделением их на «жесткие» и «мягкие/гибкие» навыки (англ. hard skills и soft skills) (табл. 3).

Таблица 3

«Жесткие» и «мягкие» навыки специалиста в области аутсорсинга учетных функций

«Жесткие» навыки		
Ведение бухгалтерского учета	Ведение налогового учета	Подготовка отчетности по РСБУ
Кадровый учет и расчет заработной платы	Подготовка отчетности по МСФО	Сопровождение проверок контролирующих органов
Оказание методологической и консультационной поддержки	Сопровождение электронного и бумажного документооборота	Восстановление бухгалтерского учета
Формирование управленческой отчетности	Проверка контрагентов	Поддержка и сопровождение учетных программных продуктов
Налоговое планирование	Экспресс-проверка налоговых рисков	
«Мягкие» навыки		
Коммуникативные навыки	Гибкость и адаптивности	Проблемное мышление
Креативность и инновационность	Соблюдение профессиональных этических требований	Аналитическое мышление
Умение работать в команде	Стрессоустойчивость	Умение работать в команде

Примечание: МСФО – Международные стандарты финансовой отчетности, РСБУ – Российские стандарты бухгалтерского учета

Составлено авторами по материалам исследования

У специалистов, работающих в аутсорсинговых компаниях, объективно расширяются границы профессионального суждения. Это определено тем, что бухгалтер, работающий в штате компании, сосредоточен на решении текущих вопросов и спектр этих вопросов определен сферой деятельности компании, он практически стабилен и цикличен. Клиенты аутсорсеров – хозяйствующие субъекты различных видов экономической деятельности, поэтому круг решаемых специалистами-аутсорсерами задач в сфере бухгалтерского учета достаточно широк. Это способствует формированию у них особого видения в случаях, когда требуется решение специфических, сложных, нестандартных задач в наиболее короткие сроки.

Знания, умения и навыки специалистов, работающих в аутсорсинговых компаниях, формируются как в ходе обучения и получения ими базового экономического образования, так и в практике осуществления ими своей профессиональной деятельности с учетом дополнительного профессионального обучения. Современная система образования основывается на компетентностном подходе. Это означает, что образовательные программы вузов ориентированы на формирование у обучающихся определенного комплекта компетенций, позволяющих им решать профессиональные задачи и реализовывать долгосрочные карьерные потребности. Однако в настоящее время на рынке специалистов экономического профиля наблюдается недостаток кадров, и этот факт признают многие крупные компании. Одной из причин возникновения кадрового дефицита специалистов экономического профиля является сокращение объемов их подготовки и выпуска высшими учебными заведениями, что подтверждают официальные данные Министерства науки и высшего образования РФ (табл. 4). Также необходимо принять во внимание тот факт, что не все выпускники вузов в дальнейшем трудоустраиваются на должности, соответствующие их вузовскому образованию.

¹²Работа России. Режим доступа: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 17.08.2024).

Выпуск бакалавров, специалистов, магистров экономического профиля

Год выпуска	38.03.01 Экономика Бакалавриат, чел.	38.05.01 Экономическая безопасность Специалитет, чел.	38.04.01 Экономика Магистратура, чел.
2017	115 247	3 594	11 405
2018	100 471	6 194	15 241
2019	82 701	9 152	15 319
2020	65 711	8 508	13 998
2021	57 231	8 646	12 497
2022	55 808	8 423	10 899
2023	50 963	8 161	9 484

Составлено авторами по материалам источника¹³

Традиционно на протяжении многих десятилетий подготовка к выполнению трудовой функции в области учета осуществлялась на программах бакалавриата и магистратуры профиля «Бухгалтерский учет, анализ и аудит». Данные табл. 4 отражают существенное снижение с 2020 г. количества выпускников – потенциально возможных аутсорсеров. Относительно стабильным пока остается выпуск специалистов по экономической безопасности, основное назначение которых заключается в деятельности по предотвращению экономических угроз, в том числе в субъектах бизнеса. Реализация в образовательных программах основных видов профессиональной деятельности специалистов по экономической безопасности, таких как контрольно-ревизионная, экспертно-консультационная, информационно-аналитическая и организационно-управленческая, в полной мере позволяют им воздействовать на предотвращение рисков недостоверности отчетности, но лишь при условии владения навыками современного бухгалтерского учета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование аутсорсинговых услуг в сфере бухгалтерского учета показывает, что его использование растет во всем мире и в России. Данная услуга предоставляет возможность значительно снизить текущие расходы организаций, так как обеспечивает доступ к более совершенным технологиям, применяемым компаниями, специализирующимися на аутсорсинге бухгалтерских услуг. У организаций-клиентов аутсорсинговых компаний появляется возможность использовать другие преимущества, такие как концентрация внимания менеджеров организации на ключевых компетенциях специалистов, обеспечивающих основную деятельность за счет высвобождения финансовых ресурсов, которые могли бы потребоваться на ведение учета силами самой организации.

При этом существенно вырастает запрос на компетенции персонала аутсорсинговых компаний, которые сосредоточены на ведении бухгалтерского учета и формировании отчетности для своих клиентов. Это означает, что выбор компании-аутсорсера должен быть основан на критериях, предполагающих оценку качества услуг по ведению учета и составлению различных видов отчетности. Однако есть и другая сторона проблемы, которая заключается в финансовых, юридических, технологических, контрольных и иных аспектах выстраивания взаимоотношений между компаниями-аутсорсерами и их клиентами. Эффективно урегулировать все эти вопросы способен персонал, обладающий не только досткональными знаниями в сфере законодательства, налогообложения и собственно бухгалтерского учета и его текущих новаций, но и достаточными компетенциями в коммуникативной сфере.

Наличие компетентных кадров в аутсорсинговых компаниях, по нашему мнению, является залогом их успешной предпринимательской деятельности, и эта задача должна решаться при участии вузов, которые должны вести подготовку различных специалистов экономического профиля с учетом существующих реалий, в которых выпускникам придется работать в специализирующихся на бухгалтерских

¹³Формы № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 17.08.2024).

услугах компаниях. Такой подход требует формирования у выпускников-бухгалтеров четкого понимания значимости не только компетенций в части снижения рисков, но и «мягких» навыков как важной компетенции, позволяющей привлекать и удерживать клиентов, заинтересованных в аутсорсинге учетных функций.

Список литературы

1. *Auzair S., Aman A., Maelah R., Amiruddin R., Hamzah N.* Management control in accounting outsourcing services. Business Strategy Series. 2013;2(14):43–49.
2. *Зименков Р.И.* Аутсорсинг в практике американских корпораций. США и Канада: экономика, политика, культура. 2019;6(49):54–80. <https://doi.org/10.31857/S032120680005179-0>
3. *Михнева С.Г., Маркеева Г.А.* Технологии аутсорсинга как современный инструмент формирования бизнес-моделей. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015;1(33):239–247.
4. *Голубева С.С., Голубниченко М.В.* Повышение эффективности деятельности предприятия на основе аутсорсинга. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019;4(19):377–386. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-377-386>
5. *Dang T.A. et al.* Factors Affecting the Outsourcing of Accounting Activities in Small and Medium Transport Enterprises in Vietnam. The Journal of Asian Finance, Economics and Business. 2022;10(9):265–275.
6. *Zandi G., Chuan T.K., Mansori S.* A study of accounting outsourcing decision: the case of Malaysian SMEs. International Journal of Financial Research. 2019;5(10):153–160.
7. *Макаренко Я.В., Соловьева И.А.* Аутсорсинг учетных функций: тенденции и прогнозы развития рынка. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022;3(16):107–117.
8. *Иванов А.Е., Лушнина Е.В.* Проблемы и тенденции развития аутсорсинга учетных функций в России. Международный бухгалтерский учет. 2014;5(299):9–14.
9. *Андреева И.В., Хорольская Т.Е., Мусатов З.Р.* Современные аспекты применения аутсорсинга в предпринимательской деятельности. Вестник Академии знаний. 2022;5(52):14–17.
10. *Кубарь М.А., Кириченко Д.А., Дубовик А.В.* Аутсорсинг бухгалтерского учета как фактор повышения эффективности деятельности. Управленческий учет. 2023;12-1:173–178. <https://doi.org/10.25806/uu122023173-178>
11. *Косыке М.С., Волоцкая И.В., Мишучкова Ю.Г.* Отдельные Аспекты построения бизнес-процесса «Бухгалтерский учет и отчетность». Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017;6:23–27.
12. *Langfield-Smith K., Smith D.* Management control systems and trust in outsourcing relationships. Management Accounting Research. 2003;3(14):281–307. [https://doi.org/10.1016/S1044-5005\(03\)00046-5](https://doi.org/10.1016/S1044-5005(03)00046-5)
13. *Терентьева Т.А., Свиридова Л.А.* Процессный подход к организации бухгалтерского аутсорсинга. Международный бухгалтерский учет. 2017;13(20):779–792. <https://doi.org/10.24891/ia.20.13.779>
14. *Шевелева Е.А.* Организация бухгалтерского учета в условиях применения бухгалтерского аутсорсинга инновационными предприятиями. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2011;41(258):113–117.

References

1. *Auzair S., Aman A., Maelah R., Amiruddin R., Hamzah N.* Management control in accounting outsourcing services. Business Strategy Series. 2013;2(14):43–49.
2. *Zimenkov R.I.* The practice of outsourcing by American corporations. USA and Canada: ekonomika, politika, kultura. 2019;6(49):54–80. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S032120680005179-0>
3. *Mikhneva S.G., Makeeva G.A.* Outsourcing technologies as a modern tool for business models formation. University proceedings. Volga region. Social sciences. 2015;1(33):239–247. (In Russian).
4. *Golubeva S.S., Golubnichenko M.V.* Increasing Enterprise Efficiency Through Outsourcing. Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law. 2019;4(19):377–386. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-4-377-386>
5. *Dang T.A. et al.* Factors Affecting the Outsourcing of Accounting Activities in Small and Medium Transport Enterprises in Vietnam. The Journal of Asian Finance, Economics and Business. 2022;10(9):265–275.
6. *Zandi G., Chuan T.K., Mansori S.* A study of accounting outsourcing decision: the case of Malaysian SMEs. International Journal of Financial Research. 2019;5(10):153–160.
7. *Makarenko Ya.V., Solovyova I.A.* Outsourcing of accounting functions: trends and market development forecasts. Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and Management”. 2022;3(16):107–117. (In Russian).

8. *Ivanov A.E., Lushpina E.V.* Problems and trends in developing accounting functions outsourcing in Russia. *International accounting*. 2014;5(299):9–14. (In Russian).
9. *Androsova I.V., Khorolskaya T.E., Musostov Z.R.* Modern aspects of the application of outsourcing in business activities. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2022;5(52):14–17. (In Russian).
10. *Kubar M.A., Kirichenko D.A., Dubovik A.V.* Outsourcing of accounting as a factor of increasing the efficiency of the enterprise. *Management accounting*. 2023;12-1:173–178. (In Russian). <https://doi.org/10.25806/uu122023173-178>
11. *Koske M.S., Voyutskaya I.V., Mishuchkova Yu.G.* Some aspects of construction of business process «Accounting and Reporting». *Intellect. Innovations. Investments*. 2017;6:23–27. (In Russian).
12. *Langfield-Smith K., Smith D.* Management control systems and trust in outsourcing relationships. *Management Accounting Research*. 2003;3(14):281–307. [https://doi.org/10.1016/S1044-5005\(03\)00046-5](https://doi.org/10.1016/S1044-5005(03)00046-5)
13. *Terenteva T.A., Sviridova L.A.* A process approach to accounting outsourcing. *International accounting*. 2017;13(20):779–792. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ia.20.13.779>
14. *Shevelova E.A.* Organization of accounting in the context of accounting outsourcing application by innovative enterprises. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Economics and Management”*. 2011;41(258):113–117. (In Russian).

Перспектива развития data driven подхода в российской экономике

Кротов Дмитрий Павлович

Ст. аналитик, преп. аналитики данных

ORCID: 0009-0005-8252-6886, e-mail: dpkrotov@yandex.ru

Общество с ограниченной ответственностью «Авито Тех», г. Москва, Россия

Аннотация

Цель исследования – выявить потенциал внедрения в экономическую среду Российской Федерации data driven подхода, а также определить ключевые барьеры и сформировать методические и практические рекомендации по внедрению подхода в организациях. Методология исследования основывается на применении общенаучных методов, таких как теоретический и сравнительный анализ, систематизация, синтез. Сделан вывод о том, что для полноценного внедрения data driven подхода необходимо проведение достаточно большого количества изменений в сторону цифровизации. Проведенный анализ цифровизации населения и бизнеса показал, что, несмотря на высокий показатель использования цифровых сервисов среди населения и бизнеса, уровень внедрения технологий работы с данными в организациях остается низким. Сформированы ключевые препятствия на пути перехода к data driven подходу и способы их преодоления. Выявлено, что процесс внедрения подхода в организации разных отраслей сталкивается с рядом ограничений, но основные принципы остаются неизменными, как и то, что внедрение подхода позволяет значительно повысить эффективность работы организации. Сформулировано представление о текущих вариантах, возможностях и преимуществах интеграции методологии data driven в российских организациях.

Ключевые слова

Data driven, OKR, анализ данных, цифровизация, метрики, цифровая экономика, цифровые технологии, аналитическая культура

Для цитирования: Кротов Д.П. Перспектива развития data driven подхода в российской экономике // Вестник университета. 2025. № 2. С. 127–134.

The prospect of developing a data driven approach in the Russian economy

Pavel D. Krotov

Senior Analyst, Data Analytics Lecturer
ORCID: 0009-0005-8252-6886, e-mail: dpkrotov@yandex.ru

Avito Tech LLC, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to identify the potential for implementing the data driven approach in the economic environment in Russia, as well as to identify the key barriers and form methodological and practical recommendations for implementing the approach in organizations. The research methodology is based on general scientific methods application, such as theoretical and comparative analysis, systematization, and synthesis. It has been concluded that for full-fledged implementation of data driven approach it is necessary to carry out a sufficiently large number of changes in the direction of digitalization. The analysis of population and business digitalization has shown that, despite the high rate of use of digital services among them, the level of data driven technologies implementation in organizations remains low. The key obstacles to the transition to a data-driven approach and ways to overcome them have been identified. It has been revealed that the process of implementing the approach in organizations of different industries faces a number of limitations, but the basic principles remain unchanged, as well as the fact that the approach implementation can significantly improve organization's efficiency. The authors formulate an idea of current options, opportunities, and advantages of integrating data driven methodology in Russian organizations.

Keywords

Data driven, OKR, data analysis, digitalization, metrics, digital economy, digital technologies, analytical culture

For citation: Krotov P.D. (2025) The prospect of developing a data driven approach in the Russian economy. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 127–134.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация с каждым годом все глубже проникает в экономическую среду всего мира, в том числе в Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия). В зависимости от отрасли, региона и ряда других параметров этот процесс проходит с разной степенью интенсивности и разным набором сложностей и проблем. Тем не менее все больше процессов и взаимодействий в экономике начинают оставлять свой «цифровой след» – данные, которые могут быть использованы для анализа и принятия решений. Даже небольшая компания за один рабочий день складывает большой массив данных о функционировании своих процессов и транзакциях.

Согласно исследованиям Высшей школы экономики, Министерства цифрового развития РФ и Федеральной службы государственной статистики, российская экономика показывает высокие темпы цифровизации у населения и бизнеса [1]. Доля проникновения электронной торговли составляла в 2022 г. 58 % (в том числе среди сельского населения – более 40 %). Также 30,4 % предприятий использовали технологии сбора, обработки и анализа больших данных, а 28,9 % – облачные сервисы.

Тем не менее лишь 8,2 % организаций используют анализ данных в своей работе, причем у 5 % это осуществляется силами своих сотрудников. Доля проникновения анализа данных, согласно исследованию, сокращается с 8,9 % в 2020 г. до 8,2 % в 2022 г. Это говорит о том, что уровень развития аналитической культуры и принятия решений на основе данных не развит в достаточной степени в большинстве организаций в России. При этом данные – это один из ключевых векторов повышения производительности труда, что особенно актуально для российской экономики в условиях увеличения дефицита рабочей силы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DATA DRIVEN

Data driven – методология управления и принятия решений, в которой ключевым критерием являются результаты эксперимента. Data driven подход – это самый высокий уровень развития культуры работы с данными. Те организации, которые находятся в процессе интеграции этой методологии, часто функционируют в условиях data informed подхода – методологии управления, где данные являются лишь одним из факторов принятия решений, но не единственным.

Исследователи технологий бизнес-аналитики давно изучают эффективность инструментов для работы с большими данными в экономике. Data driven подход как инструмент также был исследован. Группа авторов на основе массива данных по 109 чешским производственным компаниям оценила влияние внедрения элементов data driven на качество принимаемых решений и эффективность экономической деятельности [2]. Связь оказалась статистически значимой, на основе чего авторы сделали вывод о том, что технологии анализа данных в организации являются важным ресурсом для реализации ценности знаний и информации, а решения на основе больших данных положительно влияют на производительность.

Для полноценной реализации data driven подхода важен ряд ключевых элементов.

1. Необходимы данные о пользовательской активности, данные из CRM, WMS, ERP, Интернета вещей и др. Однако данные не существуют сами по себе – для их наличия и доступности необходимы системы хранения, обработки и анализа данных (data warehouse, data lake, cloud-решения). Для достижения data driven подхода лучшим вариантом является создание единой системы хранения и доступа к данным, позволяющей всем заинтересованным легко получать нужные сведения.

2. Вторым важным элементом являются технологии по работе с большими данными, технологии автоматизации, анализа и представления данных. Данные должны быть обработаны, доставлены до заинтересованных лиц и представлены в понятной форме.

3. Третьим компонентом являются компетенции и знания. Этот компонент включает как компетенции и знания специалистов, которые внедряют и развивают технологии по работе с данными, так и тех, кто пользуется ими и принимает решения. Если компетенции и знания группы можно приобрести на рынке за счет поиска партнеров-интеграторов, то вторую группу необходимо обучать и готовить к эффективной работе с данными.

Даже реализовав все вышеперечисленные компоненты, достичь data driven подхода невозможно. Важно внедрить также процессы работы с данными и развивать культуру работы с ними. Данные должны вовремя, по установленным стандартам и правилам, автоматизированно собираться, обрабатываться и передаваться. На основе поступающих данных должны быть выстроены процессы их использования –

анализ, оценка и принятие решений. Культура работы с данными включает прозрачность данных для роста доверия к результатам анализа, знания и умения работы с данными среди сотрудников, постоянное совершенствование работы и поддержку экспериментов. Именно через эксперименты в data driven культуре принимаются или отвергаются решения, соответственно, без поддержки экспериментов компания не сможет двигаться вперед.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ВНЕДРЕНИЯ DATA DRIVEN

Внедрение data driven подхода, как было описано выше, включает создание и интеграцию множества разных элементов работы с данными в процессы и технологии компании. Однако даже внедрение всех этих элементов не сможет привести к работе по новому подходу. Для успешной интеграции data driven подхода важно внедрить эффективную методологию.

Базисом методологии data driven является метрика – числовой показатель, который используется для оценки работы компании или ее определенной части. Метрики могут считаться по-разному – оценивать финансовые, операционные, бизнес-результаты, но так или иначе они сводятся к конкретному числовому значению. Для эффективной работы data driven подхода недостаточно наличия одной или даже ряда метрик. Для эффективной оценки работы организации или проекта и грамотного принятия решений важно соединять метрики в дерево метрик [3]. Дерево метрик – это система связанных метрик организации или проекта, которая строится от главной (целевой) метрики и декомпозируется на субметрики и прокси-метрики. С помощью такого дерева возможно выстроить понятную причинно-следственную связь о том, что и как влияет на целевую метрику, и быстро находить причины ее неочевидного поведения.

Для эффективного управления важно интегрировать эту методологию с целями работы организации. Обычно для целеполагания используют подход KPI (англ. key performance indicators, ключевые показатели эффективности), но в случае с data driven они не могут быть эффективным инструментом целеполагания. Это связано с тем, что KPI подразумевает, что менеджеры компании точно знают что и как нужно делать сотруднику организации. В таком случае у сотрудника нет возможности для реализации нестандартных решений и тем более для проведения экспериментов. В связи с этим KPI в data driven подходе сменяет OKR (Objectives & Key Results) – подход, который подразумевает фиксирование цели (качественное описание того, чего необходимо достичь) и ключевых результатов (набора показателей, которые измеряют прогресс на пути к достижению поставленной цели) [4]. Соответственно, для успешного перехода к data driven OKR должен быть интегрирован в работу всех подразделений компании и в мотивационные программы. Это позволит сотрудникам ставить более сложные цели и оценивать их достижения на основе небольшой группы метрик. Согласно исследованиям «Сколково», методология OKR активно распространяется в России, особенно быстро в компаниях в сфере информационных технологий (далее – ИТ) и финансовых компаниях (банки и страховые службы), но растет и число организаций, которые используют OKR среди производства, ритейла и строительства¹.

Важной составляющей в интеграции data driven в целеполагание является наличие в компании функции бизнес-аналитика. Исследование этой роли показывает, что он является ключевым связующим звеном между бизнес-заказчиками и данными [5]. Бизнес-анализ как предметная область имеет свой свод знаний, который называется ВАВОК, а специалисты имеют свои уровни сертификации.

НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ DATA DRIVEN И ВЫЗОВЫ

Data driven может быть интегрирован почти во все элементы деятельности организации и почти во сферы экономической деятельности. Эксперты подробно рассматривают внедрение в отдельные области, например, в маркетинг [6]. В случае маркетинга ключевым инструментом является CRM-система. В современной практике на основе работы с данными маркетологи оценивают эффективность множества инструментов: рекламу по телевизору и радио, маркетинговые инструменты в сети «Интернет», размещение рекламы на наружных поверхностях.

В производственных компаниях data driven подход тесно связан с развитием Интернета вещей, который позволяет собирать данные о всех элементах производства в компании, что позволяет анализировать, искать точки роста и проводить эксперименты в поисках увеличения эффективности работы.

¹ Тренды OKR в России и мире: реализация стратегии и рост в условиях неопределенности. Режим доступа: <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/trendy-okr-v-rossii-i-mire-realizatsiya-strategii-i-rost-v-usloviyah-neopredelennosti/?ysclid=m20b9rvap4555998135> (дата обращения: 05.10.2024).

В финансовой отрасли data driven подход помогает снижать риски при работе с клиентами и партнерами. Его внедрение в отношении принятия решения о выдаче кредита клиенту повышает процент возврата и, соответственно, доходность работы банка. В страховании data driven подход помогает наиболее эффективно принимать решения о размере страховой премии с учетом большого количества рисков и параметров. За счет того, что банковские и страховые сферы обладают достаточным уровнем ресурсов и компетенций для успешной цифровизации, многие решения и подходы data driven уже реализованы в финансовой сфере либо находятся в активной фазе реализации.

Data driven подход также применим в более сложных с точки зрения функционирования и регулирования отраслях, таких как медицина. В рамках анализа международной практики авторы описывают следующий эксперимент. Уже в 2015 г. информационная система IBM Watson ставила диагноз «рак легких» в 90 % случаях верно, в то время как точность врачей составляла 50 %. С точки зрения исследования применимости data driven в медицинских организациях выявлено, что технология имеет высокий потенциал при условии создания smart hospitals – типа больниц, в котором большинство процессов оцифровано [7]. Авторы выделяют следующие ключевые направления, где data driven может повысить эффективность функционирования медицинских организаций: повышение точности диагностики, повышение качества управленческих решений, персонификация работы с пациентами, повышение финансовой устойчивости, оптимизация использования ресурсов и повышение скорости и качества обслуживания пациентов. На текущий момент внедрению data driven в медицинские организации могут препятствовать законодательные ограничения и особенности работы частных и государственных медицинских организаций.

Интеграция data driven возможна даже в сфере урбанистики. Создание комфортной городской среды для всех заинтересованных сторон (пешеходы, автолюбители, пользователи общественного транспорта) – непростая задача, и исследователи-урбанисты попробовали решить ее на конкретном примере с помощью данных [8]. Интеграция систем принятия решений на основе данных в такие сложные и специфические сферы требует применения особого инструментария – в данном случае это картографический сервис и данные по загруженности дорог из него. На выходе получились проектные предложения, учитывающие множество параметров направления комфортности и безопасности.

В других сферах, таких как ритейл, логистика, строительство, наиболее передовые компании также начинают интеграцию элементов подхода управления на основе данных, но этот процесс сталкивается с большим количеством трудностей и сложностей. На основе анализа практического опыта внедрения data driven подхода среди ключевых препятствий внедрения можно выделить следующие.

1. Технические ограничения и качество данных. Ключевым препятствием чаще всего являются ограничения на внедрение нужных для data driven технологий или вовсе их отсутствие. Однако даже наличие нужных технологий не всегда может гарантировать достаточное качество данных, поскольку для поддержания их в корректном состоянии должны проводиться процедуры мониторинга и контроля данных. Подобные проблемы становится решать легче за счет все большего распространения облачных сервисов и решений, позволяющих выстроить необходимые процессы работы с данными эффективно и просто.

2. Правовые и этические ограничения. Работа с данными затрагивает интересы множества сторон – клиентов, партнеров, владельцев данных. Государства по всему миру с каждым годом все жестче и тщательнее начинают регулировать вопрос обработки данных, особенно персональных, которые представляют особый интерес для мошенников и злоумышленников. В связи с этим компаниям, внедряющим или использующим инструменты работы с данными, важно регулярно актуализировать их на предмет соответствия всем регуляторным требованиям. Особое внимание надежности хранения и целям использования данных уделяет и общественность. Средства массовой информации, правозащитные организации регулярно поднимают вопрос о том, насколько правильно и этично то, что компании собирают большие массивы данных о пользователях.

3. Нехватка компетенций. Data driven подход невозможно реализовать без наличия достаточных знаний и навыков не только по хранению, обработке и представлению данных, но и по работе с ними, извлечению из них смысла для принятия грамотных решений. В связи с этим при внедрении data driven подхода важно провести полноценное погружение сотрудников в правила и особенности работы с данными. Эта проблему год от года становится решать легче за счет широкого распространения образовательных программ по работе с данными, в том числе за счет реализации национальной

программы «Цифровая экономика», в которую входят такие направления, как «Кадры для цифровой экономики» и «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли»².

4. Культурные и организационные барьеры. Внедрение data driven подхода, как и внедрение любой новой практики управления и функционирования организации, встречается с сопротивлением со стороны руководителей и сотрудников. Для решения этой проблемы важно проводить грамотное обучение и повышение осведомленности о преимуществах data driven подхода, а также выстроить постепенный и эффективный план внедрения, который бы не привел к нарушению работы процессов в компании.

5. Высокий темп изменений. Внедрение data driven подхода требует дополнительных инвестиций, в том числе временных, со стороны сотрудников компании. Более того, для принятия грамотного решения на основе эксперимента также может требоваться больше времени, чем без него. В связи с этим компаниям, которые работают на рынке с высоким темпом роста и активно наращивают объемы, сложно грамотно интегрировать инструменты по работе с данными. В таком случае внедрение data driven подхода следует проводить на основе гибкого подхода к внедрению изменений, позволяющего эффективно адаптировать работу организации по новой методологии, но без потери высокого темпа роста.

6. Ограничения в ресурсах. Эта проблема, наоборот, часто происходит в организациях, которые не находятся в стадии интенсивного роста. Внедрение новых технологий и компетенций требует значительных финансовых и организационных расходов, которые не всегда могут себе позволить компании, работающие на стабильном рынке. В данном случае стоит грамотно рассчитать финансовый потенциал от внедрения инструментария. Возможно, именно новый подход к работе с данными позволит повысить эффективность работы такой организации, и требуемые инвестиции быстро окупятся.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ DATA DRIVEN

Ключевое преимущество внедрения технологий работы с данными и data driven подхода заключается в повышении качества принимаемых решений за счет снижения неопределенности и недостатка информации. Принятие решений на основе данных позволяет снизить риски принятия ошибочного решения и повышает вероятность достижения поставленных целей. В случае, когда в организации построена система метрик и субметрик, связанная с целевыми значениями подразделений организации, принимаемые решения легко декомпозировать на работу каждого конкретного сотрудника, а также легко анализировать и выявлять откуда идут барьеры для достижения поставленных целей.

Внедрение технологий работы с данными может оказать положительный эффект и на повышение конкурентоспособности организации. Использование данных позволяет предлагать более релевантные и персонализированные предложения клиентам, повышать ценность за счет анализа потребностей клиента, а также снижать риски. Внедрение основы технологий работы с данными помогает быстро создавать новые инструменты и тестировать их эффективность (например, с помощью АБ-тестирования), поддерживая за счет этого конкурентоспособность и инновационность.

Data driven подход и технологии работы с большими данными, как и цифровизация в целом, позволяют оптимизировать бизнес-процессы в организации за счет автоматизации и увеличения времени сотрудников на более сложные и стратегические задачи. Более того, использование данных позволяет находить точки неэффективности в работе процессов и на основе этого разрабатывать, тестировать и внедрять решения для устранения подобных проблемных мест.

Данные также позволяют отвечать на вопрос – каким образом наиболее эффективно использовать ресурсы. В разных отраслях и сферах ресурсы разные, но так или иначе в любой организации они имеют определенную стоимость, которую всегда стремятся оптимизировать. Собирая и анализируя данные, можно находить источники неэффективного использования ресурсов и искать пути их оптимизации, а за счет технологий прогнозирования на основе данных – планировать и оптимизировать использование ресурсов на будущее.

Преимуществ использования данных в работе организаций много, и преодолевать барьеры на пути внедрения технологий по работе с ними необходимо, но на этот процесс влияют внешние факторы. Среди факторов, оказывающих влияние на перспективу внедрения data driven подхода технологий работы с данными, выделяются следующие аспекты.

² Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Цифровая экономика. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.10.2024).

1. Повсеместная цифровизация. Цифровизация в текущий момент затрагивает почти все сферы жизнедеятельности. Она включает, помимо перенесения всех процессов из офлайн в онлайн, такие элементы, как внедрение Интернета вещей, блокчейн-технологий, развитие технологий связи, интеграцию технологий дополненной и виртуальной реальности. Такие процессы позитивно сказываются на перспективах распространения data driven технологий. Благодаря распространению сервисов и технологий, которые позволяют собирать цифровой след и использовать его как данные, data driven подход гораздо легче интегрировать в процессы работы.

2. Развитие искусственного интеллекта. Искусственный интеллект все интенсивнее интегрируется в жизнь людей, появляясь в виде чатов, ботов, рекомендательных сервисов. Интеграция искусственного интеллекта активно происходит в инструментах работы с большими данными. С помощью искусственного интеллекта ускоряется обработка большого объема массива данных и формирования выводов на них, упрощается построение визуализации, появляется все больше сервисов на основе искусственного интеллекта в B2C- и B2B-секторах. Все это благоприятно сказывается на расширении практики применения технологий работы с данными и методологии data driven, так как позволяет снизить издержки на внедрение программного обеспечения и поддержание функционирования процессов работы с данными.

3. Государственная поддержка. Государство, учитывая все преимущества и барьеры, активно помогает организациям на пути цифровизации, а также своим примером активно поддерживает этот тренд. Цифровизация сервисов Федеральной налоговой службы, создание и развитие сервиса «Госуслуг» с сотнями сценариев работы с населением – отличные примеры цифровизации. В некоторых регионах (например, в Москве) data driven интегрируется и в более сложные процессы, например, в управление потоками пассажиров общественного транспорта, формирование дорожных городских сетей. Разработанная национальная программа «Цифровая экономика» включает активную помощь государства в таких важных для интеграции технологий по работе с данными направлениях, как нормативное регулирование цифровой среды, образование и кадровый потенциал, информационная безопасность, информационная инфраструктура³. Такая широкомасштабная работа по помощи организациям в интеграции новых технологий является несомненным трамплином во внедрении методологии управления и принятия решений на основе данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях стремительного цифрового развития и глобализации подходы, основанные на данных (data driven), становятся все более актуальными для организаций и стран по всему миру, включая Россию. Россия находится в активной фазе цифровизации – ее население интегрирует в свою жизнь все больше сервисов и цифровых решений. Организации (за исключением крупнейших корпораций) не так активно интегрируют цифровые решения, сталкиваясь со значительными трудностями, начиная от потребности в ресурсах и заканчивая сложностями с интеграцией решения в организационную культуру.

При этом потенциал для внедрения технологий работы с данными и методологии data driven значителен. Их внедрение позволяет компаниям выходить на новый уровень в виде принятия решений, скорости и качества функционирования. Внедрение data driven реализуемо во множестве разных отраслей, в каждой из которых оно может дать значительный прирост эффективности и надежности функционирования. Данные – это серьезный инструмент для повышения конкурентоспособности компании на рынке, потенциально эффективный для улучшения функционирования процессов внутри организации.

Перспективы дальнейшего развития этого подхода связаны с технологическими инновациями, государственной поддержкой цифровизации и ростом цифровых компетенций сотрудников разных отраслей и специальностей. Для успешной реализации data driven стратегии необходимо уделить особое внимание образованию и подготовке кадров, что станет основой для устойчивого развития цифровой среды в будущем.

Список литературы

1. Абашкин В.А., Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг А.М. Индикаторы цифровой экономики: 2024. М.: Высшая школа экономики; 2024.
2. Awan U. et al. Big data analytics capability and decision-making: The role of data-driven insight on circular economy performance. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021;168:120766. <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120766>

³ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Цифровая экономика. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 05.10.2024).

3. Лебедев А.И. Теоретический анализ эффективности принятия решений: дерево целей и дерево метрик. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023;2:208–210.
4. Медведева Л.Ф., Архипова Л.И. Методические аспекты управления на основе принципов Data-Driven маркетинга. Инновационные научные исследования. 2022;5-3(19):139–149. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7089350>
5. Чернышева Ю.Г. Бизнес-анализ-новые возможности аналитики для управления. Учет и статистика. 2022;1(65):69–76. <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2022.65.1.006>
6. Юлдашева О.У., Пирогов Д.Е. Становление концепции Data Driven маркетинга. Практический маркетинг. 2021;11:3–9. <http://doi.org/10.24412/2071-3762-2021-11297-3-9>
7. Руклина П.А., Дубгорн А.С., Калязина С.Е. Применение концепции data driven в управлении медицинской организацией: успешные кейсы и шаги по внедрению в РФ. Экономика и управление. 2022;11(28):1146–1154. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-11-1146-1154>
8. Теплова И.Д., Журавлев И.А., Карманова А.А. Data-driven решения для организации комфортной и безопасной среды городских улиц. Экология урбанизированных территорий. 2022;1:109–115. <https://doi.org/10.24412/1816-1863-2022-1-109-115>

References

1. Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Vishnensky K.O., Gokhberg L.M. Digital economy indicators: 2024. Moscow: Higher School of Economics; 2024. (In Russian).
2. Anan U. et al. Big data analytics capability and decision-making: The role of data-driven insight on circular economy performance. Technological Forecasting and Social Change. 2021;168:120766. <http://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120766>
3. Lebedev A.I. Theoretical analysis of the effectiveness of decision-making: a tree of goals and a tree of metrics. Humanities, social-economic and social sciences. 2023;2:208–210. (In Russian).
4. Medvedeva L.F., Arkhipova L.I. Methodological aspects of management based on the principles of Data-Driven marketing. Innovative Scientific Research. 2022;5-3(19):139–149. (In Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.7089350>
5. Chernysheva Yu.G. Business analysis – new analytics for management. Accounting and Statistics. 2022;1(65):69–76. (In Russian). <https://doi.org/10.54220/1994-0874.2022.65.1.006>
6. Yuldasheva O.U., Pirogov D.E. Data Driven marketing: concept development. Practical marketing. 2021;11:3–9. (In Russian). <http://doi.org/10.24412/2071-3762-2021-11297-3-9>
7. Rukina P.A., Dubgorn A.S., Kalyazina S.E. Application of the data-driven concept in the management of medical organizations: Successful cases and steps for implementation in the Russian Federation. Economics and Management. 2022;11(28):1146–1154. (In Russian). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-11-1146-1154>
8. Teplova I.D., Zhuravlev I.A., Karmanova A.A. Data-driven solutions for the organization of comfortable and safe environment in city streets. Urbanized territories ecology. 2022;1:109–115. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1816-1863-2022-1-109-115>

Анализ потребительского спроса на электромобили в Российской Федерации и разработка рекомендаций к его повышению

Русанов Денис Александрович

Аспирант

ORCID: 0009-0006-4224-016X, e-mail: hovky1717@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Глобальным трендом среди государств в текущий момент времени являются сохранение природы, отказ от ископаемых энергетических ресурсов и переход на углеродную нейтральность. Одними из ключевых звеньев в создании прекрасного мира будущего без опасных выбросов в атмосферу выступают электрификация транспортных средств и переход от традиционного двигателя внутреннего сгорания на электрические силовые установки. Российская Федерация следует договоренностям с другими странами и пытается переориентироваться на развитие электромобилей. Однако доля такого транспорта пока не может составить какую-либо конкуренцию обычному двигателю внутреннего сгорания. Изучена статистическая информация по использованию электромобилей, которая отражает текущее положение данного сегмента транспортного сектора экономики в различных странах мира. Проведен сравнительный анализ мнений потенциальных потребителей российского и западных рынков средств мобильности на основе данных, взятых из открытых источников. Рассмотрены важные факторы, которые являются существенными для потребителя на российском рынке, предложены меры, которые могут быть предприняты для стимулирования спроса в данном сегменте. Полученные выводы можно использовать для реализации государственных проектов по повышению потребительского спроса на электромобили эконом-класса на российском рынке.

Ключевые слова

Электромобиль, двигатель внутреннего сгорания, российский рынок транспорта, развитие транспортной отрасли, спрос, гибридный автомобиль, государственная поддержка, углеродная нейтральность

Для цитирования: Русанов Д.А. Анализ потребительского спроса на электромобили в Российской Федерации и разработка рекомендаций к его повышению // Вестник университета. 2025. № 2. С. 135–143.

Consumer demand analysis for electric cars in Russia and recommendations development for its increase

Denis A. Rusanov

Applicant

ORCID: 0009-0006-4224-016X, e-mail: hovky1717@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The global trend among nations at this moment in time is to preserve nature, abandon fossil energy resources, and strive for carbon neutrality. One of the key links in creating a beautiful future world without dangerous emissions into the atmosphere is vehicles electrification and transition from traditional internal combustion engine to electric propulsion systems. Russia is following agreements with other countries and is trying to reorient itself towards electric cars development. However, the share of such transportation cannot yet compete in any way with the conventional internal combustion engine. Statistical information on the use of electric cars has been studied, which reflects the current situation of this segment of the transportation sector of the economy in various countries of the world. A comparative analysis of the opinions of potential consumers in the Russian and Western mobility vehicles markets based on data taken from open sources has been carried out. Important factors that are essential for consumers in the Russian market have been considered, and measures that can be taken to stimulate demand in this segment have been proposed. The findings can be used to implement government projects to increase consumer demand for economy-class electric cars on the Russian market.

Keywords

Electric vehicle (EV), internal combustion engine (ICE), Russian transport market, transport industry development, demand, plug-in hybrid (PHEV), government support, carbon neutrality

For citation: Rusanov D.A. (2025) Consumer demand analysis for electric cars in Russia and recommendations development for its increase. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 135–143.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире огромные производственные корпорации для того, чтобы следовать «политике» передовых стран, вынуждены разрабатывать свои продукты с учетом так называемой «зеленой» повестки, или углеродной нейтральности. Она предполагает, что производства повысят как свою, так и потребительскую осведомленность о минимизации выбросов парниковых газов, перестанут загрязнять окружающую среду, повысят энергоэффективность и даже сами будут проявлять эко-инициативы.

Важным документом, который на текущий момент ратифицировало 186 стран и Европейский союз, является Парижское соглашение, которое было принято в рамках Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата в ходе Парижской конференции по климату 12 декабря 2015 г. Согласно договоренностям, страны приняли обязательства по снижению темпов глобального потепления. Основными механизмами были приняты разработка и согласование набора правил для углеродных рынков, взаимопомощь стран и разработка стратегий снижения выбросов диоксида углерода в атмосферу. Однако все договоренности в рамках этого соглашения носят лишь рекомендательный характер и не обязательны к исполнению.

Все это коснулось и транспортного бизнеса. Лидеры рынка автомобильной промышленности, которых субсидируют государства, стали усердно трудиться над проектированием и производством автомобилей на электрической тяге, не имеющих двигателя внутреннего сгорания, которые всем известны как «электромобили».

Согласно статистике исследовательской компании Rho Motion, в 2023 г. продано 13,6 млн ед. электромобилей по всему миру, что является приростом на 31 % по сравнению с 2022 г., когда было реализовано 10,3 млн ед.¹ В данные включены как полностью электрические, так называемые BEV, так и гибридные автомобили, PHEV. Российские потребители также выразили интерес к приобретению электромобилей – согласно данным Автостата и системы электронных паспортов транспортных средств, в 2023 г. куплено 14,869 тыс. электромобилей, что на 290 % больше, чем в 2022 г. (3,813 тыс. ед.)².

ОБЗОР МНЕНИЙ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ СЕГМЕНТА ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ

На текущий момент технологического развития электромобили – самые передовые из транспортных средств, в которые вкладывается огромное количество инновационных решений со стороны автомобильных концернов и мелкосерийных производств. Батарейные модули, которые являются основной энергоемкой системой для приведения в работу электромоторов, подвергаются постоянным улучшениям, развиваются сопутствующие системы, повышающие функциональность электрических транспортных средств, недоступные обычным автомобилям с двигателем внутреннего сгорания.

По прошествии 10 лет активной пропаганды электромобили плотно укоренились в системе транспорта передовых и развивающихся стран. Однако существует немало факторов, которые отталкивают потребителей электромобилей, даже несмотря на внедрение новейших решений инженеров в продукт.

В июне 2024 г. одна из крупнейших международных консалтинговых компаний McKinsey & Company, специализирующаяся в основном на решении проблем в стратегическом управлении компаний, представила свои результаты опроса, который они проводят уже в течение пяти лет в 15 странах на различных континентах, составляющие около 80 % доли продаж на мировом рынке электромобилей. В одном из блоков приводится статистика мнения потребителей, которые еще не владеют электромобилем, о следующем планируемом транспортном средстве. Опрос проводился среди 36,954 тыс. респондентов из таких стран, как Китай, Соединенные Штаты Америки (далее – США), Германия, Италия, Япония и Бразилия (рис. 1).

По итогам опроса стало известно, что 38 % целевой аудитории рассматривает вариант перехода на электрический силовой агрегат, остальные 62 % предпочтут остаться на традиционном для многих двигателе внутреннего сгорания.

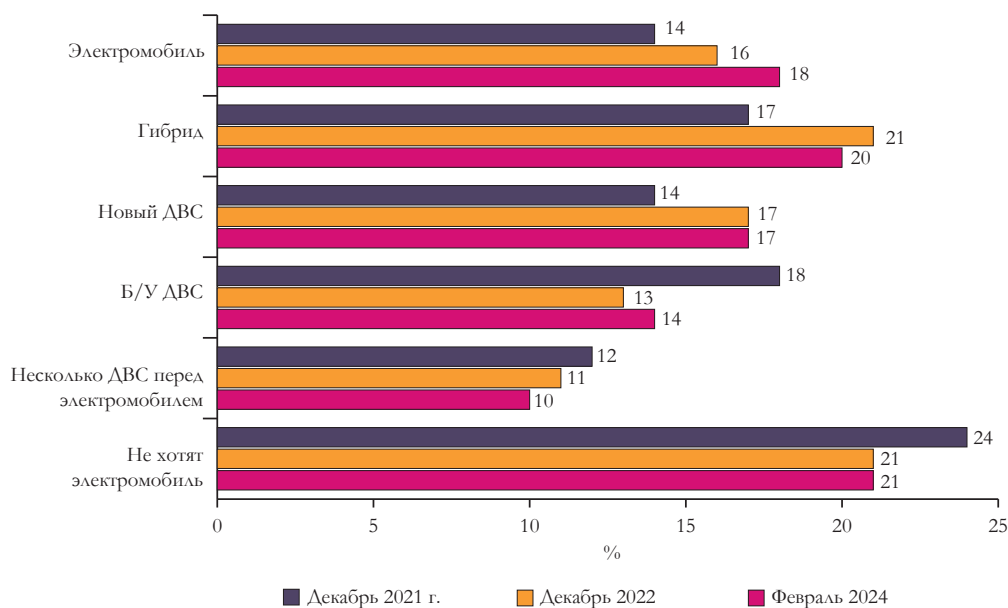
Среди потребителей, которые высказали мнение о том, что они не предполагают покупать электромобиль в перспективе одного или нескольких транспортных средств, также указаны причины, которые отталкивают их от приобретения:

- дороговизна электромобиля (45 % респондентов);
- трудности с доступом к зарядным станциям (33 % респондентов);

¹ Продажи электромобилей в мире выросли в 2023 году на 31 %. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/504060-prodazi-elektromobilej-v-mire-vyrosli-v-2023-godu-na-31> (дата обращения: 18.09.2024).

² Там же.

– обеспокоенность запасом хода (29 % респондентов).

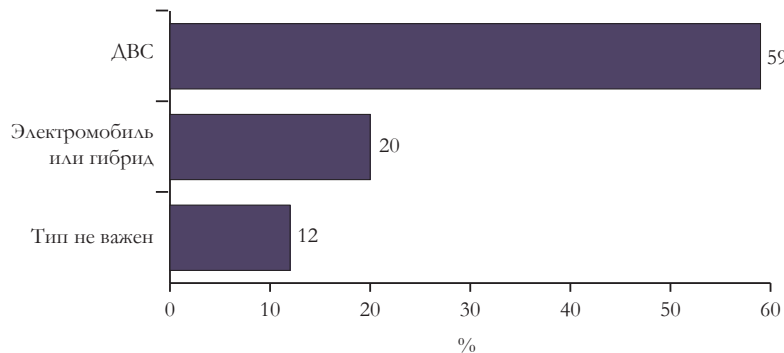
Примечание: ДВС – двигатель внутреннего сгорания

Составлено автором по материалам источника³

Рис. 1. Мнение респондентов о следующем автомобиле

Из статистики можно сформировать мнение об обобщенном портрете потребителя для этих стран – человек в среднем 42 лет (в сравнении со «скептиками», которым в среднем 51 год), который живет в большом городе либо пригороде, с заработком выше среднего, который следит за новшествами в развитии технологических систем⁴. В среднем это молодые люди с достаточными заработком, живущие в мегаполисе, приспособленном для электромобиля.

На основании опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения об отношении россиян к электромобилям, проведенного в июне 2024 г., получены следующие результаты (рис. 2).

Примечание: ДВС – двигатель внутреннего сгорания

Составлено автором по материалам источника⁵

Рис. 2. Мнение респондентов в Российской Федерации о привлекательности силовой установки

Главными причинами, которые отталкивают потребителей от приобретения электромобилей в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), респонденты считают следующие:

- 1) отсутствие инфраструктуры для их подзарядки (43 % респондентов);
- 2) высокую стоимость (20 % респондентов);

³ McKinsey Mobility Consumer Pulse. Media Presentation. Режим доступа: https://executivedigest.sapo.pt/wp-content/uploads/2024/06/Mobility-Consumer-Pulse-2024_Overview.pdf (дата обращения: 18.09.2024).

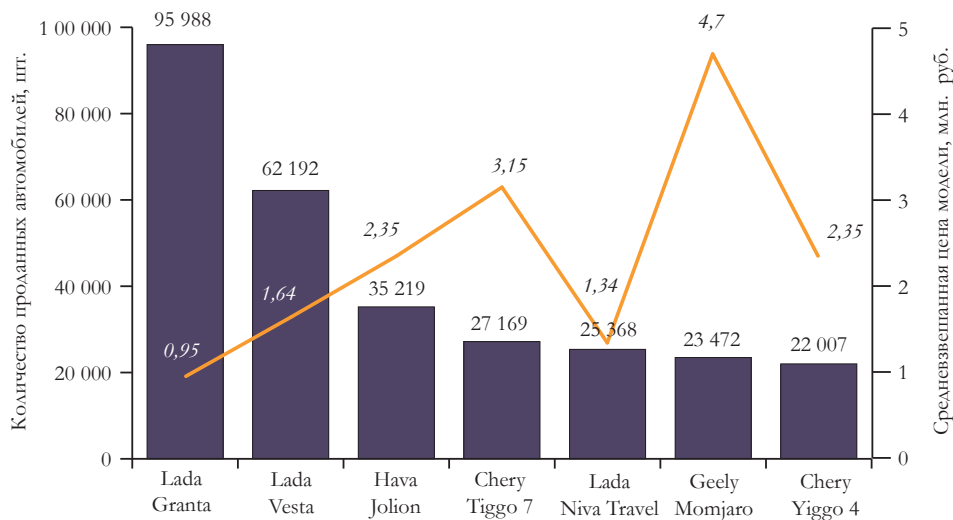
⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения. Электромобили в России: настоящее и будущее. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehlektromobili-v-rossii-nastojashchee-i-budushchee> (дата обращения: 18.09.2024).

⁵ Там же.

- 3) сложный ремонт и отсутствие запасных частей (6 % респондентов);
- 4) малый запас хода и сложности зарядки (суммарно 30 % респондентов);
- 5) неподходящий климат страны для использования (7 % респондентов).

Доля новых электромобилей на отечественном рынке, согласно аналитическому агентству Автостат, составляла 0,8 % на июль 2024 г.⁶ Исходя из этого, данный сегмент транспортных средств не составляет существенной конкуренции. При сравнении мнения западных респондентов с российскими наглядно видно, что точки зрения о привлекательности к покупке в целом схожие.

Ключевыми факторами для решения потребителя в общей массе о покупке автомобиля на текущее время являются цена конечного продукта, доступность ремонта и цена автомобильных запасных частей. На рис. 3 приведена статистика продаж с января по июнь 2024 г. по данным Автостата.

Составлено автором по материалам источника⁷

Рис. 3. Статистика количества приобретенных новых автомобилей в России с января по июнь 2024 г.

В совокупности с данными по средневзвешенной стоимости нового автомобиля, которая рассчитывается на основе средних значений рекомендованных дистрибьюторами цен и объемов ее продаж с учетом модификаций, можно наглядно увидеть практически прямую корреляцию стоимости и количества проданных средств передвижения. Это говорит о том, что большинство продаж на российском рынке составляют автомобили сегмента эконо-класса, которому присуща самая интенсивная степень конкуренции среди автопроизводителей. Следовательно, в данный момент времени новые электромобили эконо-класса, которые представлены в основном марками Evolute и «Москвич», не вызывают существенного интереса у массового потребителя в России.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

В рамках текущей экономической ситуации в России стоит также учитывать такой немаловажный параметр, как потеря стоимости электромобиля. Приблизительная продолжительность цикла смены автомобиля у потребителей, которые приобретают новый автомобиль, составляет от четырех до пяти лет, согласно данным Автостата, а также совместного опроса «ВТБ» и «Открытие Авто»^{8,9}. Так, например, в сравнении моделей одного ценового сегмента, таких как Evolute i-Pro и Lada Vesta Sport, потеря стоимости транспортного средства в течение пяти лет в Москве составит 1,25 млн и 800 тыс. руб. соответственно [1].

⁶ Автостат. Продажи новых электромобилей в России сократились впервые за последние два года. Режим доступа: <https://www.autostat.ru/news/58229/> (дата обращения: 18.09.2024).

⁷ Автостат. Бестселлеры российского авторынга и их актуальные цены. Режим доступа: <https://www.autostat.ru/infographics/58109/> (дата обращения: 18.09.2024).

⁸ Как часто россияне меняют автомобили. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/news/471855/> (дата обращения: 18.09.2024).

⁹ Автостат. Средний срок владения новым автомобилем в России составляет 4,5 года. Режим доступа: <https://www.autostat.ru/articles/18904/> (дата обращения: 18.09.2024).

На текущий момент стоимость электромобиля Evolute i-Pro начинается от 1,79 млн руб., в то время как Lada Vesta Sport – от 2,18 млн руб.^{10,11}. Поскольку указанные цены являются лишь нижней границей, указанной с учетом различных скидочных предложений, реальная стоимость автомобилей будет выше. Однако при анализе самых минимальных цен заметно, что электромобиль потеряет в стоимости практически 70 % от первоначальной цены, в то время как автомобиль с двигателем внутреннего сгорания – всего 37 %.

Важно упомянуть, что большинство электромобилей, которые сейчас можно приобрести в официальных дилерских центрах, являются ввезенными из других стран. В основном поставщиком является Китай. Российскому покупателю за импортный электрокар, кроме его цены, приходится платить таможенную пошлину, которая составляет 30 % от его цены, акциз по ставке 15 руб./л.с. при мощности двигателя до 150 л.с. и 153 руб./л.с. при мощности двигателя свыше, таможенный сбор в размере 0,15 %, а также налог на добавленную стоимость в 18 % и утилизационный сбор [2].

Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2024 г. № 1255 изменены ставки-тарифы на утилизационный сбор, утверждена долгосрочная шкала индексации утилизационного сбора до 2030 г. для ряда легковых и грузовых автомобилей, а также для автобусов, прицепов и полуприцепов и некоторых видов дорожно-строительной техники¹². Это означает, что стоимость на новый электромобиль, который будет ввезен на территорию России с 1 января 2025 г. с целью продажи официальным дилером, повысится. Для сравнения – ранее утилизационный сбор за ввоз нового электромобиля составлял 360 тыс. руб., в то время как с 2025 г. придется уплатить 667,4 тыс. руб. К 2030 г. планируемая индексация в стоимостном выражении составит 2,062 млн руб. Это еще больше ставит под сомнение рациональность покупки электромобиля, даже с учетом мер поддержки государства.

Среди самых важных триггеров для отсутствия мотивации к приобретению электромобиля можно выделить отсутствие зарядных станций и сложность зарядки, а также малый запас хода. Россия сильно отстает по числу зарядных станций как от Европы и США, так и от Китая, который является лидером в этом показателе. Суммарное число зарядных станций в Китае составляет более 300 тыс., и это число продолжает увеличиваться, в странах Европейского союза – 170 тыс., в США – 80 тыс. электрических станций. На данный момент в России, согласно данным Автостата, насчитывается 7,410 тыс. ед. зарядных станций, большая часть из которых находятся в Москве и Санкт-Петербурге¹³. К 2030 г. планируемый объем введенных в эксплуатацию составляет 72 тыс. зарядных станций. При этом, чтобы придерживаться концепции развития инфраструктуры станций по зарядке электромобилей, к 2030 г. потребуется наличие не менее 144 тыс. зарядных станций для покрытия потребности в 1,4 млн планируемых государством электромобилей из расчета 10 электромобилей на одну электрозарядную станцию, 60 % из которых будут медленными [3].

Стоит отметить, что погодные условия в резко-континентальном климате России существенно сказываются на доступности использования полного потенциала аккумуляторных батарей в рамках текущего технологического прогресса в этой сфере. Например, при температуре – 20 градусов по Цельсию запас хода электромобиля может сократиться до половины от заявленной производителем, что осложняет их применение в районах Крайнего Севера, а также при аномально низких температурах в Уральском и Сибирском регионах [1]. Учитывая, что ресурс батарейного модуля ограничен и требует замены в связи с эксплуатационным износом, такой вид ремонта становится крайне дорогостоящим. Согласно BloombergNEF, в 2023 г. средняя стоимость емкости батарей, которая выражена в долл. США/кВт/ч, составила 139 ед.¹⁴. Это означает, что при рассмотрении аккумуляторной батареи электромобиля Evolute i-Pro на 53кВт/ч приобретение только запасной детали в 2023 г. обошлось бы в 7 тыс. долл. США без учета работ по замене модуля, что делает такую замену экономически нецелесообразной¹⁵.

Еще одним фактором к будущему росту интереса со стороны покупателей к приобретению транспорта на электрической тяге является рост потребительских цен на автомобильное топливо. Увеличение налогов на нефтепродукты и девальвация рубля негативно влияют на стоимость жидкого топлива для

¹⁰ Evolute. Режим доступа: <https://www.evolute.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹¹ Lada. Режим доступа: <https://www.lada.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹² Постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2024 г. № 1255 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_485724/ (дата обращения: 18.09.2024).

¹³ Автостат. Число публичных зарядных станций для электромобилей в России превысило 7,4 тысячи. Режим доступа: <https://www.autostat.ru/news/58056> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁴ BNEF. Lithium-Ion Battery Pack Prices Hit Record Low of \$139/kWh. Режим доступа: <https://about.bnef.com/blog/lithium-ion-battery-pack-prices-hit-record-low-of-139-kwh/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁵ Evolute. Режим доступа: <https://www.evolute.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).

автомобилей с двигателем внутреннего сгорания. Можно предположить, что спрос на автомобильный транспорт в конечном итоге упадет, в то время как электромобили станут все больше интересовать отечественного покупателя [4].

Рассмотренные причины существенно влияют на потребительский спрос в этом сегменте средств мобильности. Для стимулирования и развития данного рынка в России требуются существенные изменения на уровне государственной политики в транспортной сфере и доступности зарядной инфраструктуры не только в мегаполисах, но и на трассах, в маленьких городах и др.

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ СПРОСА НА ЭЛЕКТРОМОБИЛИ В РОССИИ

Для того чтобы снизить себестоимость электромобиля, необходимо наладить полный цикл производства на мощностях простаивающих заводов на территории России. Так, например, в себестоимость нового транспортного средства не будут включаться таможенные сборы и утилизационный сбор при ввозе. Существуют детали, которые невозможно произвести на территории России, однако их наценка при ввозе из-за рубежа будет незначительной по сравнению с тем случаем, если бы они ввозились как готовая продукция в виде целого транспортного средства.

Показательный пример отсутствия существенного эффекта на спрос крупноузловой сборки по лицензии китайского электромобиля JAC e-JS4, который известен под названием «Москвич 3е». Он является полной копией автомобиля JAC JS4, который имеет двигатель внутреннего сгорания как основной силовой агрегат под капотом и тоже производится по лицензии на предприятии в Москве под названием «Москвич 3». На данный момент цена на традиционный автомобиль начинается от 1,7 млн руб., в то время как его электрическая копия – от 3,025 млн руб.¹⁶ В течение 2023 г. продано 13 тыс. ед. автомобилей с распределением 11,5 тыс. и 1,4 тыс. соответственно, исходя из официальной статистики.

Даже несмотря на методы поддержки от Правительства РФ в рамках Концепции по развитию производства и использования электрического транспорта в РФ, возможно получить скидку на покупку нового электромобиля в размере 35 % от стоимости в рамках льготного кредитования, но не более чем на 925 тыс. руб. и только на электромобили, произведенные на территории страны¹⁷.

В рамках крупноузловой сборки автомобиль приезжает как сборные детали, которые требуется собрать на производстве, однако на них существует наценка от лицензиара, так как все эти детали проходят через него. В этом случае имеет место двойная наценка от непосредственных производителей деталей, которые отправляются для дооснащения в главное производство в Китае, а после этого доставляются с очередной наценкой на российское производство. Поскольку основной дорогостоящей деталью электромобиля является батарейный модуль, существенная наценка происходит именно на него, что служит причиной для экспоненциального роста стоимости конечного продукта.

Ключевым решением служит обсуждение вопроса о налаживании полного цикла производства, в рамках которого основные поставщики будут поставлять детали напрямую со своих производств, минуя головное предприятие. Это позволит снизить стоимость электромобилей, что положительно скажется на спросе, так как в основном рынок транспортных средств в России ориентирован на дешевый сегмент, в котором конкуренция невероятно высока. Люди, которые осведомлены об электромобилях, но не могли себе позволить из-за высокой стоимости продукта, смогли бы вновь рассмотреть их к покупке.

Сопутствующие положительные эффекты от развития производств полного цикла по выпуску электромобилей состоят в том, что потребуются открытие новых рабочих мест, а также расширение линейки включенных в список электромобилей для получения субсидий. Это привлекает новых игроков, которые на текущий момент в принципе не имеют производств на отечественный рынок, что скажется на экономических показателях не только автомобильной сферы, но и всей страны в целом.

Субсидированию, помимо конечного продукта, также может быть подвержена зарядная инфраструктура. На текущий момент времени, согласно государственной программе «Развитие энергетики» Правительства РФ, юридические лица могут получить субсидии на технологическое присоединение зарядок

¹⁶ Москвич. Режим доступа: <https://moskvich.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 2290-р «Об утверждении Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_393496/2cc3e7a044fad83b4255225febe023d7c743e4a0/ (дата обращения: 18.09.2024).

к электросетям¹⁸. Данная программа постоянно развивается, дополнительные регионы включаются в перечень. Следует проработать возможность предоставления вычета и для физических лиц, которые смогут устанавливать зарядные станции на своих частных домовладениях. Это позволит увеличить интерес потребителей, которые проживают в пригороде, имеют свой дом и рассматривают электромобиль к покупке с целью экономии на стоимости жидкого топлива по сравнению с электричеством.

Стоит отметить, что требуется целесообразное приведение объема средств, которые выделяются на субсидирование сегмента электротранспорта, к фактическому объему продаваемых электромобилей во избежание преждевременного прекращения программ из-за исчерпания средств [5].

Еще одной мерой поддержки может послужить программа льготного кредитования, которая заменит собой текущее выделение средств для кредитных организаций. Это подразумевало бы создание льготной ставки для увеличения и поддержания спроса на электромобили, так как, по данным Автостата, в 2023 г. доля новых автомобилей, которые брали кредитные обязательства, составила 43 % от общего числа сделок¹⁹. Это позволит увеличить спрос именно на новые электромобили, поскольку в связи с текущей экономической ситуацией процентные ставки могут достигать 30–35 % годовых и большое количество целевой аудитории не может себе позволить не только купить новое транспортное средство за наличный расчет, но и взять автомобильный кредит.

Меры, которые были рассмотрены, должны применяться не в рамках пилотных проектов на один–два года, но в средне- и долгосрочной перспективе для достижения целевых показателей по увеличению автопарка электромобилей в России до 10 % от общего числа транспорта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальные тренды государств по электрификации транспортных средств в последнее время, приобретают крупные масштабы. Большое количество инвестиций в разработку и улучшение существующих систем электромобилей автомобильных концернов, многие из которых дотируются из казны, подтверждает вектор направления новой низкоуглеродной экономики.

Однако, если брать во внимание настроения потребителей, которые осведомлены о развитии данного сегмента транспортной отрасли, множество из них все еще не готовы перейти на такой вид транспорта как в ближайшее время, так и в недалеком будущем. Сравнивая настороженность, которая касается непривлекательности для обывателя электромобиля, можно заметить, что, несмотря на различия в географическом положении, и западные, и российские потребители пока не видят необходимости в ускоренном переходе на них.

В России около половины автомобилей приобретается не на собственные средства, а в кредит, и потребители даже в этом случае рассматривают более бюджетные автомобили в основном отечественных или китайских брендов. Для стимулирования спроса и реализации задуманных целей Правительства РФ по развитию электрического транспорта требуется создать условия для появления дешевых электромобилей при помощи поддержки со стороны государства.

Этого можно достичь взаимовыгодными соглашениями с дружественными странами путем совместного создания производств полного цикла электромобилей на территории России. Это послужит фундаментом для снижения конечной стоимости транспортного средства для основных потребителей, поможет развитию регионов, в которых откроются эти производства, и экономике в целом. Важным является и тот факт, что, поскольку рынок автомобилей в сегменте эконом-класса является высококонкурентным, это привлечет новых игроков на рынок, которые принесут новшества и новые разработки.

Стоит отметить и развитие льготных программ для кредитования. Это позволит повысить интерес к продукту, переориентирует рынок на развитие новых производств, так как спрос существенно вырастет по сравнению с автомобилями с двигателем внутреннего сгорания вследствие дороговизны других кредитов. Развитие и доступность зарядной инфраструктуры для каждого из текущих или возможных владельцев электромобилей, а также возможность с помощью поддержки государства льготно установить зарядную станцию в свое частное домовладение существенно повлияют на спрос на такой транспорт.

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 321 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Энергоэффективность и развитие энергетики”». Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/91334/> (дата обращения: 18.09.2024).

¹⁹ Автостат. 43 % новых легковых автомобилей в 2023 году было продано в кредит. Режим доступа: <https://www.autostat.ru/finance/56872/> (дата обращения: 18.09.2024).

Проанализировав основные причины, которые отталкивают от выбора личного средства передвижения человека в пользу транспорта с электрической силовой установкой в России, автор делает вывод о том, что при ослаблении сдерживающих факторов путем принятия и развития предложенных мер можно достичь планов по увеличению к 2030 г. автопарка электромобилей до 1,4 млн ед., а также помочь окружающей среде быть чище.

Список литературы

1. *Барбошкина А.В., Кудрявцева О.В.* Оценка конкурентоспособности российского электромобиля как обоснование необходимости стимулирования рынка электромобилей в России. *Russian Journal of Economics and Law*. 2023;2(17):269–288. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.269-288>
2. *Фасхиев Х.А.* Газо- или электромобилизация? Россия на обочине прогресса. *ЭКО*. 2018;10(48):97–116. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-97-116>
3. *Журавлева А.* Электромобили в России: дань моде и природе или жизненная необходимость? *Энергетическая политика*. 2022;2(168):72–85. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_2168_72
4. *Пирогова С.В., Павлова А.В., Махмудов Б.Ф.* Перспективы рынка электромобилей. *Концепт*. 2017;1:133–138.
5. *Бучнев А.О., Бучнев О.А.* Особенности стимулирования внедрения электромобильного транспорта как цель государственной политики. *Государственная служба*. 2023;2(142):80–87. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-80-87>

References

1. *Baraboshkina A.V., Kudryavtseva O.V.* Assessment of competitiveness of a Russian electric car as a substantiation of the need to stimulate electric cars market in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*. 2023;2(17):269–288. (In Russian). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.269-288>
2. *Faskhiev H.A.* Gas or electric immobilization? Russia is on the sidelines of progress. *ECO*. 2018;10(48):97–116. (In Russian). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-10-97-116>
3. *Zburavleva A.* Electrical cars in Russia: a tribute to fashion and nature or a vital necessity? *Energy Policy*. 2022;2(168):72–85. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2022_2168_72
4. *Pirogova S.V., Pavlova A.V., Mahmutov B.F.* Prospects for the electric cars market. *Concept*. 2017;1:133–138. (In Russian).
5. *Buchnev A.O., Buchnev O.A.* Features of stimulating the introduction of electric vehicles as a public policy goal. *Public Administration*. 2023;2(142):80–87. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2023-25-2-80-87>

Адаптация экономики территорий опережающего социально-экономического развития в рамках формирования технологического суверенитета

Степанов Никита Сергеевич

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.

ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью адаптации территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР) к условиям беспрецедентного санкционного давления и обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. В условиях введения более 11 тыс. санкционных ограничений требуется переосмысление подходов к структурному развитию ТОСЭР. Цель исследования – разработка теоретико-методологических положений и практических рекомендаций по структурному приспособлению экономики ТОСЭР для обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. Задачи включают анализ влияния санкционного давления на технологическое развитие страны, исследование соотношения технологического и цифрового суверенитета, оценку роли институциональной среды в развитии ТОСЭР, разработку механизмов качественного преобразования инвестиционных потоков. Методология исследования базируется на системном подходе, включающем методы статистического, сравнительного и институционального анализа, а также научные положения теории Шумпетера, объясняющей рост экономики через инновации. В качестве материалов использовались исследования М.Ю. Головнина, Е.Б. Ленчук, О.С. Сухарева, и иных авторов. Результаты исследования показывают, что эффективное структурное приспособление ТОСЭР требует перехода от количественного наращивания инвестиций к их качественному распределению, формирования целостной инновационной экосистемы и обеспечения полного производственного цикла на отечественных предприятиях. Выявлена ключевая роль институциональной среды в развитии инновационного потенциала ТОСЭР.

Ключевые слова

Технологический суверенитет, территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), инновационная экосистема, санкционное давление, структурное приспособление, институциональная среда, импортозамещение, цифровой суверенитет, производственный цикл, инвестиционная политика

Для цитирования: Степанов Н.С. Адаптация экономики территорий опережающего социально-экономического развития в рамках формирования технологического суверенитета // Вестник университета. 2025. № 2. С. 144–153.

Adaptation of the economy of territories of advanced socio-economic development within the framework of technological sovereignty formation

Nikita S. Stepanov

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher

ORCID: 0000-0002-5136-8580, e-mail: stepanov720@inecon.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The relevance of the study is determined by the need to adapt the territories of advanced socio-economic development (hereinafter referred as TASED) to the conditions of unprecedented sanctions pressure and ensuring technological sovereignty of Russia. Implementation of more than 11 thousand sanctions restrictions requires a rethinking of approaches to the TASED structural development. The purpose of the study is to develop theoretical and methodological provisions and practical recommendations for structural adjustment of the economy of TASED to ensure technological sovereignty of Russia. The tasks include analyzing the impact of sanctions pressure on the country's technological development, researching the correlation between technological and digital sovereignty, assessing the institutional environment role in the TASED development, and developing mechanisms for the qualitative transformation of investment flows. The research methodology is based on the system approach, including methods of statistical, comparative, and institutional analysis, as well as scientific provisions of Schumpeter's theory, which explains economic growth through innovation. The research of M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk, O.S. Sukhareva and other authors was used as materials. The study results show that the TASED effective structural adaptation requires a transition from quantitative increase of investments to their qualitative distribution, an integral innovation ecosystem formation, and ensuring a complete production cycle at domestic enterprises. The key role of the institutional environment in the TASED innovation potential development has been revealed.

Keywords

Technological sovereignty, territories of advanced socio-economic development (TASED), innovation ecosystem, sanctions pressure, structural adjustment, institutional environment, import substitution, digital sovereignty, production cycle, investment policy

For citation: Stepanov N.S. (2025) Adaptation of the economy of territories of advanced socio-economic development within the framework of technological sovereignty formation. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 144–153.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования структурного приспособления экономики территорий опережающего социально-экономического развития (далее – ТОСЭР), или территорий опережающего развития (далее – ТОР), при формировании технологического суверенитета обусловлена современными геополитическими вызовами и необходимостью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в условиях санкционного давления [1]. В настоящее время особую значимость приобретает поиск эффективных механизмов адаптации региональных экономических систем к новым реалиям, где ключевым фактором становится достижение технологической независимости.

ТОСЭР как специальные экономические зоны с особым правовым режимом представляют собой перспективные площадки для формирования новых производственных цепочек, развития импортозамещающих производств и создания инновационных технологических решений. Структурное приспособление их экономики требует научного осмысления и разработки методологических подходов к управлению трансформационными процессами, учитывающими как глобальные тенденции технологического развития, так и специфические особенности регионов РФ.

Важность исследования также определяется необходимостью выявления оптимальных моделей взаимодействия между участниками инновационных процессов, включая государственные структуры, бизнес-сообщество и научно-образовательные организации, для обеспечения эффективного трансфера технологий и формирования устойчивых производственных кластеров. Кроме того, актуальность темы настоящего исследования усиливается в контексте реализации национальных проектов и государственных программ, направленных на технологическую модернизацию экономики и повышение конкурентоспособности отечественной продукции на мировых рынках.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

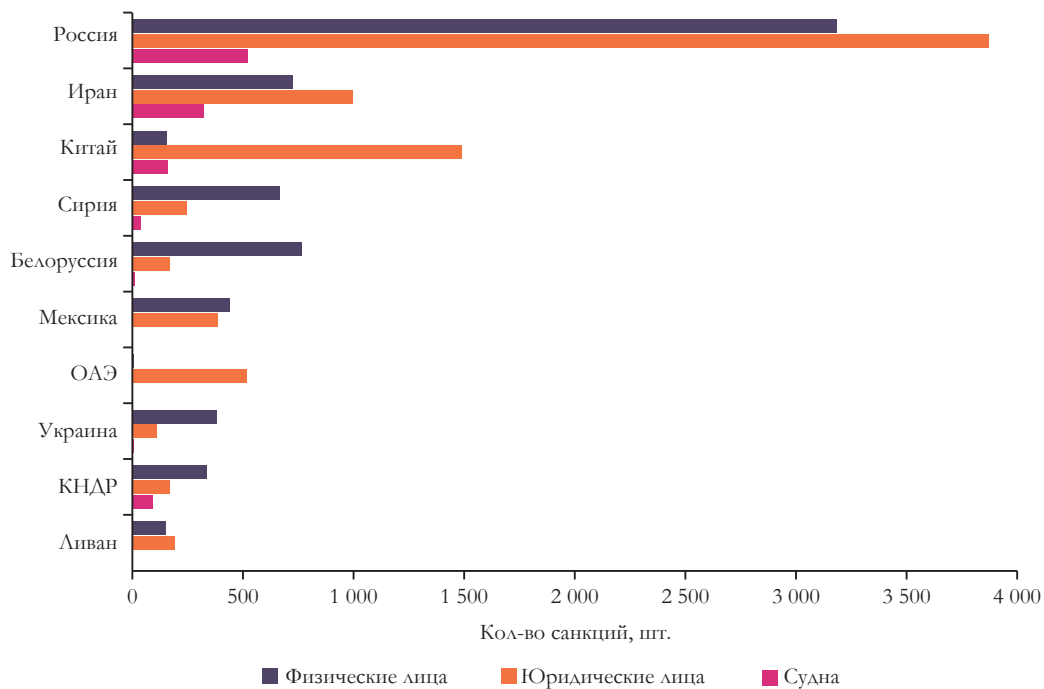
В условиях беспрецедентного санкционного давления и необходимости обеспечения технологического суверенитета России особую актуальность приобретает проблема эффективного структурного приспособления экономики ТОСЭР. Несмотря на наличие значительного числа исследований в области их технологического развития и функционирования, остается недостаточно изученным механизм их взаимной интеграции в контексте достижения технологической независимости страны. Существующий разрыв между значительными инвестициями в новые технологии и фактическим уровнем технологического развития производства наряду с проблемой искусственного разделения технологического пространства создает серьезные препятствия для достижения технологического суверенитета. При этом традиционный подход, основанный на количественном наращивании капиталовложений, демонстрирует свою неэффективность.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В первую очередь представляется необходимым проанализировать характер санкционного давления на Россию в 2022–2024 гг. Санкционная политика в отношении России претерпела радикальную трансформацию в 2022 г. До начала проведения специальной военной операции на Украине масштаб ограничительных мер составлял 2,695 тыс. санкций. Однако последующие события спровоцировали беспрецедентный рост санкционного давления: было добавлено еще 8,550 тыс. ограничений, что в совокупности привело к исторической цифре в 11 тыс. санкций.

Для понимания масштаба этого давления показательно сравнение с другими государствами, находящимися под международными санкциями. Так, Иранская Республика (далее – Иран) подвергается воздействию около 3,6 тыс. ограничительных мер, Сирийская Арабская Республика (далее – Сирия) – 2,6 тыс., а Корейская Народно-Демократическая Республика (далее – КНДР) функционирует в условиях примерно 2,05 тыс. санкций.

К 2024 г. интенсивность санкционного воздействия на Россию достигла беспрецедентного уровня, значительно превосходящего ограничительные меры, применяемые к любому другому государству в современной истории международных отношений. Представим указанные данные в виде диаграммы и проанализируем их (рисунок, табл. 1).

Примечание: ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты

Составлено автором по материалам источника¹

Рисунок. Распределение фигурантов санкций по странам и объектам

Таблица 1

Распределение фигурантов санкций по странам и объектам

Страны	Физические лица	Юридические лица	Судна
Россия	3 183	3 873	523
Иран	726	996	323
Китай	154	1 488	160
Сирия	665	245	39
Белоруссия	768	170	10
Мексика	439	387	0
ОАЭ	5	519	0
Украина	380	113	9
КНДР	227	170	92
Ливан	153	190	0

Примечание: ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты

Составлено автором по материалам источника²

Общее количество санкций против России составляет 7,579 тыс. ограничений, что значительно превышает показатели Ирана (2,045 тыс.) и Китая (1,802 тыс.).

Санкционный режим охватывает три ключевых направления – персональные ограничения (3,183 тыс. – физические лица), корпоративные санкции (3,873 тыс. – организации) и ограничения в морском секторе (523 – судна). По всем этим параметрам Россия значительно опережает другие страны: например, в сфере персональных санкций показатель в четыре раза выше, чем у Белоруссии, а по корпоративным ограничениям – почти втрое больше, чем у Китая.

Отличительной особенностью российского случая является комплексный характер санкционного воздействия с относительно равномерным распределением ограничений между различными категориями в отличие от других стран, где санкции сконцентрированы в определенных секторах.

¹ Санкции против России: актуальная статистика. Режим доступа: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения: 11.11.2024).

² Там же.

Далее представляется необходимым проанализировать содержание термина «технологический суверенитет». Концепция технологического суверенитета, представленная в Концепции технологического развития РФ на период до 2030 г., раскрывает комплексное видение национальной технологической независимости³. Ее ключевым аспектом выступает не просто обладание передовыми и системообразующими технологиями, но и полноценный контроль над ними со стороны государства, включая весь производственный цикл. Существенно важно, что данный подход направлен на достижение стратегических национальных приоритетов и защиту государственных интересов.

Е.Б. Ленчук и В.И. Филатов в рамках своего исследования утверждают, что особенность современного понимания технологического суверенитета заключается в его всеобъемлющем характере [2]. Акцент делается на создании целостной инновационной экосистемы, где разработка технологий неразрывно связана с их промышленным внедрением и масштабированием. Инновационный процесс рассматривается в расширенном формате, охватывая не только создание и вывод продукта на рынок, но и последующие стадии его рыночного существования вплоть до естественного завершения жизненного цикла.

Согласно исследованиям М.А. Юревича, реализация технологического суверенитета предполагает выход за рамки чисто исследовательской деятельности [3]. Принципиально важным становится обеспечение полного производственного цикла на отечественных предприятиях с ориентацией на создание конкурентоспособной продукции, способной успешно функционировать как минимум на внутреннем рынке. Для достижения этих целей предполагается использование проектного управления как основного инструмента формирования самодостаточных производственных цепочек в современных условиях.

О.С. Сухарев разделяет точку зрения М.А. Юревича, утверждая, что достижение технологической независимости представляет собой комплексную задачу, выходящую за рамки простого импортозамещения в технологической сфере [4]. Первостепенное значение приобретают восстановление и модернизация собственной технологической инфраструктуры страны. При этом критически важным становится решение фундаментальных проблем, которые на протяжении длительного времени препятствуют технологическому прогрессу российской экономики.

Среди ключевых барьеров технологического развития выделяются несколько системных проблем [5]. Во-первых, это искусственное разделение технологического пространства, создающее иллюзию технологического дуализма. Во-вторых, наблюдается парадоксальная ситуация, когда значительные инвестиции в новые технологии не приводят к соответствующему росту технологического уровня производства. В-третьих, существует проблема недостаточного развития экономики, основанной на знаниях. Наконец, текущая конфигурация технологических укладов демонстрирует низкую эффективность.

Примечательно, что традиционный подход к решению этих проблем через наращивание объема капиталовложений до уровня сбережений является ошибочным [6]. Определяющим фактором устойчивого экономического роста выступает не количественный показатель инвестиций, но их качественное распределение по различным направлениям технологического развития. Таким образом, акцент должен быть сделан на оптимизации структуры инвестиционных потоков, а не на их валовом увеличении.

Среди ключевых барьеров технологического развития выделяются технологический и цифровой суверенитеты [7]. Цифровой суверенитет фокусируется на специфическом комплексе вызовов, среди которых выделяются проблемы утраты контроля над информационными потоками, обеспечения безопасности в киберпространстве, конкуренции в сфере цифровых государственных сервисов, а также защиты демократических принципов и гражданских свобод в цифровую эпоху.

Технологический суверенитет представляет собой более широкое понятие, которое, хотя и включает аспекты цифрового суверенитета, концентрируется на обеспечении автономности в области критически важных технологий. Особое значение приобретает независимость в стратегически значимых секторах экономики, таких как оборонно-промышленный комплекс и телекоммуникационная сфера. Кроме того, технологический суверенитет охватывает перспективные направления технологического развития, в частности системы искусственного интеллекта и технологии Интернета вещей, которые будут определять конкурентоспособность государств в будущем. Таким образом, если цифровой суверенитет сосредоточен преимущественно на информационно-цифровых аспектах, то технологический затрагивает более фундаментальные вопросы технологической независимости страны в широком спектре стратегических направлений.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/KIJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

Исследователи утверждают, что в текущих экономических реалиях ключевым драйвером развития становится не количественное увеличение инвестиций, но качественное преобразование экономики через инновационные процессы [8]. Инновационная деятельность, стимулируя технологические преобразования и структурную модернизацию, выступает определяющим фактором роста общей производительности экономической системы, что подтверждается как исследованиями Н.В. Смородинской и ее коллег, так и работами М.Г. Расселла [9; 10].

Следует подчеркнуть, что потенциал инновационного развития находится в прямой зависимости от качественных характеристик институциональной архитектуры общества. Институциональное пространство, представляющее собой сложную систему формальных и неформальных правил, включая организационные структуры, играет определяющую роль в формировании экономических результатов. Современная экономика, будучи динамичной и многоаспектной системой, все больше опирается на внутренние источники роста, эффективность которых напрямую связана с институциональной средой.

Особую значимость приобретает тот факт, что именно качество институциональной инфраструктуры определяет возможности создания и развития эффективных инновационных систем. Эти системы выполняют критически важную функцию интеграции различных элементов инновационного процесса от генерации новых знаний и разработки передовых технологий до их практического внедрения в производственные процессы. Таким образом, институциональная среда становится фундаментальным условием успешной реализации инновационного потенциала экономики.

Достижение устойчивого экономического роста в регионах РФ неразрывно связано с двумя взаимодополняющими процессами – совершенствованием институциональной структуры и уменьшением межрегиональных диспропорций [11]. В этом контексте особую значимость приобретают специализированные институты развития, зарекомендовавшие себя как действенный механизм реализации данных задач.

Правительство РФ, осознавая стратегическую важность этого инструментария, инициировало создание разветвленной сети институтов развития на региональном уровне. Современная архитектура таких институтов включает различные организационные формы от особых экономических зон (далее – ОЭЗ) и ТОСЭР до технологических и промышленных парковых структур. Важными элементами этой системы выступают региональные бизнес-ассоциации и территориальные представительства федеральных институтов развития.

ТОСЭР представляют собой особый институциональный механизм, законодательно закрепленный Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации»⁴. Суть данного механизма заключается в создании специальных территориальных образований в пределах регионов РФ, где действует особый правовой режим осуществления экономической деятельности, направленный на стимулирование инвестиционной активности, ускорение социально-экономической динамики и улучшение качества жизни населения.

С юридической точки зрения ТОСЭР представляют собой уникальные территориальные образования, функционирующие в особом правовом поле, отличном от общенационального экономического законодательства [12]. Эти точечно создаваемые экономические зоны характеризуются повышенной привлекательностью для бизнеса благодаря специально разработанной системе преференций.

В научной литературе существуют различные подходы к определению сущности ТОСЭР. Так, С.В. Шаров рассматривает их как географически локализованные территории с особым режимом налогообложения и таможенного регулирования, дополненным иными льготными условиями ведения бизнеса [13]. В более широком контексте ТОСЭР можно охарактеризовать как специфические экономические пространства, где действуют особые правила хозяйственной деятельности, отличающиеся от общенациональных норм.

Важно отметить целевую направленность ТОСЭР на развитие приоритетных секторов экономики через систему специальных стимулов и преференций для хозяйствующих субъектов. При этом локальный характер применения данных инструментов позволяет рассматривать их как эффективный механизм реализации политики регионального развития.

Акцентируем внимание на функциях ТОСЭР. Они выполняют широкий спектр стратегических функций, направленных на комплексное развитие регионов [14].

1. В социальной сфере ТОСЭР способствуют решению проблемы занятости, особенно в регионах с высоким уровнем структурной безработицы, что одновременно позволяет оптимизировать бюджетные расходы на социальную поддержку безработных граждан.

⁴ Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 11.11.2024).

2. В экономическом аспекте эти территории выступают катализатором структурных преобразований региональной экономики, способствуя преодолению монопрофильности производства и стимулируя рост валового регионального продукта. Важным направлением является формирование кооперационных связей с предприятиями за пределами ТОСЭР, что создает мультипликативный эффект для развития всего региона.

3. В инновационно-технологической сфере ТОСЭР становятся площадками для разработки и внедрения передовых технических решений, способствуя повышению конкурентоспособности производимой продукции и оказываемых услуг. Особое внимание уделяется развитию экспортного потенциала и модернизации существующей промышленной инфраструктуры.

4. Отдельное направление связано с рациональным природопользованием. ТОСЭР способствуют эффективному освоению природных ресурсов при соблюдении экологического баланса и развитию региональной инфраструктуры.

ТОСЭР выступают комплексным инструментом территориального развития, охватывающим социальные, экономические и экологические аспекты.

На сегодняшний день их деятельность можно представить следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Территории опережающего развития в 2024 г.

Территории опережающего развития	Резиденты, чел.	Инвестиции, млрд. руб.	Рабочие места, ед.	Специализация	Якорные резиденты
ТОР Амуро-Хинганская	8	39,14	2 617	– сельское хозяйство; – пищевая промышленность; – логистика	– ООО «Биробиджанский завод металлоконструкций»; – ООО «Дальграфит»
ТОР Бурятия	16	24,09	1 775	– сельское хозяйство; – деревопереработка; – туристический кластер	–
ТОР Краснокаменск	6	14,74	1 292	–	–
ТОР Приморье	118	228,17	18 152	– логистика; – промышленность	–
ТОР Южная Якутия	19	121,06	9 956	– добыча полезных ископаемых; – горнодобыча	АО «Горно-обогатительный комплекс «Денисовский»
ТОР Сахалин	60	182,17	6 379	– туристический кластер; – рекреация; – сельское хозяйство	–

Примечание: ООО – общество с ограниченной ответственностью, АО – акционерное общество

Составлено автором по материалам источника⁵

Наиболее крупной по количеству резидентов является ТОР «Приморье» со 118 компаниями-резидентами, которая специализируется на логистике и промышленности. Она также лидирует по объему привлеченных инвестиций (228,17 млрд руб.) и количеству созданных рабочих мест (18,152 тыс.).

Второе место по масштабу деятельности занимает ТОР «Сахалин» с 60 резидентами и объемом инвестиций в 182,17 млрд руб. Эта территория ориентирована на развитие туристического кластера, рекреации и сельского хозяйства, обеспечивая создание 6,379 тыс. рабочих мест.

ТОР «Южная Якутия», специализирующаяся на добыче полезных ископаемых и горнодобыче, привлекла 121,06 млрд руб. инвестиций при 19 резидентах и создала 9,956 тыс. рабочих мест. Ключевым якорным резидентом выступает акционерное общество «Горно-обогатительный комплекс «Денисовский».

ТОР «Бурятия» с 16 резидентами развивает сельское хозяйство, деревопереработку и туристический кластер, привлекая 24,09 млрд руб. инвестиций и создавая 1,775 тыс. рабочих мест.

⁵ Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. Территории опережающего развития. Режим доступа: <https://erdc.ru/about-tor/> (дата обращения: 11.11.2024).

ТОР «Амуро-Хинганская» имеет 8 резидентов, включая якорных резидентов – общества с ограниченной ответственностью «Биробиджанский завод металлоконструкций» и «Дальграфит». Территория специализируется на сельском хозяйстве, пищевой промышленности и логистике, привлекая 39,14 млрд руб. инвестиций и создавая 2,617 тыс. рабочих мест.

Наименьшие показатели у ТОР «Краснокаменск» с 6 резидентами, 14,74 млрд руб. инвестиций и 1,292 тыс. рабочими местами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структурное приспособление ТОСЭР при формировании технологического суверенитета России должно осуществляться следующим образом. Первоочередной задачей является создание комплексной инновационной экосистемы в рамках ТОСЭР, где разработка технологий будет неразрывно связана с их промышленным внедрением и масштабированием. Необходимо обеспечить полный производственный цикл на отечественных предприятиях с акцентом на создание конкурентоспособной продукции, способной успешно функционировать как минимум на внутреннем рынке.

Важным аспектом является модернизация институциональной инфраструктуры ТОСЭР, включая создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными структурами, бизнес-сообществом и научно-образовательными организациями. Особое внимание следует уделить формированию специализированных институтов развития, которые будут способствовать трансферу технологий и формированию устойчивых производственных кластеров. Структурное приспособление должно включать оптимизацию инвестиционных потоков, где акцент делается не на количественном увеличении инвестиций, но на их качественном распределении по различным направлениям технологического развития. При этом необходимо учитывать специфику каждой территории и ее потенциал в развитии определенных технологических направлений.

Стоит рассмотреть такой пункт, как развитие стратегически важных секторов экономики, например, оборонно-промышленного комплекса и телекоммуникационной сферы. Необходимо развивать перспективные направления, включая системы искусственного интеллекта и технологии Интернета вещей.

Еще одним значимым элементом структурного приспособления является формирование кооперационных связей между резидентами ТОСЭР и предприятиями за их пределами, что создаст мультипликативный эффект для развития всего региона. При этом стоит обеспечить баланс между социальными задачами (создание рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры) и экономической эффективностью.

Реализация данных мер должна осуществляться с учетом особого правового режима ТОСЭР и существующей системы преференций, что позволит максимально эффективно использовать имеющиеся инструменты для достижения технологического суверенитета России.

ВЫВОДЫ

Исследование показало, что структурное приспособление ТОСЭР при формировании технологического суверенитета России требует комплексного подхода, учитывающего как институциональные, так и технологические аспекты развития. Выявлено, что ключевым фактором успеха является не просто наличие технологий, но обеспечение полного контроля над производственным циклом со стороны государства. Установлено, что современное понимание технологического суверенитета имеет всеобъемлющий характер и требует создания целостной инновационной экосистемы, где разработка технологий неразрывно связана с их промышленным внедрением и масштабированием. При этом важно отметить, что простое наращивание объема инвестиций не является эффективным решением – определяющим фактором выступает их качественное распределение по различным направлениям технологического развития.

Автор выявил существенное различие между технологическим и цифровым суверенитетом, где последний является более узким понятием, фокусирующимся на информационно-цифровых аспектах, в то время как технологический суверенитет охватывает более широкий спектр стратегических направлений развития. В ходе анализа ТОСЭР как инструмента достижения технологического суверенитета выявлена их многофункциональность от решения социальных задач до стимулирования инновационного развития. Особенно важным результатом является понимание роли ТОСЭР как катализатора структурных преобразований региональной экономики, способствующего преодолению монопрофильности производства и формированию кооперационных связей.

Практический анализ действующих ТОСЭР показал их значительный потенциал в привлечении инвестиций и создании рабочих мест, что подтверждается конкретными примерами успешного функционирования различных территорий с разной отраслевой специализацией. При этом выявлена необходимость дальнейшего совершенствования институциональной среды для повышения эффективности их работы и достижения целей технологического суверенитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование структурного приспособления экономики ТОСЭР при формировании технологического суверенитета России выявило комплексный характер данной проблематики. Установлено, что ТОСЭР являются эффективным инструментом достижения технологической независимости страны, обладая необходимым потенциалом для формирования новых производственных цепочек и развития импортозамещающих производств.

Структурное приспособление экономики ТОСЭР при формировании технологического суверенитета требует реализации следующих мероприятий:

- создание инновационной экосистемы ТОСЭР – обеспечение полного производственного цикла, фокус на конкурентоспособную продукцию, ориентация на внутренний рынок;
- модернизация институциональной инфраструктуры – налаживание взаимодействия между государством, бизнесом и наукой, создание институтов развития, поддержка трансфера технологий;
- оптимизация инвестиций – качественное распределение инвестиционных потоков, учет специфики территорий, фокус на технологическое развитие;
- развитие приоритетных секторов – оборонно-промышленный комплекс, телекоммуникационная сфера, искусственный интеллект, Интернет вещей;
- формирование кооперационных связей – взаимодействие резидентов ТОСЭР с внешними предприятиями, баланс социальных и экономических задач, развитие региона в целом.

Дальнейшие направления исследования должны концентрироваться на следующих аспектах:

- разработка методологии оценки эффективности ТОСЭР в контексте достижения технологического суверенитета;
- исследование механизмов интеграции ТОСЭР в глобальные цепочки создания стоимости при сохранении технологической независимости;
- изучение возможностей формирования межрегиональных технологических кластеров на базе ТОСЭР;
- анализ влияния цифровой трансформации на развитие ТОСЭР и формирование технологического суверенитета;
- исследование роли государственно-частного партнерства в развитии инновационной инфраструктуры ТОСЭР.

Реализация данных направлений исследования позволит существенно углубить понимание процессов структурного приспособления ТОСЭР и разработать более эффективные механизмы достижения технологического суверенитета России.

Список литературы

1. Головин М.Ю., Ленчук Е.Б. (ред.) Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию. М.: Институт экономики РАН; 2023. 132 с.
2. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024;3:68–81.
3. Юревич М.А. Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения. Вопросы теоретической экономики. 2023;4:7–21.
4. Сухарев О.С. Технологический суверенитет: решения на макроэкономическом и отраслевом уровне. Микроэкономика. 2023;2:19–33.
5. Шузуров М.В., Васильев А.А. Международные санкционные барьеры на пути развития науки и международного научно-технологического сотрудничества: политико-правовой аспект. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023;1:6–34.
6. Блинкова С.А., Разумовская Е.М., Веллева К.С. Развитие инновационных секторов в России и за рубежом. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024;6:235–244.

7. Степанов Н.С. Формирование политики технологического суверенитета на территориях опережающего социально-экономического развития с помощью привлечения частного и государственного капитала. Вестник университета. 2024;1:132–139.
8. Степанов Н.С. Институты развития как фактор повышения качества институциональной среды. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021;4:95–108.
9. Смородинская Н.В., Катков Д.Д., Малыгин В.Е. Шумпетерианская теория роста в контексте перехода экономических систем к инновационному развитию. Journal of Institutional Studies. 2019;2:60–78.
10. Russell M.G., Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystemic innovation. Technological Forecasting and Social Change. 2018;136:114–131.
11. Степанов Н.С. Институты развития регионального управления новой модели экономического роста (территории опережающего развития, территории опережающего социально-экономического развития). Вестник университета. 2023;1:106–113.
12. Степанов Н.С. Функции территорий опережающего социально-экономического развития по привлечению частного капитала в условиях формирования новой модели экономического роста. Вестник университета. 2022;5:177–185.
13. Шаров С.В. Региональный опыт формирования территорий опережающего развития. Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: экономика и управление. 2020;16:102–104.
14. Сафиуллин Р.Г., Тагирова Э.И. Проблемы и перспективы развития территорий опережающего социально-экономического развития в Республике Башкортостан. Фундаментальные исследования. 2021;6:81–86.

References

1. Golovnin M.Yu., Lenchuk E.B. (eds.) Russian economy in the context of new challenges: from adaptation to development. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2023. 132 p. (In Russian).
2. Lenchuk E.B., Filatov V.I. Technological Sovereignty Projects as a Tool for Innovative Development of the Russian Economy. Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2024;3:68–81. (In Russian).
3. Yurevich M.A. Technological sovereignty of Russia: concept, measurement, and possibility of achievement. Voprosy teoreticheskoi ekonomiki. 2023;4:7–21. (In Russian).
4. Sukharev O.S. Technological sovereignty: solutions at the macroeconomic and industry level. Microeconomics. 2023;2:19–33. (In Russian).
5. Shugurov M.V., Vasiliev A.A. International sanction barriers to the development of science and international scientific and technological cooperation: political-legal aspect. Outlines of global transformations: politics, economics, law. 2023;1:6–34. (In Russian).
6. Blinkova S.A., Razumovskaya E.M., Velyaeva K.S. Development of innovative sectors in Russia and abroad. Humanities, social-economic and social sciences. 2024;6:235–244. (In Russian).
7. Stepanov N.S. Formation of a policy of technological sovereignty in the territories of advanced socio-economic development by attracting private and public capital. Vestnik universiteta. 2024;1:132–139. (In Russian).
8. Stepanov N.S. Development institutions as a factor of improving the quality of the institutional environment. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021;4:95–108. (In Russian).
9. Smorodinskaya N.V., Katkov D.D., Malugin V.E. Schumpeterian growth theory in the context of the innovation-led transition of economies. Journal of Institutional Studies. 2019;2:60–78. (In Russian).
10. Russell M.G., Smorodinskaya N.V. Leveraging complexity for ecosystem innovation. Technological Forecasting and Social Change. 2018;136:114–131.
11. Stepanov N.S. Institutes for the new model of economic growth regional management development (territories of advanced development, territories of advanced social and economic development). Vestnik universiteta. 2023;1:106–113. (In Russian).
12. Stepanov N.S. The functions of territories of advanced socio-economic development to attract private capital in the context of the formation of a new model of economic growth. Vestnik universiteta. 2022;5:177–185. (In Russian).
13. Sharov S.V. Regional experience of formation territories of advanced development. Bulletin of the Central Russian University Educational Consortium. Economics and Management. 2020;16:102–104. (In Russian).
14. Safiullin R.G., Tagirova E.I. Problems and prospects of development of territories of advanced socio-economic development in the Republic of Bashkortostan. Fundamental Research. 2021;6:81–86. (In Russian).

Влияние цифровизации на логистические затраты компаний

Фролкин Сергей Александрович

Аспирант

ORCID: 0009-0004-7566-5629, e-mail: fsa.81@mail.ru

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Россия

Аннотация

Цифровизация представляет собой ключевой фактор в современном экономическом развитии, оказывая значительное влияние на разные отрасли, включая логистику. В условиях растущей необходимости оптимизации бизнес-процессов и снижения затрат цифровизация становится особенно актуальной. Рассмотрены различные определения термина «цифровизация» с целью выбора наиболее подходящего для анализа ее влияния на логистику и экономику компаний. Подчеркнуто, что цифровизация в логистике, включая внедрение электронного документооборота и современных информационных технологий, способствует значительному снижению операционных расходов, ускорению процессов и минимизации рисков. Проанализировано текущее влияние логистики на расходы компаний в условиях экономической нестабильности, что подчеркивает возрастающую роль цифровых технологий в повышении конкурентоспособности и эффективности бизнеса. Цель исследования – дать авторское определение цифровизации в логистической сфере, определить ее роль в процессах, происходящих в отрасли, отразить влияние этих процессов на затраты предприятий. Методом системного анализа научных источников и нормативных документов, регулирующих сферу цифровизации, исследованы тенденции цифровой трансформации компаний в сфере логистики, которые актуальны и на сегодняшний день. Гипотеза исследования заключается в том, что выбор определения цифровизации, которое охватывает не только технологические аспекты, но и управленческие решения, позволит точнее оценить ее влияние на экономику и эффективность предприятий. Подчеркнута необходимость продолжения инвестиций в цифровизацию для успешного ведения бизнеса в современных условиях.

Ключевые слова

Цифровизация, логистика, операционные расходы, экономическая эффективность, электронный документооборот, управленческие решения, оптимизация затрат

Для цитирования: Фролкин С.А. Влияние цифровизации на логистические затраты компаний // Вестник университета. 2025. № 2. С. 154–166.

The impact of digitalization on logistics costs of companies

Sergey A. Frolkin

Postgraduate Student

ORCID: 0009-0004-7566-5629, e-mail: fsa.81@mail.ru

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Abstract

Digitalization is a key factor in today's economic development, with a significant impact on various industries, including logistics. With the growing need to optimize business processes and reduce costs, digitalization becomes particularly relevant. Various definitions of the term "digitalization" have been considered in order to choose the most appropriate one for analyzing its impact on logistics and companies' economy. It has been emphasized that digitalization in logistics, including implementation of electronic document management and modern information technologies, contributes to a significant reduction in operating costs, process acceleration, and risk minimization. The current impact of logistics on companies' costs in conditions of economic instability has been analyzed, which emphasizes the increasing role of digital technologies in improving competitiveness and business efficiency. The purpose of the study is to give the author's definition of digitalization in the logistics sphere, to determine its role in the processes occurring in the industry, and to reflect the impact of these processes on companies' costs. Using the method of systematic analysis of scientific sources and regulatory documents governing the sphere, the trends of digital transformation of companies in the field of logistics, which are relevant today, have been investigated. The hypothesis of the study is that the choice of the digitalization definition, which covers not only technological aspects, but also management decisions, will allow a more accurate assessment of its impact on economy and efficiency of enterprises. The necessity of continued investment in digitalization for successful business in the current environment has been emphasized.

Keywords

Digitalization, logistics, operational costs, economic efficiency, electronic document management, management decisions, cost optimization

For citation: Frolkin S.A. (2025) The impact of digitalization on logistics costs of companies. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 154–166.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация играет ключевую роль в современном экономическом развитии, но в научных и практических кругах до сих пор не существует единого, общепринятого определения этого термина. Это вызывает значительные трудности в понимании и применении цифровизации, особенно в таких важных отраслях, как логистика, где ее влияние на операционные процессы и затраты компаний очевидно. В статье исследован широкий спектр определений цифровизации, чтобы выбрать наиболее подходящее для анализа в экономическом и финансовом контексте. Это особенно важно для понимания того, как цифровизация влияет на снижение логистических расходов и повышение эффективности компаний.

Цель настоящего исследования – определить наиболее подходящее в контексте логистики понятие цифровизации, продемонстрировать, как цифровизация, включающая управленческие решения и применение современных технологий, может преобразовать логистические процессы, показать, что логистика является одной из наиболее цифровизированных областей бизнеса и в условиях больших расстояний и разнообразных инфраструктурных вызовов, с которыми сталкиваются российские компании, именно цифровизация позволяет находить новые, более эффективные решения, а также отразить влияние этих процессов на затраты предприятий.

Гипотеза исследования заключается в том, что выбор определения цифровизации, которое охватывает не только технологические аспекты, но и управленческие решения, позволит точнее оценить ее влияние на экономику и эффективность предприятий. Пример логистики показывает, как внедрение электронного документооборота и других цифровых систем позволяет существенно снизить затраты, ускорить процессы и минимизировать риски. В условиях текущих мировых потрясений и экономической неопределенности влияние цифровизации на расходы компаний будет только возрастать, и ее роль в оптимизации логистических процессов станет еще более значимой.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Объект исследования – цифровизация в логистической отрасли.

Методы исследования – индикативный и метод системного анализа.

Работы отечественных ученых послужили теоретической и методологической базой для исследования процессов цифровизации в области логистических процессов, в том числе с использованием методов сравнения и применения различных инструментов аналитического анализа. Логическое обобщение научной литературы по теме исследования позволило систематизировать и обозначить основные тенденции развития цифровой инфраструктуры в сфере логистики.

ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «ЦИФРОВИЗАЦИЯ»

Цифровизация представляет собой многогранное и сложное понятие, активно исследуемое в различных научных и прикладных областях. В условиях широкого распространения термина и разнообразия интерпретаций, представленных различными авторами, возникает необходимость выбора конкретного определения, которое будет служить теоретической основой для настоящего исследования. Это особенно важно, поскольку неопределенность в значении термина может приводить к многочисленным разночтениям и затруднять интерпретацию и применение результатов исследования. Правильный выбор определения цифровизации необходим для упрощения дальнейшего анализа и обеспечения согласованности в трактовке и применении концепции.

Существующая литература подчеркивает, что до сих пор не существует единообразного и общепринятого определения термина «цифровизация». Например, в научных трудах Н.Н. Мещеряковой, Е.Н. Роготневой и О.Н. Миркиной отмечается, что проблема отсутствия единого определения затрудняет изучение и применение цифровизации [1; 2]. Это подчеркивает необходимость детального рассмотрения существующих дефиниций и выбора наиболее подходящей для конкретного исследования. Отсутствие четкого определения создает трудности в интерпретации результатов и применении концепции в различных контекстах, таких как экономика и финансы, где цифровизация оказывает значительное влияние на операционные процессы и стратегическое управление. Проведем сравнительный анализ термина цифровизация (табл. 1).

Таблица 1

Определение термина «цифровизация»

Автор	Определение
С точки зрения экономической системы	
С.С. Хомякова [3]	Процесс, направленный на улучшение качества жизни общества и экономической системы
А.В. Бабкин, Д.А. Лебедев [4]	Тип экономики, основанный на практическом использовании новых цифровых технологий сбора, хранения, обработки, передачи информации, заключенный в сложную систему социально-экономических и организационно-технических отношений
Р. Амит [5]	Одна из наиболее значимых трансформаций современного общества, переход от «аналоговой» формы к «цифровой»
Чжао Ж. [6]	Непрерывный процесс мультимодального внедрения цифровых технологий, которые коренным образом меняют процессы создания, планирования, проектирования, развертывания и эксплуатации сервисов государственного и частного сектора, делая их персонализированными, безбумажными, безналичными, устраняя требования физического присутствия
Е.А. Герман [7]	Преобразование рабочих процессов в цифровой формат для того, чтобы повысить эффективность различных организаций, а также улучшить качество услуг
О.В. Катаева [8]	Преобразование информации в цифровую форму, которое в дальнейшем приводит к оптимизации издержек, появлению новых перспектив развития
Е.А. Вартанова, М.И. Максеенко [9]	Использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы от отдельных людей до крупных компаний и государств
М.Н. Кондратьева, А.В. Комахина [10]	Процесс перехода на цифровые технологии, распространяющийся на все сферы жизни общества
В.И. Абрамов, И.В. Абрамов, А.В. Путилов, И. Трушина [11]	Преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей и т.д.
П.А. Прохоренков, П.И. Комаров, Г.А. Хроменкова, Г.З. Тищенко [12]	Этап развития, при котором обработанные данные используются для оптимизации и ускорения хозяйственных процессов, своевременного и достоверного отражения фактов хозяйственной жизни
Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» ¹	Хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг
О.А. Соленая, А.А. Яковлева [13]	Процесс, подход, совокупность действий, комплексное решение, оцифровка данных и концепция, при которой важно учитывать, что цифровизация – это не отдельный процесс внедрения цифровых технологий, но колоссальное изменение всех сфер государственного устройства, требующее выработанной стратегии, просчитанной тактики
С точки зрения преобразования предприятий	
А. Герасимова, Н.В. Москвитина [14]	Создание и применение современных систем, технологий и инструментов для повышения эффективности управленческих решений и предлагаемых услуг
Т.Ф. Кузнецова [15]	Процесс преобразования уже существующих предприятий с помощью информационных технологий
И.Ю. Мерзлов [16]	Процесс внедрения цифровых технологий и инструментов в бизнес-процессы организации с целью повышения ее эффективности и конкурентоспособности

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420397755?section=status> (дата обращения: 26.08.2024).

Автор	Определение
Е.А. Нигай [17]	Процесс совершенствования внутренних операционных процессов, повышения эффективности управления, укрепления взаимоотношений с клиентами и партнерами, а также формирования прогрессивной инфраструктуры, направленной на развитие инновационных бизнес-моделей и цифровых бизнес-экосистем
Компания Gartner ²	Трансформация аналогового бизнес-процесса в цифровой без внедрения существенных изменений в структуру бизнес-процесса
Х. Кинг [18]	Глобальные преобразования бизнеса, охватывающие весь комплекс функций предприятия от автоматизации закупочной деятельности до продаж и маркетинга, – оказывающие влияние как на трансформацию операционной модели, так и на инфраструктуру организации, основывающиеся на цифровых технологиях
В. Меспорян [19]	Цифровые платформы служат катализатором революционных преобразований бизнес-моделей, что обеспечивает кардинальный рост размеров рынка и конкурентных позиций предприятий
О.А. Зверева [20]	Экосистема организации, включающая сотрудников, клиентов, поставщиков и партнеров, претерпевает непрерывную трансформацию, базирующуюся на передовых технологиях ведения бизнеса и ориентированную либо на оптимизацию существующей бизнес-модели и процессов для получения дополнительных источников прибыли, либо на замену своей бизнес-модели на более совершенную
А.В. Жерегеля [21]	Качественное изменение стратегии и бизнес-процессов предприятия под влиянием масштабной цифровой трансформации
В.А. Черкасова, Г.А. Слепушенко [22]	Программное обеспечение и «умные» системы контроля, тщательная подготовка работы, которая позволит оптимизировать и ускорить производственные операции
А.А. Афанасьев [23]	Совокупность существенных сдвигов в элементах производительных сил в ходе технологического развития, имеющих своим результатом качественные изменения как в бизнес-процессах, так и в способах осуществления экономической деятельности (то есть в бизнес-моделях), приводящих к значительным социально-экономическим эффектам
Исследователи Брукингского Института [24]	Процесс использования цифровых технологий и информации для трансформации бизнес-операций
С точки зрения логистики	
В.В. Негреева, А.А. Замятина, Д.К. Шпакович, А.Д. Шаронова [25]	Процесс внедрения цифровых технологий и инноваций для оптимизации и автоматизации логистических операций и процессов
В.С. Даниленко [26]	Процесс, необходимый для снижения доли логистических издержек в конечной стоимости продукта
М.К. Ценжарик, Ю.В. Крылова, В.И. Степенко [27]	Цифровые решения с целью оптимизации и снижения логистических затрат
А.В. Дмитриев [28]	Применение цифровых инструментов и технологических решений в целях автоматизации и оптимизации логистических процессов
С.В. Шайтура, П.А. Замятин, А.П. Белю, Н.А. Султаева [29]	Развитие внутренних аспектов компании, включая внедрение в деятельность предприятия программ, устройств
А.И. Маткаримов [30]	Применение цифровых технологий в логистике для повышения эффективности и прозрачности логистических процессов
Д.М. Пулатходжаева [31], В.Л. Васеленок, А.И. Круглова, Е.И. Алексапкина, В.В. Негреева [33]	Поиск, хранение и способ передачи информации, а также цифровые технологии, обеспечивающие выявление и прогнозирование потребностей, оптимизацию маршрутов, направлений материальных и информационных потоков, в том числе сокращения времени существования в цепях поставок
Г.Г. Головенчик, Е.Г. Господарик, А.А. Королева [32]	Процессы интеграции национальных рынков товаров, услуг, капитала, труда, инноваций с помощью новых технологий цифровизации (сети, маркетплейсы, цифровые платформы)

Составлено автором по материалам исследования

² Gartner. Режим доступа: <https://archive.org/details/gartner-glossary/0000/unse> (дата обращения: 26.08.2024).

Данные трактовки определяют многогранность термина «цифровизация». На основе их анализа автор определяет цифровизацию в логистике через призму развития управленческих аспектов, которые имеют ключевое значение для экономической эффективности предприятий. Цифровизация логистической системы представляет собой совокупность методов и процессов использования цифровых технологических инструментов в логистические процессы с участием органов государственной власти и частных компаний. Это определение охватывает как технологические, так и управленческие аспекты, что важно для оценки влияния цифровизации на экономическую эффективность предприятий. Оно позволяет учесть не только внедрение новых технологий, но и их интеграцию в процессы управления, что существенно для комплексного анализа влияния цифровизации на бизнес-процессы.

В целом выбор правильного определения цифровизации играет критическую роль в проведении исследования и интерпретации его результатов. Без четкого и обоснованного определения термина могут возникнуть трудности в проведении анализа и разработке рекомендаций. Это подчеркивает необходимость тщательного выбора для обеспечения согласованности и точности исследования. Понимание цифровизации как процесса, включающего как технологические, так и управленческие аспекты, позволяет более глубоко исследовать ее влияние на бизнес-процессы и выявить ключевые факторы, способствующие повышению эффективности и конкурентоспособности предприятий. Внедрение цифровых технологий в управленческие процессы предоставляет новые возможности для оптимизации и улучшения бизнес-процессов, что делает понимание и правильное применение термина «цифровизация» важным аспектом успешного управления современными организациями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Если исходить из выбранного нами определения цифровизации, которое включает не только внедрение современных технологий, но и использование их для повышения эффективности управленческих решений, становится очевидно, что логистика занимает лидирующие позиции в процессе цифровой трансформации бизнеса в Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Это связано с уникальными условиями и вызовами, с которыми сталкиваются отечественные логистические компании, включая огромную территорию страны и значительные отличия в состоянии логистической инфраструктуры в различных регионах. В таких условиях предприятия вынуждены постоянно искать и внедрять новые решения для оптимизации своих процессов, что делает цифровизацию неотъемлемой частью их деятельности.

Следующим этапом настоящего исследования является подтверждение положительного влияния цифровизации на логистические процессы. Подтверждением высокой степени цифровизации в логистике служат данные, представленные в отчете Pitchbook Data (выдержки опубликованы акционерным обществом «Глобал Си Ай Оу»). Согласно этим данным, к 2021 г. около 80 % логистических операторов в России перешли на частичную или полную цифровую модель управления своим бизнесом. Этот показатель свидетельствует о масштабных изменениях, которые происходят в отрасли, и подчеркивает важность цифровых технологий в поддержании конкурентоспособности компаний. В том же году 86 % руководителей транспортных компаний отметили, что именно информационные технологии являются ключевым инструментом для сокращения операционных расходов и повышения эффективности работы³.

Однако эти цифры лишь подчеркивают важность цифровизации, но не раскрывают весь спектр ее влияния на логистические процессы. В качестве наглядного примера можно привести успешное внедрение цифровых технологий в логистике компанией «РЖД», одним из самых ярких аспектов которой является внедрение автоматизированной системы «Электронная транспортная накладная». Эта система позволяет не только оптимизировать процесс оформления перевозочных документов, но и делать их юридически значимыми, что открывает новые возможности для взаимодействия с государственными органами и третьими лицами. Это впоследствии заставило другие компании перейти на подобные синхронизируемые системы. Данный факт также подтверждается в аналитическом отчете Ассоциации цифровой логистики, где подчеркнуто, что крупные российские грузоотправители и перевозчики активно переходят на использование электронных документов в формате B2B⁴. Это свидетельствует о высоком уровне готовности отрасли к цифровой трансформации и ее способности адаптироваться к новым условиям.

³ Цифровизация логистики: тренды и перспективы 2023 года. Режим доступа: <https://globalcio.ru/news/34064/> (дата обращения: 26.08.2024).

⁴ Цифровая трансформация транспортно-логистической отрасли Российской Федерации: тренды, вызовы, решения, технологии. Режим доступа: https://www.dttla.ru/upload/docs/Analitika_DTLA.pdf (дата обращения: 26.08.2024).

В контексте данного определения цифровизации логистических процессов определим роль государства и правительства, которые прикладывают большие усилия по созданию логистической инфраструктуры и стимулированию цифровизации отрасли. Самыми заметными результатами цифровизации данной отрасли уже стали следующие.

1. Платформы для онлайн-фрахтования. В последние годы в России появились платформы, такие как ATI.SU, которые позволяют перевозчикам и грузоотправителям находить друг друга онлайн. Эти платформы автоматизируют процесс поиска транспорта и грузов, упрощая и ускоряя логистические операции.

2. Системы автоматического управления складами (WMS). Многие крупные логистические компании в России внедряют системы управления складскими операциями, которые автоматически контролируют размещение, отгрузку и инвентаризацию товаров. Это позволяет значительно сократить время обработки заказов и снизить количество ошибок.

3. Использование блокчейна для отслеживания грузов. Некоторые компании в России начали использовать блокчейн для обеспечения прозрачности и надежности цепочки поставок. Это позволяет более точно отслеживать движение товаров и предотвращать подделки и ошибки в логистике.

4. Электронные транспортные накладные (ЭТрН). Внедрение электронных транспортных накладных в России существенно упрощает документооборот в логистике. Это сокращает время на оформление грузов, снижает риск ошибок, связанных с человеческим фактором, и позволяет оперативно отслеживать статус доставки.

5. Развитие умных транспортных систем (ITS). В России развивается инфраструктура интеллектуальных транспортных систем, которые интегрируют данные с дорожных камер, датчиков и GPS, чтобы оптимизировать маршруты доставки и снижать транспортные затраты. Такие системы помогают избежать пробок и аварий, повышая общую эффективность логистических операций.

6. Технология Интернета вещей (IoT) в логистике. Ее применение в логистике позволяет отслеживать состояние и местоположение грузов в реальном времени. Например, сенсоры на контейнерах могут сообщать данные о температуре и влажности, что особенно важно для перевозки скоропортящихся товаров.

7. Роботизация складов. В России начали появляться склады, где часть процессов автоматизирована при помощи роботов. Например, роботы могут осуществлять сортировку и транспортировку товаров внутри склада, что значительно ускоряет процессы и уменьшает потребность в ручном труде.

8. Аналитика больших данных (Big Data) в управлении цепочками поставок. В России компании начали использовать большие данные для прогнозирования спроса и оптимизации цепочек поставок. Их анализ позволяет более точно планировать запасы и предсказывать потребности в логистических ресурсах, что помогает снизить издержки и улучшить обслуживание клиентов.

Мы наглядно видим, что создание и внедрение подобных цифровых систем позволяет компаниям значительно упростить организацию мультимодальных перевозок, реализовать различные цифровые сервисы. Цифровизация становится не просто трендом, но необходимым условием для поддержания конкурентоспособности и устойчивого развития логистических компаний в современных условиях.

В дальнейшем аспекте будем рассматривать влияние уровня цифровизации на расходы компаний. После анализа его в сфере логистики целесообразно перейти к изучению текущего влияния логистических операций на расходы компаний. Этот аспект важен, так как расходы на логистику могут существенно влиять на общую рентабельность бизнеса. Стоит отметить, что точные данные о доходах и расходах предприятий часто остаются закрытыми, что затрудняет проведение объективного анализа. Однако можно воспользоваться информацией из открытых источников и результатами интервью с российскими предпринимателями, чтобы получить общее представление о текущем состоянии дел в этой области.

Результаты интервьюирования показали, что большинство компаний применяют модель распределительной логистики с сильным акцентом на системный подход⁵. Этот выбор обусловлен необходимостью управления сквозным материальным потоком, который охватывает весь процесс от момента получения заказа до окончательной доставки продукции конечному потребителю. Такой подход позволяет компаниям оптимизировать процессы и минимизировать затраты, связанные с перемещением товаров.

⁵ Спрос на грузоперевозки растет: цены подскочили на 40 %. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6267981?ysclid=m2ajxbcanp415500145> (дата обращения: 26.08.2024).

Особенно важно подчеркнуть, что средние и малые предприятия, зачастую не обладая достаточными ресурсами для содержания полного логистического отдела, выносят значительную часть своих логистических операций на аутсорсинг. Это позволяет им сократить затраты на содержание штата и инфраструктуры, а также сконцентрироваться на основных направлениях бизнеса. Данный вывод находит подтверждение в отчетах о спросе на логистические услуги, где видно, что многие компании предпочитают привлекать сторонние организации для выполнения логистических функций.

Согласно отчету, изданному Mordor Intelligence, спрос на перевозку грузов в 2023 г. значительно увеличился. Наиболее примечательные цифры роста приведены в табл. 2.

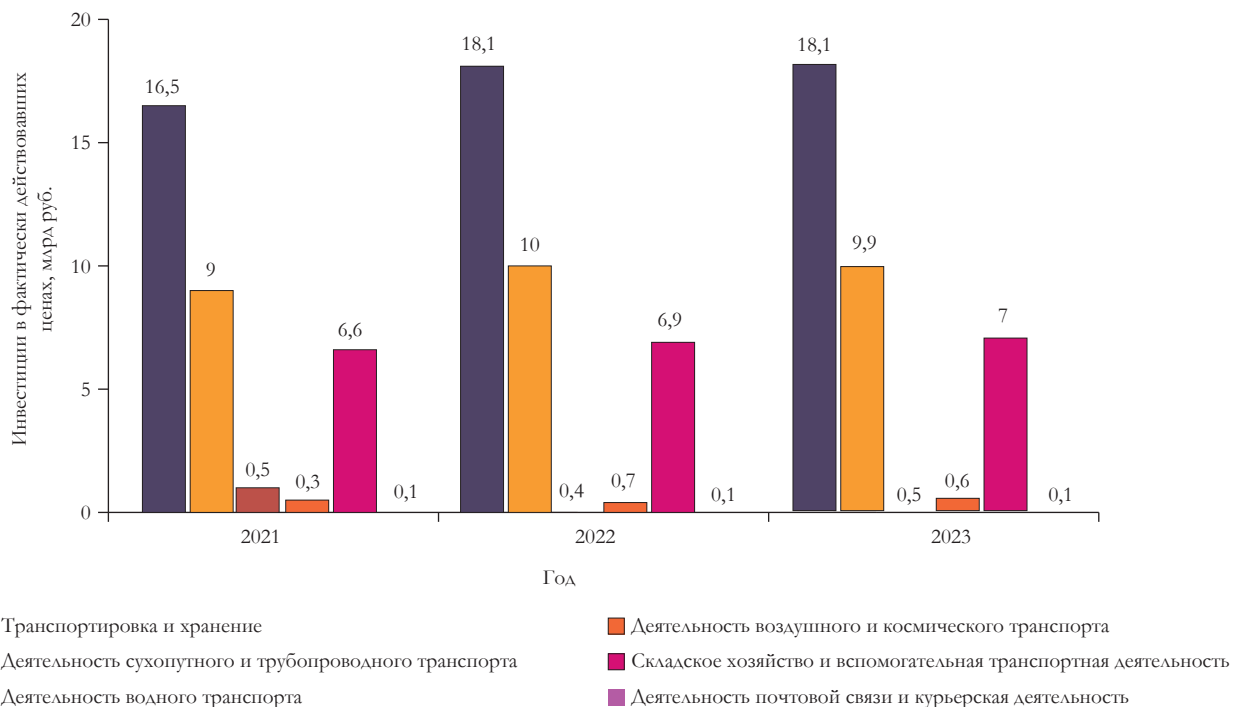
Таблица 2

Рост перевозки грузов по регионам в 2023 г. по сравнению с 2020 г.

Регион	% роста (по сравнению с 2020 г.)
Забайкальский край	202
Приморский край	197
Амурская область	189
Хабаровский край	164

Составлено автором по материалам источника⁶

Эти данные подтверждают высокую потребность в логистических услугах, особенно в отдаленных и труднодоступных регионах, что в свою очередь подчеркивает важность эффективной и гибкой логистической системы. Более того, согласно официальной статистике Федеральной службы государственной статистики, инвестиции компаний в логистику также увеличились за аналогичный период. Полные данные представлены на рисунке.

Составлено автором по материалам источника⁷

Рисунок. Инвестиции в основной капитал по виду экономической деятельности – транспортировка и хранение

⁶ Спрос на грузоперевозки растет: цены подскочили на 40 %. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6267981?ysclid=m2ajxbcanp415500145> (дата обращения: 26.08.2024).

⁷ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в основной капитал по виду экономической деятельности – транспортировка и хранение. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/search?q=Инвестиции+в+основной+капитал+по+виду+экономической+деятельности+-+транспорт+и+хранение> (дата обращения: 26.08.2024)

Представленные данные подтверждают, что инвестиционные затраты в цифровизацию логистической сферы растут. Данное обстоятельство обусловлено сложной политической обстановкой и нестабильностью экономической системы.

Основным проблемным аспектом логистики является поиск оптимального пути доставки. Многие компании отмечают, что возникает необходимость в сокращении затрат на логистику за счет оптимизации загрузки транспортных средств и пересмотра логистических маршрутов. Разработка новых транспортных маршрутов позволит расширить экспорт российских товаров.

Сервис «Актион финансы» провел исследование относительно развития логистики в России⁸. Проанализированы данные более 195 тыс. отечественных компаний. Так, 28 % респондентов отмечают, что переход на аренду грузовых контейнеров обусловлен сокращением затрат на логистику. 18 % опрошенных указывают, что переход на более дешевое топливо позволяет сократить издержки на 7–8 %. 68 % респондентов отмечают, что появление цифровой платформы позволит управлять цепочками поставок, оптимизировать маршруты и отслеживать грузы в процессе перемещения. Кроме того, применение цифровой платформы позволит сократить логистические издержки на 25–40 %.

Респонденты отмечают, что основной удельный вес всех грузоперевозок приходится на контейнерные перевозки. Основные причины роста расходов в логистике:

- 31 % – дефицит складов и высокие ставки на аренду;
- 29 % – удвоение транспортного плеча в связи с переориентацией российского рынка на Азию;
- 40 % – рост заработных плат по отрасли на 65 % в связи с дефицитом кадров, что значительно увеличивает расходы предприятий.

Проведенное исследование выявило, что 56 % компаний планируют внедрить в складскую логистику отечественное программное обеспечение, что позволит повысить уровень информационной безопасности компаний.

Одной из главных проблем является безопасность данных в логистических операциях. Внедрение отечественных цифровых платформ обеспечивает целостность и безопасность данных по всей цепочке поставок. Для дальнейшего развития логистической инфраструктуры Правительством РФ принято решение о проведении эксперимента по созданию, апробации и внедрению информационной системы «Национальная цифровая транспортно-логистическая платформа». Данная платформа предназначена для оптимизации и улучшения прозрачности логистических процессов.

Логистика оказывает большое влияние на формирование конечной стоимости товара. В соответствии с данными исследования выявлено, что логистические затраты составляют от 3 до 25 % в структуре конечного ценообразования. Следовательно, многие компании стремятся минимизировать их и оптимизировать процесс складирования и транспортировки.

Влияние логистики на расходы компаний является значительным, и в условиях нестабильной экономической ситуации организаций стремятся минимизировать свои затраты, включая логистические. Это приводит к внедрению более эффективных моделей управления, переходу на аутсорсинг и использование цифровых технологий, которые позволяют сократить операционные издержки и повысить общую эффективность бизнеса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровизация является неотъемлемой частью современного бизнеса, особенно в таких сферах, как логистика, где ее влияние на операционные процессы и снижение затрат уже ощутимо. Анализ различных определений термина «цифровизация» показал, что наиболее подходящим для исследования является то, которое включает не только технологические аспекты, но и управленческие решения, направленные на повышение эффективности. Такое понимание цифровизации позволяет лучше оценить ее влияние на экономику и роль в оптимизации бизнес-процессов.

Рассмотренные в статье примеры, такие как переход на электронный документооборот и внедрение цифровых систем в логистике, демонстрируют, как цифровизация способствует сокращению издержек, ускорению процессов и снижению рисков. Это особенно важно в контексте российской экономики, где логистические компании сталкиваются с большими расстояниями и неоднородной инфраструктурой. Внедрение цифровых технологий позволяет оперативно адаптироваться к этим вызовам, находя новые эффективные решения для оптимизации логистических цепочек.

⁸ Актион Финанс. Режим доступа: <https://action-finans.ru/> (дата обращения: 26.08.2024).

Несмотря на позитивное влияние цифровизации, текущие мировые потрясения и экономическая нестабильность могут внести коррективы в ее развитие. Уже сейчас многие компании заявляют о необходимости сокращения расходов, включая расходы на логистику. Однако переход на цифровые технологии не только не препятствует этому процессу, но и способствует снижению затрат в долгосрочной перспективе.

Получены следующие результаты исследований:

- 1) сфера логистики обладает значительным потенциалом к цифровой трансформации, который определяется готовностью государственных органов и частных компаний повышать эффективность логистической системы;
- 2) цифровизация логистической системы имеет возможность развиваться быстрыми темпами с учетом комплексного подхода;
- 3) ключевая цель цифровизации логистической отрасли заключается в оптимизации издержек и создании мультимодальной логистической системы.

Цифровизация при правильном подходе является важным инструментом повышения эффективности и конкурентоспособности компаний. В условиях глобальных экономических изменений ее роль только возрастает. Важно, чтобы предприятия продолжали инвестировать в цифровые технологии, особенно в такие ключевые области, как логистика, где потенциал для оптимизации и сокращения затрат остается значительным. Таким образом, цифровизация становится не просто тенденцией, но необходимым условием успешного ведения бизнеса в современном мире.

Список литературы

1. Мещерякова Н.Н., Рогожникова Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы. Цифровая социология. 2021;4(3):44–52. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>
2. Миркина О.Н. Цифровизация и ее особенности в Смоленской области. В кн.: Цифровое образование в РФ: состояние, проблемы и перспективы: материалы международного форума, Санкт-Петербург, 28–31 октября 2019 г. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; 2019. С. 171–173.
3. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне. Молодой ученый. 2019;41:9–12.
4. Бабкин А.В., Лебедев Д.А. Применение цифровых технологий в промышленности для обеспечения устойчивого развития (на примере судостроения). В кн.: Бабкин А.В. (ред.) Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС; 2021. С. 309–325.
5. Amit R., Zorr C. Value creation in e-business. Strategic Management Journal. 2001;6(22):493–520.
6. Zhao H. Towards a world of smart digital transformation. ITU News Magazine. 2017;5.
7. Герман Е.А. Теоретическая инноватика. СПб; 2022. 148 с.
8. Катаева О.В. Цифровизация и виртуализация жизненного мира: оценки и позиции. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020;6:129–136. <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-129>
9. Вартамова Е.А., Вырковский А.В., Максеенко М.П., Смирнов С.С. Индустрия российских медиа: цифровое будущее. М.: МедиаМир; 2017. 160 с.
10. Кондратьева М.Н., Комахина А.В. Цифровизация: исследование основных терминов. Экономика и управление. 2022;3:134–139. <https://doi.org/10.34773/EU.2022.3.25>
11. Абрамов В.П., Абрамов П.В., Путилов А.В., Трушина И. Цифровизация экономических отношений как фактор устойчивого развития стран. Вопросы инновационной экономики. 2023;2(13):615–636.
12. Прохоренков П.А., Комаров П.П., Храменкова Г.А., Тищенко Г.З. Экспертная оценка влияния цифровизации компаний на экономические и финансовые показатели. Фундаментальные исследования. 2021;8:56–64. <https://doi.org/10.17513/fr.43082>
13. Соленина О.А., Яковлева А.А. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт. В кн.: Керимов А.А. (ред.) Культура и природа политической власти: теория и практика. Екатеринбург: УрГПУ; 2023. С. 289–293.
14. Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления». В кн.: Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–23 сентября 2019 г. Иркутск: Иркутский государственный университет; 2019. С. 310–315.

15. Кузнецова Т.Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии. Горизонты гуманитарного знания. 2019;5:3–13. <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1>
16. Мерзлов И.Ю., Шилова Е.В., Санникова Е.А., Сединин М.А. Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций. Экономика, предпринимательство и право. 2020;9(10):2379–2396.
17. Нугай Е.А. Цифровизация или цифровая трансформация: выбор направления развития бизнеса. ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024;1:91–106. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-1-91-106>
18. King H. What is digital strategy and digital transformation. The Guardian.
19. Месроbian В. Цифровые платформы – новая рыночная власть. М.; 2018.
20. Зверева А.О., Депутатова Е.Ю. Трансформация торговых услуг в цифровой экономике. Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2019;4(106):156–163. <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-156-163>
21. Жерегеля А.В. Особенности цифровизации предприятия. В кн.: Научные исследования и инновации: материалы Международной научно-практической конференции, Саратов, 14 декабря 2020 г. Саратов: Цифровая наука; 2020. С. 73–75.
22. Черкасова В.А., Слепушенко Г.А. Влияние цифровизации бизнеса на финансовые показатели российских компаний. Финансы: теория и практика. 2021;2(25):128–142. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142>
23. Афанасьев А.А. Цифровизация промышленности: теоретические основы и методология исследования. Экономика, предпринимательство и право. 2023;8(13):2537–2556. <https://doi.org/10.18334/epp.13.8.118634>
24. Gobble M.M. Digital strategy and digital transformation. Research-Technology Management. 2018;5(61):66–71. <http://dx.doi.org/10.1080/08956308.2018.1495969>
25. Негреева В.В., Замятина А.А., Шпакович Д.К., Шафонова А.А. Использование цифровых технологий в логистике. Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2020;2:94–101.
26. Даниленко В.С. Цифровая логистика: «умные» контейнеры и склады, дроны, беспилотные грузовые самолеты и автомобили. Научный аспект. 2024;2(30):3784–3788.
27. Ценжарик М.К., Крылова Ю.В., Стещенко В.И. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели. Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020;3(36):390–420. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.303>
28. Дмитриев А.В. Экономическая безопасность цифровых экосистемных решений в логистике. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2024;1(15):23–29. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2024-1-23-29>
29. Шайтура С.В., Замятин П.А., Белю А.П., Султаева Н.А. Совокупная стоимость владения решениями на базе технологий «Интернет вещей». Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021;2:124–133.
30. Маткаримов А.И. Цифровая логистика и ее влияние на оптимизацию логистических процессов. Всемирный ученый. 2023;1(9):351–357.
31. Пулатходжаева Д.М. Цифровая логистика и «облачные» технологии в Узбекистане. Iqtisodiy Taraqqiyot Va Tahlil. 2023;1(8):205–214.
32. Головенчик Г.Г., Господарик Е.Г., Королева А.А. Цифровая международная логистика – драйвер цифровой глобализации и цифрового развития ЕАЭС. Веснік сувізі. 2021;3:43–47.
33. Васеленок В.А., Круглова А.И., Алексакина Е.И., Негреева В.В., Пластунова С.А. Основные тренды цифровой логистики. Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2020;1:69–78. <https://doi.org/10.17586/2310-1172-2020-13-1-69-78>

References

1. Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N. Digitalization: new risks for people with disabilities. Problem statement. Digital Sociology. 2021;4(3):44–52. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>
2. Mirkina O.N. Digitalization and its features in the Smolensk Region. In: Digital education in the Russian Federation: state, problems and prospects: Proceedings of the International Forum, St. Petersburg, October 28–31, 2019. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; 2019. Pp. 171–173. (In Russian).
3. Khomyakova S.S. Transformation and fixation of the term “digitalization” at the legislative level. Molodoy uchenyi. 2019;41:9–12. (In Russian).
4. Babkin A.V., Lebedev D.A. Implementing digital technologies in industry to ensure sustainable development (on the example of shipbuilding). In: Babkin A.V. (ed.) Strategic management of digital economy development on the basis of smart technologies. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS; 2021. Pp. 309–325. (In Russian).
5. Amit R., Zorr C. Value creation in e-business. Strategic Management Journal. 2001;6(22):493–520.

6. *Zhao H.* Towards a world of smart digital transformation. ITU News Magazine. 2017;5.
7. *Herman E.A.* Theoretical innovativeness. St. Petersburg; 2022. 148 p. (In Russian).
8. *Kataeva O.V.* Digitalization and virtualization of the life world: assessments and positions. Intellect. Innovations. Investments. 2020;6:129–136. (In Russian). <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-6-129>
9. *Vartanova E.L., Vyrvkovskiy A.V., Makseenko M.I., Smirnov S.S.* Russian media industry: digital future. Moscow: MediaMir; 2017. 160 p. (In Russian).
10. *Kondratyeva M.N., Komakbina A.V.* Digitalization: a study of basic terms. Economics and Management. 2022;3:134–139. (In Russian). <https://doi.org/10.34773/EU.2022.3.25>
11. *Abramov V.I., Abramov I.V., Putilov A.V., Trushbina I.* Digitalization of economic relations as a factor of sustainable development of countries. Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. 2023;2(13):615–636. (In Russian).
12. *Prokhorov P.A., Komarov P.I., Khromenkova G.A., Tishchenkova G.Z.* Expert assessment of the influence of digitalization of companies on economic and financial performance. Fundamental Research. 2021;8:56–64. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/fr.43082>
13. *Solenaya O.A., Yakovleva A.A.* The problem of representing the term “digitalization”: domestic and foreign experience. In: Kerimov A.A. (ed.) Culture and Nature of Political Power: Theory and Practice. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. House; 2023. Pp. 289–293. (In Russian).
14. *Gerasimova T.A., Moskvitina N.V.* The content of the concepts of “digital economy” and “digitalization in the field of public administration”. In: Social reality of virtual space: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, September 20–23, 2019 Irkutsk: Irkutsk State University Publ. House; 2019. Pp. 310–315. (In Russian).
15. *Kuznetsova T.F.* Digitalization as a cultural value and digital technologies. Horizons of humanitarian knowledge. 2019;5:3–13. (In Russian). <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.5.1>
16. *Merzlov I.Yu., Shilova E.V., Sannikova E.A., Sedinin M.A.* Complex methodology for assessing the level of digitalization of organizations. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2020;9(10):2379–2396. (In Russian).
17. *Nigay E.A.* Digitalization VS digital business transformation: choosing the direction of development. ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. 2024;1:91–106. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2024-1-91-106>
18. *King H.* What is digital strategy and digital transformation. The Guardian.
19. *Mesropian V.* Digital platforms – new market power. Moscow; 2018. (In Russian).
20. *Zvereva A.O., Deputatova E.Yu.* Trade Service Transformation in Digital Economy. Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics. 2019;4(106):156–163. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2019-4-156-163>
21. *Zheregelya A.V.* Peculiarities of digitalization of the enterprise. In: Scientific research and innovation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, December 14, 2020. Saratov: Tsifrovaya nauka; 2020. Pp. 73–75. (In Russian).
22. *Cherkasova V.A., Slepshenko G.A.* The impact of digitalization on the financial performance of Russian companies. Finance: Theory and Practice. 2021;2(25):128–142. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-128-142>
23. *Afanasyev A.A.* Digitalization of industry: theoretical foundations and research methodology. Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo. 2023;8(13):2537–2556. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.13.8.118634>
24. *Gobble M.M.* Digital strategy and digital transformation. Research-Technology Management. 2018;5(61):66–71. <http://dx.doi.org/10.1080/08956308.2018.1495969>
25. *Negreeva V.V., Zamyatina A.A., Shpakovich D.K., Sharonova A.D.* Using digital technologies in logistics. Scientific Journal of National Research University ITMO. Economics and environmental management. 2020;2:94–101. (In Russian).
26. *Danilenko V.S.* Digital logistics: “smart” containers and warehouses, drones, unmanned cargo airplanes and cars. Nauchnyi aspekt. 2024;2(30):3784–3788. (In Russian).
27. *Tsenzharik M.K., Krylova Yu.V., Steshenko V.I.* Digital transformation in companies: strategic analysis, drivers and models. St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2020;3(36):390–420. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/sp-bu05.2020.303>
28. *Dmitriev A.V.* Economic security of digital ecosystem solutions in logistics. Strategic decisions and risk management. 2024;1(15):23–29. (In Russian). <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2024-1-23-29>
29. *Shaitura S.V., Zamyatin P.A., Belu L.P., Sultaeva N.L.* Total cost of ownership of solutions based on Internet of Things technology. Vestnik Kursk State Agricultural Academy. 2021;2:124–133. (In Russian).
30. *Matkarimov A.I.* Digital logistics and its impact on the optimization of logistics processes. World scientist. 2023;1(9):351–357. (In Russian).
31. *Pulatkhodjaeva D.M.* Digital logistics and cloud technologies in Uzbekistan. Iqtisodiy Taraqqiqiyot Va Tahlil. 2023;1(8):205–214. (In Russian).

32. *Golovenchik G.G., Gospodarik E.G., Koroleva A.A.* Digital international logistics – the driver of digital globalization and digital development of EAEU. *Vesnik suvizi*. 2021;3:43–47. (In Russian).
33. *Vaselenok V.L., Kruglova A.I., Aleksashkina E.I., Negreeva V.V., Plastunova S.A.* Key trends in digital logistics. *Scientific Journal of National Research university ITMO. Economics and environmental management*. 2020;1:69–78. (In Russian).
<https://doi.org/10.17586/2310-1172-2020-13-1-69-78>

Применение каскадного подхода при управлении инвестиционно-строительными проектами

Астафьева Ольга Евгеньевна

Канд. экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Васильев Алексей Алексеевич

Магистрант
ORCID: 0009-0003-0417-3507, e-mail: battlelog2015@yandex.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Высокие темпы развития строительной отрасли, сокращение сроков строительства и снижение административной нагрузки при подготовке инвестиционно-строительных проектов требуют определения эффективных подходов в управлении проектами. Выявлено, что индивидуальность подхода к инвестиционно-строительным проектам исходит из механизмов финансирования, особенностей возводимых объектов капитального строительства, специфики отрасли и потребностей заказчиков. В связи с этим при реализации проектов необходимо учитывать указанные особенности. Рассмотрено несколько подходов, применяемых при управлении строительными проектами, определен наиболее предпочтительный – каскадный метод, который также называют Waterfall. Исследованы его преимущества с учетом особенностей строительной отрасли. Каскадный подход отличается своей линейной последовательностью, фазами выполнения и уменьшенной гибкостью при изменениях. Отражены недостатки, представлены предложения по совершенствованию управления инвестиционно-строительными проектами с использованием данного метода. Определены потенциал использования данного подхода в строительстве, оптимизация процессов и улучшение результативности с учетом специфики отрасли, что поспособствует более эффективному достижению поставленных целей и удовлетворению потребностей всех заинтересованных сторон.

Ключевые слова

Инвестиционно-строительный проект, каскадный подход, методология, управление ресурсами, управление рисками, анализ, оптимизация

Для цитирования: Астафьева О.Е., Васильев А.А. Применение каскадного подхода при управлении инвестиционно-строительными проектами // Вестник университета. 2025. № 2. С. 167–172.

The cascade approach application in investment and construction projects management

Olga Ye. Astafyeva

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Economics and Management in Construction Department
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Alexey A. Vasiliev

Graduate Student
ORCID: 0009-0003-0417-3507, e-mail: battlelog2015@yandex.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

High rates of the construction industry development and reduction of construction time and administrative burden in investment and construction projects preparation require defining effective approaches to project management. It has been revealed that individuality of the approach to investment and construction projects comes from the financing mechanisms, the features of capital construction objects being erected, the industry specifics, and customers' needs. In this regard, it is necessary to consider these features when implementing projects. Several approaches used in construction project management have been studied, the most preferable one – the cascade method, which is also called Waterfall, – has been defined. Its advantages have been investigated considering the construction industry peculiarities. The cascade approach is characterized by its linear sequence, phases of execution, and reduced flexibility for changes. Its disadvantages have been reflected, and proposals for improving investment and construction projects management using this method have been presented. The potential of using this approach in construction, processes optimization, and performance improvement considering the industry specifics have been defined. It will contribute to more effective goals achievement and satisfaction of the needs of all stakeholders.

Keywords

Investment and construction project, cascade approach, methodology, resource management, risk management

For citation: Astafyeva O.Ye. (2025) The cascade approach application in investment and construction projects management. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 167–172.

ВВЕДЕНИЕ

Постоянное совершенствование методологий является следствием эволюции подходов к проектному менеджменту, направленных на эффективное управление ключевыми аспектами проектов, а именно ресурсами, сроками и качеством. На ранних этапах развития менеджмента превосходил традиционный каскадный метод (англ. Waterfall). Его появление было вынужденным, обусловленным экономическими преобразованиями и потребностью в структуризации методом управления сложными задачами. Каскадный подход основывается на последовательном выполнении этапов проекта, широко применяется в строительстве, машиностроении. Его главное преимущество – это четкость и предсказуемость, что так важно в отраслях с фиксированными требованиями и минимальными изменениями. Этот подход начал формироваться и применяться в начале XX в. преимущественно в строительных и производственных проектах, которым свойственны конкретные этапы реализации плана, что способствовало эффективному планированию и контролю процесса.

Строительный бизнес является наиболее масштабной сферой деятельности, которая занимает большую часть рынка Российской Федерации. В настоящее время при реализации объекта строительства применяются различные подходы, целью которых является достижение наибольшей эффективности. Выбор метода осуществляется исходя из потребностей, целей и самого проекта – комплекса мероприятий, направленных на достижение поставленных целей в определенные сроки.

Если рассматривать с точки зрения управления проектами, инвестиционно-строительный проект – это система сформированных действий, результатом которых является создание уникального объекта или оказание услуги. Наиболее эффективным подходом для реализации инвестиционного проекта в сфере строительства является каскадный подход, который представляет собой последовательное разбиение инвестиционно-строительного проекта на отдельные этапы с учетом последовательности и иерархии в структуре выполнения работ и определенных сроком их реализации [1].

Основные этапы каскадного подхода включают пять ступеней – проектирование, разработку, тестирование и проверку, внедрение и сопровождение проекта. На первом этапе необходимо определить цели и требования заказчика к продукту, который требуется реализовать. Учитываются пожелания заказчика в рамках бюджета проекта. Все документы тщательно фиксируются. Следующим этапом ведется разработка детальных планов, составляется график работ с учетом всех факторов риска, осуществляется производство работ (в случае строительных проектов). Третьим этапом проводится непосредственное тестирование продукта согласно техническому заданию. Его цель – выявить и устранить ошибки, а также убедиться в том, что продукт соответствует всем требованиям. На четвертом этапе после тестирования происходит передача продукта заказчику, осуществляются настройка и обучение пользователей. Внедрение может быть постепенным или полномасштабным. После этого идет этап сопровождения с выявлением и устранением возможных проблем для поддержания стабильной работы продукта.

Каскадный подход стал важнейшим этапом в эволюции управления проектами. Изначально он разрабатывался для управления проектами в области информационных технологий, но в дальнейшем был интегрирован в строительную отрасль. Основная идея заключается в последовательном выполнении всех этапов от постановки задач до реализации и завершения. Каждый этап начинается только после полного завершения предыдущего [2]. Таким образом, каскадный подход не только заложил основы управления проектами, но и подчеркнул важность структурированности.

В условиях строгих сроков и бюджетных ограничений использование каскадного подхода позволяет минимизировать изменения в процессе выполнения проекта. Однако данный метод имеет лимиты, связанные с отсутствием возможности быстро адаптироваться к изменениям требований клиента в ходе реализации проекта.

К концу XX в., на фоне стремительного развития информационных технологий и изменений рыночных условий, стал формироваться новый, гибкий подход к управлению проектами – Agile. Agile ориентирован на адаптивность и быстрое реагирование на изменения. Его ключевой особенностью является активное вовлечение заказчика в процесс разработки. Заказчик регулярно взаимодействует с командой, предоставляет обратную связь и участвует в принятии решений. Это обеспечивает более точное соответствие конечного продукта ожиданиям и потребностям клиента.

По сравнению с каскадным подходом итеративные и инкрементальные подходы предлагают большую гибкость. Например, итеративный подход предполагает разработку через повторяющиеся циклы

или итерации, в каждой из которых добавляется новый функционал или уточняются предыдущие. Это позволяет быстрее реагировать на изменения в требованиях и обнаруживать проблемы на более ранних стадиях проекта. Однако такой подход требует более высокой степени управления и коммуникации, а также может быть менее предсказуемым в плане сроков и бюджета.

В строительной отрасли каскадный подход особенно ценен из-за высокой степени технической и правовой регламентации процессов. Его применение требует тщательного анализа и учета специфических особенностей каждого проекта, таких как изменения в планировании, необходимость корректировки дизайнерских решений и координация множества сторонних участников. Каскадный подход позволяет упростить управление инвестиционно-строительными проектами, реализуемыми в строительной компании путем разделения их на более мелкие, что делает их управляемыми с точки зрения временного периода и финансового обеспечения, что важно для лучшей координации различных подрядчиков [3].

Каскадный подход и альтернативные методы управления инвестиционно-строительными проектами различаются в своем подходе к организации работы и управлению изменениями в проекте.

1. Каскадный подход (Waterfall) предполагает последовательное и поэтапное выполнение проекта от начала до конца. При этом каждый этап зависит от успешного завершения предыдущего без возможности внесения изменений. Данный метод зачастую используется в проектах с четко определенными требованиями и низким уровнем неопределенности.

2. Итеративные и инкрементальные методы предполагают разработку проекта с использованием последовательных циклов или этапов работы. Преимуществом данных методов является возможность вносить изменения как в план проекта, так и при его реализации. Используются итеративные и инкрементальные методы в проектах с высокой долей вероятности внесения изменений в разработанный план или при его выполнении.

3. Программное управление осуществляет управление ресурсами и временем с акцентом на реализацию конкретных задач и выполнение плана проекта. Данный метод предполагает осуществление постоянного мониторинга выполнения работ и повышает эффективность распределения ресурсов. Подходит для проектов, требующих строгого управления бюджетом и ресурсами.

Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки, и выбор конкретного метода зависит от характера проекта, степени вовлеченности в проект, необходимости внесения изменений в план реализации и финансовой составляющей.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КАСКАДНОГО ПОДХОДА

Основным принципом каскадного подхода являются последовательные структура и реализация проекта, при которой каждый этап начинается только после завершения предыдущего. Существуют основные правила, без которых применение каскадной модели невозможно. Рассмотрим более детально:

- составляется и документируется план реализации проекта;
- следующий этап в работе начинается после завершения предыдущего;
- если в процессе реализации плана требуется внесение изменений, необходимо изменить техническое задание и начать работу с самого начала;
- после завершения этапа в нем ничего нельзя изменить;
- исправление ошибок допускается только на этапе тестирования;
- после разработки и утверждения плана проекта, клиент не участвует в его реализации.

Поскольку изменения в плане проекта заставляют вернуться к самому началу, важно составить техническое задание подробно с самого начала [4].

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ КАСКАДНОГО ПОДХОДА

Основные преимущества и отличия каскадного подхода от смежных – составление детального плана и последовательность его реализации. Это позволяет легче контролировать процесс выполнения работ и оценивать прогресс. Следующим преимуществом являются простота планирования и управления. На начальном этапе планируется и устанавливается бюджет для выполнения проекта, что позволяет детально спланировать каждый этап реализации и оценить ресурсы, необходимые для достижения цели. Стоит отметить также точность целей проекта, которые определяются на начальных этапах, из чего планируются следующие фазы структуры проекта. Каждый этап проекта имеет четкие бюджетные и временные рамки, позволяя обеспечить более детальный контроль над выполнением проекта.

Главным недостатком каскадного подхода является отсутствие возможности вовремя реагировать на изменение требований или условий реализации проекта. Иногда в строительных проектах необходимо моментально реагировать на его выполнение и вносить корректировки, а изменения в проекте, особенно на поздних стадиях, могут привести к значительным затруднениям и лишним затратам. При данном подходе часто требования заказчика поначалу сформулированы нечетко, из-за чего существует вероятность несоответствия конечного результата ожиданиям, в результате чего появляются дополнительные работы и затраты по исправлению недочетов. Внедрение новых технологий в данный подход практически исключено, потому что они требуют гибкости и итеративного подхода к разработке и реализации строительного проекта [5].

Далее рассмотрим некоторые предложения по способам улучшения каскадного подхода, которые основаны на анализе смежных подходов в управлении, выявлении их слабых и сильных сторон.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАСКАДНОГО ПОДХОДА

Основными методами совершенствования каскадного подхода являются:

- внедрение информационных технологий – использование цифровых платформ и средств для автоматизации управления строительными проектами, таких как системы управления проектами (Project Management Systems) и Building Information Modeling (BIM), позволяет повысить уровень координации между этапами проекта, сократить риск допущения ошибок;
- анализ текущих процессов и их улучшение помогут повысить эффективность каскадного подхода, способствуют уточнению последовательности этапов, улучшению взаимодействия между участниками проекта и сокращению времени, затрачиваемого на переход между этапами;
- использование элементов гибкого управления, таких как методология Agile, в части управления проектом позволяет быстро реагировать на изменения в требованиях и повышает скорость реализации проекта и получения результатов;
- внедрение системы управления рисками позволяет устранять потенциальные проблемы и минимизировать их воздействие на проект и ожидаемый результат – основной целью данной системы являются анализ и оценка риска на различных этапах проекта;
- инвестирование в развитие и повышение профессиональных навыков специалистов по управлению проектами, а также использование современных технологий помогают повысить профессиональный уровень персонала и эффективность выполнения поставленных задач;
- система мониторинга играет важную роль в управлении проектами, обеспечивая возможность оценивать результаты на каждом этапе, помогает отслеживать выполнение задач, а также анализировать прогресс и вовремя выявлять проблемы;
- поощрение специалистов и использование новых решений и улучшений в процессе управления проектом способствует постоянному совершенствованию каскадного подхода.

Использование описанных методов поможет сделать каскадный подход более эффективным и способствует быстрой адаптации к современным требованиям в управлении строительными проектами. В условиях современной экономики и требований рынка применение вышеуказанных предложений делает подход перспективным методом для достижения успешной реализации проекта.

Изначально каскадный метод развивался как систематизированная последовательность этапов, направленных на получение заранее определенных целей и результатов от проекта. Этот подход использовался в тех проектах, где главными элементами были конкретное определение требований, разработка детальных планов и последовательное выполнение задач.

В условиях постоянного развития и совершенствования каскадный метод претерпел ряд изменений и улучшений, обеспечив повышение его гибкости и адаптивности к изменяющимся условиям в проектах. В современных тенденциях можно выделить следующие пути его развития:

- внедрение гибких элементов – в современных методах каскадного управления проектами часто используются элементы гибких методологий, таких как итерационный подход к разработке и реализации проекта или применение частой и быстрой обратной связи с заказчиком, что позволяет эффективно учитывать изменения в проекте, а также быстро выявлять проблемы и пути их решения;
- повышение уровня управления качеством – с учетом повышения качества реализации проекта современные методики каскадного управления в строительстве сконцентрированы на системах контроля

качества на каждом этапе реализации проекта, проводятся постоянные тестирования и проверки продукта перед его завершением;

– совершенствование процессов управления рисками – в связи с появлением сложностей и отсутствием определенности в проектных условиях современные подходы к каскадному управлению направлены на своевременное выявление и анализ рисков, позволяя более эффективно выполнять проект;

Каскадный метод в управлении проектами позволяет сохранять актуальность, и его применение полезно в различных отраслях и проектных задачах благодаря адаптации к современным требованиям и условиям рынка [6; 7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение каскадного подхода в управлении строительными проектами остается приоритетным методом для успешной реализации сложных задач. Данный метод позволяет систематизировать процессы, четко структурировать этапы выполнения работ и эффективно управлять ресурсами. Каскадный подход способствует минимизации рисков за счет предварительного планирования и последовательного выполнения задач, что особенно важно в условиях строительного сектора, где координация множества участников и контроль соблюдения сроков играют определяющую роль.

Внедрение современных технологий и инновационных методов, таких как цифровизация процессов управления и использование Building Information Modeling (BIM), дополняет каскадный подход, делая его более адаптивным и отзывчивым на изменения в ходе выполнения проекта. Данный подход остается надежным фундаментом для достижения успеха в управлении строительными проектами, обеспечивая высокую степень организации, эффективное управление ресурсами и достижение поставленных целей.

Список литературы

1. Матвеева А.Г., Никитаева А.Ю. и др. Управление проектами. Ростов-на-Дону: Феникс; 2009. 424 с.
2. Ньютон Р. Управление проектами от А до Я. М.: Альпина Бизнес Букс; 2019. 192 с.
3. Трубилин А.И., Гайдук В.И., Кондрашова А.В. Управление проектами. Саратов: Ай Пи Ар Медиа; 2019. 163 с.
4. Ципес Г.Л., Товб А.С., Нежурина М.И., Коротких М.Г. Управление проектами в современной организации. М.: Издательский дом МИСиС; 2019. 264 с.
5. Дитхелм Г. Управление проектами. СПб: Бизнес-пресс; 2004.
6. Фатрелл Р.Т., Шафер Д.Ф., Шафер Л.И. Управление программными проектами. Достижение оптимального качества при минимуме затрат. М.: Вильямс; 2003. 1136 с.
7. Фунтов В.Н. Основы управления проектами в компании. СПб: Питер; 2011. 394 с.

References

1. Matveeva L.G., Nikitaeva A.Yu. et al. Project management. Rostov-on-Don: Feniks; 2009. 424 p. (In Russian).
2. Newton R. Project Management from A to Z. Moscow: Alpina Business Books; 2019. 192 p. (In Russian).
3. Trubilin A.I., Gaiduk V.I., Kondrasheva A.V. Project management. Saratov: IPR Media; 2019. 163 p. (In Russian).
4. Tsipes G.L., Tovb A.S., Nezburina M.I., Korotkikh M.G. Project management in modern organization. Moscow: MISIS Publ. House; 2019. 264 p. (In Russian).
5. Diethelm G. Project management. St. Petersburg: Business press; 2004. (In Russian).
6. Funtov V.N., Shafer D.F., Shafer L.I. Program project management. Achieving Optimal Quality at Minimum Costs. Moscow: Williams; 2003. 1136 p. (In Russian).
7. Funtov V.N. Project management fundamentals in company. St. Petersburg: Piter; 2011. 394 p. (In Russian).

Последствия централизации ресурсов в Центральном федеральном округе для других регионов Российской Федерации

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

Аннотация

Несмотря на колоссальные масштабы территории Российской Федерации, экономика страны продолжает оставаться чрезвычайно централизованной. В рейтинге социально-экономического положения регионов среди федеральных округов выделяется Центральный федеральный округ, но не по показателям всех регионов, входящих в состав округа, а благодаря Москве, в которой имеет место высокий уровень концентрации ресурсов, обеспечивающий высокие темпы развития. В столице размещены ключевые институты, основные экономические и социально-политические ресурсы, стратегические национальные и зарубежные компании. По этой причине остается нереализованным экономический потенциал как других федеральных округов, так и регионов, входящих в состав Центрального федерального округа. Цель настоящего исследования – изучение степени концентрации ресурсов в центре, ее влияние на уровень развития регионов, входящих в состав округа, и страны в целом. Методической и нормативной базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики, отчеты Федеральной налоговой службы, результаты рейтинга агентства «РИА Рейтинг». Установлено, что высокая степень концентрации ресурсов, в том числе инвестиций, в центре, в частности в Москве, отрицательно влияет на уровень социально-экономического развития других округов, а также входящих в состав округа субъектов федерации, уровень доходов и качество жизни проживающего в них населения.

Ключевые слова

Трудовые ресурсы, доходы населения, валовой региональный продукт, основные фонды, инвестиции, амортизационная политика, налоговые доходы бюджета, рейтинг регионов по уровню развития и качеству жизни

Для цитирования: Зотиков Н.З. Последствия централизации ресурсов в Центральном федеральном округе для других регионов Российской Федерации // Вестник университета. 2025. № 2. С. 173–187.

Resource centralization in the Central Federal District and consequences for other Russian regions

Nikolai Z. Zotikov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit and Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvash State University named after. I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

Abstract

Despite the colossal scale of Russia's territory, the country's economy continues to be extremely centralized. The Central Federal District stands out among the other federal districts in the rating of the socio-economic status of the regions, but not according to the indicators of all the regions that make up the district, but thanks to Moscow, which has a high level of resource concentration that ensures high rates of development. Key institutions, main economic and socio-political resources, and strategic national and foreign companies are located in the capital. For this reason, the economic potential of both other federal districts and the regions that make up the Central Federal District remains unrealized. The purpose of the study is to examine the resource concentration degree in the center and its impact on the level of development of the regions that make up the district and the country as a whole. The methodological and normative basis of the study was the Federal State Statistics Service data, the Federal Tax Service reports, and the RIA Rating agency rating results. It has been found that the high degree of resource concentration, including investment, in the center, in particular in Moscow, negatively affects the level of social and economic development of other districts, as well as constituent entities of the Russian Federation, the level of income and life quality of the population living in them.

Keywords

Labor resources, population income, gross regional product, fixed assets, investments, depreciation policy, budget tax revenues, rating of regions by level of development and life quality

For citation: Zotikov N.Z. (2025) Resource centralization in the Central Federal District and consequences for other Russian regions. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 173–187.

ВВЕДЕНИЕ

В федеративных государствах, каким является Российская Федерация (далее – РФ, Россия), важными считаются отношения между центром и регионами. Эти отношения с учетом конкретных политических и экономических условий постоянно меняются.

В отношениях центра и субъектов федерации в постсоветский период Н.Ю. Лапина выделяет три периода¹:

- стихийная децентрализация (1990–1993 гг.) – отношения между центром и регионами были дестабилизированы распадом Советского Союза, из-за отсутствия административных и других ресурсов вопросы внутрирегионального управления переданы на уровень субъектов РФ;
- ассиметричный федерализм (1994–2000 гг.) – двусторонний характер взаимодействия между государством и регионами, неравенство субъектов РФ между собой, отсутствие универсальных правил в отношениях «центр–регион»;
- речентрализация России (с 2000-х г.) – благодаря интеграции российского пространства и перераспределению ресурсов и полномочий в пользу федерального центра с целью сделать региональную ситуацию управляемой из центра установилась властная вертикаль, принципы бюджетного унитаризма стали позволять концентрировать финансовые средства в центре (Москве), регионы утратили традиционные ресурсы, сократились их финансовые возможности.

Москва как центр Центрального федерального округа (далее – ЦФО) сосредоточила в себе высококвалифицированные кадры, наиболее современные предприятия сферы услуг, значительную часть финансов страны. Концентрируя наиболее качественные ресурсы и развивая высокотехнологические производства, она оставляет периферии возможность развивать лишь традиционные производства. Экономика ЦФО в целом складывается как совокупность трех составляющих – Москвы, Московской области и остальных 16 регионов округа.

По итогам 2021 г. валовой внутренний продукт (далее – ВВП) ЦФО составил 34,4 % от ВВП страны, валовой региональный продукт (далее – ВРП) Москвы – 58,7 % от ВВП ЦФО и 20,2 % от ВВП страны. Экономическое доминирование одного города в экономике государства характерно для держав с незначительной территорией, таких как Япония, Франция, Великобритания. Даже в Соединенных Штатах Америки на Нью-Йорк, финансовую столицу штатов, приходится лишь 8,6 % общего ВВП.

Факторами инвестиционной привлекательности Москвы являются:

- выгодное экономико-географическое положение;
- концентрация основных институтов власти и трудовых ресурсов;
- высокая централизация системы государственных и муниципальных финансов.

Это делает Москву центром основных инвестиционных потоков, тем самым увеличивается разрыв в уровне экономического развития между центром и регионами. При этом если разница в темпах экономического роста между регионами России благодаря принимаемым мерам остается относительно стабильной, то разрыв между Москвой и остальными субъектами стремительно увеличивается. Отвлекая на себя основные ресурсы, столица замедляет развитие территорий.

По мнению экспертов, экономика России в настоящее время нуждается в диверсификации, которая должна основываться на переходе с принципа выравнивания экономического развития территорий путем предоставления соответствующих дотаций на создание отдельных «точек роста» и «осей развития».

Рассматривая масштабы централизации налоговых доходов в РФ за 2006–2018 гг., М.А. Печенская-Полищук отмечает, что в 53 % территорий свыше 30 % налогового потенциала перечислялось в федеральный бюджет (далее – ФБ) [1]. Так, в 2018 г. доля налоговых доходов, перечисленных в ФБ, в общем объеме собранных на их территориях по округам составила:

- Уральский федеральный округ (далее – УФО) – 78,9 %;
- Приволжский федеральный округ (далее – ПФО) – 55,0 %;
- Северо-Западный федеральный округ (далее – СЗФО) – 55,6 %;
- Сибирский федеральный округ (далее – СФО) – 47,9 %;
- Южный федеральный округ (далее – ЮФО) – 40,2 %;

¹ Лапина Н.Ю. Отношение «центр – регионы» в современной России: пределы централизации. Режим доступа: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=36290> (дата обращения: 25.07.2024).

- ЦФО – 41,0 %;
- Северо-Кавказский федеральный округ (далее – СКФО) – 27,0 %;
- Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО) – 22,1 %.

Среди регионов с долей отчислений в ФБ свыше 50 % больше тех, чей уровень зависимости от межбюджетных трансфертов ниже 10 %. По мнению эксперта, повышению эффективности формирования налогового потенциала территорий будет способствовать умеренно децентрализованный характер распределения налоговых доходов.

В настоящем исследовании использовались общепринятые в экономике методы исследования – анализ и синтез, обобщение, группировка и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование начнем с анализа социально-экономических показателей по России, ЦФО и Москве за 2020–2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели за 2020–2022 гг.

Регионы	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г./2020 г., %
Численность населения на конец года, тыс. чел.				
РФ	147 455,7	146 980,1	146 447,4	99,3
ЦФО	40 341,0	40 298,1	40 240,3	99,8
Доля ЦФО, %	27,4	27,4	27,4	100,0
Москва	12 979,4	13 015,1	13 104,2	101,0
Москва в % от ЦФО	32,2	32,3	32,6	101,2
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.				
РФ	147 707,5	147 217,9	146 713,7	99,3
ЦФО	40 379,7	40 319,5	40 269,1	99,7
Доля ЦФО, %	27,3	27,4	27,4	100,4
Москва	12 963,0	12 997,3	13 059,7	100,7
Москва в % от ЦФО	32,1	32,2	32,4	100,9
Уровень занятости населения в трудоспособном возрасте, %				
РФ	77,0	78,0	79,0	102,6
ЦФО	81,1	81,4	82,2	101,3
Москва	85,7	85,3	85,3	99,5
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.				
РФ	69 550,3	70 817,9	71 216,9	102,4
ЦФО	20 765,6	20 906,2	20 843,9	100,4
Доля ЦФО, %	29,8	29,5	29,3	98,3
Москва	8 641,0	8 576,0	8 466,1	98,0
Москва в % от ЦФО	41,6	41,0	40,6	97,6
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц				
РФ	36 240,0	40 304,0	44 937,0	124,0
ЦФО	48 566,0	54 796,0	59 461,0	122,4
Доля ЦФО, %	134,0	135,9	132,3	98,7
Москва	78 106,0	88 860,0	95 465,0	122,2
Москва в % от ЦФО	160,8	162,2	160,6	99,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.				
РФ	51 344,0	57 244,0	65 338,0	127,3
ЦФО	65 319,0	73 548,0	83 126,0	127,3
Доля ЦФО, %	127,2	128,5	127,2	100,0
Москва	100 070,0	112 768,0	125 638,0	125,6

Продолжение табл. 1

Регионы	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г./2020 г., %
Москва в % от ЦФО	153,2	153,3	151,1	98,6
Доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения, %				
РФ	57,2	57,2	57,5	100,5
ЦФО	59,6	59,4	59,8	100,5
Москва	67,0	66,7	67,8	101,2
Валовый региональный продукт, млрд руб.				
Годы	2019	2020	2021	2021/2019, %
РФ	95 060,7	94 410,2	121 183,0	127,5
ЦФО	33 139,7	34 167,8	41 685,3	125,8
Доля ЦФО, %	34,9	36,2	34,4	98,6
Москва	19 797,0	20 260,7	24 471,2	123,6
Москва в % от ЦФО	59,7	59,3	58,7	98,3
Валовый региональный продукт на душу населения, тыс. руб.				
Годы	2019	2020	2021	2021/2019, %
РФ	647,7	644,6	830,8	128,3
ЦФО	841,0	868,5	1 064,0	126,5
Доля ЦФО, %	129,8	134,7	128,0	98,6
Москва	1 565,4	1 599,5	1 936,2	123,7
Москва в % от ЦФО	186,1	184,2	182,0	97,8
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.				
РФ	20 393,7	23 239,5	27 865,2	136,6
ЦФО	6 582,7	7 953,0	9 367,4	142,3
Доля ЦФО, %	32,3	34,2	33,6	104,0
Москва	3 839,4	4 868,3	5 918,0	154,1
Москва в % от ЦФО	58,3	61,2	63,2	108,4
Ввод в действие основных фондов, млрд руб.				
РФ	18 521,6	23 151,2	31 365,0	169,3
ЦФО	6 388,0	8 725,3	16 402,0	256,8
Доля ЦФО, %	34,5	37,7	52,3	151,6
Москва	3 146,0	4 892,7	12 292,2	390,7
Москва в % от ЦФО	49,2	56,1	74,9	152,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.				
РФ	139 245,0	159 323,0	189 929,0	136,4
ЦФО	167 318,0	202 998,0	232 620,0	139,0
Доля ЦФО, %	120,2	127,4	122,5	101,9
Москва	303 113,0	384 993,0	453 150,0	149,5
Москва в % от ЦФО	181,1	189,6	194,8	107,6
Число организаций, ед.				
РФ	3 517 446,0	3 345 117,0	3 285 118,0	93,4
ЦФО	1 201 916,0	1 128 834,0	1 129 434,0	94,0
Доля ЦФО, %	34,2	33,7	34,4	100,6
Москва	620 458,0	569 398,0	583 411,0	94,0
Москва в % от ЦФО	51,6	50,4	51,6	100,0
Сальдированный финансовый результат, млрд руб.				
РФ	13 418,8	33 915,8	22 313,6	166,3
ЦФО	5 481,6	14 118,2	8 041,7	146,7
Доля ЦФО, %	40,8	41,6	36,0	88,2

Регионы	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г./2020 г., %
Москва	3 881,9	10 632,9	5 545,2	142,8
Москва в % от ЦФО	70,8	75,3	68,9	97,3
Удельный вес убыточных организаций, %				
РФ	32,7	29,2	29,3	89,6
ЦФО	34,0	31,1	31,0	91,2
Москва	36,7	33,1	33,5	91,3
Налоговые доходы КБС РФ, млрд руб.				
РФ	14 901,2	17 546,3	19 676,9	132,0
ЦФО	5 015,3	5 962,9	6 527,8	130,2
Доля ЦФО, %	33,6	34,0	33,2	98,8
Москва	2 880,7	3 349,4	3 671,5	127,5
Москва в % от ЦФО	57,4	56,2	56,2	97,9
Безвозмездные поступления, млрд руб.				
РФ	4 102,8	3 894,5	4 244,2	103,4
ЦФО	875,3	695,3	708,5	80,9
Доля ЦФО, %	21,3	17,8	16,7	78,4
Москва	268,5	137,3	93,0	34,6
Москва в % от ЦФО	30,7	19,7	13,1	42,7

Примечание: КБС РФ – консолидированный бюджет субъектов РФ

Составлено автором по материалам источника²

Согласно данным табл. 1, в 2022 г. в сравнении с 2020 г.:

- численность населения на конец года уменьшилась по РФ на 0,7 %, в том числе в ЦФО – на 0,2 %, доля ЦФО в РФ по данному показателю осталась неизменной (27,4 %);
- среднегодовая численность населения уменьшилась по РФ на 0,7 %, по ЦФО – на 0,3 %, доля ЦФО увеличилась на 0,4 % (с 27,3 до 27,4 %) – «одним из самых существенных факторов, оказывающих влияние на численность населения региона, является естественное движение населения, которое учитывает такие причины изменения численности, как рождаемость и смертность» [2, с. 21];
- уровень занятости населения в трудоспособном возрасте увеличился по РФ с 77,0 до 79,0 % (рост на 2,6 %), по ЦФО – с 81,1 до 82,2 % (рост на 1,3 %);
- среднегодовая численность занятых увеличилась по РФ на 2,4 %, по ЦФО – на 0,4 %, что привело к снижению доли ЦФО по показателю с 29,8 до 29,3 % (снижение на 1,7 %);
- среднедушевые денежные доходы населения увеличились по РФ на 24,0 %, по ЦФО – на 22,4 %, при этом показатель по ЦФО выше среднероссийского показателя на 34,0 % в 2020 г. и на 32,3 % в 2022 г. – «в разрезе регионов ЦФО наблюдается существенная дифференциация как по величине реальных среднедушевых доходов, так и по объемам розничной торговли, что обусловлено различием регионов, входящих в состав округа, по социально-демографическим и экономическим параметрам. В регионах с более высоким уровнем среднедушевых доходов реальные объемы розничной торговли также являются более значительными» [3, с. 69];
- среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций увеличилась по РФ и ЦФО на 27,3 %, при этом показатель по ЦФО выше среднероссийского на 27,2 %;
- в структуре денежных доходов населения доля оплаты труда по РФ увеличилась с 57,2 до 57,5 %, по ЦФО – с 59,6 до 59,8 % – «поскольку основным мотивирующим фактором к труду является заработная плата, одним из важнейших направлений должно стать качественное повышение оплаты труда во многих отраслях, особенно в государственном секторе, в котором оплата труда является одной из самых низких, что и формирует здесь дефицит кадров. Так как основным базисом формирования заработной платы является минимальный размер оплаты труда, его дальнейшее повышение вместе с прожиточным минимумом до реальной российской действительности является важным направлением» [4, с. 71];

² Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономическое положение. 2023. Режим доступа: rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 25.07.2024).

- в 2021 г. в сравнении с 2019 г. ВВП увеличился по РФ на 27,5 %, по ЦФО – на 25,8 %, в связи с чем доля ЦФО в ВВП по РФ уменьшилась с 34,9 до 34,4 %;
 - ВРП на душу населения увеличился по РФ на 28,3 %, по ЦФО – на 26,5 %, показатель по ЦФО выше показателя по РФ на 29,8 % в 2019 г. и на 28,0 % в 2021 г.;
 - с увеличением инвестиций в основной капитал по РФ на 36,6 % (по ЦФО – на 42,3 %) доля ЦФО в РФ по показателю увеличилась с 32,3 до 33,6 %;
 - инвестиции в основной капитал на душу населения по ЦФО выше показателя по РФ на 20,2 % в 2020 г. и на 22,5 % в 2022 г.;
 - ввод в действие основных фондов увеличился по РФ на 69,3 %, в ЦФО – в 2,56 раза, что вызвало увеличение доли ЦФО в РФ по величине инвестиций с 34,5 до 52,3 %;
 - число организаций уменьшилось по РФ на 6,6 %, по ЦФО – на 6,0 %, доля ЦФО в показателе по РФ составляет 34,2–34,4 %;
 - сальдированный финансовый результат увеличился по РФ на 66,3 %, по ЦФО – на 46,7 %, что вызвало снижение доли ЦФО с 40,8 до 36,0 %;
 - удельный вес убыточных организаций уменьшился по РФ с 32,7 до 29,3 %, по ЦФО – с 34,0 до 31,0 %;
 - налоговые доходы консолидированного бюджета субъектов РФ увеличились по РФ на 32,0 %, по ЦФО – на 30,2 %, доля ЦФО уменьшилась с 33,6 до 33,2 %;
 - безвозмездные поступления увеличились на 3,4 %, по ЦФО – уменьшились на 19,1 %, в связи с чем доля ЦФО в величине безвозмездных поступлений в РФ уменьшилась с 21,3 до 16,7 % – приведенные в табл. 1 значения показателей по ЦФО в основном обеспечены за счет Москвы (ее доля в ЦФО по численности населения, среднегодовой численности населения составляет 1/3);
 - высокий уровень занятости населения в трудоспособном возрасте (85 %);
 - среднедушевые денежные доходы населения превышают показатель по округу на 60 %, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата – на 50 %;
 - доля оплаты труда в структуре денежных доходов населения составляет более 67 %;
 - доля валового регионального продукта составляет около 60 % ВРП по округу;
 - ВРП на душу населения превышает показатель по округу на 80 %;
 - доля инвестиций составляет более 60 % от показателя по округу;
 - инвестиции на душу населения превышают показатель по округу примерно вдвое;
 - около 75 % вводимых основных фондов приходится на Москву – именно там осуществляют деятельность более половины организаций округа, которые обеспечивают около 70 % сальдированного финансового результата, более 56 % налоговых доходов при низкой доле безвозмездных поступлений.
- Далее из триады «земля, труд, капитал» рассмотрим основные фонды, их стоимость и степень их износа (табл. 2).

Таблица 2

Стоимость основных фондов и степень их износа

РФ, округа	Стоимость основных фондов, млрд руб.				Степень износа основных фондов, %			
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Место в 2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Место в 2022 г.
РФ	362 191,6	400 243,4	427 401,3	–	52,1	53,0	48,0	–
ЦФО	127 407,4	137 480,8	151 901,4	1	42,5	42,8	40,6	1
СЗФО	46 317,9	50 236,8	53 188,3	4	48,0	49,1	43,4	2
ЮФО	29 610,0	33 653,5	35 095,9	5	49,0	49,6	46,1	4
СКФО	7 645,2	7 850,6	8 178,6	8	53,4	53,4	50,4	6
ПФО	52 049,4	55 731,4	58 928,3	3	59,3	60,5	54,4	7
УФО	49 847,6	58 997,9	61 460,5	2	62,3	64,5	56,1	8
СФО	26 548,0	30 666,2	31 928,0	6	51,1	51,1	47,4	5
ДФО	21 745,9	25 623,1	26 718,6	7	45,4	45,7	43,6	3
Доля ЦФО в РФ, %	35,2	34,3	35,5	–	–	–	–	–

Составлено автором по материалам источника³

³ Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономическое положение. 2023. Режим доступа: rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 25.07.2024).

Как следует из данных табл. 2, более трети основных фондов размещены в ЦФО, незначительна их доля в СКФО (2,0 %), ДФО (6,0 %), СФО (7,5 %). При этом степень износа основных фондов в ЦФО меньше всех других округов и в целом по России. Среднее значение показателя по стране превышает СКФО, ПФО, УФО, причем УФО занимает первое место по данному показателю.

На состояние основных фондов влияет проводимая в организациях амортизационная политика, которая предусматривает порядок переноса стоимости основных средств на себестоимость продукции с тем расчетом, чтобы как можно быстрее вернуть эту стоимость в целях дальнейшего расширенного воспроизводства. Она определяется скоростью этого переноса и накопления средств для замены амортизированных основных средств. При выборе метода амортизации следует выбирать «золотую середину» между ростом расходов (снижающим рентабельность) и быстрым созданием дополнительных источников для обновления активов. Речь идет о замедленной амортизации, при которой увеличивается срок полезного использования, и ускоренной амортизации (установление минимального срока полезного использования, принятие нелинейного метода амортизации, применение повышающих коэффициентов и др.).

Рассмотрим амортизационную политику в прибыльных организациях (табл. 3).

Таблица 3

Амортизационная политика в прибыльных организациях

Показатели	2020 г.			2023 г.			2023 г./2020 г., %	
	РФ	ЦФО	Доля ЦФО, %	РФ	ЦФО	Доля ЦФО, %	РФ	ЦФО
Расходы, млрд руб.	243 003,7	154 838,4	63,7	345 594,8	180 096,2	52,1	142,2	116,3
Исчислен налог, млрд руб.	3 379,8	1 735,1	48,5	6 887,3	3 342,5	48,5	203,8	192,6
ИНВ, млрд руб.	4,3	2,4	55,8	69,2	16,8	24,3	16,0 раз	7,0 раз
Кол-во организаций, применивших ИНВ, ед.	130,0	32,0	24,6	557,0	111,0	19,9	428,5	346,9
Кол-во прибыльных организаций, ед.	794 244,0	307 731,0	38,7	764 368,0	305 195,0	39,9	96,2	99,2
Кол-во организаций, применивших амортизационную премию, ед.	10 629,0	3 625,0	34,1	12 362,0	4 209,0	34,0	116,3	116,1
Амортизационная премия не более 10 % стоимости, млрд руб.	259,4	170,9	65,9	314,4	125,6	39,9	121,2	73,5
Амортизационная премия не более 30 % стоимости, млрд руб.	1 232,1	581,6	47,2	1 705,4	586,9	34,4	138,4	100,9
Повышающий коэффициент в условиях использования ОС в агрессивной среде								
Кол-во организаций, ед.	221,0	33,0	14,9	230,0	30,0	13,0	104,1	90,9
млрд руб.	146,8	91,9	62,6	100,4	21,5	21,4	68,4	23,4
Повышающий коэффициент к нормам амортизации в условиях повышенной сменности								
Кол-во организаций, ед.	95,0	22,0	23,2	71,0	16,0	22,5	74,7	72,7
млрд руб.	23,7	6,1	25,7	14,1	0,8	5,7	59,5	13,1
Повышающий коэффициент в отношении ОС высокой энергетической эффективности								
Кол-во организаций, ед.	67,0	12,0	17,9	92,0	13,0	14,1	137,3	108,3
млрд руб.	22,0	14,4	65,4	11,6	1,7	14,6	52,7	11,8
Повышающий коэффициент при использовании ОС в условиях аренды								
Кол-во организаций, ед.	209,0	86,0	41,1	151,0	53,0	35,1	72,2	61,6

Окончание табл. 3

Показатели	2020 г.			2023 г.			2023 г./2020 г., %	
	РФ	ЦФО	Доля ЦФО, %	РФ	ЦФО	Доля ЦФО, %	РФ	ЦФО
млрд руб.	109,7	78,5	71,6	364,0	188,4	51,7	331,8	240,0
Линейный метод амортизации								
Кол-во организаций	332 316,0	132 997,0	40,0	347 333,0	138 333,0	39,8	107,4	104,0
млрд руб.	6 271,2	3 314,3	52,8	8 246,2	3 666,2	44,4	131,5	110,6
Нелинейный метод амортизации								
Кол-во организаций	1 295,0	392,0	30,3	1 155,0	369,0	31,9	89,2	94,1
млрд руб.	231,8	72,7	31,4	396,1	93,0	23,5	170,9	127,9

Примечание: ИНВ – имущественный налоговый вычет

Составлено автором по материалам источника⁴

Как показывают данные табл. 3, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

- расходы, учитываемые в целях налогообложения прибыли, увеличились по России на 42,2 %, в том числе по ЦФО – на 16,3 %, что вызвало уменьшение доли расходов ЦФО в РФ с 63,7 до 52,1 %;
- величина исчисленного налога на прибыль увеличилась по РФ в два раза, по ЦФО – на 92,6 %, доля ЦФО в налоге на прибыль по РФ осталась неизменной (48,5 %);
- сумма инвестиционного налогового вычета увеличилась по РФ в 16 раз, по ЦФО – в 7 раз, при увеличении количества организаций, применивших имущественный налоговый вычет, в 4,2 раза по РФ и в 3,5 раза по ЦФО показатель в % от количества прибыльных организаций остается невысоким (менее 1,0 %);
- около 40 % прибыльных организаций в целом по РФ осуществляют деятельность в ЦФО;
- менее 2,0 % от общего количества прибыльных организаций как по РФ, так и по ЦФО применяют амортизационную премию, доля ЦФО в сумме амортизационной премии уменьшилась с 50,4 до 35,3 %, при этом преобладает доля амортизационной премии в размере не более 30 % стоимости основных средств;
- менее 0,2 % по РФ и менее 0,1 % по ЦФО от общего количества организаций, начисляющих амортизацию основных средств, применяют повышающие коэффициенты к нормам амортизации, которые предусмотрены главой 25 Налогового кодекса РФ при использовании основных средств в условиях агрессивной среды, в условиях повышенной сменности, в отношении основных средств высокой энергетической эффективности, при их использовании в условиях аренды (в денежном выражении – 5–6 % от общей суммы начисленной амортизации основных средств);
- менее 0,3–0,4 % организаций, начисляющих амортизацию основных средств, применяют нелинейный метод начисления амортизации, в суммарном выражении от общей суммы начисленной амортизации – не более 5,0 % по России, по ЦФО – не более 2,5 %.

Об эффективности амортизационной политики свидетельствует финансовое состояние организации, оцениваемое по балансовой стоимости основных фондов, на которое непосредственно влияет принятый метод начисления амортизации. При этом используются:

1. Коэффициент износа основных средств (отношение суммы начисленного износа к первоначальной стоимости актива).
2. Фондоёмкость, которая характеризует какая величина основных фондов приходится на 1 руб. произведенной продукции. Снижение фондоёмкости означает экономию труда.

По данным табл. 1 и 2, за 2021 г. фондоёмкость составила:

- по РФ – 400 243,4 млрд руб. / 121 183,0 млрд руб. = 3,3;
- по ЦФО – 137 480,8 млрд руб. / 41685,3 млрд руб. = 3,3.

3. Фондоотдача – отношение выручки (объема ВРП) к стоимости основных фондов:

- по РФ – 121 183,0 млрд. руб. / 400 243,4 млрд руб. = 0,3;
- по ЦФО – 41 685,3 млрд. руб. / 137 480,8 млрд руб. = 0,3.

⁴ Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций. Режим доступа: <https://clck.ru/3GaTa5> (дата обращения: 25.07.2024).

4. Фондовооруженность, которая характеризует степень оснащенности труда работающих и определяется отношением стоимости основных фондов на численность работников:

– по РФ – 400 243,4 млрд руб. / 70 817,9 тыс. чел. = 5 651,7 руб.;

– по ЦФО – 137 480,8 млрд руб. / 20 906,2 тыс. чел. = 6 577,0 руб., то есть работники ЦФО лучше обеспечены основными фондами.

Фондовооруженность и фондоотдача связаны между собой через показатель производительности труда (фондоотдача = производительность труда: фондовооруженность).

ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ

Н.В. Петрухина отмечает: «Важность и значимость инновационной составляющей регионов нельзя недооценивать, поскольку от новейших разработок, созданных на территории определенного субъекта, повышения эффективности институтов, а также создания новых объектов инфраструктурного развития будет зависеть развитие инновационной системы всей страны, что позволит конкурировать на международной арене» [5, с. 442].

Инвестиции в основной капитал являются одним из важнейших источников для поступательного развития экономики (табл. 4).

Таблица 4

Инвестиции в основной капитал и на душу населения

Регионы	Инвестиции в основной капитал, млн руб.			Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.		
	2019 г.	2023 г.	%	2019 г.	2023 г.	2023 г./2019 г., %
РФ	19 329 038,0	34 036 338,0	176,1	130 690,0	232 649,0	178,0
ЦФО	6 093 362,0	10 731 312,0	176,1	151 064,0	266 819,0	176,6
Доля ЦФО в РФ, %	31,5	31,5	100,0	115,6	114,7	99,2
Белгородская область	167 093,0	212 210,0	127,0	107 669,0	140 761,0	130,7
Брянская область	63 553,0	94 136,0	148,1	53 264,0	82 039,0	154,0
Владимирская область	90 060,0	181 731,0	201,8	65 423,0	137 912,0	210,8
Воронежская область	298 768,0	374 135,0	125,2	127 818,0	164 141,0	128,4
Ивановская область	37 419,0	67 502,0	180,4	39 001,0	74 152,0	190,1
Калужская область	110 158,0	125 725,0	114,1	104 635,0	117 541,0	112,3
Костромская область	26 009,0	47 900,0	184,2	43 218,0	84 171,0	194,7
Курская область	142 669,0	231 243,0	162,1	129 534,0	217 341,0	167,8
Липецкая область	155 038,0	187 205,0	120,7	133 557,0	166 959,0	125,0
Московская область	1 090 732,0	1 593 545,0	146,1	131 366,0	184 834,0	140,7
Доля Московской области в ЦФО, %	17,9	14,8	82,7	87,0	69,3	79,5
Орловская область	55 902,0	58 362,0	104,4	76 229,0	83 807,0	109,9
Рязанская область	69 044,0	101 302,0	146,7	61 548,0	93 317,0	151,6
Смоленская область	70 525,0	94 644,0	134,2	76 577,0	108 973,0	142,3
Тамбовская область	90 719,0	92 398,0	101,8	89 768,0	96 120,0	107,1
Тверская область	88 348,0	141 167,0	159,8	70 018,0	117 106,0	167,2
Тульская область	177 724,0	235 052,0	132,2	116 742,0	159 216,0	136,4
Ярославская область	90 978,0	135 819,0	149,3	73 386,0	114 030,0	155,4
Москва	3 268 623,0	6 757 236,0	206,7	253 634,0	514 759,0	202,9
Доля Москвы в ЦФО, %	53,6	63,0	117,5	167,9	192,9	114,9

Составлено автором по материалам источника⁵

⁵ Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в нефинансовые активы. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 25.07.2025).

Инвестиции в основной капитал по РФ и ЦФО увеличились на 76,1 %, в связи с чем доля ЦФО в РФ осталась неизменной (31,5 %). В общей сумме инвестиций доля Москвы увеличилась с 53,6 до 63,0 %, доля Московской области – уменьшилась с 17,9 до 14,8 %. Таким образом, на долю всех оставшихся 16 субъектов осталось в 2019 г. 28,5 %, в 2023 г. – 22,2 % общей суммы инвестиций.

Инвестиции в основной капитал на душу населения увеличились по РФ на 78,8 %, по ЦФО – на 76,6 %. Величина показателя по ЦФО выше показателя по РФ примерно на 15 %, показатель по Москве превышает показатель по ЦФО на 67,9 % в 2019 г. и на 92,9 % в 2023 г. В 2019 и 2023 г. инвестиции на душу населения во всех регионах округа (за исключением Москвы) меньше среднего значения по округу, показатель варьируется в 2019 г. от 39 001 руб. по Ивановской области до 133 557 руб. по Липецкой области, в 2023 г. – от 74 152 руб. по Ивановской области до 184 834 руб. по Московской области.

РАСЧЕТ ВРП

Одним из важнейших показателей, характеризующих уровень развития региона, является ВРП (табл. 5).

Таблица 5

Общий ВРП И ВРП на душу населения, среднемесячная заработная плата

Регионы	ВРП, млрд руб.			ВРП на душу населения, тыс. руб.			Среднемесячная заработная плата, руб.	
	2019 г.	2022 г.	2022 г./2019 г., %	2019 г.	2022 г.	2022 г./2019 г., %	2019 г.	2022 г.
РФ	95 060,7	140 670,8	148,0	642,7	958,8	149,2	47 867,0	65 338
ЦФО	33 139,7	47 367,5	142,9	821,6	1 176,3	143,2	60 771,0	83 126
Доля ЦФО в РФ, %	34,9	33,7	96,6	127,8	122,7	96,0	126,9	127,2
Белгородская область	955,3	1 311,2	137,2	615,6	859,5	139,6	34 615,0	47 638,0
Брянская область	399,1	549,3	137,6	334,5	474,2	141,8	29 853,0	40 804,0
Владимирская область	535,5	780,5	145,8	389,0	585,1	150,4	33 076,0	45 677,0
Воронежская область	1 001,8	1 377,7	137,5	428,6	600,6	140,1	33 690,0	46 277,0
Ивановская область	255,0	364,0	142,7	265,7	395,9	149,0	27 553,0	36 380,0
Калужская область	549,7	693,9	126,2	522,2	647,3	123,9	41 442,0	53 910,0
Костромская область	203,8	276,0	135,4	338,7	480,1	141,7	31 421,0	40 242,0
Курская область	495,9	665,5	134,2	450,2	620,4	137,8	32 709,0	46 059,0
Липецкая область	570,0	792,8	139,1	491,0	700,2	142,6	34 312,0	46 711,0
Московская область	5 196,1	7 720,8	148,6	625,8	901,2	144,0	55 555,0	70 705,0
Доля Московской области в ЦФО, %	15,7	16,3	103,8	76,2	76,6	100,5	116,1	108,2
Орловская область	266,6	369,9	138,7	363,6	524,6	144,3	29 683,0	40 843,0
Рязанская область	436,4	619,2	141,9	389,0	566,1	145,5	34 488,0	45 770,0
Смоленская область	349,2	483,3	138,4	379,2	549,2	144,8	31 269,0	41 717,0
Тамбовская область	353,7	473,7	133,9	350,0	487,1	139,2	28 697,0	39 346,0
Тверская область	488,4	629,4	128,9	387,0	516,5	133,5	33 524,0	45 732,0
Тульская область	676,8	1 004,3	148,4	444,6	674,4	151,7	38 151,0	51 218,0
Ярославская область	609,1	748,3	122,8	491,4	623,5	126,9	36 016,0	47 388,0
Москва	19 797,0	28 507,4	144,0	1 536,2	2 182,9	142,1	94 294,0	125 638,0
Доля Москвы в ЦФО, %	59,7	60,2	100,8	187,0	185,6	99,3	–	–

Составлено автором по материалам источников^{6,7}

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 25.07.2024).

⁷ Средняя заработная плата в России по годам и субъектам РФ. Режим доступа: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1190-zarplata-v-rossii-po-godam> (дата обращения: 25.07.2024).

По данным табл. 5, в 2022 г. в сравнении с 2019 г. ВВП увеличился по стране на 48,0 %, по ЦФО – на 42,9 %, что вызвало уменьшение доли ЦФО в РФ с 34,9 до 33,7 %. При этом доля Москвы в ВРП по ЦФО увеличилась с 59,7 до 60,2 %, доля Московской области – с 15,7 до 16,3 %, следовательно, на остальные 16 регионов приходится 24,6 и 23,5 % ВРП. ВРП по ЦФО за указанный период увеличился в меньшей степени (на 42,9 %), чем по РФ (на 48,0 %), и лишь в четырех регионах увеличился темпами, опережающими темп роста по ЦФО, в том числе по Владимирской области (на 45,8 %), Московской области (на 48,6 %), Тульской области (на 48,4 %), Москве (на 44,0 %).

ВРП на душу населения увеличился по РФ на 49,2 %, по ЦФО – на 43,2 %, при этом показатель по ЦФО выше среднероссийского на 27,8 % в 2019 г. и 22,7 % в 2022 г. Показатель по ЦФО превышает ВРП на душу населения по Москве на 87,0 % и 85,6 %, по всем остальным регионам он ниже среднего показателя по округу. Минимальное значение имеет Ивановская область – 265,7 и 395,9 тыс. руб., или 32,3 % и 33,6 % от показателя по ЦФО.

Рассмотрим точки зрения экспертов на изучаемую проблематику. А.А. Головин и соавторы отмечают: «В регионах ЦФО отмечается существенная дифференциация по уровню экономического развития, что отражается в величине ВРП на душу населения. В тех регионах, где ВРП выше, отмечается и больший размер дохода бюджета» [6, с. 116]. М.Н. Наджафова и С.В. Малахова пишут: «Обеспечение устойчивых темпов экономического роста по-прежнему остается важной задачей, актуальность которой только возросла. Ключевым элементом обеспечения устойчивого развития регионов страны является формирование на региональном уровне эффективной системы управления. Оценка тенденций последних лет показала, что существующие в регионах системы управления характеризуются низкой эффективностью, что выражается в снижении основных социально-экономических индикаторов – от ВРП до уровня занятости и безработицы» [7, с. 151].

Стоит отдельно рассмотреть слова П.В. Дружинина: «Относительно высокая эффективность развития прочих регионов ЦФО произошла за счет развития традиционных видов деятельности – обрабатывающей промышленности и сельского, лесного хозяйства, их модернизации, что позволило сохранить эффективность вложений в экономику регионов. В отличие от первого периода продолжение концентрации ресурсов в Москве во втором периоде дало отрицательный результат для ЦФО в целом, оно не привело к росту экономики Москвы и замедлило рост экономики прочих 16 регионов, терявших ресурсы» [8, с. 136]. Под первым периодом роста автор имеет в виду период с 1998 г. по 2008 г., под вторым – с 2009 г. по 2020 г. Эксперт указывает, что до кризиса 2008–2009 гг. московская агломерация развивалась успешно, концентрация ресурсов способствовала более быстрому и эффективному росту экономики ЦФО.

После кризиса в Москве продолжился одновременный рост населения и остальных регионов ЦФО, причем заметно быстрее, чем по России в целом. Впоследствии низкая эффективность московской экономики была связана с проблемами мегаполиса, вызванными необходимостью инвестиций в развитие транспорта, инфраструктуру. Сокращение имеющихся ресурсов (за исключением трудовых) привело к заметно более низким темпам роста экономики во втором периоде, и продолжающаяся концентрация ресурсов в Москве дала отрицательный результат для ЦФО в целом. Все это не привело к росту экономики Москвы и замедлило рост экономики прочих 16 регионов, утративших ресурсы.

Из данных табл. 5 следует, что в 2022 г. в сравнении с 2019 г. среднемесячная заработная плата увеличилась по РФ на 36,5 %, по ЦФО – на 36,8 %, в том числе на 27,4 % по Московской области, на 40,8 % – по Курской области. Зарплата в ЦФО выше зарплаты по РФ на 26,9 % в 2019 г. и на 27,2 % в 2022 г., в том числе по Москве выше на 55,2 % зарплаты по ЦФО в 2019 г. и на 51,1 % в 2022 г. Несмотря на увеличение заработной платы во всех субъектах, разрыв в ее размере остается значительным. В 2019 г. и 2022 г. во всех областях (за исключением Москвы) она была ниже среднего показателя по ЦФО: минимальное значение показателя по Ивановской области (27 553 руб. в 2019 г. и 36 380 руб. в 2022 г.), максимальное – по Московской области (55 555 руб. в 2019 г. и 70 705 руб. в 2022 г.) при средней зарплате по ЦФО 60 771 руб. в 2019 г. и 83 126 руб. в 2022 г.

Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» проводит рейтинг социально-экономического положения (далее – СЭП) регионов на основании более 10 показателей, объединенных в четыре группы (масштаб экономики, эффективность экономики, бюджетная и социальная сферы), а также рейтинг качества жизни на основании более 70 показателей (табл. 6).

Таблица 6

Рейтинг регионов ЦФО по уровню СЭП и качеству жизни

Регионы	По уровню СЭП				По качеству жизни		
	2019 г.		2023 г.		2019 г.	2023 г.	
	Баллы	Место	Баллы	Место	Место	Баллы	Место
Белгородская область	57,103	18	60,960	20	5	64,625	11
Брянская область	37,501	51	41,710	51	41	53,634	43
Владимирская область	42,701	41	47,658	36	33	54,792	34
Воронежская область	55,389	20	60,194	21	7	64,061	13
Ивановская область	30,896	61	37,575	58	52	52,159	48
Калужская область	48,836	26	46,099	42	21	64,622	12
Костромская область	27,975	70	33,408	66	62	47,781	61
Курская область	45,176	35	48,585	34	20	59,704	24
Липецкая область	50,003	24	56,825	24	11	61,932	18
Московская область	77,596	4	82,083	5	3	79,999	3
Орловская область	30,220	63	34,705	64	40	53,666	42
Рязанская область	40,472	45	45,207	44	26	59,010	25
Смоленская область	31,286	60	41,984	49	35	51,167	51
Тамбовская область	35,875	55	41,151	54	43	52,410	47
Тверская область	39,462	46	41,906	50	58	49,859	52
Тульская область	48,813	27	54,311	25	18	62,602	17
Ярославская область	42,734	40	47,518	37	28	57,439	29
Москва	88,980	1	94,399	1	1	83,640	1

Составлено автором по материалам источника^{8,9}

Из данных табл. 6 следует:

- по итогам 2019 г. из 19 регионов два занимали места в первой десятке (Москва – первое, Московская область – четвертое);
- две области – места во второй десятке (Белгородская – 18-е, Воронежская – 20-е);
- три области – в третьей десятке (Калужская, Липецкая и Тульская);
- две области – в четвертой десятке (Курская и Ярославская);
- по три области в пятой, шестой и седьмой десятках соответственно;
- по итогам 2023 г. по-прежнему лидировали Москва (первое место), Московская область (пятое место), улучшили свои позиции Владимирская область (с 41-го на 36-е место), Ивановская область (с 61-го на 58-е место), Курская область (с 35-го на 34-е место), Рязанская область (с 45-го на 44-е место), Смоленская область (с 60-го на 49-е место);
- ухудшились позиции в рейтинге Белгородской области (с 18-го на 20-е место) и Калужской области (с 26-го на 42-е место);
- сохранили свои позиции Брянская область (51-е место) и Липецкая область (24-е место).

В рейтинге качества жизни места регионов превышают их места в рейтинге по уровню социально-экономического положения, кроме Смоленской области в 2023 г., Тверской области в 2019 г. и 2023 г. По итогам 2023 г. в рейтинге качества жизни лидируют Москва (первое место), Московская область (третье место). Во второй десятке занимают места Белгородская область (11-е место), Воронежская

⁸ Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20230515/630241787.html> (дата обращения: 25.07.2024).

⁹ Рейтинг регионов по качеству жизни – 2023. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html> (дата обращения: 25.07.2024).

область (13-е место), Калужская область (12-е место), Липецкая область (18-е место), Тульская область (17-е место), в третьей десятке – Курская, Рязанская, Ярославская области. При этом по итогам 2023 г. места в рейтинге качества жизни намного выше мест в рейтинге по уровню СЭП – по Калужской области (12-е и 42-е места), Орловской области (42-е и 64-е места), Рязанской области (25-е и 44-е места).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следствием концентрации ресурсов в ЦФО является сохраняющийся высокий уровень дифференциации федеральных округов по уровню их социально-экономического развития. Так, по данным рейтинга, за 2022 г. значения интегрального индекса составили (в баллах): по ЦФО – 2,05 (первое место), УФО – 1,78 (второе место), СЗФО – 1,43 (третье место), ДФО – 1,37 (четвертое место), СФО – 1,33 (пятое место), ПФО – 1,04 (шестое место), ЮФО – 0,57 (седьмое место), СКФО – 0,45 (восьмое место)¹⁰. При этом соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя составило 4,5 раза, средний индекс – 1,25, то есть три федеральных округа (ПФО, ЮФО и СКФО) имеют значение показателя ниже среднего.

Исследуемый в статье вопрос является актуальным не только для Москвы как центра округа и столицы страны, но и для всех столиц регионов. Переток населения, в первую очередь молодежи, в столицу региона (областной центр) позволяет им на первых порах развиваться более успешно, но при этом периферия теряет наиболее качественный человеческий потенциал.

Автором установлено, что, занимая около 30 % населения и занятых, более трети основных фондов и числа организаций, ЦФО в 2022 г. обеспечил более трети ВРП, налоговых доходов бюджетов, сальдированного финансового результата. В округе в сравнении с Россией выше средняя зарплата (на 27 %), ВРП на душу населения (на 28 %), при этом во всех регионах, кроме Москвы, зарплата ниже, чем по округу.

Уровень централизации ресурсов выше внутри самого округа ЦФО. Имея около трети всех занятых, более половины основных фондов, более 60 % инвестиций, Москва обеспечивает около 60 % ВРП, более 56 % налоговых доходов, по сравнению с округом ВРП на душу населения больше на 82 %, инвестиций на душу населения – на 94,8 %. В то же время в рейтинге СЭП лишь два региона округа занимают места в первой десятке, по три – в третьей–шестой десятках, в рейтинге качества жизни более 10 регионов занимают места в третьей–седьмой десятках, в рейтинге качества жизни в 2023 г. в сравнении с 2019 г. 10 регионов из 18 ухудшили свои позиции. Таким образом, высокий уровень концентрации ресурсов в ЦФО (внутри округа в Москве) затрудняет развитие других федеральных округов, внутри ЦФО – регионов. В результате остается нереализованным налоговый потенциал субъектов РФ.

Московская агломерация включает Москву со всеми ее пригородами, является крупнейшим в России макроэкономическим регионом и межрегиональным центром социально-экономического развития, притягивающим центральную часть и всю Россию. По итогам 2022 г. агломерация занимала 18-е место в мире по численности населения (она включает более 70 городов). Все это привело к тому, что фактически весь ЦФО находится под влиянием московской агломерации, так как его регионы большей частью замкнуты на ее рынок. В связи с этим будущее ЦФО должно происходить в рамках выноса производств за пределы Москвы и Московской области на территории других областей округа, что будет способствовать реализации их налогового и производственного потенциала.

Список литературы

1. Печенская-Полищук М.А. Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий. Экономика региона. 2021;2(17):658–672. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>
2. Березняк И.С. Человеческий потенциал Смоленской и сопредельных с ней областей ЦФО: современное состояние и перспективы развития. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022;1(12):18–26. <https://doi.org/10.17513/vaael.2610>
3. Зюкин Д.А. О взаимосвязи реальных доходов населения и развития розничной торговли в ЦФО. Наука и практика регионов. 2022;1(26):66–69.
4. Власова О.В. Тенденции развития самозанятости граждан в регионах ЦФО. Карельский научный журнал. 2019;1(8):69–71. <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0801-0020>

¹⁰ Рейтинг округов России по уровню и потенциалу их социально-экономического развития – 2022. Режим доступа: <https://datasets-isc.ru/2-uncategorised/1043-rejting-okrugov-rossii-po-urovnyu-i-potentsialu-ikh-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-2022-1> (дата обращения: 25.07.2024).

5. Петрухина Н.В. Анализ показателей инновационного развития регионов ЦФО. Управленческий учет. 2021;9-2:437–442.
6. Головин А.А., Мангушева А.С., Еськова Н.А. и др. О взаимосвязи экономического развития и формирования бюджета в регионах ЦФО. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021;4:111–116.
7. Наджафова М.Н., Малахова С.В. Управление экономическим развитием в регионах ЦФО в условиях кризиса. Вестник Курской государственной сельхозакадемии. 2022;4:145–151.
8. Дружинин П.В. Концентрация ресурсов в Москве: влияние на экономику Центрального федерального округа. Пространственная экономика. 2022;3(18):115–140. <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>

References

1. Pechenskaya-Polischuk M.A. The influence of centralisation and decentralisation processes on regional tax potential. Economy of Region. 2021;2(17):658–672. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-22>
2. Bereznyak I.S. Human potential of Smolensk and surrounding regions of the CFD: current status and development prospects. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022;1(12):18–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.2610>
3. Zyukin D.A. On interrelation of population's real incomes and retail trade development in the CFD. Science and Practice of Regions. 2022;1(26):66–69. (In Russian).
4. Vlasova O.V. Tendencies of development of citizens employment in the regions of the Central Federal District. Karelian Scientific Journal. 2019;1(8):69–71. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0801-0020>
5. Petrukhina N.V. Analysis of indicators of innovative development of the Central Federal District regions. Management accounting. 2021;9-2:437–442. (In Russian).
6. Golovin A.A., Mangusheva L.S., Eskova N.A. et al. On interrelation of economic development and budget formation in the regions of the CFD. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2021;4:111–116. (In Russian).
7. Nadzhafova M.N., Malakhova S.V. Management of economic development in the regions of the CFD in a crisis. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2022;4:145–151. (In Russian).
8. Druzhinin P.V. The resource concentration in Moscow: impact on the economy of the Central Federal District. Spatial Economics. 2022;3(18):115–140. (In Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2022.3.115-140>

Трансформация научного знания в информационно-когнитивный научный продукт общества цифровой эпохи

Захаров Михаил Юрьевич

Д-р филос. наук, зав. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: my_zakharov@guu.ru

Шишкова Анастасия Викторовна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы процессы, связанные с изменением подходов к определению и исследованием понятия научного знания в цифровом обществе. Авторы исходят из понимания природы науки через анализ научного знания как результата научного познания, приходя таким образом к необходимости демаркации понятий научного знания, научной информации, научных данных и других познавательных конструкций. В первой части исследования эти понятия рассмотрены через призму информационного подхода, конструктивизма, системного подхода, феноменологии и постмодернизма. Вторая часть исследования обращается к вопросу о том, может ли знание существовать вне индивидуального сознания, иметь свою независимую жизнь в обществе и поддаваться оцифровке. Рассмотрены два подхода: в рамках первого знание является надличностным явлением и обладает способностью к самостоятельному существованию вне своего создателя, в рамках второго, когда знание отрывается от своего создателя, оно теряет свою исходную форму и преобразуется в способную к опредмечиванию информацию, которая не является полным отражением знания. Показано, что в рамках второго подхода цифровизация ведет к когнитивному обеднению общества из-за утери части научного знания, не поддающегося оцифровке. В качестве альтернативного подхода предложена концепция «информационно-когнитивного научного продукта общества», которую можно использовать в качестве рамочного понятия. Этот продукт представляет собой совокупность явного научного знания и социально значимой научной информации, которая активно циркулирует в информационном пространстве общества.

Ключевые слова

Научное знание, научная информация, информационно-когнитивный продукт, когнитивное обеднение, цифровизация науки, цифровое общество

Для цитирования: Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Трансформация научного знания в информационно-когнитивный научный продукт общества цифровой эпохи // Вестник университета. 2025. № 2. С. 188–195.

Transformation of scientific knowledge into an information and cognitive scientific product of the digital age society

Mikhail Yu. Zakharov

Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: my_zakharov@guu.ru

Anastasia V. Shishkova

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The processes associated with changes in approaches to the definition and research of the scientific knowledge concept in the digital society have been analyzed. The authors proceed from understanding of the nature of science through the scientific knowledge analysis as a scientific cognition result, thus arriving at the need to demarcate the concepts of scientific knowledge, scientific information, scientific data, and other cognitive constructs. The first part of the study examines these concepts through the prism of the information approach, constructivism, systemic approach, phenomenology, and post-modernism. The second part of the study addresses the question of whether knowledge can exist outside individual consciousness, have its own independent life in society, and be digitized. Two approaches have been considered. Within the framework of the first one, knowledge is a suprapersonal phenomenon and has the ability to exist independently outside its creator. Within the framework of the second one, when knowledge is detached from its creator, it loses its original form and is transformed into information capable of being commodified, which is not a complete reflection of knowledge. It has been shown that within the framework of the second approach digitalization leads to cognitive impoverishment of society due to the loss of the part of scientific knowledge that cannot be digitized. As an alternative approach, the information and cognitive scientific product of society concept, which can be used as a framework concept, has been proposed. This product is a set of explicit scientific knowledge and socially significant scientific information that actively circulates in the information space of society.

Keywords

Scientific knowledge, scientific information, information-cognitive product, cognitive impoverishment, science digitalization, digital society

For citation: Zakharov M.Yu., Shishkova A.V. (2025) Transformation of scientific knowledge into an information and cognitive scientific product of the digital age society. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 188–195.

ВВЕДЕНИЕ

Наука во все времена являлась многозначным дискуссионным понятием, и попытки выработать единое рабочее определение всегда были обречены на провал из-за сложной природы феномена. На сегодняшний день ученым удалось выработать некие всеобщие черты, характеризующие специфику данной исторической формы познания окружающего мира.

Наука – это специализированная, профессионально организованная сфера доказательной духовной деятельности человека, направленная на рациональное (включающее элементы иррационального) познание мира, стремящаяся объективно отражать действительность. Научное знание является логически непротиворечивым, способным к воспроизведению. Оно (за исключением социально-гуманитарного знания) традиционно абстрагируется от проблемы ценностей, вынесения ценностных суждений [1]. Наука должна находиться в постоянном развитии, поскольку именно этот процесс обеспечивает ее рациональный и эмпирический характер.

Выделение единственной преобладающей сущностной характеристики науки представляется затруднительным – более корректным будет говорить о ее полиаспектности. Это подтверждается разнообразием определений науки. При этом доминирующий сущностный элемент определяет подход, используемый исследователем. Например, известный философ и методолог науки К. Поппер предложил свой подход к пониманию природы науки, который основан на анализе научного знания как результата научного познания. В своих работах он акцентировал внимание на важности принципа демаркации, который служит инструментом для выделения различных типов знаний и позволяет четко отделять научное знание от ненаучного [2]. Этот принцип помогает установить критерии, по которым можно оценивать и различать различные формы познания, что особенно актуально в условиях современного информационного общества.

Анализ этих понятий позволяет не только лучше понять саму природу научного знания, но и осознать его значение в контексте современного общества, где информация становится все более доступной и разнообразной. В условиях цифровизации важно понимать как эти концепции взаимодействуют друг с другом и как они влияют на восприятие науки и ее роли в обществе.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ И НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

На сегодняшний день окончательного ответа на вопрос «Что такое научная информация?» не существует, несмотря на значительный объем публикаций по информационной тематике. Многие специалисты считают тупиковой саму попытку дать общеприемлемое определение данному феномену. Во второй половине XX в. и начале XXI в. велись оживленные научные дискуссии по различным аспектам проблемы, таким как сущность научной информации, формы существования, соотнесение с научным знанием и др. Палитра рассматриваемых вопросов позволяет увидеть как минимум два больших подхода к осмыслению данного феномена.

1. Первый подход рассматривает научную информацию как неотъемлемое свойство всех материальных объектов, входящих в предметную область науки. В этом контексте научная информация становится сущностной частью самих объектов, отражая их характеристики, свойства и взаимосвязи.

2. Второй подход связывает научную информацию исключительно с функционированием самоорганизующихся систем. Здесь акцент делается на ключевой роли информации как движущей силы в процессах изменения и адаптации систем.

В целом научная информация наследует все основные характеристики общего понятия информации, хотя в настоящее время существует более сотни определений, что свидетельствует о многогранности этого понятия. Тем не менее, обобщив, мы можем отнести к числу характеристик информации следующие:

- отрицание энтропии;
- коммуникацию и связь, в ходе которых устраняется неопределенность;
- передачу разнообразия, которая позволяет обогащать знания;
- оригинальность и новизну, что делает информацию актуальной;
- меру сложности структур, которая помогает оценивать уровень организации данных.

Важным аспектом является вероятность выбора, которая определяет какие данные будут отобраны и использованы в процессе научного познания. Таким образом, научная информация представляет собой сложное и многослойное явление, требующее комплексного подхода к его пониманию и изучению.

Ситуация с проблемой научного знания выглядит не менее запутанной. На основе фундаментальных принципов философии науки, таких как синтетический характер знания и его многослойная природа, каждая отдельная наука стремится выработать собственное понимание того, что такое знание, какова его структура, как можно классифицировать различные виды знаний и какие формы его существования могут быть выделены. В ходе этого процесса появляются самостоятельные направления исследований, такие как «когнитология», «научное знаниеведение» и др.

Различия между знаниями и информацией заключаются в следующих особенностях: контексте, процессе преобразования, уровне абстракции, функциональности и социальном аспекте. Если информация представляет собой данные, которые могут быть собраны, обработаны, переданы и при этом существуют в различных формах (текст, числа, изображения и т.д.) и не обязательно имеют контекст или значение, то знания включают не только информацию, но и ее интерпретацию, осмысление и применение. Знания подразумевают понимание контекста, связи между фактами и способность использовать эту информацию для решения проблем или принятия решений. Информация становится знанием, только будучи помещенной в определенный социальный контекст. Знания всегда имеют практическую ценность и требуют активного участия человека, они формируются в результате обработки информации с учетом культурных, социальных и исторических факторов. Кроме того, с эпистемологической точки зрения феномен требует критической проверки и верификации, тогда как информация может быть представлена без такой проверки [3].

Современная цифровизация науки добавила трудностей к осмыслению феномена научного знания, так как, по мнению ряда специалистов, оцифровка приводит к когнитивному обеднению объекта, лишает его требуемого качества знания, вследствие чего значимое знание вымывается из совокупного информационного поля общества. Причина кроется не только в технологии самой оцифровки, но и в неопределенности самого понятия знания. В современной философии науки понятия знания и информации рассматриваются через призму различных подходов, которые пытались уточнить их определения и различия.

Одно из эпистемологических определений знания звучит следующим образом. Знание – это обоснованное истинное убеждение (англ. *justified true belief*). С одной стороны, считается, что эта традиционная концепция знания восходит еще к «Менону» Платона, где он рассматривал знание как истинное мнение с объяснением, и поставлена под сомнение в работе Э. Геттиера 1963 г., войдя в эпистемологический дискурс как «проблема Геттиера» (или «проблема Гетъе») [4]. С другой стороны, существует обширная критика приравнивания эпистемологии Платона к концепции знания как истинного обоснованного убеждения [5]. Оставляя эту дискуссию за скобками, заметим только, что в рамках определения знания как истинного обоснованного суждения информация может быть рассмотрена как данные, подлежащие обработке и интерпретации, и только после этого она способна превратиться в знание.

Информационный подход сосредоточен на роли информации в научных исследованиях и повседневной жизни, рассматривая информацию как центральный элемент процесса познания и принятия решений. Основатель кибернетики Н. Винер считал, что информация – это основополагающий элемент управления и регулирования в любых системах, будь то биологические организмы, машины или социальные структуры. Информация представляется как фактор, противостоящий энтропии и способствующий организации системы, в то время как энтропия разрушает упорядоченность. Знание в таком контексте является производным от информации – это информация, структурированная и обработанная таким образом, что оно может быть использовано для понимания и объяснения реальности. Знание – это не статический набор фактов, но динамический процесс, связанный с передачей, обработкой и использованием информации. Оно возникает тогда, когда индивид способен интерпретировать информацию на основе своего опыта, а также применить ее для решения проблем или принятия решений.

Конструктивизм делает акцент на активной роли человека в создании знания. Знание как социальный конструкт формируется через взаимодействие с другими людьми и культурой и логичным образом зависит от контекста, а также может варьироваться от одной группы к другой. Оно может быть субъективным и изменчивым, так как создается каждым человеком на основе личного опыта и восприятия мира. Информация, соответственно, является не более чем сырьем, подлежащим переработке для производства знания. Конструктивизм как философский и педагогический подход широко применяется в образовании – достаточно вспомнить классические исследования Ж. Пиаже о формировании знаний у детей через их активное взаимодействие с окружающей средой или работы Л. Выготского, подчеркивавшего важную роль социального взаимодействия в процессе обучения.

Системный подход рассматривает знание и информацию как части более широкой системы. Информация в виде различных данных в таком случае является элементами системы, а знание возникает из понимания взаимосвязей между различными элементами и включает регулирующие их поведение правила и нормы.

В рамках феноменологии феномены рассматриваются через призму личного восприятия. Знание формируется на основе индивидуального и субъективного опыта восприятия реальности и может включать трудно формализуемые интуитивные понимания и чувства. Информация выступает набором внешних фактов, значение которых зависит от восприятия индивида.

Постмодернисты обращают внимание на относительность знания, причем в их глазах оно не просто культурно и исторически контекстуально, но и через различную интерпретацию информации используется для поддержания различных нарративов. В первую очередь мыслителей интересуют доминирующие нарративы как инструменты власти – от работ М. Фуко, рассматривающего взаимосвязь власти и знания в различных социальных контекстах, до исследований П. Бурдьё о влиянии социального капитала на доступ к знаниям и информации. Критическая теория в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе и других исследователей продолжает анализ знания как инструмента поддержания или оспаривания власти. Стоит отметить, что критический анализ, помогающий выявить скрытую предвзятость или предубеждения в различных нарративах о знании и информации, обретает особую роль в настоящее время в связи с нарастанием объема данных и использования алгоритмов искусственного интеллекта для их обработки.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАНИЯ: ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ

Для цифровой трансформации знания важным является следующее понимание. На протяжении всей истории общество успешно использовало такие виды знаний, как обыденное (иногда их называют знаниями здравого смысла), научное, паранаучное, художественное и т.д. Люди генерировали, транслировали знание для деятельности, которая определяет его специфику. Возникает вопрос – может ли знание существовать вне индивидуального сознания, иметь свою независимую жизнь в обществе и поддаваться оцифровке. Если мы склоняемся к положительному ответу на этот вопрос, это подразумевает, что знание не ограничивается лишь личным опытом и восприятием конкретного человека. Оно может быть создано отдельной личностью, но в то же время обладать способностью к самостоятельному существованию вне своего создателя. Таким образом, знание можно рассматривать как надличностное явление. Это означает, что оно не просто хранится в голове отдельного индивида, но и распространяется, трансформируется и используется в более широком социальном контексте.

Многие отечественные и зарубежные исследователи поднимают вопрос о возможности такого отчужденного существования знания в «общественной голове». Проблема отчуждения знаний имеет долгую историю, и на протяжении веков были предприняты многочисленные попытки ее интерпретации. Философы и социологи исследовали как знания передаются между поколениями, как они влияют на культурное развитие и как могут быть использованы для достижения социальных изменений. В свое время древнегреческий философ Сократ уже на стадии первобытного общества зафиксировал факт формирования надындивидуального общественного сознания, что говорит о таком отчуждении. Он выделял в мышлении два базовых слоя: первый – это личностное мышление и знания, второй – надындивидуальный слой родового, общечеловеческого знания. А.Ф. Лосев говорил о них как об универсальных знаниях и модели основных свойств вещей, событий, процессов и видов деятельности [6]. Европейская философская мысль нашла дополнительные аргументы в пользу возможности существования знаний в самостоятельном виде. Христианская традиция тоже видела в знании самостоятельный конструкт, рожденный божественным помыслом.

Письменность как важнейший этап развития человеческой культуры явилась значительным шагом на пути обоснования отчуждения и фиксации подобного знания на определенном виде материального носителя, например, в форме письменного текста, который уже можно было автономно транслировать. В дальнейшем полиграфическая промышленность лишь усилила подобный эффект отчуждения, а компьютерная революция способствовала возможности машинного хранения знаний, что существенно увеличило возможности общества обеспечивать доступ социальных субъектов к когнитивным ресурсам. Все это говорит о возможности знаний самостоятельно двигаться в социальной среде, жить самостоятельной жизнью отдельно от своего носителя, как бы объективироваться в какую-то когнитивную

форму. Следовательно, по форме бытия оно интерсубъективно, объективировано в знаковых системах и предметах человеческой культуры.

Если положить в основу специфику носителя знания, то можно в укрупненной форме выделить три вида знаний:

- личностное знание, имеющее своего конкретного носителя в лице индивидуального субъекта;
- объективированное знание, носителем которого выступают социальные системы различного типа и уровня, знание, овеществленное (опредмеченное) в современных орудиях производства, других предметах «второй природы»;
- общественное знание, носителем которого выступает общество.

Последнее выступает в различных формах, включая скрытые и предельно общие основы познавательной деятельности, которые можно охарактеризовать как универсальные идеалы познания. Существовая в разных формах, оно играет ключевую роль в социальной жизни через влияние на коммуникативные процессы, развитие образования и науки. Модель общественного знания отражает динамику движения знаний, не привязываясь к конкретным субъектам его создания. При этом сам процесс познания становится обезличенным: субъект как таковой отходит на второй план, а знание выступает как автономный элемент культуры, существующий независимо от его создателей.

Такое понимание выводит нас на концепцию К. Поппера о «третьем мире». «Третий мир» Поппер определяет как сферу объективного знания, независимого от индивидуального сознания. Данная концепция подчеркивает фундаментальный разрыв между знанием как культурным феноменом и его производителями. Это знание, по сути, живет своей жизнью, обладая автономной логикой развития, где объективные и коллективные структуры выходят за рамки индивидуального опыта и понимания.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАНИЯ: ЛИЧНОСТНОЕ ЗНАНИЕ

Существует альтернативная точка зрения на общественную жизнь знания, которая представляется более убедительной. Согласно этой позиции, знание по своей сути является личностным, и только в этом контексте оно способно полностью реализовать свою основную функцию – в идеальной форме воспроизводить окружающую реальность. Когда знание отрывается от своего создателя, оно теряет свою исходную форму и преобразуется в информацию. Эта информация способна принимать материальную форму – опредмечиваться, то есть становиться зафиксированной в виде документа, цифрового файла или другого носителя. По сути, знание, переходя в социальную сферу, трансформируется в информацию, однако информация не является полным его отражением. Информация, циркулирующая в обществе, не может в полной мере передавать глубину личностного знания, так как ее объем и содержание не соответствуют полноте оригинального познавательного опыта.

В повседневной жизни человек взаимодействует преимущественно с информацией, но воспринимает ее как определенную форму знания. Это взаимодействие часто не требует четкого различия между этими двумя категориями – знанием и информацией, – поскольку их разделение является предметом научного анализа, а в обыденной жизни такая грань оказывается ненужной. Эта точка зрения подчеркивает важность личностного аспекта знания и указывает на то, что знание, будучи частью субъективного опыта, в процессе объективизации неизбежно утрачивает свои ключевые черты. Образно говоря, знание, будучи интегрированным в контекст общественного взаимодействия, обретает иную форму – становится доступным в виде информации, которую люди используют для решения различных задач. Однако истинное знание, коренящееся в индивидуальном сознании, нельзя свести только к информационным структурам, поскольку оно включает личностное осмысление и субъективное восприятие.

Еще более резко в этом ключе высказывается французский философ Ж.-Ф. Лиотар. По его мнению, «знание может проходить по другим каналам и становиться операционным только при условии его перевода в некие количества информации ... мы можем предвидеть, что все неперебиваемое в установленном знании будет отброшено» [7, с. 53]. Стоит отметить, что постмодернистская эпоха в глазах Ж.-Ф. Лиотара характеризуется утратой метанарративов – знание становится фрагментарным и относительным, что ставит под сомнение универсальные истины, информация коммерциализируется. Новые медиа, включая сеть «Интернет» и цифровые платформы, не просто изменяют способы коммуникации, но и трансформируют саму природу знания. Информация становится фрагментированной и децентрализованной, что подрывает авторитет традиционных источников знаний, таких как академические учреждения

и научные публикации. Это ведет к возникновению новых форм эпистемологии, в которых значимость знания определяется не его истинностью, но его способностью к адаптации и коммерческой ценности.

В связи с этим не забудем упомянуть дискуссии вокруг возможности оцифровки неявного знания. Введенное М. Полани понятие неявного знания, которое включает интуицию и навыки и с трудом поддается формализации и передаче, является активным предметом многочисленных дискуссий, причем не только в научном сообществе [8]. Современные организации, вынужденные решать проблему управления знаниями, давно знают о неявном знании и пытаются найти пути его передачи. Так, в одной из классических работ авторы предлагают модель SECI («Социализация, Экстернализация, Комбинация, Интернализация»), которая описывает циклический процесс преобразования неявного знания в явное, и наоборот [9].

В ряде работ авторы делают акцент на создании культуры обмена знаниями внутри организаций как одного из немногих способов эффективной передачи неявного знания и выявления так называемого «знания о незнании» [10; 11]. В ряде социокультурных и социологических исследований эксперты обращаются к изучению роли институциональных структур в сохранении знаний и культурных норм в обществе. Информация может быть формализована в правилах и нормах, но знание сохраняется через практики и обычаи сообщества. Знание формируется через нарративы и культурный контекст, а не только через факты и данные. Оно является результатом социальных взаимодействий и конструкций, а не просто отражением объективной реальности. Если социальные системы – это самоорганизующиеся структуры с собственными механизмами обработки информации и создания знаний внутри общества, то каждое общество имеет свои уникальные способы интерпретации информации и генерации знаний на основе этих интерпретаций. Информация может быть доступна всем, но знание зависит от контекста и интерпретации отдельными людьми или группами. Таким образом, институционализация помогает создать устойчивые структуры для передачи знаний от поколения к поколению [12–15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При цифровизации большой объем научного знания будет искусственно отброшен и попросту утерян для науки. Можно предположить, что этот подход вызовет возражения, и мы обнаружим себя в поисках компромиссного решения. В таком случае стоит предложить концепцию формирования целостного понятия «информационно-когнитивного научного продукта общества». Этот продукт представляет собой совокупность явного научного знания и социально значимой научной информации, которая активно циркулирует в информационном пространстве общества. Его можно рассматривать как идеальную конструкцию, которая имеет сложное воплощение в реальной практике.

Тем не менее такой продукт можно отнести к классу рамочных понятий – концепций, которые устанавливают границы понимания, но не могут быть полностью опредмечены. Наука как специализированная форма познания мира, научное знание как результат научного познания, научная информация как опредмеченная форма научного знания – более привычные, традиционно сложившиеся понятия, постоянно наполняющиеся новым содержанием в ходе исторического развития.

Сложная природа многих научных явлений заставляет признать неопределенность и необходимость разрабатывать новые способы рефлексии постоянно трансформирующейся современности. Целью будущих исследований является создание четких теоретических моделей, которые объясняют природу, сущность цифровой науки, формирование новой парадигмы цифровых исследований.

Список литературы

1. Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. М.: Канон+; 2007. 336 с.
2. Поннеф К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс; 1983. 605 с.
3. Stehr N. Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;4(57):40–51. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.34398.66881>
4. Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 1963;6(23):121–123. <https://doi.org/10.1093/analys/23.6.121>
5. Бутаков П.А. Платон, эвиденциализм и JTB. *Schole*. 2018;2:669–685.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство; 1975. 776 с.
7. Ауомар Ж.-Ф. Знание в постиндустриальном обществе. *Вестник высшей школы*. 2008;4:54–56.
8. Polanyi M. *Personal knowledge: towards a post-critical philosophy*. Chicago: University of Chicago Press; 2009. 428 p.

9. *Nonaka I., Takeuchi H.* The knowledge-creating company: how Japanese companies create the dynamics of innovation. New York: Oxford University Press; 1995. 284 p.
10. *Choo C.W.* The knowing organization: how organizations use information to construct meaning, create knowledge, and make decisions. New York: Oxford University Press; 1998. 298 p.
11. *Davenport T.H., Prusak L.* Working knowledge: how organizations manage what they know. Boston, Mass: Harvard Business School Press; 1998. 199 p.
12. *Berger P.L., Luckmann T.* The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. New York: Anchor Books; 1990. 219 p.
13. *Bruner J.S.* Acts of meaning. 10th ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 2002. 181 p.
14. *Luhmann N.* Social systems. Stanford, Calif.: Stanford University Press; 1995. 627 p.
15. *Zucker L.G.* The role of institutionalization in cultural persistence. *American Sociological Review*. 1977;5(42):726–743. <https://doi.org/10.2307/2094862>

References

1. *Bermus A.G.* Introduction to Humanitarian Methodology. Moscow: Kanon+; 2007. 336 p. (In Russian).
2. *Popper K.* Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Selected Works. Moscow: Progress; 1983. 605 p. (In Russian).
3. *Stebr N.* Knowledge as a Public Good and Knowledge as a Commodity. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;4(57):40–51. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.34398.66881>
4. *Gettier E.* Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*. 1963;6(23):121–123. <https://doi.org/10.1093/analys/23.6.121>
5. *Butakov P.A.* Plato, Evidentialism, and JTB. *Schole*. 2018;2:669–685. (In Russian).
6. *Losev A.F.* History of Ancient Esthetics. Aristotle and the Late Classics. Moscow: Iskusstvo; 1975. 776 p. (In Russian).
7. *Lyotard J.-F.* Knowledge in post-industrial society. *Bulletin of the Higher School*. 2008;4:54–56. (In Russian).
8. *Polanyi M.* Personal knowledge: towards a post-critical philosophy. Chicago: University of Chicago Press; 2009. 428 p.
9. *Nonaka I., Takeuchi H.* The knowledge-creating company: how Japanese companies create the dynamics of innovation. New York: Oxford University Press; 1995. 284 p.
10. *Choo C.W.* The knowing organization: how organizations use information to construct meaning, create knowledge, and make decisions. New York: Oxford University Press; 1998. 298 p.
11. *Davenport T.H., Prusak L.* Working knowledge: how organizations manage what they know. Boston, Mass: Harvard Business School Press; 1998. 199 p.
12. *Berger P.L., Luckmann T.* The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge. New York: Anchor Books; 1990. 219 p.
13. *Bruner J.S.* Acts of meaning. 10th ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 2002. 181 p.
14. *Luhmann N.* Social systems. Stanford, Calif.: Stanford University Press; 1995. 627 p.
15. *Zucker L.G.* The role of institutionalization in cultural persistence. *American Sociological Review*. 1977;5(42):726–743. <https://doi.org/10.2307/2094862>

Дополнительная поддержка материнства как залог сохранения семейных ценностей

Титор Светлана Евгеньевна

Канд. юр. наук, доц. каф. частного права
ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Одной из объявленных Президентом Российской Федерации ценностей является крепкая семья. Конституция Российской Федерации и другие федеральные законы активно реализуют поддержку семьи и материнства. В период воспитания детей женщина лишена возможности трудиться полноценно и зарабатывать свои пенсионные права. В результате ее пенсия может быть ниже, чем у ее мужа. Многие исследователи приравнивают домашний труд женщины по уходу за ребенком к полноценному труду, который именуют как «родительский труд». Это доказывает, что женщина не должна быть ущемлена в пенсионных правах. В молодом возрасте граждане об этом не задумываются, понимание приходит к старости, когда уже упущено время для «зарабатывания» достойной пенсии. Проанализированы меры усиления защиты женщины, материнства и, соответственно, семейных ценностей путем деления между супругами пенсионных прав, а также налогового бремени. Изучен опыт Германии, где наиболее выражены семейные ценности и сравнительно низкий уровень разводов. Положительный опыт предлагается внедрить в Российской Федерации путем внесения соответствующих законодательных изменений.

Ключевые слова

Семейные ценности, семейное право Германии, индивидуальный пенсионный коэффициент, пенсионные права, расторжение брака, раздел имущества при разводе, воспитание детей, домашний труд, налоги

Для цитирования: Титор С.Е. Дополнительная поддержка материнства как залог сохранения семейных ценностей // Вестник университета. 2025. № 2. С. 196–202.

Additional support for motherhood as a guarantee of preserving family values

Svetlana Ye. Titor

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Private Law Department

ORCID: 0000-0002-5930-9972, e-mail: setitor@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

One of the values declared by the President of the Russian Federation is a strong family bond. The Constitution of the Russian Federation and other federal laws actively implement support for family and motherhood. While raising children, a woman is deprived of the opportunity to work full-time and earn her pension rights. As a result, her pension may be lower than that of her husband. Many researchers equate a woman's domestic childcare labor with full-time labor, which is referred to as parental labor. It proves that a woman should not be disadvantaged in pension rights. At a young age, citizens do not think about it, and understanding comes at elder years when the opportunity for earning a decent pension has already been missed. Measures to strengthen the protection of women, motherhood, and, accordingly, family values by dividing pension rights between spouses, as well as the tax burden, have been analyzed. The German case, where family values are most pronounced and the divorce rate is comparatively low, has been studied. The positive experience has been proposed to be implemented in Russia by introducing appropriate legislative changes.

Keywords

Family values, German family law, individual pension coefficient, pension rights, divorce, property division in case of divorce, parenting, domestic labor, taxes

For citation: Titor S.Ye. (2025) Additional support for motherhood as a guarantee of preserving family values. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 196–202.

ВВЕДЕНИЕ

Конституция Российской Федерации (далее – РФ, Россия) определяет государство как социальное. Один из конституционных принципов – поддержка семейных ценностей, материнства и детства. В современном ведении страны и субъектов РФ находятся защита семьи, материнства, отцовства и детства, защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Страна создает условия для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Тема семейных ценностей особенно популярна в научном сообществе. Е.В. Мжельская в работе «Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» пишет о том, что в укреплении семьи заинтересовано все общество, государство, а также в ней нуждается каждый человек независимо от возраста [1]. Действительно, семья поддерживает человека, помогает справляться с трудностями.

Роль семьи в обществе несравнимо высока, поскольку именно в ней формируется личность человека, закладываются основы его нравственности, формируются нормы поведения, раскрываются внутренний мир и индивидуальные качества личности [2]. Она имеет решающее значение для всестороннего роста человека и его самореализации. Это основная ячейка общества, обеспечивающая ценности, убеждения, образ жизни и самовыражение членов семьи.

2024 г. объявлен Годом семьи. Президент РФ считает, что «семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности»¹. Крепкая семья определена как одна из традиционных духовно-нравственных ценностей страны².

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОЕКТОВ

С 2018 г. в России реализуется масштабный проект под названием «Демография». Современная демографическая политика способствует повышению мотивации населения к здоровому образу жизни, стимулированию рождаемости, обеспечению условий комфортной жизнедеятельности семей и обогащению экономики соответствующими человеческими ресурсами [3]. Тем не менее по данным статистики и демографическим прогнозам продолжает сохраняться тенденция к убыли населения. Так, по благоприятному прогнозу к 2030 г. убыль составит 57,0 тыс. чел., а по неблагоприятному – более 3 млн чел.³. Демографические проблемы порождают необходимость более внимательного рассмотрения поддержки родительского труда, то есть рождения и воспитания детей как особого вида трудовой деятельности.

Специалисты рассматривают родительский труд как особый вид трудовой деятельности [4; 5]. Сегодня этот вид трудовой деятельности не включен в оплачиваемый. Однако, по результатам исследований, его вес среди остальных занятий составляет около 30–40 %⁴ [6; 7].

Действующие в современной России меры государственной поддержки так называемого родительского труда в первую очередь ориентированы на количественные характеристики, выраженные в денежной форме: материнский капитал, пособия, различного рода выплаты родителям и др. Как отмечают специалисты, существующая система поддержки семей с детьми не дает достаточного эффекта для решения демографических проблем [8].

Эксперты считают, что на рождаемость действительно влияет проблема снижения уровня доходов женщины [9, с. 240]. Женщины с маленькими детьми теряют в заработке, поскольку вынуждены работать неполный рабочий день или вообще не работать, соглашаются на временные работы, ограниченные возможностью карьерного роста.

¹ Путин: Семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/11/28/semia-kak-simvol-very.html> (дата обращения: 03.10.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 03.10.2024).

³ Росстат: к 2030 году численность населения РФ сократится на 3,2 млн человек. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6267907> (дата обращения: 03.10.2024).

⁴ Coyle D. The Way We Measure Economics is Inherently Sexist. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2016/04/why-economic-policy-overlooks-women> (дата обращения: 03.10.2024).

Не способствуют рождаемости и разводы. Общеизвестны две основные причины разводов – финансовое неблагополучие семьи и отсутствие детей. Уровень разводимости в России в 2023 г. составил 70,8 %. Разводы разрушают традиционные семейные ценности.

В настоящий момент реализуется методика поддержки демографии посредством сферы пенсионного обеспечения – выплата материнского капитала, включение пенсионных баллов за период отпуска по уходу за ребенком. Эти меры направлены на стимулирование рождаемости, поддержку материнства, компенсацию выпадающих доходов женщины в связи с уходом за ребенком [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На наш взгляд, принимаемые меры социальной поддержки в рамках пенсионной системы недостаточны. Они не учитывают качественные результаты родительского труда.

В прежние времена молодым родителям помогало старшее поколение (бабушки, дедушки). Сегодня государственные программы, в том числе связанные с повышением пенсионного возраста, оказанием дополнительной помощи предпенсионерам в дополнительном профессиональном обучении, ориентируют старшее поколение на долголетие и продолжение профессиональной деятельности. Таким образом, они выхолащиваются из состава субъектов, помогающих молодой маме.

Специалисты предлагают несколько вариантов использования пенсионной системы для поддержки родительского труда [11].

1. Первая связана с дополнительным пенсионным обеспечением родительского труда, то есть установлением дополнительной пенсии родителям за качественные результаты родительского труда. В целом суть механизма сводится к установлению дополнительных страховых отчислений (предлагается 3 %) на дополнительную пенсию родителей [6]. При этом предлагается возложить бремя дополнительной финансовой нагрузки на работающих детей. Однако, исходя из механизма, не понятно кто станет плательщиком дополнительных страховых взносов. Известно, что страхователем выступает работодатель и именно он перечисляет страховые взносы для формирования пенсионной системы.

2. Второй механизм связан с поддержкой и учетом результатов прародительского труда. Такой подход предполагает досрочное назначение страховых пенсий лицам старшего поколения, которые берут на себя функцию помощи своим детям по воспитанию внуков.

Оба подхода, по мнению специалистов, позволят усилить связь поколений [11].

По мнению автора, оба варианта потребуют дополнительных финансовых вложений работодателей (на дополнительные страховые взносы) или государственного бюджета (оплата досрочных пенсий бабушкам за воспитание внуков). Следует использовать иной механизм поддержки рождаемости, поддержки семьи.

Семейное законодательство определяет равные права супругов на приобретенное в период брака имущество. Несмотря на то что финансово женщина, занимающаяся воспитанием детей, в меньшей доле принимает участие в его формировании, ее имущественные права защищены законом наравне с супругом. Это несправедливо, поскольку женщина с детьми не имеет равных с мужчиной возможностей заработать средства на существование. Тем не менее женщина, воспитывающая детей, ущемлена по отношению к мужчине в своих пенсионных правах.

Российское пенсионное законодательство определяет, что женщина за полный календарный год воспитания ребенка до полутора лет сформирует свои пенсионные права только в размере 1,8 балла⁵. Максимальный пенсионный балл для многодетной матери составляет 5,4 за календарный год. В то же время мужчина, продолжающий трудиться, может заработать за один календарный год до 10 пенсионных баллов. Соответственно, годы воспитания детей отнимают у женщины возможности заработать свои пенсионные права в большем объеме.

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Интересной реализацией духовно-нравственных семейных ценностей в национальном законодательстве можно назвать практику Германии – члена Европейского союза. Германия особо отличается приверженностью к семейным ценностям. В состав правительства входит Федеральное министерство по делам

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 03.10.2024).

семьи, пожилых людей, граждан и молодежи (Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend)⁶. В его функции входит координирование соблюдения равноправия полов и нетрудоспособных граждан. Федеральное статистическое управление Германии отмечает снижение уровня разводов в 2023 г. на 6,1 % по сравнению с прошлым годом⁷. В целом уровень разводимости в Германии неукоснительно снижается, составив в 2023 г. 35,74 %, что ниже по отношению к 2005 г., когда этот показатель был равен 51,92 %⁸. Для сравнения – уровень разводимости в России в 2023 г. составил 70,8 %⁹.

В Германии в целях поддержки семейных отношений применяются особые меры.

1. Деление накопленных пенсионных прав поровну между супругами. При разводе супругов делится не только имущество, но и накопленные пенсионные права. В семейном браке, как правило, мужчина больше трудится и в большем объеме приобретает пенсионные права. Его супруга, будучи занята воспитанием детей или ведением хозяйства, зачастую за всю свою трудовую жизнь высоких пенсионных прав не получает. Немецкое законодательство в этом вопросе обеспечило равенство мужчины и женщины, направленное на поддержание семейных ценностей. Закон об уравнивании пенсионных накоплений (Gesetz über den Versorgungsausgleich) предполагает, что в случае развода супруги делят накопленные ими обоими пенсионные баллы (пенсионные права) поровну за исключением случаев отказа от такого деления в брачном контракте¹⁰. Закон имеет свое действие не только при разводе супругов. В добровольном порядке супруги вправе заключить соглашение об уравнивании своих пенсионных прав. Это значит, что тот супруг, который раньше достиг пенсионного возраста, получает пенсию в полном объеме. При достижении пенсионного возраста вторым супругом оба начинают получать равную пенсию, то есть их заработанные индивидуальные пенсионные права делятся пополам независимо от вклада каждого супруга.

2. Одним из видов поддержки семейных ценностей в Германии является объединение в один всех банковских счетов супругов. Все доходы и расходы совершаются с единого банковского счета. Порядок пользования таким счетом различен и предусматривает несколько вариантов: когда оба совместно пользуются счетом (Gemeinschaftskonto) или один из них является полноценным пользователем, а второй дает ему на это доверенность (Einzelkonto mit Vollmacht). Подобная форма объединения доходов семьи независимо от индивидуальных вложений каждого супруга и ответственности по расходам укрепляет семейные связи, делает их более ответственными и перспективными.

3. Разделение между супругами налогового бремени. Для взимания подоходного налога гражданам присваиваются класс (от 1 до 5), от которого зависит размер взимаемого налога. При этом класс 3 присваивается супругам, которые получают более низкий доход, а класс 5 – супругам с более высоким. Супруги вправе выбрать самостоятельно кто из них по какому классу будет платить налоги. Так, супруг, имеющий меньший доход, вправе выбрать класс 5, а супруг с большим – класс 3. Таким образом, супруги, оба получающие доход, могут сэкономить на подоходном налоге.

4. Доказывание при разводе отсутствия совместного проживания. Брак супругов может быть расторгнут только в том случае, если они докажут, что прожили раздельно не менее года. Такой своеобразный испытательный срок при разводе дает возможность супругам подумать и по возможности примириться.

Пенсионные баллы – это валюта немецкого пенсионного страхования. Они, помимо других факторов, определяют размер последующей пенсии. Пенсионные баллы рассчитываются на основе среднего дохода всех работающих, а также собственного дохода. Средний доход пересчитывается каждый год. Если собственный годовой валовой доход равен среднему доходу всех лиц, имеющих социальное обеспечение, это эквивалентно одному пенсионному баллу. При определении среднего дохода всех участников пенсионного страхования проводится разделение между Востоком и Западом.

Приведем пример того, как рассчитываются пенсионные баллы в Германии. Важным моментом является то, что пенсионные отчисления, которые делались каждым из супругов до и после брака, не подлежат

⁶ Федеральное министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи Германии. Режим доступа: <https://www.bmfsfj.de/> (дата обращения: 03.10.2024).

⁷ Германия: Количество разводов достигло рекордного минимума. Режим доступа: <https://www.mknews.de/social/2024/07/02/germaniya-kolichestvo-razvodov-dostiglo-rekordnogo-minimuma.html> (дата обращения: 03.10.2024).

⁸ Уровень разводимости в Германии с 1960 по 2023 год. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/1331157/divorce-rate-in-germany/> (дата обращения: 03.10.2024).

⁹ Почему россияне разводятся. Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/stat-divorce> (дата обращения: 03.10.2024).

¹⁰ Law on pension equalization. Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/VersAusglG> (дата обращения: 03.10.2024).

разделению, также супруги могут отказаться от процедуры раздела в брачном контракте. Существуют ситуации, при которых судья семейного суда может не рассматривать этот вопрос, если брак составлял менее трех лет или пенсионные отчисления были минимальными, но суд будет обязан рассмотреть раздел пенсионных накоплений, если одна из сторон подаст заявление на процедуру. Если брак длится более трех лет, не нужно подавать на него дополнительное заявление. Суд по семейным делам запрашивает информацию о пенсионных правах в форме анкеты. После того, как они будут переданы в суд, суд по семейным делам узнает сумму пенсионных требований от страховых компаний и вынесет решение о сумме пенсионных прав, подлежащей передаче.

Супруги вправе договориться между собой о таком разделе, и при достижении пенсионного возраста они будут получать равную пенсию независимо от того, кто и сколько пенсионных прав заработал. Например, муж за время брака накопил на своем счету 30 пенсионных баллов. Его жена в основном занималась домашним хозяйством и детьми, была занята лишь частично и смогла накопить на своем пенсионном счете только 6 баллов. За время брака супруги заработали 36 пенсионных баллов. После разделения суммы поровну каждый получает половину. Получается, мужчина должен уступить 12 пенсионных баллов своей бывшей жене в рамках пенсионного выравнивания, и у нее теперь 18 баллов, как и у него.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пенсионные права называют «отложенной заработной платой», а заработная плата, получаемая супругами независимо от доли их участия в труде, является совместно нажитым имуществом. Таким образом, заработанные пенсионные права с легкостью можно считать совместно нажитым имуществом.

Полагаем возможным перенять положительный опыт Германии, внести изменения в российское законодательство в части равного права супругов на имущество и считать пенсионные баллы совместно нажитым имуществом, тем самым поддержать семейную ценность – рождение детей. Такая поддержка пенсионных прав женщины в будущем не помешает ей, но будет способствовать рождаемости, укреплению семейных ценностей и не ляжет дополнительной нагрузкой на государство и работодателей.

Список литературы

1. Мжельская Е.В. Современные подходы к сущности понятия «Семейные ценности». Самарский научный вестник. 2013;4(5):113–116.
2. Григорьева О.В., Захарова А.И., Данилова М.В. Отношение к семейным ценностям. Интерактивная наука. 2017;17:1–5. <https://doi.org/10.21661/r-462459>
3. Рязанова Г.Н. Изменения на рынке человеческих ресурсов как ключевой фактор политических решений. Управление. 2023;4(11):129–137. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137>
4. Шутова Н.В. Генезис научных представлений о родительском труде: социологический аспект. Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2016;8:145–151.
5. Багирова А.П., Быкова Д.Г. Менеджеристский подход к родительскому труду: методы и технологии управления. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019;7(15):1262–1279. <https://doi.org/10.24891/ni.15.7.1262>
6. Nordhaus W.D., Tobin J. Economic Research: Retrospect and Prospect: Economic Growth. Natl Bureau of Economic Res; 1972. 92 p.
7. Багирова А.П., Быкова Д.Г. Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему Российской Федерации: проблемы и решения Экономический анализ: теория и практика. 2017;2(16):286–298. <http://dx.doi.org/10.24891/ea.16.2.286>
8. Дорофеев М.А. Государственное финансовое регулирование демографических процессов в России: проблемы и решения. E-Management. 2023;4(6):83–94. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-83-94>
9. Folbre N. Valuing Children: Rethinking the economics of the family. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 235 p.
10. Быкова Д.Г. Опыт назначения материнских пенсий в целях повышения качества результатов родительского труда. В кн.: Концепция развития производительных сил Курганской области: материалы научно-практической конференции, Курган, 17 ноября 2017 г. Курган: Курганский государственный университет; 2017. С. 258–362.
11. Саитова Д.Г. Использование потенциала пенсионной системы для стимулирования родительского труда. В кн.: Демография и глобальные вызовы: материалы Международного демографического форума, Воронеж, 30 сентября – 2 октября 2021 г. Воронеж: Цифровая полиграфия; 2021. С. 311–316.

References

1. *Mzhebelskaya E.V.* The modern approaches to the idea of the family values. Samara Scientific Bulletin. 2013;4(5):113–116. (In Russian).
2. *Grigorieva O.V., Zakharova D.I., Danilova M.V.* Attitude to family values. Interactive science. 2017;17:1–5. (In Russian). <https://doi.org/10.21661/r-462459>
3. *Ryazanova G.N.* Changes in the human resources market as a key factor of political decisions. Upravlenie/Management (Russia). 2023;4(11):129–137. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-4-129-137>
4. *Shutova N.V.* Genesis of scientific ideas about parental work: a sociological aspect. Politics, economics and social sphere: interaction issues. 2016;8:145–151. (In Russian).
5. *Bagirova A.P., Bykova D.G.* The managerial approach to the parental labor: methods and techniques for governance. National Interests: Priorities and Security. 2019;7(15):1262–1279. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ni.15.7.1262>
6. *Nordhaus W.D., Tobin J.* Economic Research: Retrospect and Prospect: Economic Growth. Natl Bureau of Economic Res; 1972. 92 p.
7. *Bagirova A.P., Bykova D.G.* Integration of parental labor results into the pension system of Russia: problems and solutions. Economic Analysis: Theory and Practice. 2017;2(16):286–298. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.24891/ea.16.2.286>
8. *Dorofeev M.L.* State financial regulation of demographic processes in Russia: problems and solutions. E-Management. (In Russian). 2023;4(6):83–94. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-83-94>
9. *Folbre N.* Valuing Children: Rethinking the economics of the family. Cambridge: Harvard University Press; 2008. 235 p.
10. *Bykova D.G.* Assigning maternal pensions in order to increase the quality of parental labor results. In: Productive forces development concept in the Kurgan Region: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Kurgan, November 17, 2017. Kurgan: Kurgan State University; 2017. Pp. 258–362. (In Russian).
11. *Saitova D.G.* Using the pension system potential to stimulate parental labor. In: Demography and global challenges: Proceedings of the International Demographic Forum, Voronezh, September 20 – October 2, 2021. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya; 2021. Pp. 311–316. (In Russian).

Связь эмоционального интеллекта и склонности к виктимному поведению в подростковом возрасте

Дерксен Кристина Сергеевна

Вед. психолог Центра психологического и социального здоровья молодежи
ORCID: 0009-0000-0895-6128, e-mail: kristina.kuzne2013@yandex.ru

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация

Изучена категория «эмоционального интеллекта». Рассмотрены различные подходы к виктимности и склонности к виктимному поведению у подростков. Проанализированы современные исследования по заявленной проблеме. Исследования, связанные с эмоциональной сферой, приобретают популярность, поскольку изменения, происходящие в мире, негативно влияют на эмоциональное состояние людей. Больше всего эмоциональный интеллект связывают с конфликтностью и умением выстраивать взаимоотношения в коллективе сверстников. Подростковый возраст является сензитивным для развития эмоционального интеллекта. Этот период связан и с виктимизацией поведения. Описаны результаты проведенного исследования, в котором приняли участие 110 учащихся в возрасте 15 лет муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений «Семёновская средняя общеобразовательная школа» и «Гришковская средняя общеобразовательная школа» (из них 59 девочек и 51 мальчик). Выявлено, что у подростков наблюдаются средний уровень развития эмоционального интеллекта, а также средний уровень склонности к различным типам виктимного поведения. Кроме того, понимание своих эмоций связано со склонностью к виктимному поведению у подростков. Выявленные связи позволяют составить программу, направленную на развитие эмоционального интеллекта у подростков.

Ключевые слова

Эмоции, эмоциональная сфера, эмоциональный интеллект, виктимность, виктимное поведение, склонность к виктимному поведению, подростковый возраст

Для цитирования: Дерксен К.С. Связь эмоционального интеллекта и склонности к виктимному поведению в подростковом возрасте // Вестник университета. 2025. № 2. С. 203–210.

The relationship between emotional intelligence and propensity to victim behavior in adolescence

Kristina S. Derksen

Leading Psychologist of the Center for Psychological and Social Health of Youth
ORCID: 0009-0000-0895-6128, e-mail: kristina.kuzne2013@yandex.ru

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract

The emotional intelligence category has been studied. Different approaches to victimization and propensity to victim behavior in adolescents have been considered. Modern scientific works on the stated issue have been analyzed. Studies related to the emotional sphere are gaining popularity, since the changes taking place in the world negatively affect people's emotional state. Most of all, emotional intelligence is associated with conflict and the ability to build relationships in a peer group. Adolescence is a sensitive age for emotional intelligence development. This period is also associated with victimization behavior. The conducted study involved 110 students aged 15 years of Semenovskaya and Grishkovskaya secondary general education schools (59 girls and 51 boys). It has been revealed that adolescents have an average level of emotional intelligence development, as well as an average level of propensity to different types of victim behavior. In addition, understanding of one's emotions is related to the propensity to victim behavior in adolescents. The identified relationships will allow for the design of a program aimed at developing emotional intelligence in adolescents.

Keywords

Emotions, emotional sphere, emotional intelligence, victimization, victimized behavior, propensity to victim behavior, adolescence

For citation: Derksen K.S. (2025) The relationship between emotional intelligence and propensity to victim behavior in adolescence. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 203–210.

ВВЕДЕНИЕ

Постоянные изменения, происходящие в жизни и деятельности людей, перестройка их ценностей, установок, правил являются особенностями современного этапа развития общества. Воспитание психически и психологически здоровой личности в таких реалиях увеличило интерес исследователей к проблеме виктимного поведения, его профилактики и коррекции.

В настоящее время от человека ждут высокоразвитого умения понимать и контролировать собственные эмоции во всех сферах жизнедеятельности. Не имея этих навыков, личность склонна к подавлению эмоций. Все это негативно сказывается на эмоциональном состоянии человека и его функционировании в социуме. Необходимость понимания своих эмоций и эмоций других людей, их внутреннего контроля и своевременного проживания послужило основой для выделения категории «эмоционально-го интеллекта». Последние десятилетия к исследованиям в области эмоционального интеллекта наблюдается неснижающийся интерес ученых.

Подростковый возраст является критическим периодом в развитии, в рамках которого обостряются эмоциональные проявления, увеличивается склонность к конфликтам, различным формам девиантного и виктимного поведения. Все это актуализирует необходимость понимания и изучения связей между категориями. Определение связей между эмоциональным интеллектом и склонностью к виктимному поведению позволит психологам (как в рамках теоретической науки, так и в практической деятельности) работать с развитием эмоционального интеллекта, тем самым предотвращая появление склонности к различным вариациям виктимного поведения.

Мы предполагаем, что существует связь между уровнем развития эмоционального интеллекта и склонностью к виктимному поведению в подростковом возрасте.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ

Долгое время категория «виктимности» рассматривалась исключительно в рамках юридических наук. Однако А.В. Франк выдвинул и обосновал точку зрения об относительной самостоятельности виктимологии как науки [1]. Впоследствии исследователи смещали подход к категории «виктимности» в сторону психологических особенностей. Как отмечает И.Г. Малкина-Пых, к виктимному поведению чаще всего относят провоцирующее поведение жертвы [2]. По мнению Д.В. Ривмана, каждый человек является потенциально виктимным, поскольку в обществе существует преступность, следовательно, он может стать жертвой преступления. Однако реализация виктимного поведения во многом зависит от наличия конкретной ситуации [3].

О.О. Андронникова обнаружила связь высокого уровня виктимности с повышающими уязвимость личности специфическими свойствами [4]. А.А. Григорьева, Л.Е. Усова выявили, что подростки, склонные к агрессивному и аутоагрессивному поведению, стремятся к быстрому получению удовольствия, не принимают социальные правила и нормы, зависимы от мнения окружающих. Все это, как отмечают исследователи, приводит к высоким рискам употребления подростками психоактивных веществ [5].

Исследования эмоционального интеллекта начали активно развиваться с работы Р. Бар-Она, который изучал влияние эмоционального интеллекта и состояния на благосостояние и здоровье [6]. Ученый выделил сферы компетентности, которые Д.В. Люсин приравнял к компонентам эмоционального интеллекта [7]:

- познание себя;
- навыки межличностного общения;
- способность к адаптации;
- управление стрессовыми ситуациями;
- преобладающее настроение.

Как отмечают О.В. Клыпа и П.А. Стежко, существуют гендерные особенности формирования и развития эмоционального интеллекта в подростковом возрасте [8]. Ю.А. Кочетова в монографии «Эмоциональный интеллект старших подростков» обобщила результаты исследований, проведенных за последние 20 лет [9].

Зарубежные исследования опираются на выявление связей между эмоциональным интеллектом и популярностью среди сверстников, агрессивней к статусу жертвы у подростков, стратегиями решения

конфликтных ситуаций, установлением дружеских взаимоотношений с другими людьми, конфликтностью у мужчин [10–15]. При этом жертвы буллинга внимательны к эмоциям, но плохо их определяют и понимают [16]. Ученые также исследовали виктимное поведение в киберпространстве и выявили, что жертвы характеризуются низким пониманием и повышенным вниманием к эмоциям, а также высоким уровнем раздражения и уныния [17].

В школы ряда стран внедряются специальные программы по обучению навыкам социального и эмоционального интеллекта. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры продвигает данные программы (англ. Social and Emotional Learning, SEL). Благодаря им учащиеся обучаются пониманию, определению и контролю эмоциональных состояний, установлению позитивных взаимоотношений с окружающими, эффективному решению различных проблем.

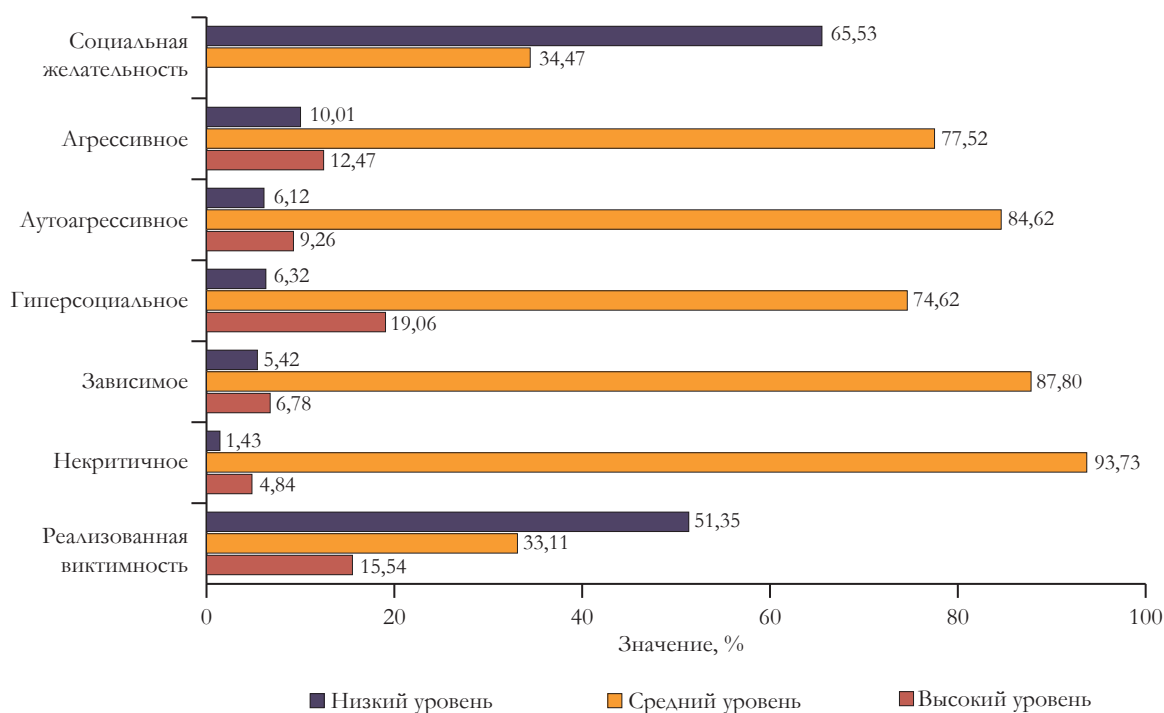
Ряд исследователей выявили, что программа SEL, направленная на социально-эмоциональное обучение, эффективна. В результате реализации программы произошло значительное улучшение академической успеваемости, поведения и эмоциональных навыков, у респондентов не выявлено проблем в обучении после прохождения данной программы [18]. Таким образом, целенаправленное развитие эмоционального интеллекта влияет и на поведение. Кроме того, эмоциональный интеллект можно активно развивать в подростковом возрасте даже у тех детей, у кого не было эмоциональных или поведенческих проблем.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось среди учащихся муниципальных бюджетных общеобразовательных учреждений «Семеновская средняя общеобразовательная школа» и «Гришковская средняя общеобразовательная школа». Приняли участие 110 чел. в возрасте 15 лет, из них 53,6 % женского пола, 46,4 % – мужского. Применялись методика «Склонность к виктимному поведению», разработанная О.О. Андронниковой, предназначенная для измерения предрасположенности подростков к реализации различных видов виктимного поведения, и методика исследования эмоционального интеллекта подростков, разработанная А.В. Садовой и П.М. Воронкиной, определяющая общий уровень эмоционального интеллекта, а также понимание своих эмоций, способность к эмоциональной регуляции, использование эмоций в деятельности и пластичность [19; 20].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим склонность к виктимному поведению у подростков (рис. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Склонность к виктимному поведению у подростков

Полученные результаты свидетельствуют о преобладании у подростков среднего уровня склонности к различным типам виктимного поведения. Исключение составляет «Шкала реализованной виктимности», по которой у 51,4 % учащихся выявлен низкий уровень склонности. Больше половины респондентов редко попадают в опасные ситуации либо активно используют механизм их избегания. Однако для 15,5 % характерно частое попадание в угрожающие жизни и здоровью ситуации, при этом они склонны действовать агрессивно, опасно.

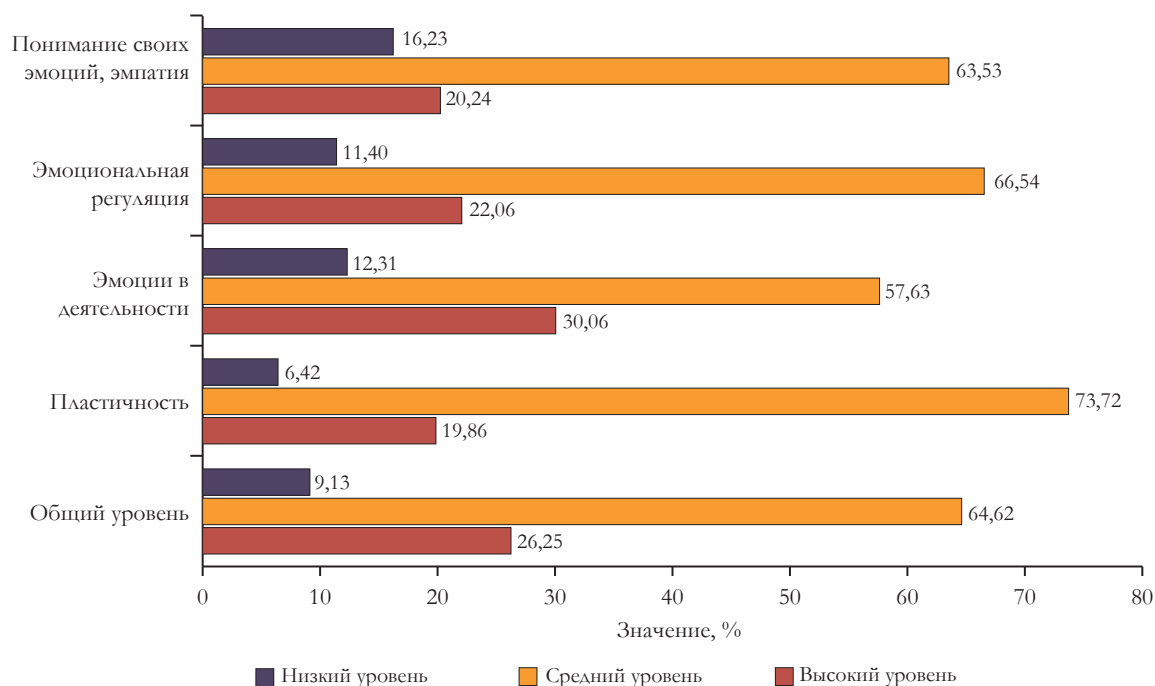
Показатели по шкале «Социальная желательность ответов» свидетельствуют о том, что подростки отвечали искренне, не старались казаться в ответах лучше, чем они есть на самом деле. В связи с этим полученные результаты по остальным шкалам можно считать достоверными.

По шкале «Склонность к агрессивному поведению» для 12,47 % характерен высокий уровень выраженности, что говорит о склонности подростков к провоцирующему поведению – они могут вести себя конфликтно и агрессивно. Для таких подростков также характерно яркое проявление негативных эмоций, они достаточно вспыльчивы и нетерпеливы. 9,3 % респондентов склонны к проявлению самоповреждающего поведения, у них может наблюдаться провоцирующее поведение, выражающееся в форме просьбы или обращения к другим.

Кроме того, практически пятая часть опрошенных (19,1 %) склонны к проявлению гиперсоциального поведения, для них важно одобрение социума, и они могут вмешиваться в конфликты ради этого. У таких подростков часто обостренное чувство справедливости, желание добиться правоты любой ценой. У 6,8 % респондентов выявлена склонность к зависимому и беспомощному поведению. Они не сопротивляются агрессору, часто могут считать себя беспомощными, слабыми. Подростки с высоким уровнем данного типа виктимного поведения склонны к конформности, уступчивости.

Высокие показатели по шкале «Склонности к некритичному поведению (некритичный тип потерпевшего)» у 5 % подростков свидетельствуют о том, что данная категория опрошиваемых неосмотрительна, им сложно оценивать разного рода ситуации, у них низкий уровень способности к критическому мышлению.

По методике исследования эмоционального интеллекта подростков (А.В. Садокова, П.М. Воронкина) получены результаты, свидетельствующие о преобладании у респондентов среднего уровня общего эмоционального интеллекта, а также его отдельных компонентов (рис. 2).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Эмоциональный интеллект у подростков

Испытуемые обладают пониманием своих эмоций, намерений, мотиваций. Они способны осмысливать и воспринимать эмоции и поведение окружающих людей. Отмечена способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач. Однако у 16,2 % опрошенных

выявлен низкий уровень понимания своих эмоций и эмпатии. Они часто не понимают откуда появились те или иные эмоции, при этом не склонны обращать внимание на эмоции и чувства других людей, что может провоцировать конфликтные ситуации или депрессивное состояние из-за неспособности осмыслить собственные реакции.

Для 11,4 % опрошенных характерен низкий уровень эмоциональной регуляции. Они плохо контролируют как положительные, так и отрицательные эмоции, что может способствовать возникновению конфликтов. При этом практически треть респондентов (30,1 %) склонны активно использовать эмоции в деятельности. Однако чрезмерное их использование может вызывать проблемы. Кроме того, у 12,3 % подростков выявлен низкий уровень по шкале «Использование эмоций в деятельности», что говорит об их низкой эмоциональности при выполнении деятельности. Для 6,4 % характерна ригидность установок, взглядов, эмоций, они сложно переключаются с одного эмоционального состояния на другое. При этом у 19,9 % выявлен высокий уровень пластичности.

У четверти (26,3 %) опрошенных обнаружен высокий уровень общего эмоционального интеллекта. Благодаря этому такие подростки не испытывают затруднений в налаживании контактов, нахождении компромиссов и регуляции отношений с людьми. Однако 9,1 % подросткам сложно понимать и регулировать эмоции, часто они не могут разобраться в состоянии других людей. Все это может способствовать появлению трудностей во взаимодействии с окружающими.

Для выявления связей между показателями был использован статистический критерий ранговой корреляции Спирмена (поскольку у части шкал распределение признака, проверенное с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, отличается от нормального). Выявлено, что понимание своих эмоций и эмпатия отрицательно коррелирует со склонностью к агрессивному ($r_s = -0,265$ при $p \leq 0,01$), аутоагрессивному ($r_s = -0,266$ при $p \leq 0,01$) поведению и с реализованной виктимностью ($r_s = -0,233$ при $p \leq 0,01$). Можно предположить, что при развитии понимания своих эмоций и «вчувствования» в состояние других людей будет снижаться агрессивная реакция на просьбы и действия других людей, стремление нанести вред самому себе и провоцирующее поведение. Кроме того, между пластичностью и склонностью к гиперсоциальному поведению существует отрицательная корреляционная связь ($r_s = -0,199$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, при развитии пластичности в проявлении и понимании эмоций снижается стремление к социально одобряемому поведению, при высоком уровне ригидности подросток склонен идти к цели – несмотря на опасности и угрозы, он стремится всегда помогать окружающим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема виктимного поведения с каждым годом становится актуальнее, поскольку ученые находят все больше вариантов и значений проявления виктимности. Изменения, происходящие в политической и социально-экономической жизни общества, влекут за собой потерю традиционных ориентиров и перестройку системы ценностей. Все это вызывает рост преступности, снижение культуры и, следовательно, повышение склонности к виктимному поведению. Проблема изучения эмоционального интеллекта остается актуальной до настоящего времени, поскольку он является относительно новым феноменом. Кроме того, необходимость его изучения обоснована психологической практикой.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о среднем уровне развития эмоционального интеллекта и среднем уровне выраженности склонности к различным формам виктимного поведения. Однако низкий уровень той или иной характеристики эмоционального интеллекта, а также высокий уровень выраженности склонности к виктимному поведению у ряда респондентов говорит о том, что существует необходимость работы по развитию данных показателей. Таким образом, уровень эмоционального интеллекта и уровень склонности к виктимному поведению коррелируют между собой. Данное утверждение проверено с помощью коэффициента Спирмена. Выявлено, что при повышении уровня склонности к виктимному поведению понижается уровень эмоционального интеллекта, и наоборот. В дальнейшем планируется работа по развитию эмоционального интеллекта у подростков с целью снижения склонности у них к различным видам виктимного поведения.

Список литературы

1. *Малкина-Пых И.Г.* Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб: Питер; 2017. 832 с.
2. *Петровских В.А., Пенионжек Е.В.* Склонность к виктимному поведению у подростков, особенности его проявления. Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023;1(13):56–61.
3. *Ривман Д.В.* Виктимология. СПб: Юридический центр Пресс; 2000. 332 с.
4. *Андронникова О.О., Ветерок Е.В.* Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девикутимизации. Вестник Кемеровского государственного университета. 2016;1:72–76.
5. *Григорьева А.А., Усова Л.Е.* Взаимосвязь склонности к виктимному поведению и рисков употребления психоактивных веществ у подростков. Психология и право. 2020;3(10):211–223. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>
6. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект: исследование феномена. Вопросы психологии. 2006;3:78–86.
7. *Одицова М.А.* Феномен «жертва» в научной литературе и житейских представлениях. Омский научный вестник. 2006;10:89–94.
8. *Клыпа О.В., Стежко П.А.* Анализ проблемы эмоционального интеллекта современных подростков. Проблемы современного педагогического образования. 2019;64-3:297–301.
9. *Кочетова Ю.А.* Эмоциональный интеллект старших подростков. М.: МГППУ; 2021. 104 с.
10. *Czarna A.Z., Leifeld P., Śmieja M., Dufner M., Salovey P.* Do Narcissism and Emotional Intelligence Win Us Friends? Modeling Dynamics of Peer Popularity Using Inferential Network Analysis. Personality and Social Psychology Bulletin. 2016;11(42):1588–1599. <https://doi.org/10.1177/0146167216666265>
11. *Cleverley K., Szatmari P., Vaillancourt T., Boyle M., Lipman E.* Developmental trajectories of physical and indirect aggression from late childhood to adolescence: Sex differences and outcomes in emerging adulthood. Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2012;10(51):1037–1051. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2012.07.010>
12. *Ann B.Y., Yang C.C.* The moderating role of personality traits on emotional intelligence and conflict management styles. Psychological Reports. 2012;3(10):1021–1025. <https://doi.org/10.2466/21.01.09.20.PR0.110.3.1021-1025>
13. *Zeidner M., Kloda I.* Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: Actor and partner effects revisited. Personality and Individual Differences. 2013;2(54):278–283. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.09.013>
14. *Rivers S.E., Brackett M.A., Salovey P., Mayer J.D.* Measuring emotional intelligence as a set of mental abilities. In: Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. (eds.) The science of emotional intelligence: Knowns and unknowns. 2007. Pp. 230–257. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181890.003.0009>
15. *Brackett M.A., Mayer J.D., Warner R.M.* Emotional intelligence and its relation to everyday behavior. Personality and Individual Differences. 2004;6(36):1387–1402. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(03\)00236-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(03)00236-8)
16. *Elípe P., Ortega-Ruiz R., Hunter S.C., Rey R.D.* Perceived emotional intelligence and involvement in several kinds of school bullying. Behavioral Psychology. 2012;1(20):169–181.
17. *Elípe P., Mora-Merchan J., Ortega-Ruiz R., Casas J.A.* Perceived emotional intelligence as a moderator variable between cybervictimization and its emotional impact. Frontiers in psychology. 2015;6:486. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00486>
18. *Durlak J.A., Weissberg R.P., Dymnicki A.B., Taylor R.D., Schellinger K.B.* The Impact of Enhancing Students' Social and Emotional Learning: A Meta-Analysis of School-Based Universal Interventions. Child Development. 2011;1(82):405–432. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>
19. *Андронникова О.О.* Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Новосибирск; 2005. 213 с.
20. *Садокова А.В., Воронкина П.М.* Методика исследования эмоционального интеллекта подростков. Психологическая диагностика. 2006;3:68–83.

References

1. *Malkina-Pykh I.G.* Victimology. Psychology of victim behavior. St. Petersburg: Piter; 2017. 832 p. (In Russian).
2. *Petrovskikh V.D., Penionzhek E.V.* Propensity to victim behavior in adolescents, features of its manifestation. Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2023;1(13):56–61. (In Russian).
3. *Rivman D.V.* Victimology. St. Petersburg: Legal Center Press; 2000. 332 p. (In Russian).
4. *Andronnikova O.O., Veterok E.V.* Psychological well-being and health as the actual needs of modern people in the context of reduction of victimization. Vestnik Kemerovo State University. 2016;1:72–76. (In Russian).
5. *Grigorieva A.A., Usova L.E.* Relationship between Propensity to Victim Behavior and the Risks of Substance Use in Adolescents. Psychology and Law. 2020;3(10):211–223. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100314>

6. *Andreeva I.N.* Emotional intelligence: a study of the phenomenon. *Voprosy psichologii*. 2006;3:78–86. (In Russian).
7. *Odintsova M.A.* Victim phenomenon in scientific literature and worldly representations. *Omsk Scientific Bulletin*. 2006;10:89–94. (In Russian).
8. *Khyra O.V., Stezhko P.A.* Analysis of the problem of emotional intelligence of modern adolescents. *Problems of modern pedagogical education*. 2019;64-3:297–301. (In Russian).
9. *Kochetova Yu.A.* Emotional intelligence of older adolescents. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education; 2021. 104 c. (In Russian).
10. *Czarna A.Z., Leifeld P., Śmieja M., Dufner M., Salovey P.* Do Narcissism and Emotional Intelligence Win Us Friends? Modeling Dynamics of Peer Popularity Using Inferential Network Analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2016;11(42):1588–1599. <https://doi.org/10.1177/0146167216666265>
11. *Cleverley K., Szatmari P., Vaillancourt T., Boyle M., Lipman E.* Developmental trajectories of physical and indirect aggression from late childhood to adolescence: Sex differences and outcomes in emerging adulthood. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2012;10(51):1037–1051. <https://doi.org/10.1016/j.jaac.2012.07.010>
12. *Ann B.Y., Yang C.C.* The moderating role of personality traits on emotional intelligence and conflict management styles. *Psychological Reports*. 2012;3(10):1021–1025. <https://doi.org/10.2466/21.01.09.20.PR0.110.3.1021-1025>
13. *Zeidner M., Kloda I.* Emotional intelligence (EI), conflict resolution patterns, and relationship satisfaction: Actor and partner effects revisited. *Personality and Individual Differences*. 2013;2(54):278–283. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.09.013>
14. *Rivers S.E., Brackett M.A., Salovey P., Mayer J.D.* Measuring emotional intelligence as a set of mental abilities. In: Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. (eds.) *The science of emotional intelligence: Knowns and unknowns*. 2007. Pp. 230–257. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195181890.003.0009>
15. *Brackett M.A., Mayer J.D., Warner R.M.* Emotional intelligence and its relation to everyday behavior. *Personality and Individual Differences*. 2004;6(36):1387–1402. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(03\)00236-8](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(03)00236-8)
16. *Elípe P., Ortega-Ruiz R., Hunter S.C., Rey R.D.* Perceived emotional intelligence and involvement in several kinds of school bullying. *Behavioral Psychology*. 2012;1(20):169–181.
17. *Elípe P., Mora-Merchan J., Ortega-Ruiz R., Casas J.A.* Perceived emotional intelligence as a moderator variable between cyber-victimization and its emotional impact. *Frontiers in psychology*. 2015;6:486. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00486>
18. *Durlak J.A., Weissberg R.P., Dymnicki A.B., Taylor R.D., Schellinger K.B.* The Impact of Enhancing Students' Social and Emotional Learning: A Meta-Analysis of School-Based Universal Interventions. *Child Development*. 2011;1(82):405–432. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>
19. *Andronnikova O.O.* Psychological factors in the emergence of victimization behavior of adolescents. Dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.01. Novosibirsk; 2005. 213 p. (In Russian).
20. *Sadokova A.V., Voronkina P.M.* Methodology of research of emotional intelligence of teenagers. *Psychologicheskaya diagnostika*. 2006;3:68–83. (In Russian).

Особенности вовлеченности работающих студентов с разным локусом контроля

Казанбаева Виктория Сергеевна

Аспирант

ORCID: 0000-0001-7784-519X, e-mail: kazanbaewa2016@yandex.ru

Российский новый университет, г. Москва, Россия

Аннотация

Проведено исследование взаимосвязи вовлеченности и локуса контроля. Предмет исследования – вовлеченность работающих студентов с внутренним и внешним локусом контроля. Целью исследования является выявление взаимосвязи степени вовлеченности работающих студентов с разным локусом контроля. В ходе теоретического анализа раскрыта многогранность феномена вовлеченности в разных научных областях, выявлены его психологические свойства. Обзор исследований представлен ранними трудами ученых по вопросу интернальности и вовлеченности. В эмпирической части представлено описание исследования работающих студентов. Изучены средние показатели вовлеченности и интернальности среди работающих студентов: они вовлечены в свою работу, показатели выше среднего. Эмпирически выявлена и теоретически обоснована зависимость показателей интернальности и вовлеченности работающих студентов: чем выше их интернальность, тем выше степень вовлеченности в работу. Согласно результатам исследования, работающие студенты, имеющие высокий показатель интернальности в сфере достижений, в большей мере энергичны и вовлечены в работу. Раскрыта значимая роль феномена достижений в профессиональной сфере.

Ключевые слова

Вовлеченность, локус контроля, интернальность, экстернальность, работающие студенты, интерналы, экстерналы

Для цитирования: Казанбаева В.С. Особенности вовлеченности работающих студентов с разным локусом контроля // Вестник университета. 2025. № 2. С. 211–221.

Peculiarities of involvement of working students with different locus of control

Victoria S. Kazanbaeva

Postgraduate Student

ORCID: 0000-0001-7784-519X, e-mail: kazanbaeva2016@yandex.ru

Russian New University, Moscow, Russia

Abstract

The relationship between involvement and locus of control has been studied. The subject of the study is the involvement of working students with internal and external locus of control. The purpose of the study is to identify the relationship between the involvement degree of working students with different locus of control. In the course of theoretical analysis, the multifaceted nature of the involvement phenomenon in different scientific fields and its psychological properties have been revealed. The research review is presented by early scientific works on the issue of internalization and involvement. The empirical part presents the description of the study of working students. The average involvement and internality scores among working students have been studied: they are involved in their work, and the scores are above average. The dependence of the indicators of internality and involvement of working students has been revealed empirically and substantiated theoretically: the higher their internality, the higher the involvement degree in their work. According to the study results, working students who have a high index of internality in the sphere of achievements are more energetic and involved in work. The significant role of the achievement phenomenon in the professional sphere has been revealed.

Keywords

Engagement, locus of control, internality, externality, working students, internals, externals

For citation: Kazanbaeva V.S. (2025) Peculiarities of involvement of working students with different locus of control. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 211–221.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время студенты подвержены динамичным изменениям устройства общества, ценностного уклада, вызванного экономическими, политическими ситуациями в мире и в стране. Студенчество – время самоопределения, время судьбоносного выбора. Поздняя юность, или ранняя зрелость, требует от человека умение принимать решения и брать ответственность за последствия этого решения. Одним из ключевых понятий личной ответственности является «локус контроля» – обобщенные ожидания относительно того, в какой степени подкрепления зависят от собственного поведения, а в какой – контролируются извне [1].

Как отмечают современные исследователи, на сегодняшний день молодые люди «не готовы к решению возникающих проблем, не стремятся проявлять социальную активность и личную ответственность» [2, с. 213–220]. Представители современной молодежи часто ждут, что проблемы решатся сами собой или кем-то другим. Проблема локуса контроля остается актуальной в психологии с прошлого столетия. В данной статье приведено описание исследования понятия вовлеченности во взаимосвязи с внешним и внутренним локусом контроля.

Студенты в городах в большинстве своем совмещают учебу с работой. Уже в студенчестве закладывается отношение к труду, формируется мотивация, увлеченность работой, даже если она не связана с будущей профессией. Вовлеченность – то, что определяет будущее отдельного студента и, соответственно, страны в целом.

Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь степени вовлеченности работающих студентов с разным локусом контроля.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о взаимосвязи вовлеченности с локусом контроля работающих студентов.

Достижение обозначенной цели обеспечивается путем решения ряда поставленных задач:

- теоретический анализ понятия вовлеченности и обоснование его психологических свойств;
- обзор ранних исследований проблем вовлеченности и локуса контроля;
- проведение эмпирического исследования с выявлением степени вовлеченности и типа локуса контроля работающих студентов с применением диагностических методик.

В ходе исследования использованы следующие методы: анализ, сравнение, классификация, тестирование, анкетирование.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Феномен вовлеченности вызывает интерес у представителей разных научных областей: социологии, маркетинга, менеджмента, педагогики и психологии. Социологические свойства вовлеченности отражены в виде производственных отношений человека – с карьерными целями, руководством, организацией, коллегами.

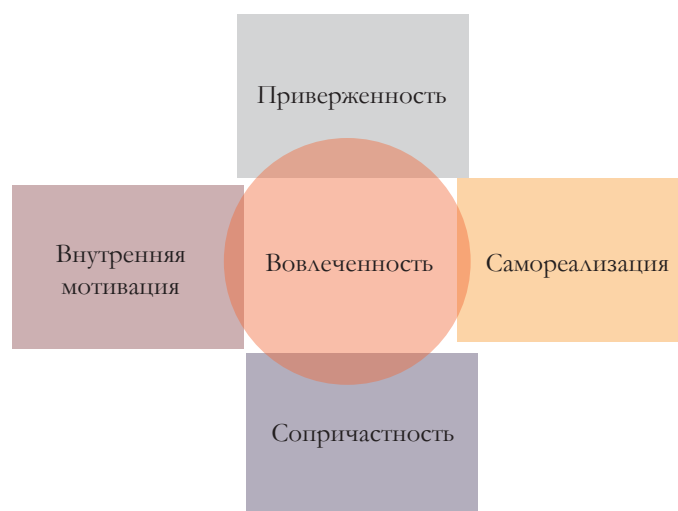
Социологи выделяют четыре области вопросов понятия вовлеченности [3]:

- карьера и развитие – реализация на рабочем месте;
- признание и ценность – похвала и поощрения;
- миссия и цель организации – осознание своей значимости для общей цели;
- межличностные отношения – общение в коллективе.

Эксперты в области маркетинга отмечают, что вовлеченность имеет явную корреляцию с результатами бизнеса, такими как прибыль, производительность персонала, текучесть и удовлетворенность клиентов [4]. Чем больше персонал и отдельный сотрудник вовлечен в работу, тем в большей мере удовлетворены его подопечные клиенты, что приводит к высоким показателям бизнеса.

Менеджеры разного уровня также заинтересованы проблемой вовлеченности. И.С. Леонова выявила, что гендерный аспект и возраст не влияют на вовлеченность. Как показывают результаты ее исследования, вовлеченность персонала зависит от организационных условий компаний [5].

В психологии вопрос вовлеченности поднимается значительно реже. Стоит отметить, что термин недостаточно оснащен в системе психологических понятий. Вовлеченность работой – это внутренняя мотивация человека, стремление усердно работать, быть общественно полезным. Вовлеченный человек осознает свои потребности и выгоды и стремится их удовлетворить. Как психологический феномен вовлеченность содержит приверженность, стремление к самореализации и получению знаний, чувство сопричастности, внутреннюю мотивацию (рисунок).

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Психологические компоненты феномена вовлеченности

Как видно на рисунке, вовлеченность обеспечивает удовлетворение социальных и личностных потребностей человека. Человек может считаться вовлеченным, когда точно осознает свои цели, видит результаты своих действий.

Е.В. Павлова в своем исследовании выявила, что «высокововлеченные студенты занимают активную жизненную позицию» [6, с. 68–69]. Для них характерны целеустремленность, высокий уровень самоорганизации, уверенность в себе и своих силах.

Вовлеченность приводит к высоким показателям производительности, эффективности отдельного человека. Остается неясным психологическое формирование феноменов – при каких факторах это возможно, существует ли предрасположенность к этому. Можно предположить, что одним из условий формирования вовлеченности может служить внутренний локус контроля. Многие исследования закрепляют за интерналами самые положительные интеллектуальные и эмоциональные свойства. Касаясь вовлеченности и интернальности вопрос остается недостаточно освещенным.

ОБЗОР РАННИХ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопрос интернальности остается актуальным для исследователей психологических феноменов. За последние 100 лет ученые выявляли взаимосвязь интернальности с мотивацией, высокой самооценкой, стрессоустойчивостью, работоспособностью и др.

Е.В. Самаль отмечает, что студенты с внутренним локусом контроля обладают более высоким уровнем жизнестойкости в отличие от студентов с внешним локусом контроля [7]. Также у студентов с внешним локусом контроля отмечается отсутствие убежденности в том, что вовлеченность дает им шанс найти нечто настоящее и интересное для личности. Данное исследование раскрывает предрасположенность интерналов к вовлеченности: когда человек ощущает личную ответственность за происходящие события, свои успехи и неудачи, он в большей мере заинтересован в деятельности (работа, учеба).

Похожие результаты получены в ходе исследования А.К. Журавлевой: «Интернальный тип обеспечивает способность к самостоятельному принятию решений задачи в установленный срок, ценность которых для личности высока. В противном же случае, когда значимость задачи низкая и ее решение требует волевого усилия, интерналы менее эффективны» [8, с. 29]. Для сотрудников с внутренним локусом контроля важна осознаваемая ценность производственной задачи, такими людьми не так легко управлять. Для эффективной работы с ними их важно подпитывать ценностями, личной выгодой.

Результаты исследования ученых Астраханского университета свидетельствуют о том, что в юношеском возрасте интернальность определяет особенности регулятивно-поведенческого компонента семейного самоопределения [9]. Феномен локуса контроля раскрывается в ценностном вопросе. В период юности люди задумываются в том числе о семейной жизни. Как отмечается в исследовании, для интерналов в большей мере свойственно адаптировать свое поведение и цели под будущие семейные роли. Такие юноши и девушки в большей мере разделяют традиционные семейные ценности.

Аналогичная ситуация наблюдается в случае сформированности карьерных ценностей студентов. Исследование карьерного целеполагания выявило, что с возрастанием интернальности также увеличивается уровень сформированности карьерных целей студентов [10]. Ученые не раз отмечали целеустремленность интерналов. Экстерналы склонны к сомнениям из-за отсутствия предопределенности внешних действий.

В одном из множества исследований совладающего поведения во взаимосвязи с интернальностью отмечается, что склонность к взвешенному, заблаговременному, тщательно обдуманному и осторожному решению возникающих сложностей – это характерная черта интерналов [11]. Когда человек ощущает свой личный вклад, осознает последствия принятых решений, его действия будут осторожные и обдуманные.

Согласно полученным результатам исследования Н.Н. Симоновой и соавторов, развитый внутренний контроль, в частности умеренный контроль (интернальность) в области достижений и неудач, относится к числу адаптивных характеристик [12]. Чем больше человек убежден в собственной значимости в вопросе достижений и неудач, тем легче ему приспособиться к новому окружению, новым обстоятельствам.

Несмотря на исключительно положительные последствия внутреннего локуса контроля, существует мнение, что «в педагогической деятельности очень высокий уровень субъективного контроля (локуса контроля) нежелателен, поскольку педагогический процесс является двусторонним и взаимообусловленным» [13, с. 3–7]. К ряду подобных видов деятельности можно включить психологическую консультацию и психотерапевтическую работу, когда условия и результат деятельности зависят от самого психолога и от его подопечного в равной мере.

«Столкновение с жизненными трудностями активизирует у интерналов процессы рефлексии собственного опыта, поиска ресурсов для преодоления, что сопровождается экзистенциальными переживаниями, составляющими сущность духовного кризиса», – так объясняет влияние высокой интернальности на преодоление кризиса юности С.В. Чернобровкина [14, с. 507]. Учитывая вышеописанное, можно сделать вывод о том, что не существует более предпочтительного типа локуса контроля. Человеку стоит адекватно оценивать собственные силы, зону личной ответственности при осмыслении происходящих событий.

А.С. Веснин в ходе исследования выявил обратную корреляционную зависимость между интернальностью и стратегиями отрицания и ментального отстранения, а также прямую корреляционную связь на уровне тенденции со стратегией принятия [15]. В стрессе интерналы и экстерналы проявляют себя по-разному. Для людей с внешним локусом контроля свойственно отрицать проблемы, избегать конфликтных ситуаций, способных вызвать стресс. Людям с внутренним локусом контроля ничего не остается, кроме как принять проблему для ее дальнейшего решения.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретический анализ и обзор ранних исследований демонстрируют различие психических свойств и явлений при внутреннем и внешнем локусе контроля. В данной статье описаны результаты исследования вовлеченности при внешнем и внутреннем локусе контроля.

Эмпирическая база исследования состоит из следующих методик:

- Шкала вовлеченности в работу У. Шауфелли и А. Баккера;
- Тест УСК, «Локус контроля» (ЛК) при модификации Е.Г. Ксенофонтовой.

Шкала вовлеченности в работу является наиболее полно отражающей психологические показатели – энергичность, энтузиазм, поглощенность. Под энергичностью подразумевается готовность вложить усилия, проявить усердие в работе. Показатель методики «Энтузиазм» раскрывает уровень воодушевления и чувство гордости за свою работу, ощущение значимости выполняемого труда. Поглощенность характеризует интерес к труду, погружение в работу и концентрацию на ней.

Тест УСК при модификации Е.Г. Ксенофонтовой включает следующие шкалы:

- шкала общей интернальности (ИО);
- интернальность в суждениях о жизни вообще (ИоЖ);
- интернальность при описании личного опыта (ИоЯ);
- шкала интернальности в сфере достижений (ИД);
- шкала интернальности в сфере неудач (ИН);
- показатель предрасположенности к самообвинению (ППС);
- шкала интернальности в профессионально-процессуальной сфере (ИПП);
- шкала интернальности в социально-профессиональной сфере (ИПС);

- шкала интернальности в профессиональной деятельности (ИПА);
- готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей (Дт);
- готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее (Дс);
- шкала отрицания активности (ОА).

Данный тест предпочитаем ввиду наличия разноплановых шкал, позволяющих выстроить качественные корреляционные зависимости.

В исследовании приняли участие 49 респондентов – 49 студентов, обучающихся в Российском новом университете. В ходе отбора респондентов учитывались следующие условия:

- гендерное соотношение респондентов – 21 мужчина и 28 женщин из 49 респондентов;
- все 49 студентов на момент проведения исследования были трудоустроены.

Студенты, участвовавшие в исследовании, обучались на разных курсах и разных формах обучения, поэтому возраст респондентов варьируется от 18 до 49 лет.

Сфера занятости работающих студентов обширна (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика респондентов по профессиональным группам

Профессиональная группа	Сфера деятельности	Процентное соотношение, %
Человек-знаковая система (14 %)	Маркетинг, реклама	2
	Таможенное дело	2
	Бухгалтерия, кадровое дело, охрана труда, юриспруденция	6
	Административная работа, офисная работа	4
Человек–человек (78 %)	Психология, социальная работа	12
	Фитнес, спорт	2
	Сфера образования	8
	Свой бизнес, фриланс, самозанятый	6
	Продажи, торговля	40
	Сервис, обслуживание, общественное питание	10
Человек–техника (8 %)	Информационные технологии	4
	Промышленность, строительство, сельское хозяйство	4

Составлено автором по материалам исследования

Среди респондентов большинство трудоустроены в профессиональной группе «Человек–человек». Приведенные данные указывают на готовность студентов адаптироваться в производственных отношениях, начиная с самых востребованных и общественно полезных профессий.

Диагностика респондентов осуществлялась с помощью «Яндекс.Формы». Батарея тестов, помимо психологических тестов, включала анкету с вопросами по выявлению пола, возраста, сферы деятельности респондентов.

Согласно результатам исследования, большинство респондентов вовлечены в работу. Показатели по всем подшкалам методики вовлеченности выше среднего (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения показателей вовлеченности респондентов по методике «Шкала вовлеченности в работу» У. Шауфелли и А. Баккера

Компоненты вовлеченности трудом	Средние значения респондентов	Максимальное значение по шкале
Вовлеченность в работу, общий показатель	65,58	102
Энергичность	22,28	36

Окончание табл. 2

Компоненты вовлеченности трудом	Средние значения респондентов	Максимальное значение по шкале
Энтузиазм	20,00	30
Поглощенность	23,30	36

Составлено автором по материалам исследования

Результаты исследования демонстрируют высокую вовлеченность работающих студентов. Самый высокий показатель по соотношению с максимальным значением наблюдается по подшкале «Энтузиазм»: для работающих студентов свойственны воодушевление своей работой, живой интерес к работе, радость от работы.

Для характеристики респондентов выявлены средние значения интернальности и экстернальности (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения показателей интернальности и экстернальности по компонентам методики УСК «Локус контроля» при модификации Е.Г. Ксенофонтовой

Компоненты локуса контроля	Средние значения респондентов	Максимальное значение по шкале
Интернальность общая (ИО)	23,48	40
Отрицание активности (ОА)	5,92	16

Составлено автором по материалам исследования

Как показано в табл. 3, больше половины опрошенных причисляются к интерналам, меньшая часть – к экстерналам. Шкала методики «Отрицание активности» является обратной шкалой общей интернальности. Согласно полученным результатам, среди опрошенных имеются представители средних показателей интернальности. Современные работающие студенты способны принимать ответственность за свои действия, адекватно оценивать собственную роль и значимость в происходящих событиях.

Для корреляционного расчета использован онлайн-калькулятор коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Число степеней свободы (f) – 48. Критическое значение критерия Спирмена при данном числе степеней свободы – 0,279. Для качественной оценки тесноты связи между показателями использована шкала Чедокка (табл. 4).

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа данных исследования локуса контроля и вовлеченности

Шкалы интернальности	Компоненты вовлеченности по тесту Шауфелли и Беккера			
	Энергичность	Энтузиазм	Поглощенность	Общий показатель вовлеченности
Общая интернальность	0,461	0,394	0,307	0,428
Интернальность в суждениях о жизни	0,299	0,249	0,187	0,283
Интернальность в описании личного опыта	0,479	0,479	0,317	0,434
Интернальность в сфере достижений	0,565	0,495	0,493	0,548
Интернальность в сфере неудач	0,214	0,140	0,099	0,140

Шкалы интернальности	Компоненты вовлеченности по тесту Шауфелли и Беккера			
	Энергичность	Энтузиазм	Поглощенность	Общий показатель вовлеченности
Показатель предрасположенности к самообвинению	– 0,331	– 0,331	– 0,338	– 0,336
Интернальность в социально-профессиональной сфере	0,378	0,455	0,362	0,431
Интернальность в профессионально-процессуальной сфере	0,345	0,307	0,357	0,326
Интернальность в профессиональной деятельности	0,450	0,429	0,400	0,458
Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей	0,304	0,225	0,143	0,238
Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за нее	0,435	0,389	0,363	0,420
Отрицание активности	– 0,345	– 0,288	– 0,194	– 0,305

Примечание:

- Зависимость признаков статистически незначима ($p > 0,05$)
- Связь между исследуемыми признаками – прямая, умеренная
- Зависимость признаков статистически значима ($p > 0,05$)
- Связь между исследуемыми признаками – прямая, заметная
- Зависимость признаков статистически значима ($p > 0,05$)
- Связь между исследуемыми признаками – обратная, умеренная
- Зависимость признаков статистически значима ($p > 0,05$)

Составлено автором по материалам исследования

Благодаря полученным результатам сформулированы следующие выводы.

1. Большинство представителей работающей молодежи вовлечены в работу. Согласно средним значениям, занятые студенты энергичные, заинтересованные и погруженные в процесс своей работы.

2. Среди работающих студентов большинство интерналов и людей со средним значением интернальности. Экстерналы находятся в меньшинстве среди работающих студентов согласно полученным результатам.

3. Тип локуса контроля влияет на степень вовлеченности. Общий показатель интернальности, в суждениях о жизни, в описании себя и своего опыта, в сфере достижений, в профессиональной деятельности (как в общении, так и в процессе производственных отношений) – все эти показатели имеют статистически значимую зависимость с признаками вовлеченности.

Шкала «Отрицание активности», являющаяся обратной шкалой интернальности, отрицательно коррелирует с общим показателем вовлеченности и показателем «Энергичность». Для экстерналов сложно найти в себе стремление к усердию, они в меньшей мере увлечены трудом.

4. Исключение выявлено в случае интернальности в сфере неудач. Как показывают результаты исследования, отношение к неудачам не влияет на показатели вовлеченности. Это подтверждается также обратной связью показателя «Предрасположенность к самообвинению» со всеми подшкалами вовлеченности. В случае интенсивного самообвинения человека вовлеченность снижена по всем параметрам: человек слабый, ленивый, не имеет интереса.

5. Самая высокая корреляционная связь выявлена между признаками «Интернальность в сфере достижений» и «Энергичность», также «Интернальность в сфере достижений» и «Общий показатель вовлеченности». Человек, убежденный в значимости собственных усилий при успехах и достижениях, в большей мере вовлечен работой. Сфера достижений является более значимой для принятия личной ответственности, обгоняя при этом все другие сферы жизнедеятельности человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно выделить следующие результаты проведенного исследования:

- в ходе теоретического анализа обозначены психологические свойства феномена вовлеченности, среди которых внутренняя мотивация, приверженность, самореализация и сопричастность;
- обзор ранних исследований указывает на взаимосвязь интернальности с позитивными проявлениями психических состояний и процессов;
- в ходе эмпирического исследования выявлены значимые корреляционные взаимосвязи между большинством шкал интернальности и вовлеченности.

В настоящее время работающие студенты в большинстве своем обладают выраженным внутренним локусом контроля и степенью вовлеченности выше среднего, как показывают результаты эмпирического исследования. С течением времени и с развитием общества люди учатся принимать ответственность за происходящие с ними события, что положительно сказывается на их взаимоотношениях, личностном росте и успехах в работе.

Работающие студенты, обладающие внутренним локусом контроля, выражают более высокую вовлеченность своей работой. Вовлеченность способствует внутренней мотивации, тем самым обеспечивая успешность человека в профессиональной деятельности.

Результаты исследования могут быть использованы в работе психологов, практикующих в области производственных отношений и консультирующих по вопросам психологии труда, и психологов, работающих с профориентацией студентов. Учитывая влияние интернальности в сфере достижений на показатель вовлеченности сотрудников, экспертам стоит фокусировать внимание подопечных на личной ответственности за достижения.

В очередной раз показатели интернальности положительно коррелируют с позитивными показателями. Стоит отметить, что психика индивидуализирована, все люди разные и уникальность каждого человека бесценна для общего дела. Вовлеченность интерналов обеспечивается ситуацией успеха, личного контроля над достижениями. Экстерналы вовлечены в меньшей мере, их пути к самореализации обеспечиваются другими способами. Это предстоит выяснять в будущих исследованиях.

Список литературы

1. Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Теории личности и личностный рост. М.: ОЛМА ПРЕСС; 2004. 657 с.
2. Малавина С.С., Фадеева О.В., Кручинкина В.И., Модина Т.Ф. Личностное развитие юношества в современной России: результаты эмпирического исследования. Казанский педагогический журнал. 2022;6(155):213–220. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.157.7.027>
3. Кирюхина А.А. Вовлеченность персонала как актуальное направление в развитии организации. В кн.: Актуальные научные исследования: материалы XV Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 ноября 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение; 2023. С. 228–231.
4. Герасименко О.В. Вовлеченность персонала как ключевой фактор экономической эффективности. Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021;2:56–59. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_2_56
5. Леонова И.С. Субъективное благополучие и трудовая вовлеченность сотрудников старшего возраста: гендерный аспект. Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2020;4(20):412–418. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-412-418>
6. Павлова Е.В. Вовлеченность молодежи в пространство жизнеосуществления: проблема выделения маркеров и предикторов. Научное мнение. 2022;12:66–74. https://doi.org/10.25807/22224378_2022_12_66
7. Самаль Е.В., Плащинская К.Ю. Жизнестойкость и удовлетворенность жизнью у студентов с разным локусом контроля. Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022;22-3:302–309.
8. Журавлева А.К. Взаимосвязь локус контроля и самоотношения сотрудников ОВД. Психология и педагогика служебной деятельности. 2023;1:27–32. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-5>
9. Мерзлякова С.В., Кондрашова В.С. Интернальность как предиктор семейного самоопределения в юношеском возрасте. Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2024;1(179):267–285. <https://doi.org/10.25588/CSPU.2024.179.1.013>

10. Поваренков Ю.П., Фадеева Е.С. Индивидуальные особенности карьерного целеполагания студентов с разным уровнем интернальности экстернальности. *Методология современной психологии*. 2022;16:271–281.
11. Биденко Р.А. Интернальность как фактор совладающего поведения курсантов военного института Росгвардии. *СМАЛЬТА*. 2021;2:38–45.
12. Симонова Н.Н., Тункина М.А., Корнеева Я.А., Трофимова А.А. Адаптивность как предиктор изменений функциональных состояний участников морской научной экспедиции в Арктику. *Национальный психологический журнал*. 2022;4(48):65–79. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0407>
13. Ковалевич М., Леонюк Н. Интернальность как условие реализации планов профессионального и личностного роста и развития будущих специалистов дошкольного образования. *Пралеска*. 2021;11(363):3–7.
14. Чернобровкина С.В. Интернальность как ресурс личности в ситуации кризиса юности у студентов. В кн.: Дементий, Маленова А.Ю., Маленов А.А. (ред.) Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 8–10 октября 2020 г. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; 2020. С. 505–508.
15. Веснин А.С. Интернальность как фактор копинг-поведения и когнитивной оценки ситуации экзамена у студентов на начальном этапе обучения в высшем учебном заведении. В кн.: Дементий, Маленова А.Ю., Маленов А.А. (ред.) Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 8–10 октября 2020 г. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; 2020. С. 567–570.

References

1. Frager R., Feidiman J. Theories of personality and personal growth. Moscow: OLMA PRESS; 2004. 657 p. (In Russian).
2. Mahayina S.S., Fadeeva O.V., Kruchinkina V.I., Modina T.F. Personal development of youth in modern Russia: results of an empirical study. *Kazan Pedagogical Journal*. 2022;6(155):213–220. (In Russian). <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.157.7.027>
3. Kiryukhina A.A. Personnel involvement as an urgent direction in organization development. In: Current scientific research: Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference, Penza, November 20, 2023. Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2023. Pp. 228–231. (In Russian).
4. Gerasimenko O.V. Personnel involvement as a key factor of economic efficiency. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2021;2:56–59. (In Russian). https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_2_56
5. Leonova I.S. Subjective well-being and labor involvement of older employees: a gender aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2020;4(20):412–418. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-4-412-418>
6. Pavlova E.V. The involvement of youth in the space of life fulfillment: the problem of identifying markers and predictors. *Nauchnoe mnenie*. 2022;12:66–74. (In Russian). https://doi.org/10.25807/22224378_2022_12_66
7. Samal E.V., Plashinskaya K.Yu. Hardiness and life satisfaction among students with different locus of control. *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological and pedagogical sciences*. 2022;22-3:302–309. (In Russian).
8. Zburavleva A.K. The relationship between the locus of control and self-relations of employees of the internal affair bodies. *Psychology and pedagogy of official activity*. 2023;1:27–32. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-5>
9. Mershyakova S.V., Kondrasheva V.S. Internality as a predictor of family self-determination in the youthful age. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 2024;1(179):267–285. (In Russian). <https://doi.org/10.25588/CSPU.2024.179.1.013>
10. Povarenkov Yu.P., Fadeeva E.S. Individual features of career goal-setting of students with different levels of internality and externality. *Methodology of modern psychology*. 2022;16:271–281. (In Russian).
11. Bidenko R.A. Internality as a factor of the coordinating behavior of cadets of the military institute of the National Guard of the Russian Federation. *SMALTA*. 2021;2:38–45. (In Russian).
12. Simonova N.N., Tunkina M.A., Korneeva Ya.A., Trofimova A.A. Adaptability as a predictor to the change of functional states in participants of a marine scientific expedition to the Arctic. *National Psychological Journal*. 2022;4(48):65–79. (In Russian). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0407>
13. Kovalevich M., Leonyuk N. Internality as a condition for the implementation of plans for professional and personal growth and development of future preschool education specialists. *Pralseska*. 2021;11(363):3–7. (In Russian).
14. Chernobrovkina S.V. Internality as a resource person of the student in a crisis of youth. In: Demetiy L.I., Malenova A.Yu., Malenov A.A. (eds.) Social, professional, and personal responsibility of personality in modern society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Omsk, October 8–10, 2020. Omsk: Omsk State University; 2020. Pp. 505–508. (In Russian).

15. *Vesnin A.S.* Internality as a factor of coping behavior and cognitive assessment of the exam situation in students at the initial stage of higher education. In: Dementiy L.I., Malenova A.Yu., Malenov A.A. (eds.) Social, professional, and personal responsibility of personality in modern society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Omsk, October 8–10, 2020. Omsk: Omsk State University; 2020. Pp. 567–570. (In Russian).

Связь адаптационных возможностей личности с особенностями проживания кризисных ситуаций во взрослом возрасте

Малегонова Светлана Александровна

Ст. преп. каф. клинической психологии

ORCID: 0009-0008-1190-0326, e-mail: malegonova-svetl@mail.ru

Ральникова Ирина Александровна

Д-р психол. наук, зав. каф. социальной психологии и педагогического образования

ORCID: 0000-0001-9411-8787, e-mail: irinaralnikova@yandex.ru

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация

Раскрыты психологическая адаптация и возможности личности в процессе проживания кризисных ситуаций. Подробно проанализировано понятие кризисной ситуации. Для наиболее эффективного проживания кризисных ситуаций людям необходимы высоко развитые адаптационные возможности личности. Это является одним из ключевых моментов конструктивного проживания кризиса. Цель настоящего исследования – выявление связей между адаптационными возможностями личности и особенностями проживания кризисной ситуации во взрослом возрасте. Гипотеза исследования – существует связь адаптационных возможностей личности с особенностями проживания кризисных ситуаций во взрослом возрасте. В исследовании приняли участие 40 чел., среди них 80 % женщины и 20 % мужчин в возрасте от 25 до 45 лет ($M = 35,95$). Для эмпирического исследования применялись следующие методы: теоретико-аналитический обзор литературы, диагностические методики (Опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С.В. Духновского, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина), корреляционный анализ Спирмена. Обнаружено, что большинство респондентов находятся в конструктивном проживании острого кризиса с благоприятным прогнозом о выходе из кризисной ситуации. При этом 65 % опрошенных обладают низким уровнем личностного адаптационного потенциала. С помощью методов математической статистики выявлено наличие связей между адаптационными возможностями и проживанием кризисной ситуации во взрослом возрасте.

Ключевые слова

Адаптация, адаптивность, адаптационный потенциал, адаптационные возможности, кризис, кризисная ситуация, взрослость

Для цитирования: Малегонова С.А., Ральникова И.А. Связь адаптационных возможностей личности с особенностями проживания кризисных ситуаций во взрослом возрасте // Вестник университета. 2025. № 2. С. 222–229.

The interrelation of individual adaptive capabilities and peculiarities of living in crisis situations in adulthood

Svetlana A. Malegonova

Senior Lecturer at the Clinical Psychology Department
ORCID: 0009-0008-1190-0326, e-mail: malegonova-svetl@mail.ru

Irina A. Ralnikova

Dr. Sci. (Psy), Head of the Social Psychology and Teacher Education Department
ORCID: 0000-0001-9411-8787, e-mail: irinaralnikova@yandex.ru

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract

Psychological adaptation and individual possibilities in the process of living in crisis situations have been revealed. The crisis situation concept has been analyzed in detail. For the most effective living of crisis situations people need highly developed adaptive capabilities of personality. It is one of the key moments of constructive crisis living. The purpose of the study is to identify the interrelation of individual adaptive capabilities and peculiarities of living in crisis situations in adulthood. Hypothesis of the study is that there is a connection between individual adaptive capabilities and peculiarities of living in crisis situations in adulthood. The study involved 40 people, among them 80 % of women and 20 % of men aged 25 to 45 years ($M = 35,95$). The following methods were used for empirical research: theoretical and analytical literature review, diagnostic techniques (Personal Experience of Psychological Crisis questionnaire by S.V. Dukhnovsky and Adaptability multilevel personality questionnaire by A.G. Maklakov and S.V. Chermyanin), and Spearman correlation analysis. It has been found that the majority of respondents are in constructive living of the acute crisis with a favorable forecast of the way out of the crisis situation. At the same time, 65 % of the respondents have a low level of personal adaptation potential. Using the mathematical statistics methods the presence of the interrelation of adaptive capacity and living in crisis situations in adulthood has been revealed.

Keywords

Adaptation, adaptability, adaptive potential, adaptive capabilities, crisis, crisis situation, adulthood

For citation: Malegonova S.A., Ralnikova I.A. (2025) The interrelation of individual adaptive capabilities and peculiarities of living in crisis situations in adulthood. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 222–229.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире человек сталкивается с различными кризисными ситуациями, которые могут оказывать серьезное воздействие на его психологическое состояние и социальное благополучие. Исследование адаптационных возможностей личности в этих условиях является актуальной задачей, поскольку позволяет выявить особенности реакций человека на кризисные ситуации и разработать эффективные методы специализированной помощи.

Современный социум часто порождает условия для возникновения различных кризисов как в масштабе всего общества, так и личного характера от социальных и экономических до политических, экологических, мировоззренческих, демографических и др. [1]. Проявления кризисов личностного, психологического характера могут выражаться в усилении у человека ощущения бессмысленности существования, социальной изоляции, беспокойства, страха перед смертью, неэффективности, бесполезности любых попыток улучшить ситуацию, неспособности видеть новые перспективы, перемещении центра контроля вовне, нежелании получать новый жизненный опыт и др. [2]. Все эти симптомы свидетельствуют о дезадаптации в период проживания кризиса, характеризующейся продолжительными внутренними и внешними конфликтами при отсутствии адекватных поведенческих стратегий для их разрешения.

Исследования показывают, что нерешенные конфликты в кризисных ситуациях и переживание травм могут в дальнейшем вызвать определенные негативные изменения в психике человека [3]. Пребывание в ситуации внутреннего кризиса является только одним из элементов, влияющих на психологическое благополучие, стресс и развитие невротических расстройств. Реакция человека на критические события и его способность справляться с их последствиями в значительной мере зависят от его личностных психологических характеристик, уникальности его внутренних защитных механизмов и уровня поддержки, которую он получает от окружающих [4].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.Г. Маклаков отмечает, что адаптация является не только процессом, но и свойством любого живого организма [5]. Сущностью адаптации как свойства выступает способность приспособления к постоянно изменяющейся окружающей действительности. От уровня развития свойства адаптации зависит интервал изменения характера и условий деятельности, в котором конкретный индивид способен адаптироваться. Психологические особенности личности определяют возможность адекватной регуляции состояния индивида в условиях его жизнедеятельности, от них зависят адаптационные способности человека. Чем они выше, тем выше вероятность эффективной деятельности и функционирования при большей интенсивности воздействия стрессовых факторов.

Д.Н. Дубровин отмечает, что существуют различные виды адаптации [6]:

- адаптация возможна через полное преодоление проблемы или ее изменения;
- адаптация посредством приспособления к проблеме, то есть проблемная ситуация сохраняется;
- адаптация возможна через избегание проблемы, уход от проблемной ситуации.

«Адаптивность» рассматривается с позиции динамики активности личности, течения ее адаптивных процессов (В.К. Калинин, Г.П. Левковская, А.В. Петровский, А.В. Фурман и др.), которые, «несмотря на непрерывный характер адаптации, ее процессуально-результативные параметры течения, определяются исключительно характеристиками психического мира личности и характеристиками среды», а также с позиции способности личности адаптироваться к условиям социальной среды (А.Г. Маклакова, В.И. Розова, А. Филиппа и др.) [5; 7–12].

А.Г. Маклаков разработал модель адаптационного потенциала, которая представлена несколькими уровнями [5]. Самооценка личности, ее нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность, поведенческая регуляция и коммуникативный потенциал обеспечивают процесс адаптации и определяют адаптационные возможности личности, входящие в адаптационный потенциал. Прогнозирование результата адаптации возможно с помощью личностного адаптационного потенциала.

Не только адаптационный потенциал определяет адаптационные возможности личности. Так, Б.А. Ясько связывает адаптационные возможности с уровнем жизнестойкости [15]. В исследованиях А.Б. Рогозяна, К.С. Вызулиной, Б.А. Ясько рассматривается функционал адаптационных возможностей с различными аспектами личности и ее жизнедеятельности [13–15].

Возникающие в процессе адаптации к кризисному событию или ключевым изменениям в жизни состояния эмоционального расстройства и субъективного неблагополучия, которые мешают адекватной продуктивности и функционированию в социуме, представляют собой нарушение адаптационных возможностей личности. Пластичность адаптационных механизмов, неравномерность влияния различных факторов, адаптационный потенциал и компенсаторные возможности организма определяют динамику адаптационных процессов.

Несмотря на многочисленные исследования психологической адаптации при проживании кризиса, существует дефицит в определении связей и взаимосвязей между адаптационными возможностями (в частности, личностным адаптационным потенциалом) и особенностями проживания кризисных ситуаций. При этом определение данных связей позволит более системно разрабатывать программы адаптации личности в ситуациях проживания острого ненормативного кризиса.

Настоящее исследование является частью глобальной работы по определению механизмов психологической адаптации и разработке программы, направленной на перестройку жизненной перспективы как механизма адаптации в кризисной ситуации. Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, позволят определить существующую необходимость учета особенностей проживания кризисной ситуации личностью при создании программ адаптации к кризисной ситуации.

Гипотеза исследования – существует связь между адаптационными возможностями личности и особенностями проживания кризисной ситуации в период взрослости.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось на базе Алтайского краевого психоневрологического диспансера им. Ю.К. Эрмана. В исследовании приняли участие 40 чел. в возрасте от 25 до 45 лет, средний возраст испытуемых составил 35,95 лет, среди них 80 % женщин и 20 % мужчин.

Для исследования адаптационных возможностей личности использован многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, в котором выделены пять шкал – «Достоверность» (определяющая степень честности респондента), «Нервно-психическая устойчивость» (НПУ), «Коммуникативные способности» (КС), «Моральная нормативность» (МН), «Личностный адаптивный потенциал» (ЛАП) [16].

Для диагностики особенностей переживания кризисной ситуации выбран опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С.В. Духновского, который предполагает выделение 9 «кризисных профилей» личности, которые разделяются в зависимости от итогового балла по шкалам «Индекс ситуационного реагирования» и «Психологическая устойчивость» [17]. В методике выделены 8 шкал: реакция эмоционального дисбаланса (Эд), пессимистическая реакция (Пс), реакция отрицательного баланса (Об), реакция демобилизации (Дм), реакция оппозиции (Оп), реакция дезорганизации (Дз), психологическая устойчивость (Пу), положительный – отрицательный образ себя (Ос), а также отдельная итоговая шкала – «Индекс ситуационного реагирования».

После качественной обработки методик проведен корреляционный анализ с использованием критерия ранговой корреляции Спирмена. Проверка на нормальность осуществлена с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Расчет результатов производился в программе PSPP (аналог SPSS). Различия считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ данных, полученных с помощью многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, показал, что у большинства респондентов (65 %) преобладает низкий уровень личностного адаптационного потенциала. У данной категории людей возможны нервно-психические срывы, они сложно переживают меняющиеся условия окружающей среды или ситуации кризиса в жизни, могут вести себя асоциально и конфликтно. У 30 % опрошенных выявлен удовлетворительный уровень адаптационного потенциала. Они в целом справляются с адаптацией, однако в особо трудных ситуациях могут быть срывы, эмоциональная неустойчивость, конфликты. Только у 5 % людей, принявших участие в исследовании, выявлен нормальный уровень адаптационного потенциала, они способны быстро реагировать на изменения в жизни и вырабатывать новый стиль для решения каких-либо трудностей.

По шкале «Нервно-психическая устойчивость» выявлено, что у 45 % низкий уровень. Такие люди склонны к нервно-психическим срывам, у них неадекватная самооценка, им сложно регулировать и контролировать свое поведение. У 40 % обнаружен удовлетворительный уровень, который свидетельствует об умении контролировать себя, однако страдает поведенческая регуляция в кризисных ситуациях. При этом у 15 % респондентов выявлен нормальный уровень, из них у 5 % высокий уровень, характеризующийся адекватной самооценкой и реальным восприятием окружающей действительности.

55 % опрошенных показали удовлетворительный уровень по шкале «Коммуникативные способности», у 40 % – нормальный уровень, что говорит о достаточно легком установлении контактов с людьми в различных ситуациях, однако у большинства в сложных ситуациях могут возникать агрессия и конфликтность. Стоит отметить, что высокий уровень коммуникативных способностей не выявлен ни у кого. У 5 % обнаружен низкий уровень, который свидетельствует о повышенной агрессивности, конфликтности, неумении выстраивать взаимодействие с окружающими людьми.

Большинство респондентов (85 %) показали нормальный уровень по шкале «Моральная нормативность», из них у 20 % высокий уровень. Такие люди адекватно оценивают свое место в коллективе, склонны соблюдать общепринятые нормы поведения. У 15 % опрошенных удовлетворительный уровень, низкие показатели не выявлены.

Анализ данных по опроснику «Переживание психологического кризиса личностью» С.В. Духновского показал, что по шкале «Реакция эмоционального дисбаланса» преобладают высокие оценки (70 %). Для респондентов характерны фрустрация, уменьшение социальных контактов, они впечатлительны, восприимчивы, склонны к повышенной утомляемости и тревожности. При этом у 25 % опрошенных выявлен средний уровень эмоционального дисбаланса, а у 5 % – пониженный. Таким образом, только у 5 % преобладают положительные эмоции, они ощущают запас сил и готовность активно реагировать на изменения.

По шкале «Пессимистическая реакция» выявлено, что у 40 % высокий и повышенный уровень, что говорит о сниженном уровне оптимизма, мрачности мировоззрения и образа будущего, повышенной раздражительности, низкой скорости принятия решений. У 35 % респондентов средний уровень, а у 25 % – пониженные и низкие оценки. Люди данной категории склонны к адекватной самооценке, реальному планированию своего поведения и деятельности, ровному положительному эмоциональному фону, эффективной психической саморегуляции.

У 75 % взрослых людей, которые приняли участие в исследовании, преобладают высокие оценки по шкале «Реакция отрицательного баланса», у 10 % – повышенные. Они склонны к пассивному отношению к жизненной ситуации, критичности суждений и оценки, при этом собственные взгляды и мнения являются очень стойкими и трудно поддаются изменениям. У 5 % выявлены низкие оценки, у 5 % – пониженные, что говорит о гибкости поведения и готовности к конструктивным изменениям. Такие испытуемые уравновешены, сдержаны в поведении, активно относятся к ситуации, оценивают ее оптимистично. У 5 % выявлен средний уровень.

У 90 % опрошенных наблюдаются изменения в сфере контактов, они склонны чувствовать одиночество, беспомощность, часто избегают новых видов деятельности и взаимодействий, у них снижено настроение, присутствует апатия. У 10 % респондентов обнаружен средний уровень по шкале «Реакция демобилизации». Для 100 % характерны высокие и повышенные оценки по шкале «Реакция оппозиции», что свидетельствует об агрессивности, резких отрицательных оценках окружающих людей, грубости, неверии в свои силы.

По шкале «Реакция дезорганизации» выявлено преобладание высоких (65 %) и повышенных (20 %) оценок. Люди данной категории тревожны, часто испытывают беспокойство за исход ситуации, ожидают от жизни только плохое, склонны к низкой работоспособности. При этом у 15 % респондентов средний уровень.

Однако «Психологическая устойчивость личности» у 35 % респондентов находится на высоком уровне, у 10 % – на повышенном. Они верят в себя и свои возможности, способны противостоять жизненным трудностям. Однако 30 % (15 % с низкими оценками, 15 % – с пониженными) опрошенных не уважают себя, подавлены, не удовлетворены жизнью, не верят в собственные силы, не стараются удовлетворить свои потребности.

По шкале «Положительный – отрицательный образ самого себя» у 10 % лиц, участвовавших в исследовании, выявлены высокие оценки, у 20 % – повышенные. Есть основания предполагать

у респондентов низкую критичность в оценивании себя, недостаточную его адекватность, неискренность. У 45 % опрошенных ответы достаточно искренние, выявлено стремление к адекватной оценке своих отношений. При этом у 20 % обнаружены низкие оценки, свидетельствующие о высокой критичности к себе, искренности в ответах.

40 % респондентов находятся в состоянии конструктивного проживания острого кризиса с благоприятным прогнозом. Прогноз благоприятен благодаря психологической устойчивости и наличию таких ресурсов для преодоления кризиса, как устойчивое настроение, сдержанность в проявлении эмоций, толерантность к фрустрации, поведенческая, эмоциональная и когнитивная гибкость. У 25 % обнаружено переживание острого кризиса с благоприятным прогнозом. Прогноз благоприятный в силу умеренно выраженной психологической устойчивости и наличия компенсаторных возможностей. Отличает их от предыдущего профиля более низкая степень выраженности показателей. У 5 % респондентов конструктивное переживание кризиса с благоприятным прогнозом, кризис у данного профиля является менее выраженным, чем у предыдущего. Однако для 30 % опрошенных характерно деструктивное проживание кризиса с неблагоприятным прогнозом. Из них 25 % переживают острый кризис, 5 % – обычный. Прогноз неблагоприятный в силу снижения психологической устойчивости и отсутствия личных ресурсов для конструктивного преодоления кризиса. Такие люди боятся неудачи, имеют низкую самооценку, не уверены в себе и тревожны.

После качественного анализа полученных данных проведен корреляционный анализ с применением критерия ранговой корреляции Спирмена (поскольку есть шкалы, распределение признака в которых отличалось от нормального). В результате обнаружены статистически достоверные связи между показателями адаптивности и особенностями переживания кризисной ситуации. Примечательно, что не найдено ни одной достоверной связи между возрастом и полом респондента и показателями его адаптационных возможностей, особенностями проживания кризиса. Таким образом, и у 25-летних, и у 45-летних может быть высокий уровень личностного адаптационного потенциала или, наоборот, низкий, также и с конструктивным, и деструктивным проживанием кризисной ситуации.

Стоит отметить, что многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина имеет обратные показатели, то есть чем выше балл, тем ниже уровень адаптационных возможностей, при этом опросник «Переживание психологического кризиса личностью» С.В. Духновского также имеет ряд обратных шкал. В связи с этим в некоторых случаях положительная корреляционная связь будет свидетельствовать об обратной связи данных, и наоборот.

Данные шкалы «Нервно-психическая устойчивость» отрицательно коррелируют со шкалами «Реакция эмоционального дисбаланса» ($r_{\text{эмп}} = -0,629$ при $p \leq 0,001$), «Реакция отрицательного баланса» ($r_{\text{эмп}} = -0,446$ при $p \leq 0,01$), «Реакция демобилизации» ($r_{\text{эмп}} = -0,626$ при $p \leq 0,001$), «Реакция дезорганизации» ($r_{\text{эмп}} = -0,877$ при $p \leq 0,001$), «Психологическая устойчивость» ($r_{\text{эмп}} = -0,548$ при $p \leq 0,001$), Индекс ситуационного реагирования ($r_{\text{эмп}} = -0,645$ при $p \leq 0,001$), а также положительно коррелирует с «Пессимистической реакцией» ($r_{\text{эмп}} = 0,797$ при $p \leq 0,001$). Можно предположить, что в ситуации кризиса у человека с преобладанием отрицательных эмоций, сужением круга общения, повышением тревожности, высоким уровнем критичности к себе, высокой кризисной нагрузки, но при сохранении оптимизма, веры в собственные силы, наличия превентивных ресурсов для выхода из кризиса высоко развита нервно-психическая устойчивость.

По шкале «Коммуникативные способности» выявлено наличие отрицательной связи со шкалами «Реакция демобилизации» ($r_{\text{эмп}} = -0,575$ при $p \leq 0,001$) и «Психологическая устойчивость» ($r_{\text{эмп}} = -0,531$ при $p \leq 0,001$). Человек в ситуации кризиса ощущает острое чувство одиночества, сужает контакты с людьми, но при этом сохраняет способность противостоять трудностям, имеет превентивные ресурсы для проживания кризиса, не конфликтен, легко устанавливает новые взаимоотношения, имеет высокий уровень развития коммуникативных способностей. Личность с высоким коммуникативным потенциалом более остро реагирует на сужение контактов в кризисной ситуации.

По шкале «Моральная нормативность» можно отметить наличие положительной корреляции со шкалами «Реакция дезорганизации» ($r_{\text{эмп}} = 0,479$ при $p \leq 0,01$), Индекс ситуационного реагирования ($r_{\text{эмп}} = 0,448$ при $p \leq 0,01$). Можно предположить, что для лиц с повышенной тревожностью, склонностью к ожиданию неблагоприятного исхода событий, повышенной утомляемостью, высокой кризисной нагрузкой в ситуации кризиса характерны отсутствие стремления к соблюдению общепринятых норм, трудности с пониманием своего места и роли в коллективе. Человек, погруженный в острый кризис, меньше ориентирован на общество и окружающую действительность, больше склонен к самобичеванию, самоанализу.

По шкале «Личностный адаптационный потенциал» выявлено, что существует отрицательная корреляционная связь со шкалами «Реакция эмоционального дисбаланса» ($r_{\text{эмп}} = -0,548$ при $p \leq 0,001$), «Реакция демобилизации» ($r_{\text{эмп}} = -0,643$ при $p \leq 0,001$), «Реакция дезорганизации» ($r_{\text{эмп}} = -0,755$ при $p \leq 0,001$), «Психологическая устойчивость» ($r_{\text{эмп}} = -0,573$ при $p \leq 0,001$), Индекс ситуационного реагирования ($r_{\text{эмп}} = -0,588$ при $p \leq 0,001$), а также положительная корреляция с «Пессимистической реакцией» ($r_{\text{эмп}} = 0,699$ при $p \leq 0,001$). В ситуации острого кризиса для человека при сохранении оптимизма, веры в свои силы, наличии превентивных ресурсов, но с высокой тревожностью, снижением контактов, преобладанием отрицательных эмоций характерно повышение личностного адаптационного потенциала. Данные результаты могут быть связаны с компенсаторными способностями, то есть для выхода из кризисной ситуации человек начинает развивать внутри себя адаптационные возможности и, несмотря на сильные негативные проявления кризиса, справляется с ним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- у опрошенных преобладает низкий уровень личностного адаптационного потенциала, нервно-психической устойчивости, удовлетворительный уровень коммуникативных способностей и нормальный уровень моральной нормативности;
- выявлен высокий уровень реакции демобилизации и оппозиции, что говорит о высоком уровне тревожности и агрессивности у респондентов – большинство респондентов находятся в ситуации острого кризиса, из них 30 % – в варианте деструктивного проживания с неблагоприятным исходом;
- выявлены тесные корреляционные связи между особенностями проживания кризисной ситуации и показателями адаптационных возможностей, при этом обнаружено, что адаптационный потенциал повышается при сохранении веры в преодоление кризиса.

В дальнейшем планируются расширение представленной выборки, привлечение респондентов, которые не находятся в процессе переживания кризиса. Интересной возможностью для дальнейшего исследования становится соотнесение конструктивного и деструктивного варианта проживания кризиса с уровнем личностного адаптационного потенциала и его параметрами. При первичном анализе видно, что деструктивное проживание кризиса происходит при низких адаптационных возможностях, в то время как для конструктивного проживания с благоприятным исходом необходим высокий уровень личностного адаптационного потенциала. Однако в настоящий момент такой вывод не может быть статистически проверен ввиду недостаточного количества респондентов. По результатам исследования будет составлена программа, направленная на помощь в проживании ненормативной кризисной ситуации.

Список литературы

1. Цветков В.А. Психология конфликта. От теории к практике. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2022. 184 с.
2. Полюшкевич О.А. Жизненный сценарий поколений. Социология. 2020;3:28–45.
3. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности. Психологический журнал. 2018;1(39):26–35. <http://dx.doi.org/10.7868/s0205959218010038>
4. Смолева Е.О. Измерение социального стресса: анализ методик и опыта исследований. Социально-гуманитарные технологии. 2020;3(15):70–79.
5. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях. Психологический журнал. 2014;1:16–24.
6. Дубровин Д.Н. Психологическая адаптация как фактор личностного самоопределения. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. М.; 2005. 136 с.
7. Калинин В.К. Границы в культуре и культура на границах. Журнал практической психологии и психоанализа. 2008;1.
8. Левковская Г.П., Сорочинская В.Е., Штифурок В.С. Адаптация первокурсников в условиях высшего учебного заведения. М.; 2001. 128 с.
9. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунук; 1992. 224 с.
10. Фурман А.В. Психодиагностика личностной адаптированности. Харьков: ХНУ; 2013. 64 с.
11. Розов В.И. Психология экстремальных ситуаций: адаптивность к стрессу и психологическое обеспечение. К.: КНТ; 2011. 478 с.
12. Philips L. Human Adaptation and his Failures. N.Y.; 1968. 288 p.

13. *Рогозян А.Б.* Стресс-устойчивость в контексте теоретического конструкта психологических ресурсов личности. Вестник Адыгейского государственного университета. Педагогика и психология. 2011;1:140–145.
14. *Вызулина К.С.* Социально-психологическая адаптация личности в контексте связи субъективной оценки профессиональной востребованности. Евразийский союз ученых. 2015;12-3(21):106–108.
15. *Yasko B.A., Kazarin B.V., Gorodin V.N., Skripnichenko L.S., Skorobogatov V.V., Chugunova N.A., Pokul L.V.* Hardiness and Personal Resources of Red Zone Staff: Psychological Analysis. Bulletin of RSMU. 2021;4:63–70.
16. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. М.: Бахрах-М; 2001. 672 с.
17. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений в работе практического психолога образования. Курган: КГУ; 2016. 190 с.

References

1. *Tsvetkov V.L.* Psychology of conflict. From theory to practice. Moscow: UNITY-DANA; 2022. 184 p. (In Russian).
2. *Polyushkevich O.A.* Generational life scenario. Sociology. 2020;3:28–45. (In Russian).
3. *Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A.* A problematic field structure of contemporary psychology of personality. Psychological Journal. 2018;1(39):26–35. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.7868/s0205959218010038>
4. *Smoleva E.O.* The measuring of social stress: analysis of research methods and experience. Social and humanitarian technologies. 2020;3(15):70–79. (In Russian).
5. *Maklakov A.G.* The personal adaptive potential: its mobilization and prognostication in extreme conditions. Psychological Journal. 2014;1:16–24. (In Russian).
6. *Dubrov D.N.* Psychological adaptation as a factor of personal self-determination. Dis. ... Cand. Sci. (Psy): 19.00.07. Moscow; 2005. 136 p. (In Russian).
7. *Kalinenko V.K.* Borders in culture and culture at borders. Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2008;1. (In Russian).
8. *Levkovskaya G.P., Sorochinskaya V.E., Shtifurok V.S.* Adaptation of first-year students in a higher educational institution. Moscow; 2001. 128 p. (In Russian).
9. *Petrovsky V.A.* Psychology of maladaptive activity. Moscow: Gorbunok; 1992. 224 p. (In Russian).
10. *Furman A.V.* Psychodiagnostics of personal adaptation. Kharkov: KHNU; 2013. 64 p. (In Russian).
11. *Rozov V.I.* Psychology of extreme situations: adaptability to stress and psychological support. K.: KNT; 2011. 478 p. (In Russian).
12. *Philips L.* Human Adaptation and his Failures. N.Y.; 1968. 288 p.
13. *Rogozyan A.B.* Stress-resistance in the context of the theoretical construct of psychological resources of personality. Bulletin of the Adygea State University. Pedagogy and Psychology. 2011;1:140–145. (In Russian).
14. *Vyzulina K.S.* Socio-psychological adaptation of personality in the context of the connection of subjective assessment of professional relevance. Eurasian Union of Scientists. 2015;12-3(21):106–108. (In Russian).
15. *Yasko B.A., Kazarin B.V., Gorodin V.N., Skripnichenko L.S., Skorobogatov V.V., Chugunova N.A., Pokul L.V.* Hardiness and Personal Resources of Red Zone Staff: Psychological Analysis. Bulletin of RSMU. 2021;4:63–70.
16. *Raigorodsky D.Ya.* Practical psychodiagnostics. Moscow: Bakhrakh-M; 2001. 672 p. (In Russian).
17. *Dukhnovskiy S.V.* Diagnostics of interpersonal relations in the work of a practical educational psychologist. Kurgan: KSU; 2016. 190 p. (In Russian).

Представления об экстремальной ситуации у специалистов социальной сферы на основе диспозиционной концепции В.А. Ядова

Шульга Татьяна Ивановна

Д-р психол. наук, проф. каф. социальной и педагогической психологии
ORCID: 0000-002-3584-6087, e-mail: shulgatiana@gmail.ru

Богатеева Любовь Игоревна

Аспирант
ORCID: 0009-0001-5686-5324, e-mail: lyubov.bogateeva@yandex.ru

Государственный университет просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены результаты эмпирического исследования, основанного на диспозиционной концепции В.А. Ядова. Изученная структура представлений специалистов социальной сферы позволяет выделить основные установки в отношении экстремальной ситуации (личностные, ценностные, элементарные и базовые составляющие представлений). Применялись методики М.И. Розеновой, В.И. Моросановой, С. Леви (модификация В.Е. Петрова, Л.И. Богатеевой): «Семантический дифференциал», «Стиль саморегуляции поведения», «Незаконченные предложения», «Подверженность экстремальным ситуациям», «Экстремальные ситуации», «Личность в экстремальной ситуации». Обработка результатов проводилась качественными методами, включая контент-анализ. Результаты исследования могут позволить в дальнейшем изучить психологическую готовность специалиста к работе со сложными случаями в социальной сфере и наметить план работы для повышения профессиональной компетентности. Настоящее исследование является продолжением предыдущего изучения представлений об экстремальной ситуации у военнослужащих и студентов, также планируется изучение других социальных групп.

Ключевые слова

Экстремальная ситуация, специалисты, представления, диспозиционная концепция, установки, стресс, профессиональная деятельность

Для цитирования: Шульга Т.И., Богатеева Л.И. Представления об экстремальной ситуации у специалистов социальной сферы на основе диспозиционной концепции В.А. Ядова // Вестник университета. 2025. № 2. С. 230–240.

The disposition concept of V.A. Yadov in the study of the representations of an extreme situation among the social sphere specialists

Tatiana I. Shulga

Dr. Sci. (Psy.), Prof. at the Social and Educational Psychology Department
ORCID: 0000-002-3584-6087, e-mail: shulgatiana@gmail.ru

Lyubov I. Bogateeva

Postgraduate Student
ORCID: 0009-0001-5686-5324, e-mail: lyubov.bogateeva@yandex.ru

State University of Education, Moscow, Russia

Abstract

The empirical research results based on the dispositional concept of V.A. Yadov have been considered. The studied structure of social sphere specialists' perceptions allows us to identify the main attitudes in relation to an extreme situation (personal, value, elementary, and basic perceptions components). The methods of M.I. Rozenova, V.I. Morosanova, S. Levy (modified by V.E. Petrov and L.I. Bogateeva) were used: "Semantic differential", "Self-regulation profile questionnaire", "Unfinished sentences", "Exposure to extreme situations", "Extreme situations", "Personality in an extreme situation". The study results have been processed using qualitative methods, including content analysis. The study results may allow to further study psychological readiness of a specialist to work with complex cases in the social sphere and outline a work plan to improve professional competence. The study is a continuation of the previous study of representations of an extreme situation among the military personnel and students, and it is also planned to study other social groups.

Keywords

Extreme situation, specialists, representations, disposition concept, attitudes, stress, professional activity

For citation: Shulga T.I., Bogateeva L.I. (2025) The disposition concept of V.A. Yadov in the study of the representations of an extreme situation among the social sphere specialists. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 230–240.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование является продолжением предыдущего изучения представлений об экстремальной ситуации у военнослужащих и студентов, также планируется изучение других социальных групп [1].

Социальные проблемы в современном мире имеют большую значимость для общества. Они проявляются в форме алкоголизации, наркомании, детей-сирот, интернет-зависимости, лудомании, самоповреждающего поведения и т.д. [2]. В сущности, все это можно назвать деструктивным поведением. Причины появления таких проблем в современном мире недостаточно изучены, но зачастую именно семья является их первопричиной. Она выступает постоянной общностью жизнедеятельности человека, поэтому неоспоримо ее влияние на становление и развитие личности ребенка [3]. Девиантное поведение родителей или же их низкая родительская компетентность могут быть причинами социально опасного положения или тяжелой жизненной ситуации семьи.

История социальной службы в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) имеет продолжительный путь. Если мы обратимся к истокам становления этой формы организации, то увидим, как с течением времени «родовые» формы помощи друг другу постепенно перешли в отдельный государственный институт. Так, еще во времена племенного взаимодействия старейшины распоряжались помощью социально нестабильным категориям, таким как люди пожилого возраста, сироты, болеющие и т.д. Преимущественно все функции заботы и помощи брал на себя род. В дальнейшем с основанием княжеств социальная помощь населению входила даже в правовые акты. Князья занимались благотворительностью, обращали внимание на серьезные и значимые проблемы крепостных, еще задолго до крещения Руси. Уже с X–XIII вв. можно заметить расширение форм благотворительности – появились бесплатные лечение, еда, а также обучение. Не стоит забывать о том, что первоначальное становление государства формировалось на основе православия, поэтому именно церковь выполняла значительные функции помощи гражданам.

При Петре I произошли важные изменения в деятельности общества (кораблестроение, сельское хозяйство, производство, добыча полезных ископаемых и др.), а также в социальной сфере, что имеет большое значение. Петр I задал направление социальной помощи, осуществляемой государством, которая в свою очередь носила системный характер, что отличалось от предыдущих форм благотворительности. Важным моментом развития социальной сферы стало появление в XVIII в. сиротских домов. Далее это направление расширялось – открывались училища, специальные учреждения для детей с ограниченными возможностями здоровья, – и уже в XIX в. организация благотворительных сообществ носила постоянный характер. Они создавались на пожертвования обеспеченных слоев населения и органов власти, то есть правящей династией Романовых.

Во времена становления и расцвета другого политического строя (а именно Советского Союза (далее – СССР) социальная жизнь общества развивалась и с научной точки зрения, распространяясь на ранее неохваченные группы социально незащищенного населения [4]. На данный момент такими проблемами занимаются специализированные центры, финансируемые государством. Существуют благотворительные фонды помощи, центры, волонтерские организации, введены специализированные паспорта волонтеров для поощрения участия молодежи в этом направлении и т.д. [5].

Поскольку социальная сфера обширна, мы будем рассматривать только аспект, связанный с семейным институтом. Специалисты социальных учреждений – государственных бюджетных учреждений «Семейные центры» и «Центры содействия семейному воспитанию» – оказывают бесплатную юридическую, психологическую, досуговую и финансовую помощь (основание – федеральные законы «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»)^{1,2}. Такая социальная группа имеет свои характеристики, обусловленные проявлением негативных составляющих следующих факторов [6]:

– психологические (люди с зависимым поведением, психическими, психологическими, психиатрическими отклонениями);

¹ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/ (дата обращения: 19.11.2024).

² Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 19.11.2024).

- медико-биологические (люди, болеющие инфекционными, физиологическими и генетическими заболеваниями);
- социально-экономические (финансовая нестабильность, уровень дохода ниже порога бедности);
- педагогические (неприемлемость социальных норм и правил поведения в обществе).

Работа с такими группами населения от сотрудников социальных центров требует большого вложения внутренних ресурсов и хорошо развитой профессиональной компетентности. В данном случае в профессиональную компетентность необходимо включать психологические характеристики, так как от этого критерия может зависеть качественное выполнение трудовых функций [7]. В работу входят поиск ресурсов семьи, проведение профилактических бесед и консультаций, коррекционно-развивающих мероприятий, профориентационных занятий, групповых сессий с детьми и их родителями, семейных консультаций и т.д. Сотрудники таких учреждений каждый день общаются с неблагополучными семьями, оказывают им помощь и поддержку, поэтому аспект общения имеет наиболее важную и значимую роль.

Если рассматривать коммуникативную сторону общения, то можно наблюдать, что не все виды побудительной информации подходят сопровождаемым лицам. Например, активизация деятельности в форме совета, рекомендации совершенно не подойдет подростку с девиантными формами поведения, а для некоторых родителей именно эта форма является наиболее удачной. Интерактивная сторона при работе с такой группой населения несет в себе аспекты, которые могут вызвать негативные проявления личностных характеристик. В данном случае стоит обратить внимание на методы и формы, которыми специалисты пользуются для налаживания контакта с семьей. Например, авторитарные формы могут вызвать у социально нестабильной группы отторжение, но в некоторых случаях данная форма имеет положительную направленность, если люди переживают острый шок и/или эмоционально нестабильны.

Важной стороной при общении с семьями, находящимися на сопровождении, является перцептивная сторона. Налаживание взаимоотношений и построение общих целей и мотивов позволяют всем участникам значительно улучшить результаты работы по налаживанию, разрешению возникших проблем. Помимо этого, сформировавшиеся представления людей о себе могут значительно влиять на их поведение, поэтому перед специалистами стоит задача, чтобы родители и дети увидели себя отличающимися от предыдущих представлений о себе. Как писал А.С. Выготский: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других» [8].

Такая работа требует от специалистов большой стрессоустойчивости, сосредоточенности, ответственности, так как клиенты зачастую не мотивированы на изменение сложившихся обстоятельств и могут проявлять в отношении специалистов агрессию как вербальную, так и физическую [9]. Кроме того, на такой важной и значимой работе существуют риски влияния этой неблагополучной среды на психологическое или физическое состояние самих сотрудников и их семей. При подготовке и отборе на работу людей, помимо знаний, учитываются психологические характеристики будущих сотрудников, но в процессе адаптации к работе отсутствует аспект изучения представлений о предстоящих рабочих задачах и обстоятельствах их разрешения [10].

Представления людей об экстремальной ситуации могут различаться, и от этого зависят их поведенческие реакции и влияние на человека, например, какой стресс он ощутит – дистресс или эустресс [11]. Следовательно, анализ индивидуальных социально-психологических особенностей представлений специалистов об экстремальной ситуации может помочь в повышении профессиональной компетенции и/или подготовке более стрессоустойчивых сотрудников. Специалисты социальной сферы постоянно сталкиваются со сложными ситуациями, которые нечасто встречаются в повседневной жизни, поэтому представления этой группы населения также могут значительно отличаться от представлений других.

В.А. Ядов – основоположник отечественной социологии, представитель поколения «шестидесятников», возрождавший эту науку, доктор философских наук. Он возглавлял Ленинградский отдел Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР (далее – АН СССР), отдел Института социально-экономических проблем АН СССР, был директором Института социологии Академии наук СССР, руководил Центром исследований социальных трансформаций Института социологии Российской академии наук, занимал должность декана факультета социологии Государственного университета гуманитарных наук и другие руководящие должности как в международных, так и в отечественных организациях. На основе трудов социальных психологов он создал теорию, соединяющую известные на тот момент составляющие аспекты социального поведения.

В основе его теории лежит концепция Д.Н. Узнадзе, в понимании которого социальная установка может возникать, если существуют две ситуации: потребность и удовлетворение выделенной потребности. Схема Д.Н. Узнадзе затрагивала лишь элементарные потребности индивида, и В.А. Ядов предложил, что на других уровнях есть свои образования. Он назвал свою теорию «Иерархической схемой диспозиционной регуляции социального поведения личности», где четыре уровня диспозиций соотносены с регулятивной системой личности.

Современные тенденции в психологических исследованиях на данный момент уже не ограничиваются только рамками математической обработки данных с помощью программ SPSS и Statistica – они имеют различные направления, включая качественный анализ. Настоящее исследование строится на основе «Иерархической схемы диспозиционной регуляции социального поведения личности» В.А. Ядова, которая открывает новые направления изучения, исходя из структуры представлений, среди специалистов социального центра [12; 13]. Обработка результатов исследования проводилась качественными методами, включая контент-анализ.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование проведено на 55 респондентах в возрасте от 21 до 58 лет, из которых 53 – лица женского пола, что соответствует 98 % выборки, и двое – мужского, что соответствует 2 %.

Применялись следующие методики:

- «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой, целью которого является изучить уровень саморегуляции поведения [14];
- «Незаконченные предложения» С. Леви (в модификации В.Е. Петрова, Л.И. Богатеевой) направлены на изучение установок индивида [15];
- «Семантический дифференциал» (модификация М.И. Розеновой) позволяет изучить характеристики экстремальной ситуации с точки зрения испытуемых [16];
- опросник «Экстремальные ситуации» (в адаптации М.И. Розеновой, Л.И. Богатеевой) выявляет представления об экстремальных ситуациях испытуемых;
- анкета «Личность в экстремальной ситуации» дает первичную информацию о респондентах (степень образованности, учащийся или работающий, возраст, личный опыт в области экстремальной ситуации);
- опросник «Подверженность экстремальным ситуациям» (в адаптации М.И. Розеновой, Л.И. Богатеевой) изучает представления о влиянии экстремальных ситуаций на респондентов.

Каждая методика измеряет отдельный аспект диспозиционной концепции В.А. Ядова, поэтому их можно распределить по уровням для построения структуры представлений об экстремальной ситуации специалистов социальной сферы [17]:

- низший уровень (первый) определяется элементарными установками человека (анкета «Личность в экстремальной ситуации»);
- второй уровень рассматривает аттитюды поведения человека – под термином «аттитюд» мы понимаем базовые социальные установки, основанные на потребности обмена информацией (методики «Семантический дифференциал» и «Стиль саморегуляции поведения»);
- третий уровень, как определяет В.А. Ядов, – это направленность личности (социальные установки, связанные с деятельностью и предпочтения человека), измеряемая «Незаконченными предложениями» С. Леви;
- высший (четвертый) уровень представлен ценностно-личностными установками (методики «Подверженность экстремальным ситуациям» и «Экстремальные ситуации»).

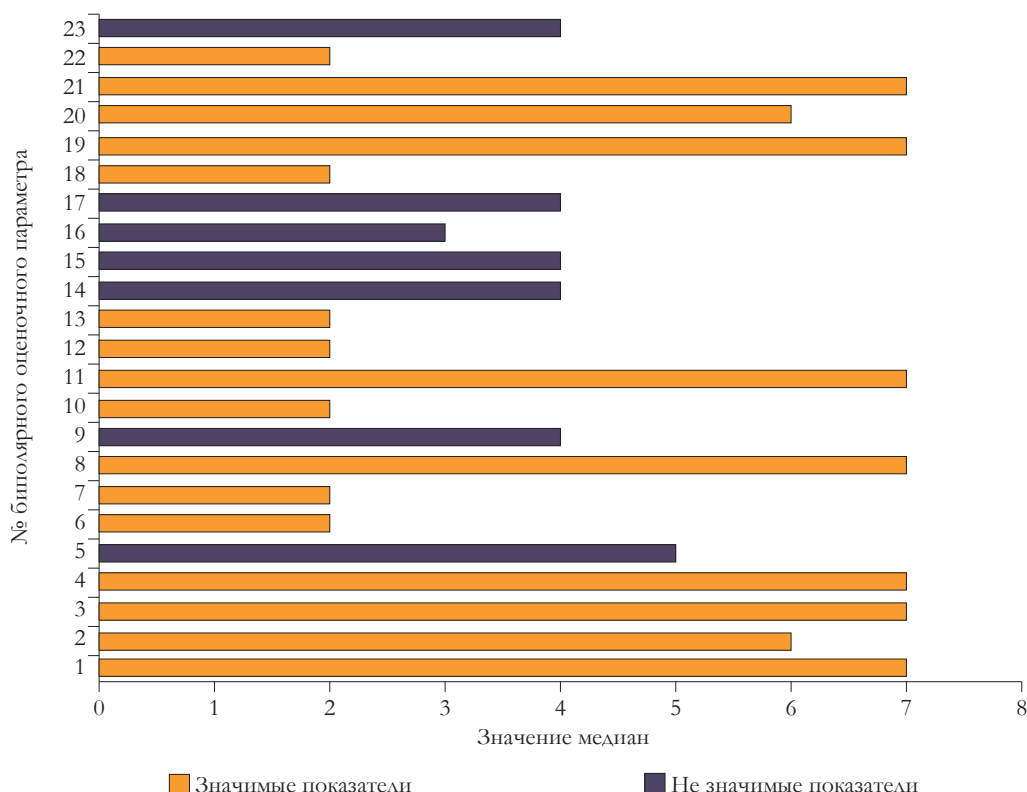
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

По результатам авторской анкеты, опросников и адаптированных методик следует, что 29 % обследованных попадали в экстремальные ситуации, а 71 % в них ни разу не были. Качественный анализ показал, что:

- 98 % испытуемых считают, что экстремальная ситуация – это ситуация угрожающая, имеющая риск или внезапно возникающая;
- 51 % респондентов предполагают, что экстремальная ситуация в целом положительно повлияла на их жизнь;

- большинство опрошенных (в количестве 65 %), находясь в экстремальной ситуации, испытывали признаки морального давления (страх, тревога, безысходность и т.д.);
- 66 % испытуемых предполагают, что экстремальные ситуации встречаются в жизни нечасто;
- большинство респондентов (76 %) считают, что используют «пассивные» способы защиты (соблюдение правил безопасности, держаться дальше от других людей и т.д.);
- 65 % опрошенных специалистов считают, что можно научиться справляться с переживаниями, выходя из экстремальной ситуации без последствий.

Анализ методики семантического дифференциала выявил значимые показатели по параметрам: быстрая (№ 1), горячая (№ 2), тяжелая (№ 3), острая (№ 4), плохая (№ 6), темная (№ 7), сильная (№ 8), необычная (№ 10), активная (№ 11), некрасивая (№ 12), неустойчивая (№ 13), грустная (№ 18), страшная (№ 19), сложная (№ 20), опасная (№ 21), мешающая (№ 22). В семантическое поле не вошли такие биполярные оценочные параметры, как твердая-мягкая (№ 5), мужская-женская (№ 9), интересная-неинтересная (№ 14), обязательная-необязательная (№ 15), оптимистичная-пессимистичная (№ 16), свободная-несвободная (№ 17), полезная-вредная (№ 23) (рис. 1).

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Гистограмма показателей семантического поля представлений специалистов

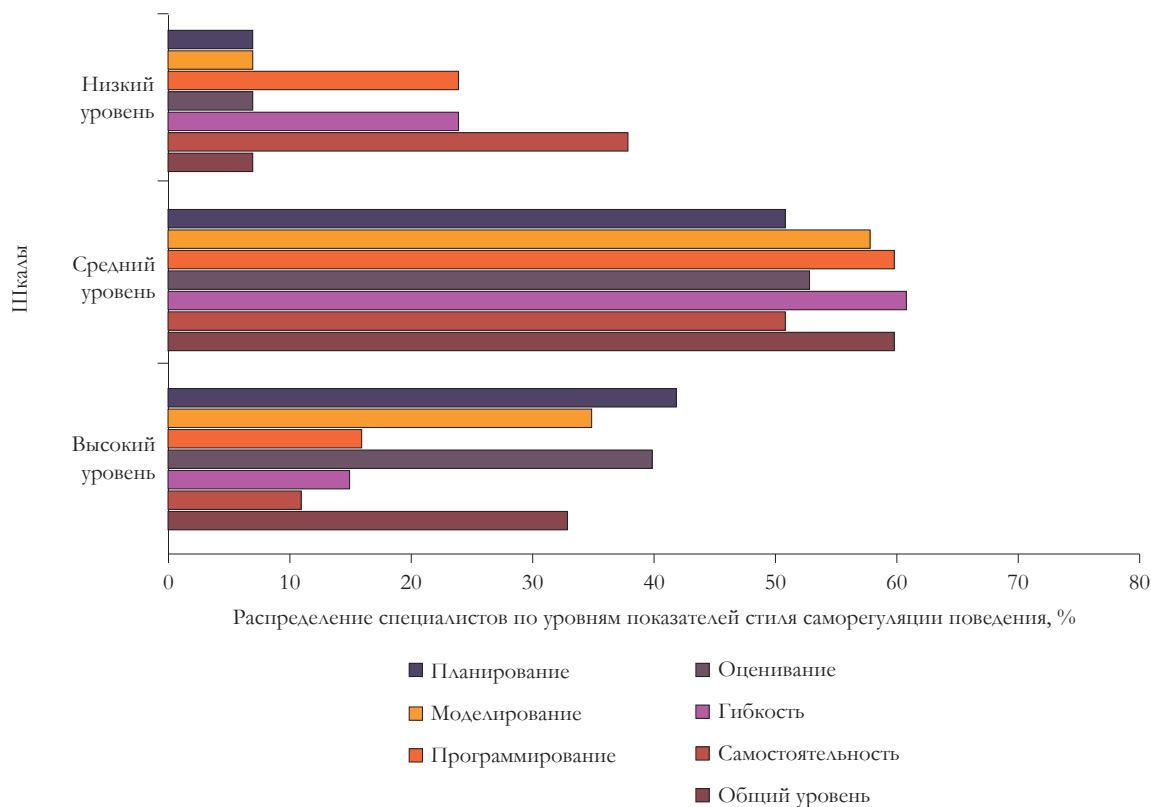
Специалисты показали средние значения по всем шкалам опросника «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ В.И. Моросановой): «планирование», «моделирование», «программирование», «оценивание», «гибкость», «самостоятельность», «общий уровень саморегуляции» (рис. 2).

Специалисты соразмерно демонстрируют способность перестраиваться к новым условиям, диагностировать внутренние и внешние условия, выстраивать свою деятельность согласно намеченным целям. На достаточном уровне осознанно регулировать свои действия могут 50–60 % респондентов группы и 33 % – на высоком.

По методике «Незаконченные предложения» С. Леви (модификация В.Е. Петрова, Л.И. Богатеевой) выявлены средние значения по всем шкалам: «самоанализ», «опасения», «социальные установки» (рис. 3).

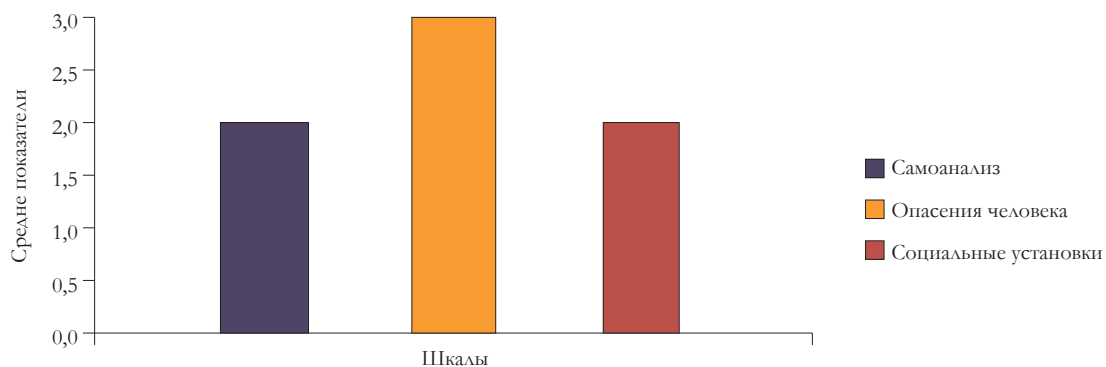
Анализ полученных результатов допускает возможность, что специалисты не склонны к глубокому самоанализу ситуации, могут осознанно справляться лишь с некоторыми психологическими или психическими травмами, стрессом, посттравматическим стрессовым расстройством (далее – ПТСР)

и т.д. Специалисты имеют личное представление об экстремальной ситуации. Их опасения связаны с сильными стрессовыми ситуациями.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Гистограмма распределения специалистов по уровням показателей стиля саморегуляции поведения

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Способы справиться с экстремальной ситуацией у специалистов

Исходя из результатов методики «Экстремальные ситуации», у всех участников исследования возникло 492 ассоциации. Удалось выявить наиболее часто употребляемые ассоциации: «страх» (24 респондента, что соотносится с 44 % выборов слов от общего количества людей), «стресс», «паника», «опасность», «боль» и «потеря» (по 10 респондентов, или 18 %). Остальные слова выбирали менее 10 чел. (табл. 1).

Таблица 1

**Анализ методики «Экстремальные ситуации», количественное распределение
выборки по упоминанию слов**

Часто выбираемые слова	Кол-во людей, выбравших слово, чел.	Кол-во людей, выбравших слово, %
Страх	24	44

Окончание табл. 1

Часто выбираемые слова	Кол-во людей, выбравших слово, чел.	Кол-во людей, выбравших слово, %
Стресс	10	18
Паника	10	18
Опасность	10	18
Боль	10	18
Потеря	10	18
Смерть	10	18

Составлено автором по материалам исследования

По результатам анализа методики «Экстремальные ситуации» нами выделены 9 смысловых групп ассоциаций, возникающих у специалистов в отношении понятия экстремальных ситуаций и содержащих различное количество слов:

- «Преодоление» («выход», «помощь», «сила»), в совокупности 125 слов;
- «Стрессовые реакции» («страх», «стресс», «паника»), в совокупности 101 слово;
- «Предмет или действие» («авария», «авиакатастрофа», «война»), в совокупности 84 слова;
- «Синоним экстремальной ситуации» («опасность», «угроза», «безысходность»), в совокупности 71 слово;
- «Физические последствия экстремальной ситуации» («смерть», «боль», «потеря»), в совокупности 56 слов;
- «Природные и техногенные бедствия» («пожар», «катастрофа», «землетрясение»), в совокупности 40 слов;
- «Психологические последствия экстремальной ситуации» («ПТСР», «горе», «психика»), в совокупности 8 слов;
- «Увлечение» («экстрим», «горки русские», «полет с парашютом»), в совокупности четыре слова;
- «Возбуждение» («адреналин»), в совокупности три слова.

Основной вывод, исходя из этих представлений состоит в том, что специалисты связывают с понятием экстремальной ситуации основную ассоциацию, вызванную страхом.

Исходя из результатов по методики «Подверженность экстремальным ситуациям» у всех участников исследования возникло 472 ассоциации. Также удалось выявить часто называемые ассоциации: «смерть» (27 респондентов); «пожар» (26 респондентов); «болезнь» (18 респондентов); «война» (17 респондентов); «потеря» (16 респондентов); «авария» (16 респондентов); «наводнение» (13 респондентов); «землетрясение» (11 респондентов); «теракт, терроризм» (10 респондентов). Остальные слова выбрали менее 10 человек (табл. 2).

Таблица 2

Анализ методики «Подверженность экстремальным ситуациям», количественное распределение выборки по упоминанию слов

Часто выбираемые слова	Кол-во людей, выбравших слово, чел.	Кол-во специалистов, выбравших слово, %
Смерть	27	49
Пожар	26	47
Болезнь	18	33
Война	17	31
Потеря	16	29
Авария	16	29
Наводнение	13	24
Землетрясение	11	20
Теракт, терроризм	10	18

Составлено автором по материалам исследования

В результате анализа методики «Подверженность экстремальным ситуациям» выделены 10 смысловых групп ассоциаций, содержащие различное количество слов и возникающие у специалистов в отношении понятия подверженности экстремальным ситуациям:

- «Несчастные случаи» («заблудиться в лесу», «несчастный случай», «обрушение»), в совокупности 55 слов;
- «Физические последствия» («смерть», «болезнь», «эпидемия»), в совокупности 83 слова;
- «Изменения в семейной истории» («конфликты», «потеря», «развод»), в совокупности 91 слово;
- «Дорожно-транспортные происшествия» («авиакатастрофа», «аварии», «автокатастрофа»), в совокупности 38 слов;
- «Преступления» («теракт, терроризм», «драка», «насилие»), в совокупности 67 слов;
- «Война» («война», «взрыв», «призыв в СВО»), в совокупности 20 слов;
- «Природные катаклизмы» («землетрясение», «наводнение», «катастрофа»), в совокупности 65 слов;
- «Пожар» («пожар», «угарание», «сгореть»), в совокупности 29 слов;
- «Экстремальный спорт» («прыжок с парашютом», «плавать в открытом океане», «скорость»), в совокупности 14 слов;
- «Нападение животных» («встретить змею», «нападение животных», «укус»), в совокупности 10 слов.

Самостоятельно ранжируя понятие «экстремальной ситуации», специалисты приписывают от самой опасной ситуации (1-й ранг) до менее опасной (10-й ранг): 1-й и 2-й ранги – «смерть», 3-й – «пожар» или «теракт, терроризм», 4-й – «пожар», 5-й – «пожар» или «автокатастрофа», 6-й – «пожар», 7-й – «наводнение», 8-й – «пожар», «авария», «потеря», 9-й – «заблудиться в лесу», «несчастный случай», «пожар», 10-й – «предательство» или «драка» как среднестатистические опасные ситуации.

Основываясь на получившейся структуре представлений, все специалисты однозначно на первую позицию ставят «смерть» (занимает 1-й и 2-й ранги), а на среднюю (7-й ранг) – «наводнение». «Пожар» отнесен респондентами к разным рангам (3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й, 9-й). Ранги 3, 5, 8, 9, 10 определяются несколькими понятиями и имеют широкий выбор и неоднозначность мнений.

ВЫВОДЫ

Исходя из диспозиционной концепции В.А. Ядова и результатов настоящего исследования можно построить структуру представлений об экстремальной ситуации специалистов социальной сферы.

1. Первый уровень – экстремальной ситуацией является ситуация внезапно возникающая, угрожающая и имеющая риск. Встречаются такие ситуации нечасто, и, находясь в экстремальной ситуации, люди испытывают моральное давление. После преодоления данной ситуации последствия влияют на поведение человека положительно, его можно научить справляться с ними. Для предотвращения таких событий в жизни необходимо соблюдать правила безопасности.

2. Второй уровень – ситуация характеризуется разнообразно: «быстрая», «горячая», «тяжелая», «острая», «плохая», «темная», «сильная», «необычная», «активная», «некрасивая», «неустойчивая», «грустная», «страшная», «сложная», «опасная», «мешающая». Специалисты ставят перед собой цели, но планирование шагов к ним не до конца является осознанным и детализированным, хотя у меньшего количества специалистов получается осознанного подходить к этому вопросу. Представления о внешних и внутренних условиях, которые влияют на достижение целей, не всегда реалистичны. Продумывание программ к своим намерениям может представлять сложность, а именно самостоятельное решение вопросов, последовательность действий и перестраивание программ по ходу изменения ситуаций. Оценка результатов своей деятельности также иногда не соответствует действительности. В целом специалисты не регулируют свои поступки.

3. Третий уровень – неосознанная ситуация. Специалисты анализируют экстремальную ситуацию и могут осознанно справляться с моральными травмами, но не всегда у них это реалистично получается. Их опасения напрямую связаны с экстремальными ситуациями и стрессовыми состояниями.

4. Четвертый уровень – осознанная ситуация опасности. Специалисты подвержены экстремальной ситуации, трактуют ее через такие составляющие, как «страх», «смерть», «опасность», «стресс», «пожар», «паника», «авария», «травма». Они более подвержены таким ситуациям, как «пожар», «теракт, терроризм», «землетрясение», «война», «наводнение», «авария», «обвал», «бедствие», «ураган», «цунами», «дорожно-транспортное происшествие», «авиакатастрофа», «нападение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная сфера как совокупность организационных мероприятий, направленных на помощь населению, развивалась в отечественной истории на протяжении многих веков. Истоки данного направления

можно проследить еще со времен племенного устройства сообществ до наших дней. Социальная сфера включает множество отраслей, таких как образование, защита населения, здравоохранение и т.д.

В настоящем исследовании рассмотрены отрасль социальной защиты населения и отдельный ее аспект – специалисты социальной сферы, работающие с неблагополучными семьями. От них требуются большая стрессоустойчивость, сосредоточенность, ответственность, также они должны хорошо владеть навыками общения и быть готовыми проявлять свою профессиональную компетенцию при работе с семьями, состоящими на сопровождении и имеющими особенные характеристики (психологические, педагогические, медико-биологические, социально-экономические).

По результатам исследования у специалистов имеются представления об экстремальной ситуации, но не сформированы четкие установки об опасности этих ситуаций. Они вкладывают в понимание экстремальной ситуации базисные понятия, но также значительно выделяют роль психологической нагрузки и последствия давления ее на психику человека. Большая стрессовая нагрузка, к которой могут быть не готовы специалисты социальной сферы, может способствовать быстрому выгоранию, поэтому формирование психологической устойчивости к стрессу с учетом социально-психологических особенностей представлений повысило бы профессиональную компетентность. Выявленные социальные установки об экстремальной ситуации в данной группе по некоторым уровням (по уровням «аттитюды», «неосознанной ситуации», «осознанной ситуации опасности») можно скорректировать по направлению к психологической защищенности личности в стрессогенных событиях.

Представления об экстремальной ситуации у специалистов обширные, разнообразные, размытые. С использованием диспозиционной концепции В.А. Ядова авторам удалось выявить отдельные установки специалистов и построить структуру представлений об экстремальной ситуации.

Список литературы

1. Богатеева А.И. Представления о экстремальной ситуации у военнослужащих на основе диспозиционной концепции В.А. Ядова. Человеческий капитал. 2024;3(183):88–96. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.03.08>
2. Тарова В.С. Семейное неблагополучие и его влияние на будущее ребенка. Наука и реальность. 2022;2(10):45–47.
3. Фотина М.А., Шамовская Т.В. Особенности представлений о семейных отношениях у подростков-правонарушителей. Вестник Кемеровского государственного университета. Гуманитарные и общественные науки. 2022;2(22):10–116. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-110-116>
4. Корепанова Ю.Н. Эмоциональное отвержение ребенка в семье как фактор, способствующий формированию общего неблагополучия личности и выступающий психологической предпосылкой криминального поведения. Вестник Самарского юридического института. 2020;5(41):104–108. <https://doi.org/10.37523/SUI.2020.41.5.018>
5. Недригайлова А.П. Социальная сфера. Экономика и социум. 2020;12-1(79):844–846.
6. Кораблина Е.П., Пашкин С.Б., Бразник Е.П., Лисовская Н.Б., Абрамова П.Д. Актуальные экзистенциальные проблемы в контексте субъективно-личностных отношений будущих помогающих специалистов. Сознание. 2021;10(23):5–15. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-10-5-15>
7. Никифорова Т.Ю., Бессонова О.А. К вопросу о предупреждении профессиональной дезадаптации специалистов в условиях современных социальных вызовов. Гуманитарные науки. 2022;2(58):126–133.
8. Выготский Л.С. Психология развития. Избранные работы. М.: Юрайт; 2024. 281 с.
9. Кузьменко А.В. Стресс как источник профессионального выгорания. Гуманитарный научный журнал. 2021;1:145–152.
10. Beer O.W.J., Phillips R., Quinn C.R. Exploring stress, coping, and health outcomes among social workers. European Journal of Social Work. 2021;2(24):317–330. <https://doi.org/10.1080/13691457.2020.1751591>
11. Breitenbach M. et al. Hans Selye and the Origins of Stress Research. In: Stress and Poverty: A Cross-Disciplinary Investigation of Stress in Cells, Individuals, and Society. Springer Cham; 2021. Pp. 21–28. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77738-8_2
12. Ланцев В.А. Прогнозирование поведения педагогов в условиях трансформации системы образования на основе диспозиционной концепции личности В.А. Ядова. Среднерусский вестник общественных наук. 2019;4(14):242–261. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-242-261>
13. Тихонов А.В. Читая и перечитывая В.А. Ядова: отечественная социология сосредотачивается... СНИСП. 2020;3(31):196–204. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7495>
14. Моросанова В.И., Кондратьев Н.Г. Опросник В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения – ССПМ 2020». Вопросы психологии. 2020;4:155–167.

15. Чичкин А.С., Прокофьева В.А., Чекунов А.А. К вопросу использования проективных психодиагностических методов в рамках профессионального отбора кандидатов на военную службу. В кн.: Государственная служба Российской Федерации: поиск эффективной модели, правовые и управленческие аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 7 февраля 2022 г. СПб: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний; 2022. С. 261–268.
16. Богатева Л.И. Представления об экстремальной ситуации у военнослужащих космических войск. В кн.: Актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 апреля 2023 г. М.: Государственный университет просвещения; 2023. С. 235–239.
17. Богатева Л.И. Понимание экстремальной ситуации у курсантов Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. В кн.: Социальная психология: вопросы теории и практики: материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 15–16 мая 2024 г. М.: МГППУ; 2024. С. 98–101.

References

1. Bogateeva L.I. The disposition concept of V.A. Yadov in the study of the representations of an extreme situation among the military personnel. *Human Capital*. 2024;3(183):88–96. (In Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2024.03.08>
2. Tarova V.S. Family problems and their impact on the child's future. *Science & Reality*. 2022;2(10):45–47. (In Russian).
3. Fotina M.A., Shamonovskaya T.V. Concept of Family Relationships in Teenage Offenders. *Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences*. 2022;2(22):10–116. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2022-6-2-110-116>
4. Korepanova Yu.N. Emotional rejection of a child in the family as a factor contributing to the formation of general personal disease and being a psychological background to criminal behavior. *Bulletin of Samara Law Institute*. 2020;5(41):104–108. (In Russian). <https://doi.org/10.37523/SUI.2020.41.5.018>
5. Nedrigailova A.P. Social sphere. *Ekonomika i sotsium*. 2020;12-1(79):844–846. (In Russian).
6. Korablina E.P., Pashkin S.B., Brazhnik E.I., Lisovskaya N.B., Abramova P.D. Current existential problems in the context of subjective-personal relationships of future specialists in helping professions. *Soznanie*. 2021;10(23):5–15. (In Russian). <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-10-5-15>
7. Nikiforova T.Yu., Bessonova O.A. Prevention of professional disadaptation of specialists in the conditions of modern social challenges. *The Humanities*. 2022;2(58):126–133. (In Russian).
8. Vygotsky L.S. Psychology of development. Selected works. Moscow: Yurait; 2024. 281 p. (In Russian).
9. Kuzmenko A.V. Stress as a source of professional burnout. *Humanitarian Scientific Journal*. 2021;1:145–152. (In Russian).
10. Beer O.W.J., Phillips R., Quinn C.R. Exploring stress, coping, and health outcomes among social workers. *European Journal of Social Work*. 2021;2(24):317–330. <https://doi.org/10.1080/13691457.2020.1751591>
11. Breitenbach M. et al. Hans Selye and the Origins of Stress Research. In: *Stress and Poverty: A Cross-Disciplinary Investigation of Stress in Cells, Individuals, and Society*. Springer Cham; 2021. Pp. 21–28. https://doi.org/10.1007/978-3-030-77738-8_2
12. Lantsev V.L. Prediction of teachers' behavior under conditions of transformation of the education system based on dispositional concept of personality V.A. Yadov. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2019;4(14):242–261. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-242-261>
13. Tikhonov A.V. Reading and rereading V.A. Yadov: domestic sociology focuses... *Sociological Science and Social Practice*. 2020;3(31):196–204. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7495>
14. Morosanova V.I., Kondratyuk N.G. V.I. Morosanova's "Self-regulation profile questionnaire – SRPQM 2020". *Voprosy Psichologii*. 2020;4:155–167. (In Russian).
15. Chichkin A.S., Prokofieva V.A., Chekunov A.A. On the use of projective psychodiagnostic techniques in the professional selection of candidates for military service. In: *Public service of the Russian Federation: Search for an effective model, legal and managerial aspects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, February 7, 2022*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Federal Service for the Execution of Punishments; 2022. Pp. 261–268. (In Russian).
16. Bogateeva L.I. Representations of an extreme situation in servicemen of space troops. In: *Currents issues of theory and practice of psychological, pedagogical, and linguodidactic research: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 12–13, 2023*. Moscow: State University of Education; 2023. Pp. 235–239. (In Russian).
17. Bogateeva L.I. Understanding of an extreme situation in cadets of the Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky. In: *Social psychology: Issues of theory and practice: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference in memory of M.Yu. Kondratyev, Moscow, May 15–16, 2024*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education; 2024. Pp. 98–101. (In Russian).

Государственный университет управления — исторический преемник Александровского коммерческого училища

Костриков Сергей Петрович

Д-р ист. наук, проф. каф. социологии, психологии управления и истории
ORCID: 0000-0002-3999-0940, e-mail: s.kostrikov@mail.ru

Чуев Сергей Владимирович

Канд. ист. наук, зав. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0009-0003-6785-8722, e-mail: sv_chuev@guu.ru

Костриков Станислав Сергеевич

Канд. ист. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0001-6627-6868, e-mail: merton@list.ru

Юданов Никита Андреевич

Ассист. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0009-0008-4357-2478, e-mail: na_yudanov@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Приведен ряд аргументов в пользу преемственности Государственного университета управления от Александровского коммерческого училища, на базе которого в первые годы советской власти был основан сначала Московский промышленно-экономический техникум, а затем Московский промышленно-экономический практический институт, от времени создания которых, от 30 апреля 1919 г., юридически начинается жизнь вуза и официально отмечаются юбилейные даты. Архивные данные и артефакты того периода сохранились до сегодняшнего дня и представляют весомую значимость для исторической эволюции университета. Высказаны идеи о наличии преемственности не только посредством смены названий и прописок по официальным документам, но и по косвенным и фактическим признакам: преподавательскому составу, материально-техническим средствам, направлению подготовки, научной школе, педагогическим традициям. Несмотря на разность траекторий образовательных программ подготовки учащихся, образованных как программы коммерческого училища, коммерческие торговые курсы, затем промышленные практические, инженерные и управленческие, они демонстрировали высокую востребованность на этапах истории учебного заведения — дореволюционный, советский, современный. Подчеркнута ценность признания выявленных фактов об истории высшего учебного заведения в той или иной форме. 2025 г. является юбилейным для Государственного университета управления: 145 лет назад было основано Александровское коммерческое училище, а 140 лет назад стартовал первый учебный год.

Ключевые слова

Государственный университет управления, Александровское коммерческое училище, коммерческое образование, управление, дореволюционное образование в России, история учебных заведений, менеджмент

Статья подготовлена к 145-летию Александровского коммерческого училища и 140-летию первого набора воспитанников.

Для цитирования: Костриков С.П., Чуев С.В., Костриков С.С., Юданов Н.А. Государственный университет управления — исторический преемник Александровского коммерческого училища // Вестник университета. 2025. № 2. С. 241–248.

State University of Management is a historical successor of the Alexander Commercial School

Sergei P. Kostrikov

Dr. Sci. (Hist.), Prof. at the Sociology, Psychology of Management and History Department
ORCID: 0000-0002-3999-0940, e-mail: s.kostrikov@mail.ru

Sergei V. Chuev

Cand. Sci. (Hist.), Head of the State and Municipal Management Department
ORCID: 0009-0003-6785-8722, e-mail: sv_chuev@guu.ru

Stanislav S. Kostrikov

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
ORCID: 0000-0001-6627-6868, e-mail: merton@list.ru

Nikita A. Yudanov

Assistant at the State and Municipal Management Department
ORCID: 0009-0008-4357-2478, e-mail: na_yudanov@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

A number of arguments have been made in favor of the continuity of the State University of Management from the Alexander Commercial School, on the basis of which in the early years of Soviet power first the Moscow Industrial and Economic Technical School and then the Moscow Industrial and Economic Practical Institute were founded. From the time of their creation, April 30, 1919, the university's life legally begins and anniversary dates are officially celebrated. Archival data and artifacts of that period have survived until today and are of great importance for the historical evolution of the university. There are ideas about the presence of continuity not only through the change of names and residences according to official documents, but also by indirect and actual signs such as teaching staff, material and technical facilities, educational programs, scientific school, and pedagogical traditions. In spite of the different trajectories of educational programs for students formed as programs of commercial school, commercial trade courses, and then industrial practical, engineering, and management courses, they demonstrated high demand at the stages of history of the educational institution (pre-revolutionary, Soviet, modern). The value of recognizing the revealed facts about history of the higher education institution in one form or another has been emphasized. The year 2025 is an anniversary year for the State University of Management since 145 years ago the Alexander Commercial School was founded, and 140 years ago the first academic year started.

Keywords

State University of Management, Alexander Commercial School, commercial education, management, pre-revolutionary education in Russia, history of educational institutions, management

The article was prepared for the 145th anniversary of the Alexander Commercial School and the 140th anniversary of the first intake of students.

For citation: Kostrikov S.P., Chuev S.V., Kostrikov S.S., Yudanov N.A. (2025) State University of Management is a historical successor of the Alexander Commercial School. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 241–248.

ВВЕДЕНИЕ

В 2024 г. Государственный университет управления отметил юбилейную дату – 105 лет со дня основания его предшественника Московского промышленно-экономического практического института (далее – МПЭПИ). Если быть юридически точными, то 30 апреля 1919 г. Народным комиссариатом промышленности и торговли Союза Советских Социалистических Республик было утверждено Положение о преобразовании Московского промышленно-экономического техникума (далее – МПЭТ), основанного по инициативе ряда преподавателей и сотрудников бывших дореволюционных коммерческих училищ в 1918 г., в МПЭПИ¹. С этой даты ведется официальное летоисчисление жизни Государственного университета управления как высшего учебного заведения.

Однако после Октябрьской революции МПЭТ, а затем и МПЭПИ не были основаны на пустом месте «с нуля». До победившей в 1917 г. власти Советов по адресу г. Москва, Ст. Басманная ул., 21/4 располагались Александровское и Николаевское коммерческие училища, а также Женская торговая школа имени императора России Николая II.

* * *

Возникшее в 1770-е гг. как насущная общественная потребность в условиях экономического роста и возникавших внешнеэкономических связей екатерининской России коммерческое образование активно развивалось на протяжении всего XIX в. К концу столетия, особенно после появившегося в 1896 г. и инициированного выдающимся отечественным государственным политическим деятелем С.Ю. Витте Положения о коммерческих учебных заведениях, стали появляться разные коммерческие образовательные учреждения посредством как частной инициативы, так и государственной во многих крупных городах Российской империи [1]. В Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Казани и других городах возникли коммерческие училища, торговые школы, коммерческие курсы и классы, в дальнейшем ставшие основанием и историческим фундаментом для ряда известных учебных заведений XXI в.

Все эти учебные заведения, начиная с самого первого коммерческого училища, открывшего двери еще в 1772 г. в Москве, были ориентированы на подготовку квалифицированных специалистов в торгово-промышленной, банковско-финансовой и в дальнейшем управленческой областях. Видные ученые, государственные деятели, предприниматели-меценаты екатерининского периода – И.И. Бецкой, П.А. Демидов, В.В. Крестинин и др., – а также их последователи хорошо понимали, что стране, вступившей на путь активного капиталистического развития, нужны подготовленные специалисты, владеющие специальными экономическими, бухгалтерскими, техническими, юридическими знаниями, иностранными языками, обладающие широкой общей образовательной подготовкой. Инициаторы создания коммерческих учебных заведений приложили немалые усилия для того, чтобы создать действенную систему коммерческого образования в масштабах большой страны. Особо стоит отметить роль российского купечества, которое активно поддержало процесс становления и развития коммерческого образования, вкладывало в него средства, инициировало создание новых учебных заведений, учреждало стипендии для воспитанников и т.д. Все это делалось потому, что отечественный предпринимательский класс увидел в этом пользу для себя и с точки зрения подготовки нужных для экономического развития кадров, и как возможность дать качественное образование для своих детей. Известно, что представители многих известных российских купеческих фамилий, например, Рябушинских, обучались в коммерческих училищах.

Коммерческие училища в большинстве своем подчинялись прогрессивному Министерству финансов Империи, которое в XIX в. часто возглавляли крупные специалисты в области экономики, а не консервативному Министерству народного просвещения, поэтому они имели больше возможностей для педагогических новшеств, обладали хорошей материально-технической базой и отличным подбором преподавателей.

На коммерческие училища обращали внимание и царственные особы. Именно им принадлежала prerogative открывать новые учебные заведения в стране, назначать попечителей, самим оказывать им покровительство как, например, императрица Мария Федоровна (супруга императора Павла Петровича), опекавшая первое коммерческое училище, или император Николай I, не раз посещавший Московское коммерческое училище и имевший в нем пять собственных стипендиатов.

¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 14. Д. 16. Л. 9. Режим доступа: <https://alertino.com/ru/5185659> (дата обращения: 25.12.2024).

15 февраля 1880 г. (по старому стилю) министр финансов С.А. Грейг, один из самых приближенных ко двору чиновников, представил императору Александру II «всеподданнейший доклад» об учреждении в Москве среднего коммерческого учебного заведения по прошению Московского биржевого общества. Этим же числом царь утвердил доклад и разрешил открыть данное учебное заведение².

19 февраля 1880 г., ровно 145 лет назад, в честь 25-летия правления императора Александра II и в память о заботах государя о широком распространении образования в Отечестве, Московское биржевое купечество решило основать в столице коммерческое училище для обучения лиц торгово-промышленного сословия [2]. В дальнейшем коммерческое образование в России, в частности в Александровском училище, в процессе своего развития приобрело всесословную форму обучения [3].

Нужно отметить, что сама эта февральская дата для истории России имеет еще одно важное значение. Именно 19 февраля (по новому календарю – 3 марта) 1861 г., в день шестой годовщины своего пребывания на престоле, император Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В истории страны Александр II выступил не только царем-освободителем, но и поборником просвещения. Таким образом, началась жизнь Александровского коммерческого училища, будущей исторической основы самого первого управленческого вуза – нынешнего Государственного университета управления.

По сложившейся к тому времени практике коммерческие училища обучали воспитанников в течение 8 лет. В них поступали дети 10–12 лет, уже имевшие начальное образование и прошедшие «вступительные испытания». Со временем при училищах были созданы подготовительные классы. В течение первых пяти лет обучения воспитанники получали общее образование, как и в гимназиях. В последующие три года к общеобразовательным предметам добавлялись специальные, соответствующие торгово-промышленной направленности подготовки. После вступления в силу Положения о коммерческом образовании 1896 г. при некоторых училищах учреждались торговые школы (как правило, для девочек). Таким образом, коммерческие учебные заведения способствовали развитию женского специального образования [4].

Вновь создаваемое Московским биржевым обществом коммерческое училище соответствовало этим сложившимся правилам. Процесс открытия Александровского коммерческого училища затянулся на несколько лет, во-первых, из-за чисто бюрократических условий, сложившихся в России, так как разрешить открыть учебное заведение в стране мог только лично император. Во-вторых, программы вступительных испытаний и обучения должно было утвердить Министерство народного просвещения, а оно подходило к этому вопросу чрезвычайно тщательно, даже придирчиво, с учетом того, что Александровское училище, как указывалось выше, входило в ведение Министерства финансов. В-третьих, в марте 1881 г. император Александр II был убит народовольцами, что так или иначе остановило многие процессы в государстве. В связи с этим первые утвержденные Министерством финансов по соглашению с Министерством народного просвещения учебные программы были приняты только 11 июля 1885 г. В том же году начался первый учебный сезон. Открылись два класса: подготовительный и первый общий. По задумке предполагалось 9 лет обучения: подготовительный класс, пять лет общеобразовательного обучения, три – специального.

В Попечительский совет нового «полезного заведения» вошли многие известные люди того времени – предприниматели и меценаты [5]. Его возглавил вдохновитель всего этого мероприятия видный представитель предпринимательских кругов, ученый-москвовед, политический (один из предвестников партии октябристов в 1905 г.) и общественный деятель, основатель одного из первых отечественных банков Н.А. Найденов. Помимо него, в совет вошли коммерции советники И.К. Бакланов (гласный, или депутат, Московской городской думы, богатый купец), А.А. Колин (видный коммерсант, член Биржевого комитета), потомственный почетный гражданин и коммерции советник С.В. Алексеев (крупный предприниматель и общественный деятель, отец выдающегося театрального теоретика К.С. Станиславского), создатель Третьяковской галереи П.М. Третьяков и потомственный почетный гражданин Д.П. Боткин (представитель купеческой семьи крупных частотворцев и благотворителей, оставившей большой след в истории страны).

По указу министра финансов первым директором Александровского коммерческого училища в начале 1884 г. был утвержден член-корреспондент Петербургской академии наук, организатор науки и образования, выдающийся математик А.В. Летников. В своей речи на торжественном акте открытия училища

² Российский государственный исторический архив. Ф. 40. Оп. 1. Д. 32. Режим доступа: <https://clck.ru/3Gtwje> (дата обращения: 25.12.2024).

6 октября 1885 г. он серьезно и глубоко осветил цели и задачи обучения воспитанников, подчеркнув, что коммерческое образование в России имеет свою историю и специфику, которая отличается от аналогичного на Западе и превосходит его по глубине и широте получаемых знаний. Он указал: «В организации коммерческого образования нам нет нужды следовать чужому опыту, который может быть непригодным для копирования, тем более что у нас уже есть свой собственный наработанный опыт» [2, с. 4–5]. Первый директор в своем публичном выступлении акцентировал внимание на таких вопросах, как составление учебного плана, основные преподаваемые дисциплины, воспитание учащихся и роль наставников, значение искусства, религии и патриотизма в процессе обучения в училище. Известный русский математик утверждал, что «училище должно готовить молодых людей не к ученым званиям, — а к жизни и к трудовой деятельности в обществе...» [2, с. 32].

Программное послание А.В. Летникова, сохранившееся в качестве исторического источника, сегодня звучит как никогда актуально, потому что задача воспитания, по мнению руководителя, не может быть отделена от учебного дела, «...но следует сказать, что эта задача еще важнее учения... Только воспитанием дается развитие сил физических и нравственных, образование характера, умение обращаться с людьми, умение приложить к делу приобретенные знания...» [2, с. 33]. В этом присутствует синергетический эффект: «Взаимное воздействие воспитания и учения образует человека... Знание есть только орудие, — взяв его в руки, надо еще уметь им владеть, не в узком смысле школьных практических упражнений, а в широком смысле умения принести этим знанием пользу обществу или лицам, применяя его в том деле, которое подлежит исполнению... Задача воспитания — образование воли... Человек, который пользуется влиянием и особым значением в обществе не столько тот, кто обладает большими знаниями, сколько тот, кто имеет сильную волю и умеет желать» [2, с. 33–34]. Этими принципами Государственный университет управления, как бы он ни назывался в течение своего существования, старался всегда руководствоваться.

Судьба А.В. Летникова сложилась трагично. В феврале 1888 г. перестроенное здание училища заново освятили. Во время торжества первый директор Александровского училища, чей вклад в развитии учебного заведения неocenim, простудился, сильно заболел и умер.

В первый преподавательский состав училища на момент его открытия, кроме А.В. Летникова, вошли опытные профессионалы, видные ученые. Инспектором и старшим учителем Министерство финансов утвердило С.П. Чекалу, коллежского советника с VI чином в Табели о рангах, в армии — полковника, прослужившего 30 лет в системе среднего специального образования. «Классным надзирателем», как сейчас именовали бы воспитателя, стал А.В. Филоматитский, выпускник императорского Московского университета. Законоучителем назначили кандидата богословия священника Г.Ф. Виноградова, преподавателем математики — кандидата университета С.Н. Светозарова. Учителем рисования был приглашен статский советник с V классом в Табели о рангах, академик живописи, известный в то время художник К.Ф. Турчанинов. По совместительству в училище в первый год обучения преподавали П.П. Райо, старший преподаватель Константиновского межевого института, учитель французского языка, Д.В. Цветаев, штатный преподаватель Московского кадетского корпуса, учитель русского языка (родной дядя поэтессы М. Цветаевой, в будущем профессор истории в Московском и Варшавском университетах), Д.А. Риков, преподаватель Петропавловского мужского училища в Москве, учитель рисования, И.Е. Палладин, ученый-рисовальщик, учитель чистописания (отец известного русского ботаника-физиолога, академика В.И. Палладина), М.И. Георгиевский, священник, учитель пения, Э.А. Титце, учитель гимнастики, бывший прусский офицер [6]. Позднее в училище работал известный ученый-астроном П.К. Штернберг, профессор Московского университета, видный научный и политический деятель, участник революции 1905 г. Как мы можем заметить, основателей училища более всего интересовали не политические, а научные достоинства преподавателей, получаемая от них практическая польза.

Александровское коммерческое училище стало одним из самых передовых и авторитетных учебных заведений своего времени. В официальном списке коммерческих учебных заведений Министерства финансов за 1901 г. среди 14 училищ и 109 торговых школ, торговых классов и курсов, подчиненных Министерству, Александровское коммерческое училище занимало третье место³. В нем учащиеся получали глубокое и одновременно универсальное образование. В издании, посвященном 25-летию учебного заведения, содержатся данные о дальнейшем трудоустройстве выпускников [7]. Многие из окончивших

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 40. Оп. 1. Д. 32. Режим доступа: <https://clck.ru/3Gtwje> (дата обращения: 25.12.2024).

его открыли собственное дело, устроились в торговые конторы и дома, вошли в советы директоров различных фирм, занимали важные должности в банках, среди руководства частными и казенными промышленными предприятиями, в органах государственного и муниципального управления, вели преподавательскую деятельность в средних и высших учебных заведениях.

Комплекс зданий, в котором находилось Александровское и Николаевское училища, а также две торговые школы, представлял не только историческую ценность, но и инфраструктурную. Все классные кабинеты были оборудованы по последнему слову науки и техники с учетом появившихся в тот период рекомендаций по научной организации труда. Помимо классных комнат, существовали химический и физический кабинеты, товароведческая лаборатория с коллекциями образцов (гербарий, минералы, сорта хлопка, шерсти, кожи и др.), учебная контора для практических занятий, учебные и вспомогательные помещения. Имелись большой читальный зал и богатая библиотека, фотографии которой сохранились до сегодняшнего дня. Оснащение и достижения училища были по достоинству оценены на международной арене. На Всемирной выставке в Париже в 1900 г., аналоге современных выставок «Экспо», экспонаты училища, характеризовавшие учебную базу, условия и процесс обучения, были удостоены медали. Часть артефактов и фотографий тех лет хранятся в распоряжении нынешнего Музея Государственного университета управления.

Александровское коммерческое училище всей своей деятельностью знаменовало новый этап в развитии коммерческого образования, которое уже с 1860-х гг. все больше определялось как управленческое. Его выпускники работали в ведущих фирмах и банках, занимали высокие управленческие должности в частных и государственных заведениях, поступали в университеты (при сдаче некоторых предметов, которые в нем не изучались, например, латинский язык), становились преподавателями. Учащиеся не только занимались в классах, кабинетах и лабораториях, оборудованных по последнему слову науки и техники того времени, но и посещали промышленные, торговые, финансовые, научные производства и учреждения, электростанции, обсерваторию. Особое место занимали творчество и знакомство с искусством: в училище был хор, театральная кружка, воспитанников посещали видные представители тогдашней научной и культурной интеллигенции.

Училище успешно проработало до октября 1917 г. Известный дом Куракиных и учебные заведения, в нем располагавшиеся, ожидали новой главы своей истории, и она наступила [7]. Училище, готовившее квалифицированные кадры для капиталистической экономики, не могло существовать по-старому в новой общественно-политической и экономической ситуации. После Октябрьской революции 1917 г. новая власть Советов приняла решение о создании собственных учреждений образования. Созданы учебные заведения практической направленности, получившие название «техникум». Фактическим преемником училища стал МПЭТ, организованный на базе Александровского и Николаевского коммерческих училищ и женской торговой школы имени императора Николая II. Большая часть преподавателей и сотрудников этих учебных заведений перешли на работу в новый техникум.

На письмо с призывом продолжить работу в созданном техникуме, опубликованном в газете «Известия» в номере от 20 июля 1918 г., откликнулись 53 преподавателя Александровского и 23 Николаевского коммерческих училищ, а также 21 преподаватель женской торговой школы. Студенты, поступавшие в училище при монархической России, продолжили обучение и получили уже советские дипломы. Вчерашние преподаватели Александровского училища и торговой школы – П.И. Шелков и А.Г. Архангельский стали первыми руководителями техникума. П.И. Шелков, один из организаторов советского высшего образования, видный специалист в области финансовых дисциплин, занимал пост руководителя вуза в 1918–1924 гг.

В отличие от обычных экономических институтов и техникумов заведения подобные МПЭТ первоначально назывались «промышленно-экономические практические». Этим подчеркивались их особенности, так как их выпускники готовились именно как «организаторы социалистического производства», то есть как универсальные специалисты, обладающие основами финансового, экономического, технического знания в области управления, а не как обычные техники и инженеры.

30 апреля 1919 г. в связи с успешной и высококвалифицированной работой МПЭТ был преобразован в вуз – МПЭПИ. В период проведения новой экономической политики бывшие сотрудники коммерческого училища оказались полезными в осуществлявшихся преобразованиях советской экономики с элементами товарно-денежных капиталистических отношений. В институт пришли многие специалисты из области популярной тогда научной организации труда, например, И.М. Бурдянский, автор

многих работ в области рационализации промышленных процессов, и Е.С. Каратыгин, известный еще до революции русский ученый-экономист.

В начале 1930-х гг. институт был переименован в Московский инженерно-экономический (далее – МИЭИ), сохранив за собой prerogative подготовки кадров организаторов производства. В скором времени, в 1932 г., ему было присвоено имя Серго Орджоникидзе, «железного наркома» тяжелой промышленности Советского Союза. Именно его наркомату был подведомственен институт, а инженерно-экономическое образование выделено как локомотив грядущей ускоренной индустриализации.

С этим названием институт встретил Великую Отечественную войну, внося большой вклад в общую победу как в тылу, так и на фронте. С этим же названием он вошел в период восстановления и развития народного хозяйства в послевоенные годы.

В 1950 г. МИЭИ возглавила О.В. Козлова, видный ученый, организатор науки и общественно-политический деятель. Под ее руководством в 1966 г. открылась первая кафедра теории управления, в 1969 г. выпущен первый учебник по управлению – «Научные основы управления производством». В нем сочетается весь накопленный опыт управления на предприятиях от начальных исполнителей и распорядителей, идеологов научной организации труда и до методик внедрения автоматизированных систем управления и электронных вычислительных машин для управления на предприятиях. Именно ей мы обязаны превращению МИЭИ в 1975 г. в первый чисто управленческий вуз страны – Московский институт управления (далее – МИУ). 19 декабря 1969 г. за заслуги в развитии науки и подготовки квалифицированных специалистов для народного хозяйства Президиум Верховного совета Союза Советских Социалистических Республик наградил Институт Орденом трудового красного знамени. Орденоносное вручение состоялось 5 января 1970 г. В конце 1980-х гг. МИУ был переименован в Государственную академию управления, а в 1998 г. академия была преобразована в Государственный университет управления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современную жизнь и деятельность Государственного университета управления невозможно представить без истории Александровского коммерческого училища, которое обеспечило ему крепкую историческую и профессиональную основу для его становления и развития, зародило славные традиции, провозглашенные А.В. Летниковым. При открытии училища он сказал: «...Школа, в особенности в наше время и в особенности специальная школа, должна быть несколько впереди жизни: она prepares не только деятелей по текущей установившейся практике, но и таких, которые могли бы эту практику упрощать и совершенствовать, а также класть почин делам нового рода...» [2, с. 6–7]. С этим пожеланием прошел свой путь и идет дальше Государственный университет управления.

В 2025 г. Государственному университету управления исполняется 145 лет. Александровское коммерческое училище – исторический предшественник университета, и мы хотели бы отдать дань этой исторической справедливости.

Список литературы

1. *Малинин А.Г. (ред.)* Положение о коммерческих учебных заведениях, подведомственных Министерству финансов. Варшава: Тип. Варшавского Учебного округа; 1900. 28 с.
2. *Александровское коммерческое училище.* Александровское коммерческое училище, основанное московским Биржевым обществом. Его учебные и воспитательные задачи. Записка, читанная директором училища при открытии классов 6-го октября 1885 года. М.; 1885. 39 с.
3. *Григорьев С.С.* Коммерческое образование в России и его нужды. Исторический очерк. тип. М-ва фин. (В. Киршбаума); 1898. 62 с.
4. *Костриков С.П.* Положение о коммерческих учебных заведениях 1896 г. Власть. 2009;7:52–55.
5. Двадцатипятилетие Александровского коммерческого училища, основанного Московским биржевым обществом. 1885–1910. М.; 1911. 355 с.
6. *Костриков С.П.* История управленческого образования в России. Часть первая. XVIII – начало XX в. М.: ГУУ; 2009. 161 с.
7. *Плюхова А.* Дом 21/4 на Старой Басманной. М.: Моя строка; 2020. 86 с.

References

1. *Malinin A.G. (ed.)* Regulations on commercial educational institutions subordinate to the Ministry of Finance. Warsaw: Warsaw Educational District Publ. House; 1900. 28 p. (In Russian).
2. *Alexander Commercial School*. Alexander Commercial School founded by the Moscow Stock Exchange Society. Educational and upbringing tasks. Note read by the school director at the classes opening on October 6, 1885. Moscow; 1885. 39 p. (In Russian).
3. *Grigoriev S.S.* Commercial education in Russia and its needs. Historical essay. Ministry of Finance (V. Kirshbaum) Publ. House; 1898. 62 p. (In Russian).
4. *Kostrikov S.P.* Provision on commercial educational institutions in 1896. *Vlast*. 2009;7:52–55. (In Russian).
5. Twenty-fifth anniversary of the Alexander commercial school founded by the Moscow Stock Exchange Society. 1885–1910. Moscow; 1911. 355 p. (In Russian).
6. *Kostrikov S.P.* History of managerial education in Russia. Part I. 18th century – the beginning of the 20th century. Moscow: State University of Management Publ. House; 2009. 161 p. (In Russian).
7. *Plokhova A.* Building 21/4, Staraya Basmannaya. Moscow: Moya stroka; 2020. 86 p. (In Russian).